

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЦЕНТР АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

3

А К В И Л О Н

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПЕТРОВА М.С., доктор исторических наук (отв. ред.)
КОНОВАЛОВА И.Г., доктор исторических наук
ПЕТРОВ В.В., доктор философских наук
РЕПИНА Л.П., член-корреспондент Академии наук
СЕРЁГИН А.В., кандидат филологических наук
СЕРЁГИНА А.Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А.В., кандидат исторических наук
ФОНКИЧ Б.Л., доктор исторических наук

И 73

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ. ВЫП. 3 / Отв. ред. М.С. Петрова — М.: Аквилон,
2016. — 336 с.**

Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам изучения истории идей в разные эпохи. На обширном тематическом материале (идеология и культура, идеи и понятия, текст и образ) авторы демонстрируют, как сосуществовали и влияли друг на друга самые разные традиции, как они усваивались, трансформировались и видоизменялись.

Для историков, историков философии, культурологов, социологов и литературоведов.

Научное издание

Эл № ФС77–54409
ISSN 2307–8189

**Intellektual'nye tradicii v prošlom i nastoâšem, vypusk 3
Otvetstvnyj redaktor Maya S. PETROVA**

© М.С. ПЕТРОВА, общая редакция, составление, 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Аквилон», 2016

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

К 2400-ЛЕТИЮ АРИСТОТЕЛЯ

М.В. ЕГОРочкин	
Античные биографии Аристотеля.....	5
<i>Vita Aristotelis Marciana</i> , перевод с древнегреческого и примечания М.В. ЕГОРочкина.....	32
М.С. ПЕТРОВА	
Прояснение смысла и содержания фрагмента <i>Об опьянении</i> , приписываемого Аристотелю, посредством <i>Сатурналий</i> Макробия.....	43
Н.П. ВОЛКОВА	
Ум и умопостижимое как предмет науки о душе у Аристотеля	59

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Е.В. АФОНАСИН, А.С. АФОНАСИНА	
Праксагор и его школа.....	80
И.В. ПРОЛЫГИНА	
Гален о признаках и причинах болезни и здоровья (Предисловие к переводу).....	102
ГАЛЕН, <i>Медицинское искусство</i> (XIX – XXXVII), перевод с древнегреческого, примечания И.В. ПРОЛЫГИНОЙ.....	108

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ

Д.С. БИРЮКОВ	
Еще раз о логике арианства: проблематика причастности и неоплатонизм в учении Ария.....	154
А.Ю. СЕРЕГИНА	
Неостоицизм / тацитизм и католическая полемика в Англии начала XVII века: Томас Фицгерберт и его <i>Трактат о</i> <i>политике и религии</i> (1606–1610).....	175

ТОМАС ФИЦГЕРБЕРТ, <i>Трактат о политике и религии</i> (Посвящение; Глава 33), перевод с английского и примечания А.Ю. СЕРЕГИНОЙ.....	198
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ	
И.Г. КОНОВАЛОВА Север Евразии в средневековой арабской географии.....	217
М.М. ГОРЕЛОВ Средневековые традиции и современность: геральдика в Британском обществе и историографии XX века.....	236
ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ	
О.В. ДМИТРИЕВА <i>Падение Сеяна</i> Бена Джонсона и «тацитизм» в Англии конца XVI – начала XVII века.....	256
В.В. ПЕТРОВ Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого.....	287
CONTENTS.....	332

М.В. ЕГОРочкин

АНТИЧНЫЕ БИОГРАФИИ АРИСТОТЕЛЯ*

Наше знание о жизни и сочинениях Аристотеля многим обязано древним биографиям философа. Одной из таких биографий является *Vita Marciana*. Связанная со школой Александрийских неоплатоников V–VI вв., она дошла до нас в одной единственной рукописи. Перевод этой биографии составляет центральную часть работы. Кроме него работа содержит предисловие, где дается краткий обзор античной биографической традиции о Стагирите и посвященной ей научной литературы. Особое внимание уделяется тем изменениям, которые произошли в этой области за последние полтора столетия. В заключение приводится справка о рукописи и изданиях *Vita Marciana*. Примечания к переводу, в свою очередь, призваны прояснить наиболее трудные места биографии.

Ключевые слова: античная биография, биографическая традиция об Аристотеле, Птолемей ал-Гариб, Александрийский неоплатонизм, *Vita Marciana*.

Если под античной биографической традицией об Аристотеле понимать не всю совокупность свидетельств¹, но только ряд самостоятельных жизнеописаний, то придется признать, что традиция эта — в том виде, в котором она до нас дошла — не так уж и велика. Для простоты, пусть и с большой долей условности, ее можно разделить на две ветви. Первая будет связана с именем Диогена Лаэртия и тем кругом вероятных источников, к которым восходит его биография Аристотеля; вторая — с именем Птолемея, получившего арабское прозвание ал-Гариб². В частности, к «Птолемеевой ветви»

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 15–18–30005. — Я выражаю сердечную благодарность С.В. Месяц, М.С. Петровой, А.А. Россиусу и Б.Л. Фонкичу, своевременная помощь и участливые советы которых позволили мне завершить начатое.

¹ Столь широкое понимание предполагает собрание Дюринга, уже более полувека являющееся основным для всех исследователей — см.: DÜRING (1957), p. 7–8.

² Разделение такого рода, еще во времена Дюринга считавшееся правдоподобным (ср. CHROUST [1964], p. 50–69), ныне следует признать

относится анонимное сочинение, известное как *Vita Marciana*. Несколько слов об этом жизнеописании и его перевод ждут читателя ниже. Сперва же следует рассказать о нашей биографической традиции в целом, и начать этот рассказ лучше всего с Диогена.

Биография, которой Диоген Лаэртий (ок. 200 г.) открывает пятую, «перипатетическую» книгу своего труда, является, пожалуй, наиболее значимой среди греческих и латинских *vita* Stagiritae — во всяком случае, с источниковедческой точки зрения. И тому есть ряд причин.

Прежде всего, биография Диогена — единственный античный памятник, донесший до нас завещание Аристотеля (D.L. V, 11–16). Существует также средневековая арабская версия этого завещания, весьма близкая, а в чем-то даже превосходящая греческую³. Но, во-первых, она «моложе» последней и, во-вторых, имеет иную, не до конца проясненную генеалогию. В силу этого арабское завещание второстепенно: не окажись у нас греческого оригинала, оно само по себе не обладало бы той степенью надежности, которая предъявляется к источникам такого рода. Учитывая же роль, какую *Aristotelis testamentum* играет в разысканиях о жизни философа, можно только согласиться с Дюрингом, причислившим его — а с ним и биографию Диогена — к самым драгоценным документам древности⁴.

Наряду с завещанием Диоген приводит и чрезвычайно важный список аристотелевских сочинений (D.L. V, 22–27). Кроме него сохранились лишь перечень Гесихия⁵ и перечень Птолемея (подробнее о нем будет сказано ниже).

верным лишь отчасти. Однако оно остается небесполезным для общего введения в тему.

³ Все известные фрагменты аристотелевского завещания, включая латинский перевод арабских источников, собраны в издании PLEZIA (1977), р. 35–42. Сравнение греческой и арабской версий: CHROUST (1973), р. 183–220.

⁴ DÜRING (1957), р. 476.

⁵ Речь идет о Гесихии Милетском, авторе VI в., и его биографии Аристотеля — *Vita Hesychii*, также называемой *Vita Menagiana* по имени первого издателя Жюль Менажа (1692 г.). Первоначально эта биография была частью обширного сочинения Гесихия Ὀνοματολόγος ἢ Πίναξ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστῶν. При этом сама *Vita Hesychii* невелика: она содержит краткую справку о жизни Аристотеля (1–9) и перечень его сочинений, где перечисляется 197 заглавий (10). Очевидные сходства между первой частью этого списка и списком Диогена заставляют исследователей думать, что оба биографа пользовались одним общим источником. Подробнее о Гесихии: DORANDI (2000), р. 678–680; более поздняя работа KALDELLIS (2005), р. 381–403 не отражает современного состояния проблемы.

Завещание Аристотеля и список его сочинений без сомнения делают Диогена нашим лучшим биографическим источником. И то, что вопрос de Laertii Diogenis vitae Aristotelis fontibus до поры сводился к выяснению, кому именно он ими обязан — лишнее тому доказательство.

На правах первой догадки естественно допустить, что за списком Диогена стояли Πίνακες Андроника Родосского (2-я пол. I в. до н. э.) — обширные каталоги книг и писем Аристотеля и Теофраста, которыми Андроник снабдил свое издание их сочинений⁶. Так некогда полагали Розе, Дильс и Герке⁷. Если к этому прибавить, что труд Андроника включал также завещания двух первых перипатетиков, то можно было бы ожидать, что он и послужил основным источником для Диогена. Но взгляд Розе и его последователей не нашел поддержки. На проверку оказалось, что списку D.L. V, 22–27 присущи куда более ранние черты, нежели это допускает Андроников «пинакс», и их сопоставление требует не только известной находчивости, но и осторожности.

Но коль скоро список Диогена не связан с каталогом Андроника, к чему же тогда он восходит? Разумно предположить, что это некий александрийский библиотечный указатель — например, обширные Πίνακες Каллимаха⁸. Или еще вернее — список Гермиппа Смирнского (2-ая пол. III в. до н.э.), его близкого ученика и помощника, написавшего специальный биографический труд *Об Аристотеле*. Сей труд, насколько можно судить, состоял как минимум из двух книг, от которых, однако, до нас дошли лишь несколько беглых фрагментов и свидетельств, не содержащих и намека на список (FGrHist 1026 F 28–33). Тем не менее, еще Целлер видел в Гермиппе источник, откуда Диоген почерпнул свой перечень аристотелевских сочинений; его уверенность разделяли Йегер и Росс, а вместе с ними и многие другие исследователи Аристотеля⁹.

Первым серьезным вызовом для сторонников этой гипотезы стала вышедшая в 1951 г. книга Поля Моро *Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote*, на страницах которой автор высказывает новое и очень смелое предположение: источник Диогенова списка следует искать отнюдь не в Александрийской библиотеке, но в самом Ли-

---

⁶ Соответствующие фрагменты Андроника: LITIG (1890), *passim*. О судьбе Аристотелевой библиотеки в целом: РАБИНОВИЧ (2007), с. 153–158.

⁷ ROSE (1854), p. 38–39; DIELS (1888), S. 484; GERCKE (1894), Sp. 2165.

⁸ См. PFEIFFER (1968), p. 127 ff.; ЗАВЬЯЛОВА (2009), с. 108–111.

⁹ ZELLER (1879), S. 50–53; JAEGER (1923), S. 239; ROSS (1949), p. 7, n. 3.

кее, и источником этим мог быть никто иной как Аристон Кеосский, преемник Ликона из Троады и пятый схолярх Перипата, живший в одно время с Гермиппом.

К этому выводу Моро подтолкнули следующие соображения (здесь они существенно упрощены)¹⁰. Во-первых, если бы список Диогена и впрямь опирался на Гермиппа, то и составлен он был бы по методу Каллимаха, то есть по алфавиту. Примером такого «алфаветикона» является перечень книг Феофраста (D.L. V, 42–50). Сравнение же двух списков сочинений — Феофраста и Аристотеля — ясно показывает, что *index Aristotelis librorum* — это список биографический, характеризующий философа из Стагир, а не библиографический, созданный исключительно для библиотечных нужд. Во-вторых, само расположение книг у Диогена обнаруживает близкое знакомство с аристотелевской философией, а также с ее внутренним членением на разделы и дисциплины. В-третьих, в списке перечисляется множество диалогов и риторических сочинений, тогда как естественнонаучные трактаты представлены весьма скудно. Такой подбор книг, полагает Моро, отражает интересы позднего Ликея, и, напротив, совершенно не соответствует состоянию Александрийской библиотеки. Из всего этого следует, что Гермипп не мог быть источником Диогена, как не мог им быть и Андроник (по причине, указанной выше), и что вероятнее всего — это перипатетик, которому еще были доступны сочинения Аристотеля.

Далее Моро обращает внимание на то, что, цитируя завещание Стратона Лампсакского, Диоген ссылается на некий «сборник Аристона Кеосского» (D.L. V, 64). По предположению ученого, речь идет о сборнике последних распоряжений, сделанных схолярхами Перипата. И у этого предположения есть свои резоны. Примечателен уже тот факт, что в сочинении Диогена приводятся целых четыре *testamenta Peripateticorum* — Аристотеля, Феофраста, Стратона и Ликона (D.L. V, 11–16, 51–57, 61–64, 69–74). К этому нужно добавить важный юридический статус этих завещаний, ибо в них, помимо прочего, говорится о преемстве и наследовании школы, — по меньшей мере, начиная с завещания Феофраста. Иными словами, как раз эти документы при необходимости могли подтвердить статус очередного преемника, а также его право распоряжаться школьным имуществом. Разумеется, все четыре завещания, да к тому же собранные вместе, должны были находиться в распоряжении пятого схоларха!

Другой вопрос, каким образом этот сборник попал в руки биографа? На это Моро отвечает еще одной догадкой: скорее всего, он

---

¹⁰ MORAUX (1951), p. 237-247.

был частью специального сочинения Аристана, посвященного истории перипатетической школы. Такой труд вполне мог содержать множество самых различных материалов, включая личную и официальную документацию, а также — список сочинений и биографию Аристотеля¹¹.

Нужно отдать должное искусности Моро и тем аргументам, которыми он подкрепляет эту догадку. Прежде всего, он подмечает, что свои *vitae Peripateticorum* Диоген хронологически завершает Ликоном из Троады, об Аристоне же упоминает разве что вскользь, да и то не слишком уверенно¹². Это обстоятельство ясно указывает на Аристанову историю Перипата, считает Моро, как на тот самый первоисточник, к которому обращались все последующие авторы за сведениями о «трудах и днях» первого схолаха. Подтверждение этому ученый находит опять-таки у Диогена.

Моро обращает внимание на параллелизм между D.L. V, 1–6, где Диоген вкратце описывает жизнь Аристотеля, и датами из *Хроники* Аполлодора, которые он приводит далее (D.L. V, 9–10 = FGrHist 244 F 38). Очевидно, что основные вехи Аристотелевой биографии и здесь и там совпадают. Это, казалось бы, естественное сходство, подсказанное самим ходом жизни, Моро рассматривает сквозь призму

---

¹¹ Заметим, что Верли, впервые издавший фрагменты Аристана в 1952 г., относит упомянутый сборник к сочинению с условным заглавием *Жизнеописания философов* (D.L. V, 64 = ARISTO, fr. 31 Wehrli). Издатель не исключает, что это сочинение могло содержать все четыре перипатетические завещания, но все же с должной осмотрительностью предпочитает говорить только о завещании Стратона. Главное его расхождение с Моро состоит в другом. Аристановы *Жизнеописания* Верли рассматривает не как школьную историю Перипата, но как книгу для широкой публики, охватывающую едва ли не всю историю философии (WEHRLI [1968A], S. 65–66; IDEM [1968B], Sp. 159). Именно ей он приписывает свидетельства о Гераклите и Эпикуре (D.L. IX, 5; IX, 11 et II, 22; X, 14 = fr. 28–30 et 32 Wehrli). Впрочем, современные издатели Аристана помещают эти свидетельства в раздел спорных (fr. 23–25 SFOD). Не исключено, что они принадлежат не перипатетику Аристану Кеосскому, а стоику Аристану Хиосскому: сходство их имен уже в древности стало причиной досадной путаницы.

¹² Помимо мест, указанных в предыдущей сноске, Аристон дважды назван в завещании Ликона: в качестве вероятного преемника и как один из свидетелей его последних распоряжений (D.L. V, 70 et 74 = fr. 5 SFOD). Ему же, по слову Диогена, Панэтий и Сосикрат приписывали сочинения Аристана Хиосского — с чем не был согласен Диоген, но согласны нынешние издатели (D.L. VII, 163 = fr. 9 Wehrli = fr. 8 SFOD). Наконец, в биографии стоика Аристана он упоминается среди одноименных авторов: Аристон-перипатетик из Иулиды, столицы о. Кеос (D.L. VII, 164 = fr. 1 SFOD). Подробнее об этом: НАНМ (2006), p. 184–191.

Quellenforschung. С этой точки зрения оно может объясняться двояко: либо Диоген при составлении V, 1–6 опирался на *Хронику* Аполлодора, либо они оба пользовались одним и тем же сочинением¹³. Стоит ли говорить, какую из этих возможностей исследователь предпочел, и какой вывод он из этого сделал?

Гипотезе Моро нельзя отказать в стройности и красоте, и все же в глазах исторической науки у нее есть один решительный недостаток: она слишком умозрительна. По существу, единственным фактом, лежащим в основании этой гипотезы, является ссылка Диогена на некий «сборник Аристана Кеосского».

Как бы то ни было, вызов Моро принимает Дюринг. Его ответная статья выходит в 1956 г. в журнале *Classica et Mediaevalia*. Приведенные несколькими абзацами выше доводы Моро в пользу перипатетической генеалогии Диогенова списка (V, 22–27) Дюринг парирует следующим образом¹⁴. Во-первых, он замечает, что александрийские каталоги могли быть организованы по-разному, а не только по алфавиту. В особенности это касается трактатов Аристотеля, поскольку не все они имели фиксированное авторское заглавие. К тому же речь идет о III в. до н.э., когда библиотека в Александрии только формировалась, и принципы библиотечного дела окончательно не сложились. И напротив, тот факт, что Диоген после списка сочинений Аристотеля указывает общее число строк (V, 27), как и после списка книг Феофраста (V, 50), то есть приводит данные стихометрии — метода александрийских филологов, не оставляет сомнений относительно его происхождения¹⁵. Во-вторых, Дюринг не соглашается с утверждением, что список Диогена свидетельствует о близком знакомстве с философией Аристотеля, отражая ее внутреннее деление. Это не так. Но столь же неверной следует признать и другую крайность: будто он полностью лишен порядка¹⁶. В этом списке Дюринг выделяет следующие группы: 1–19 популярные сочинения; 20–24 конспекты и выписки; 25–73 логические и диалектические трактаты; 74–76 политические, 77–89 риторические, 90–110 естественнонаучные и 111–116 математические

¹³ MORAUX (1955), p. 147-149.

¹⁴ DÜRING (1956), p. 13-17.

¹⁵ Ср. SOLLENBERGER (1992), p. 2854, согласно которому, у Диогена перипатетические списки сочинений представляют три разные типа: 1) систематический — списки Аристотеля и Стратона; 2) алфавитный — Феофраста; и 3) тематический — Деметрия Фалерского и Гераклида Понтийского. При этом все три — александрийские, хотя и восходят к разным источникам.

¹⁶ К такой точке зрения в свое время склонялся Ричард Шут: SHUTE (1888), p. 89-90.

сочинения; 117–127 «вопросы» и «затруднения», к числу которых мог также относиться пункт 128 — *Разрозненные заметки* в 12 книгах (хотя исследователь не исключает, что этот пункт первоначально служил всего лишь общим заглавием для следующего раздела); 129–144 различные сборники; и, наконец, 145–147 письма и поэтические произведения. В-третьих, указание Моро на интересы поздних перипатетиков представляется Дюрингу не иначе как кругом в доказательстве, и кроме этого — субъективным.

Цель Дюринга проста: показать несостоятельность соображений Моро и тем самым опровергнуть его гипотезу. Прост и вывод: коль скоро у нас нет оснований полагать, что Аристон в действительности составил список аристотелевских сочинений, следовательно, его автором мог быть только Гермипп Смирнский. Именно его список, включенный в труд *Об Аристотеле*, цитирует Диоген. Более того, отсюда же он заимствует и завещание — то, что оно было известно александрийскому библиотекарю, подтверждает Афиней (XIII, 589c = FGtHist 1026 F 28). Впрочем, отдавая дань заслугам Моро, Дюринг не исключает, что завещанием, а быть может и некоторыми биографическими анекдотами, сам Гермипп в конечном итоге обязан Аристону.

В заключение Дюринг выдвигает свой знаменитый тезис: «Большая часть того, что мы читаем в Диогеновой биографии Аристотеля, происходит из Гермиппа»¹⁷.

В самом деле, разве сама эта биография не начинается с соответствующей цитаты:

Аристотель, сын Никомаха и Фестиды, из Стагира. Никомах этот был потомок Никомаха, сына Махаона и внука Асклепия (так пишет Гермипп в книге *Об Аристотеле*)¹⁸.

Из этой же книги Диоген заимствует и историю об участии Стагирита в афинском посольстве к Филиппу, по возвращении из которого он основывает свою собственную школу (FGtHist 1026 F 33 = D.L. V, 2).

Казалось бы, одно наличие такого рода пассажей уже свидетельствует в пользу того, что сочинение *Об Аристотеле*, будучи первой биографией философа, оказало сильнейшее воздействие на всю последующую традицию, и прежде всего на Диогена. Однако сам Диоген, — и в этом состоит основная трудность для Дюринга, — кроме двух указанных мест нигде более имени Гермиппа не упоминает.

¹⁷ DÜRING (1956), p. 18.

¹⁸ FGtHist 1026 F 32 = D.L. V, 1, пер. М.Л. ГАСПАРОВА.

Вынужденный отстаивать свой тезис, Дюринг выдвигает ряд предположений. Так, например, он не исключает, что завешание Аристотеля было известно Диогену не прямо от Гермиппа, а через посредство Фаворина из Арелаты, ратора и софиста 1-ой пол. II в. н. э.¹⁹ (Косвенным подтверждением этому служит D.L. V, 41, где Гермиппов труд *О Теофрасте* цитируется как раз по Фаворину — fr. 53 Mensching = FGrHist 1026 F 36).

Сказанное, впрочем, не означает, что все сведения Фаворина об Аристотеле непременно восходят к Гермиппу. Дюринг, в частности, обращает внимание на пассаж D.L. V, 5, в котором рассказывается о причине, вынудившей Стагирита бежать из Афин в Халкиду. Виной тому стало обвинение Евримедонта, связанное с гимном и эпиграммой Гермия, сочиненными Аристотелем в его честь (V, 6–8). При этом Диоген не называет своего источника, но зато замечает, что Фаворин считает обвинителем Демофила (fr. 36 Mensching). Это расхождение, по мнению Дюринга, указывает на то, что Диоген сопоставляет здесь версию Фаворина с версией того же Гермиппа. Сию догадку отчасти подтверждают фрагменты *In Demosthenem* александрийского грамматика Дидима (6, 36 sqq.), где злосчастная эпиграмма, как предполагает ученый, также цитировалась по сочинению *Об Аристотеле*²⁰. В общем, подобного рода соображения и позволили Дюрингу говорить о Гермиппе как об основном источнике Диогена²¹.

Хотя история вопроса de Laertii Diogenis vitae Aristotelis fontibus не составляет специальной задачи этого предисловия и было бы разумно ограничиться сказанным²², все же для полноты картины нелишне сделать еще нескольких замечаний.

Легко заметить, что при всех существенных расхождениях между Моро и Дюрингом их сближает общее стремление: и тот, и другой пытаются установить один «основной источник». Будучи характерной для классической филологии конца XIX – начала XX в., эта установка особенно сказалась в разысканиях о Диогене Лаэртии. Чего стоит хотя бы известное заключение Ницше: “Laertius est Dioclis ἐπιτομή!”²³.

¹⁹ DÜRING (1957), p. 61, 470.

²⁰ IBID., p. 59, 272ff.

²¹ Ср. GIGON (1958), p. 147-193; CHROUST (1973), p. 2-8, 25-53.

²² Дальнейшее обсуждение: GOTTSCHALK (1972), p. 314-342; MEJER (1978), p. 54, n. 121; MORAUX (1986), p. 248-252; SOLLENBERGER (1992), p. 2860-1861; GIGANTE (1996), p. 17-23; BOLLANSÉE (1999A), p. 52-69; BOLLANSÉE (1999B), p. 298-330; НАИМ (2006), p. 186-191.

²³ NIETZSCHE (1869), S. 201.

По существу, схожую ошибку совершает и Дюринг, на что справедливо указал еще Йорген Мейер. Главный аргумент Мейера таков: за вычетом двух прямых ссылок на Гермиппа, Диоген либо называет своим источником другого автора, либо не называет его совсем, и у нас нет никаких оснований возводить «безымянный пассаж» непременно к александрийскому биографу Аристотеля²⁴.

Прекрасный разбор некоторых таких «безымянных» случаев был недавно представлен Яном Боллансе. Так, его наблюдения показали, что догадка о заимствовании Диогеном эпиграммы Гермиппа из сочинения Гермиппа не подтверждается параллельным свидетельством Афиная (XV, 696a – 697b ≈ FGrHist 1026 F 30)²⁵. Если же ко всему этому прибавить, что завещанием Аристотеля наш биограф обязан Фаворину, — а то и вовсе Аристону, — то ничего другого не остается как поддержать вердикт Боллансе: гипотеза о Гермиппе как основном источнике Диогена ныне “может быть надежно погребена”²⁶.

Завершая обзор первой, «Диогеновой ветви», остается отметить, что ее авторам — Диогену, Гермиппу, а, возможно, и Аристону — была присуща общая черта: известная «неразборчивость» в отношении источников. Та же *Diogenis vita Aristotelis*, по сути, представляет собой «собрание пестрых глав», разнородные материалы к биографии, куда на равных правах вошли не только достоверные свидетельства и документы, но и анекдоты, и заведомая клевета.

* * *

Вторая, «Птолемея ветвь» биографической традиции об Аристотеле по своему характеру едва ли не во всем противоположна первой. Три позднеантичные (две греческие и одна латинская), две сирийские и несколько средневековых арабских жизнеописаний — все они предстают пред нами как апология и похвала Стагириту. До поры считалось, что эти биографии всецело зависят от Птолемея, о котором кроме прозвания al-Ḥaṭīb — араб. «чужестранец» или «неизвестный», и впрямь ничего известно не было. Причем *Ptolemaei vita Aristotelis* также считалась утраченной. Исследователи судили о ней лишь по упоминаниям у восточных энциклопедистов (использовавших к тому же перевод биографии на арабский, а не ее греческий оригинал), да по чертам, предположительно общим для всей ветви.

²⁴ MEJER (1978), p. 33-34.

²⁵ BOLLANSÉE (1999A), p. 67-68.

²⁶ IBID., p. 69.

В 1888 г. Вильгельм фон Крист выдвинул гипотезу о том, что Птолемей ал-Гариб есть никто иной как Птолемей Хенн, сын Гефестиона Александрийского, живший приблизительно в I в. н.э.²⁷. Суда говорит о Птолемее Хенне как об авторе *Необыкновенной истории* в семи книгах (до нас она дошла в пересказе Фотия и известна под заглавием *Новая история*), романа *Сфинкс*, эпической поэмы с шутивно-полюемическим названием *Противогомер* в двадцати четырех песнях, а также “некоторых других сочинений” (Suda, s.v. Πτολεμαῖος, Π 3037). Среди этих последних, судя по всему, Крист и разумел биографию Аристотеля.

Криста поддержал его ученик Фридрих Литтих²⁸. Окончательно же гипотеза о тождестве Птолемея ал-Гариба и Птолемея Хенна оформляется в греко-арабских изысканиях Юлиуса Липперта, который, по его собственному признанию, пришел к ней независимо от них²⁹.

Как и Крист, Липперт исходит из того, что прозвище al-Ġarīb было дано Птолемею не арабскими авторами, но является переводом с греческого: за ним легко угадывается ξένος. Решающим же здесь стало кажущееся сходство между Χέννος и ξένος. Липперт допускает, что причина, по которой первое могло быть ошибочно принято за второе, скрывается в маюскулах Χ и Ξ — их легко перепутать при чтении. Не исключает он и другой возможности: арабский переводчик Птолемея прочитал ΧΕΝΝΟΣ верно, но не понял его значения (ср. χέννιον — «перепел»), и решив, что оно является диалектной или варварской формой слова ΞΕΝΟΣ, перевел его как al-Ġarīb. Наконец, в пользу того, что *Новая история* и *Ptolemaei vita Aristotelis* были написаны одним и тем же Птолемеем косвенно свидетельствует адресация биографии. Согласно арабским источникам (*VA I*, 19; *VA III*, 1; *VA IV B*), она адресована некоему Галлу, чье имя определенно указывает на аристократические семьи Рима, где Птолемей Хенн несомненно бывал³⁰.

Гипотезу Криста воспринял также Антон Баумштарк, исследователь сиро-арабской биографической традиции³¹. Исходя из этой гипотезы, он строит свою стемму восточных жизнеописаний Аристотеля, на «вершине» которой располагает сочинение Птолемея Хенна. При этом Баумштарк выдвигает еще на одно предположе-

²⁷ CHRIST-SCHMID (1912), S. 723.

²⁸ LITTIG (1890), S. 19.

²⁹ LIPPERT (1894), S. 23, n. 4.

³⁰ IBID., S. 23-24.

³¹ BAUMSTARK (1900), S. 13.

ние: арабский перевод Птолемеевой биографии был сделан не с греческого, а с сирийского³².

Итоговую черту под всеми этими разысканиями подводит книга Антона Хатциса *Der Philosoph und Grammatiker Ptolemaios Chennos* (1914 г.), где ученый собирает все возможные свидетельства об авторе. Как видно уже по заглавию, Птолемей Хенн изображается в этой книге не просто «грамматиком», каким его считает Суда (s.v. Πτολεμαῖος, П 3037), или «мифографом», как его называет Фотий (*Bibl.*, cod. 190, 151b, 10)³³, но человеком недюжинной эрудиции, равно не чуждым ученой словесности, науки и даже философии (издатель приписывает ему два философских сочинения — Περὶ ψυχῆς и Περὶ φιλοσοφίας)³⁴. Впрочем, такая разносторонность была свойственна писателям той эпохи, а потому книга Хатциса не вызывает возражений. Напротив, она обеспечивает догадку Криста–Липперта недостающими «вещественными доказательствами», придав ей тем самым необходимую убедительность. В результате гипотеза о тождестве Птолемея ал-Гариба и Птолемея Хенна входит в авторитетное руководство Юбервега–Прехтера³⁵, так что и в 1957 г. Альбрехт Диле характеризует ее как *communis opinio* своего времени³⁶.

Но, как часто случается, чем шире простирается гипотеза в своем стремлении охватить множество разрозненных фактов, тем более очевидной становится условность ее допущений. Желание воссоздать интеллектуальный портрет Птолемея Хенна во всей доступной полноте невольно обнаружило шаткость тех предпосылок, на которых держалась догадка Криста. Отождествление биографа Птолемея ал-Гариба с грамматиком и мифографом Птолемеем Хенном подспудно подразумевало и его тождество с философом Птолемеем³⁷. Таковых известно по меньшей мере двое: платоник и перипатетик. Первого упоминают Ямвлих и Прокл (*Iamb.*, *De anima* 26 Finamore–Dillon; *Procl.*, *In. Tim.* I, 20), второго — Секст Эмпирик и Лонгин (*Sext.*, *AM I*, 60–61; *Longin.* ap. *Porph.*, *Vita Plotini* 20).

³² *IBID.*, S. 36.

³³ Причем, согласно Д.О. Торшилову, ὁ μυθογράφος здесь надлежит понимать не иначе как ‘выдумывающий лживые и несуразные басни’ (Торшилов [1999], с. 16, 19).

³⁴ CHATZIS (1914), S. I–XXX.

³⁵ UEBERWEG–PRAECHTER (1920), S. 573–574.

³⁶ DILLE (1957), S. 320–321.

³⁷ Πτολεμαῖος ὁ φιλόσοφος упоминается у Элия (*In Cat.* 107, 13 CAG XVIII, 1), во всяком случае, если следовать эмендации Розе: в рукописях соответственно Πτολεμαῖος ὁ φιλάδελφος.

Здесь следует напомнить, что на Птолемея-платоника как на вероятного биографа Аристотеля задолго до Христа — еще в 1854 году — указывал Розе, впрочем, допускавший, что платоником и перипатетиком в то время могли назвать одного и того же человека: “*Nihil enim hoc tempore valent Platoniorum et Peripateticorum discrimina*”. При этом Розе не исключал, что Секст и Лонгин говорят о двух совершенно разных перипатетиках³⁸. Причину этого следует искать в следующих словах Лонгина:

Перипатетики Аммоний и Птолемей, образованнейшие люди своего времени <...>, не писавшие, однако, никаких учебных сочинений, а только стихи да похвальные речи, да и те, мне кажется, дошли до нас лишь вопреки их желанию, потому что вряд ли они хотели прославиться в потомстве такими сочинениями, когда не пожелали сохранить свои мысли в книгах более значительных и важных³⁹.

Спустя почти сорок лет на Розе сочувственно ссылался Адольф Буссе. Тонкий знаток позднего платонизма, он был уверен в правоте своего предшественника⁴⁰. Однако тогда, в период растущего увлечения Птолемеем Хенном, статья Буссе не возымела должного воздействия на умы современников, и все указания Розе, за вычетом свидетельства Лонгина, вступавшего в явное противоречие с образом александрийского эрудита, были отнесены на счет последнего⁴¹.

По достоинству идея Розе оценивается только во второй половине XX в., когда к ней одновременно обращаются Диле и Дюринг. Диле приводит веские аргументы против гипотезы Криста-Липперта. Их суть такова: у нас нет ни единого свидетельства, где бы мифограф Птолемей Хенн упоминался в связи с философией, как нет и ни единого упоминания о философе Птолемее, которое свидетельствовало бы о его литературных занятиях⁴². При этом Диле решительно отделяет биографа Птолемея-платоника от Птолемея-перипатетика⁴³.

Дюринг, со своей стороны, выдвигает ряд принципиально новых предположений о Птолемее. Во-первых, тот скорее всего принадлежал школе Порфирия и Ямвлиха, и его биография Аристотеля написана в 1-ой пол. IV-го в. Во-вторых, своим прозвищем *al-Garīb*

³⁸ ROSE (1854), p. 45.

³⁹ LONGIN. ap. Porph., *Vita Plotini* 20, пер. М. Л. ГАСПАРОВА.

⁴⁰ BUSSE (1893), S. 263.

⁴¹ CHATZIS (1914), S. XI-XVII et T. 9–10, 12–13.

⁴² DIHLE (1957), S. 321.

⁴³ DIHLE (1959A-C), Sp. 1859–1862.

Птолемей обязан стремлению арабского переводчика, отличить его таким образом от Клавдия Птолемея, автора *Альмагеста* (ср. *VA* I, 15–17; *VA* III, 1), а вовсе не тому недоразумению, о котором говорит Липперт. В-третьих, — на что следует обратить особое внимание, — почти все последующие биографии Аристотеля суть ἐπιτομαί, краткие изложения Птолемея⁴⁴.

В 1961 г. происходит поистине знаменательное событие. Мухсин Махди в предисловии к *Философии Аристотеля* ал-Фараби, изданной в Бейруте, сообщает о неожиданной находке: в манускрипте Аya Sofya 4833 обнаружена арабская версия Птолемеевой биографии (10^r–18^r)⁴⁵. *Труд Птолемея, содержащий завещание Аристотеля, список его сочинений и жизнеописание и посвященный Галлу* — так озаглавлена эта биография в стамбульской рукописи⁴⁶. Весть эта, однако, не скоро достигает европейских исследователей: первый отклик Дюринга появляется лишь десятилетие спустя; критическое же издание текста не подготовлено до сих пор⁴⁷.

Не совсем ясны причины столь затянувшейся работы над биографией, вероятно, самой важной из тех, что были написаны после Диогена. Быть может, виной тому стало разочарование, которое в своем отклике выказал Дюринг. Согласно его оценке, *Ptolemaei vita Arabica*, за вычетом введения, чуть ли не слово в слово повторяет уже известную на тот момент биографию Аристотеля, написанную Ибн Аби Усайбией, арабским автором XIII в.⁴⁸. Оставаясь верным своим прежним представлениям, Дюринг явно тяготеет к тому, что-

⁴⁴ DÜRING (1957), p. 210–211, 469–475 et passim.

⁴⁵ См. GOULET et al. (1989), p. 415.

⁴⁶ Заглавие полностью отражает содержание этой биографии, которая состоит из обращения к Галлу и введения (f. 10^v–11^r), описания жизни (f. 11^r–13^r), завещания (f. 13^r–14^v) и каталога сочинений Стагирита (f. 14^v–18^r).

⁴⁷ По словам Дюринга, издание новооткрытой стамбульской биографии Аристотеля собирался подготовить Бернхард Левин (DÜRING [1971], p. 269), — что было бы несомненной удачей. Но по какой-то причине тот отказался от этой затеи. В 1975 г. о намерении издать биографию заявили Мариан Плезя и Йозеф Белявски. Спустя два года Плезя опубликовал латинский перевод некоторых ее пассажей: PLEZIA (1977), p. 9, 13, 19, 24, 35. Однако и в 1983 г., как сообщает Димитрий Гутас (GUTAS [1986], p. 36, n. 58), работа над текстом продолжалась, и, судя по всему, так и не была окончена. Наконец, Христель Хайн в приложении к своей диссертации помещает две части из стамбульской биографии — вступление и список аристотелевских сочинений (HEIN [1985], S. 416–439). На этом интерес к ней оказался исчерпан.

⁴⁸ DÜRING (1971), p. 269.

бы считать новонайденный текст всего лишь еще одним кратким изложением Птолемея, нежели его собственным сочинением. Единственное, к чему побуждает Дюринга стамбульская находка — это пересмотреть датировку Птолемеевой биографии, которую теперь он датирует сер. III в.

Кроме этого, Дюринг делает несколько замечаний относительно вводной части биографии. В ней Птолемей признается, что взялся за свой труд по просьбе Галла, желавшего иметь под рукой перечень аристотелевских сочинений, более краткий и ясный, чем у Андроника. И хотя, по заверению Птолемея, свой список он составил, не прибегая к Андроникову «пинаксу», Дюринг уверен, что это не так, и автор лукавит: перечнем книг и завещанием Аристотеля Птолемей несомненно обязан Андронику. Материалы же для биографии он собирал не иначе как в Александрии⁴⁹.

Иной точки зрения придерживается польский филолог-классик Мариан Плезя, предложивший собственное решение «птолемеевского вопроса». По его убеждению, новооткрытый арабский текст в полной мере содержит биографию Птолемея. Обращая же внимание на явные расхождения между ней и тремя позднеантичными биографиями Стагирита, — имеются в виду *Vita Marciana*, *Vita vulgata* и *Vita Latina* (о них будет сказано в следующем разделе), — Плезя приходит к выводу, что те не являются, как думает Дюринг, всего лишь краткими изложениями Птолемея, но принадлежат совершенно иной традиции, в конечном итоге также восходящей к Андронику.

При этом Плезя уверен, что как сторонники Криста–Липперта, так и Розе равно не правы, и al-Ġaṭīb не может быть отождествлен ни с Птолемеем Хенном, ни с Птолемеем-платоником. На самом деле за арабским прозванием скрывается не известный по другим источникам преподаватель аристотелевской философии, который жил не ранее IV в., и которого правильнее было бы называть Ptolemaeus Pinacographus. Заказчиком же его сочинения был не кто иной, как Флавий Клавдий Констанций Галл, брат императора Юлиана, ставший после восстания Магненция цезарем Востока. Столь точная идентификация адресата позволяет ученому сделать еще одно предположение: *Ptolemaei vita Aristotelis* была составлена не в Александрии, а в Антиохии между 351 и 354 гг.⁵⁰

⁴⁹ ИВІД., р. 264-269.

⁵⁰ Работы Плези не были мне доступны — см.: PLEZIA (1975), р. 37-42; IDEM (1981), р. 481-493; IDEM (1985), S. 1-11; IDEM (1986), р. 383-385. Взгляды ученого излагаются по аннотации GOULET et al. (1989), р. 416.

Польского филолога-классика поддержал Димитрий Гутас, крупный специалист в области греко-арабских интеллектуальных связей, также весьма критически отнесшийся к дюринговской оценке стамбульской биографии Птолемея⁵¹.

* * *

Как уже говорилось, кроме Птолемея до нас дошли три позднеантичные биографии Стагирита: две греческие — *Vita Marciana* и *Vita vulgata* — и одна латинская — *Vita Latina*. Хотя все три анонимные, после работы Буссе *Die neuplatonische Lebensbeschreibung des Aristoteles* (1893 г.) не осталось сомнений, что все они связаны с Александрийским неоплатонизмом V–VI вв., основными представителями которого являются Аммоний, Симпликий, Олимпиодор, Элий и др.

Столь точное определение контекста не могло не побудить исследователей также и к установлению вероятной датировки, авторства и характера отношений между названными биографиями.

Тот же Буссе, отмечая содержательную и композиционную близость трех неоплатонических жизнеописаний, не преминул указать на явные расхождения между ними. Прежде всего, они касаются языка. По наблюдению ученого, если язык *IM* почти тот же, что и у «последних неоплатоников», то *IV*, несвободная от просторечной фразеологии, без сомнения, принадлежит уже византийской эпохе⁵². В подтверждение этого Буссе указывает на ее прямые переключки с анонимным ранневизантийским комментарием к *Введению* Порфирия, приписывая и то, и другое сочинение Псевдо-Элию. Допуская, что названный комментарий не мог быть написан намного позднее Элия и Давида, Буссе датирует оба текста сер. VI в. При этом он склонен усматривать зависимость между *IV* и более ранней *IM*, автор которой, по его убеждению, жил в одно время с Элием⁵³.

Дюринг, в свою очередь, соглашаясь с Буссе в главном, предлагает принципиально иное решение вопроса об авторстве и датировке. Согласно его догадке, неоплатонические биографии первоначально примыкали к школьному курсу лекций об Аристотеле⁵⁴;

⁵¹ GUTAS (1986), p. 17-18, 22-28.

⁵² BUSSE (1893), S. 255.

⁵³ *IBID.*, S. 259-262, 264-276.

⁵⁴ Об Александрийской школе в целом и специально о школьном *Введении в Аристотеля* прежде прочих см. WESTERINK (1962), p. x ff. Аналогичные изложения аристотелевской философии могли использоваться также и в латинской традиции: ПЕТРОВА (2015), с. 60-62.

саму же биографию ввел Аммоний. Нововведение это скоро прижилось и вошло в школьную программу. Далее процесс развивался по следующему сценарию: ученики записывали лекции ἀπὸ φωνῆς, с голоса учителя, когда же кто-то из них сам приступал к ведению занятий, то пользовался своим конспектом, всякий раз то убавляя, то прибавляя к биографии те или иные сведения. Так, раз за разом от поколения к поколению и сложились эти три vitae Aristotelis. Поэтому здесь просто нельзя, полагает Дюринг, говорить об авторе и датировке в привычном смысле. В лучшем случае можно указать приблизительный «период бытования» каждой из биографий: от поры, когда она уже была в ходу, до поры, когда приобрела свой окончательный, то есть известный нам вид.

В частности, при сопоставлении со школьными пролегоменами обнаруживается, что та же *VM* была известна уже во 2-ой пол. V в., однако, свою «итоговую форму» она приобретает только после Симпликия — примерно столетием позже⁵⁵. То же самое можно сказать и о *IV*. Дюринг не оспаривает Буссе: в ней действительно есть просторечия, да и расхождения с *IM*, которые не могут быть простой случайностью, очевидны. Но это вовсе не означает, что *IV* непременно принадлежит Псевдо-Элию. Вполне вероятно, уже ее «первый автор» был менее консервативен, нежели «авторы» двух прочих биографий, и это закрепилось в последующей традиции. Что же до *VL*, ряд ее индивидуальных черт, как то добавление из Симпликия (*In De caelo* 292b 10 = *VL* 52), сделанное в XIII в., только на первый взгляд делают эту биографию «моложе» *IM* и *IV*. В действительности, уверен Дюринг, греческий оригинал *VL* был самым ранним из всех трех неоплатонических жизнеописаний Аристотеля⁵⁶.

Кроме них до нас также дошли две сирийские биографии. Обе анонимны и весьма невелики: в издании Баумштарка они вместе занимают чуть более страницы⁵⁷. Интерес, прежде всего, представляет *Vita Syriaca prima*: она буквально начинается ссылкой на некие *Деяния* Аммония (*VS* I, 1), являвшиеся, если верить тексту, жизнеописанием Стагирита. С точки зрения Дюринга, сей факт свидетельствует о том, что неизвестный сириец посещал лекции неоплатоника, по которым и составил свой конспект, — а кроме того подтверждает, что биографию в школьный курс об Аристотеле

⁵⁵ Все наиболее важные параллельные места указаны в примечаниях к переводу.

⁵⁶ DÜRING (1957), p. 116-119, 137-139, 159-163, 444-456, 475.

⁵⁷ BAUMSTARK (1900), S. bēt-gāmal.

привнес именно Аммоний. При этом Дюрингу, как он сам признается, неизвестен ни один греческий, латинский или арабский текст, сопоставимый с *VS I*⁵⁸.

Тем примечательнее небольшая статья Дитера Райнша, где он убедительно доказывает, что *cod. Parisinus gr. 2020*, уже известный в связи с *IV*, на f. 3^v содержит греческий оригинал первой сирийской биографии. В оригинале нет отсылки к Аммонию, но в остальном они почти дословно совпадают⁵⁹. Какой-либо определенный вывод из этого открытия сделать не так-то и легко. Ясно одно: догадку Дюринга следует считать не единственно возможной.

Открытым остается вопрос и о сирийском переводе Птолемея. По сию пору так и не нашлось факта, способного окончательно подтвердить существование такового. И все же старая гипотеза Баумштарка о том, что арабский перевод Птолемеевой биографии был выполнен не с греческого, а с сирийского, — более того, что переводчиком был Исхак ибн Хунайн (ок. 830–910 / 911 гг.), сын знаменитого представителя сиро-арабского христианства, врача и переводчика Хунайна ибн Исхака, — и поныне считается правдоподобной⁶⁰. Это, в свою очередь, означает, что в арабский мир Птолемей попал вместе с сочинениями Аристотеля в IX в. при Аббасидах, во времена стремительно растущего «переводческого движения», центром которого стал Багдад, и которое многим обязано образованным сирийским христианам, одинаково не чуждым эллинской мудрости и арабской вязи⁶¹.

Вместе с арабским переводом Птолемея начинается новая, средневековая эпоха в развитии биографической традиции об Аристотеле. Впрочем, она всецело зависит от античных биографий. Так считал Дюринг, возводивший все арабские источники к Птолемею, так считает и Гутас, решительно выступая против столь чрезмерного упрощения. При этом Гутас насчитывает не четыре (*VA I–IV*), но целых семь арабских жизнеописаний⁶².

Первое включено в прославленный *Фихрист*, то есть *Перечень* или *Указатель* Ибн ан-Надима (ум. в 990 г.), который он завершил незадолго до своей смерти. При этом багдадский книжник не только ссылается на труд Птолемея (*VA I*, 3, 4, 10, 17, 19), но и дает ясно

⁵⁸ DÜRING (1957), p. 186.

⁵⁹ REINSCH (1982), S. 109-111.

⁶⁰ BAUMSTARK (1900), S. 35 ff; GUTAS (1986), p. 29.

⁶¹ GUTAS (1998), p. 133-150.

⁶² GUTAS (1986), p. 22-30.

понять, как было замечено Дюрингом, что его жизнеописание — лишь *ἔλτιομή* ал-Гариба (14)⁶³.

К этому же времени относятся еще два, прежде не учтенных, но крайне важных памятника, содержащих сведения о Стагирите. Первый: *Жизнеописания врачей и философов* (987 г.), принадлежащие Ибн Джулджулу. Согласно Гутасу, своим списком Аристотелевых сочинений Ибн Джулджул обязан вовсе не Птолемею, но неоплатоникам Александрии. Сведения же о жизни и учении греческого философа он заимствует из *Книги яблока* и *Тайны тайн* — трактатов, приписываемых на Востоке самому Аристотелю⁶⁴, а также из какого-то неизвестного источника. Второй памятник: *Сиван ал-хикма* — *Сокровищница мудрости*. Собранный неким эрудитом между 985 и 1030 гг., она содержит сведения, которые восходят, как полагает Гутас, к утраченной александрийской биографии, во многом близкой *IV*.

Искусную «смесь» из *Сокровищницы мудрости* и Птолемея являет собою пространное жизнеописание Аристотеля (*VA II*), вошедшее в книгу ал-Мубашшира *Избранные афоризмы и лучшие высказывания* (1048 / 1049 г.). Следом идет очерк о Стагирите Саида ал-Андалуси из его сочинения *Разряды народов* (1068 г.). При составлении этого сочинения автор опирался частью на ал-Масуди, частью на александрийцев, частью на самого Аристотеля.

Спустя два столетия биографическую справку об Аристотеле (*VA III*) приводит Ибн ал-Кифти в *Истории мудрецов* (1-ой пол. XIII в.). К сожалению, она известна лишь по *Избранным местам из 'Истории мудрецов'* аз-Завзани (1249 г.)⁶⁵. Судя же по этому конспекту, Ибн ал-Кифти главным образом пользовался *Фихристом* ан-Надима, не прибавляя к нему ничего нового.

Итогом арабских разысканий о жизни «Первого учителя» стало уже упоминавшееся выше жизнеописание Ибн Аби Усайбии (*VA IV*), включенное в *Источник сведений о биографиях врачей* (1268 г.). Причем, согласно Гутасу, Ибн Аби Усабийя отнюдь не ограничивается механическим переписыванием Птолемея, как думает Дюринг, но обобщает всю предшествующую ему литературу.

На этом перечень биографий, условно относимых к «Птолемеевой ветви», заканчивается. Разумеется, каждая из них не лишена

⁶³ DÜRING (1957), p. 191, 195. Подробнее о *Фихристе* и его авторе: ПОЛОСИН (1989).

⁶⁴ PETERS (1968), p. 65-66, 67-72.

⁶⁵ Подробнее об Ибн ал-Кифти и его сочинении: ДАДАБАЕВ (1985), с. 36-39.

своих достоинств, равно как и недостатков: Птолемей сохранился лишь в переводе; не известен оригинал и латинской биографии, каковому явно уступает *Vita vulgata*; сирийские жизнеописания слишком коротки; арабские же, сколь бы не было велико их значение, все-таки второстепенны. В каком-то смысле, *Vita Marciana* могла бы стать лучшим, точнее, самым представительным текстом всей ветви. Но судьба не была благосклонна к этой неоплатонической биографии Аристотеля: она дошла до нас, едва уцелев.

* * *

Vita Marciana известна по одной единственной рукописи — Marcianus gr. 257, хранящейся в Венеции в Библиотеке св. Марка. Рукопись эта состоит из 284 листов размером 280 × 175 мм и выполнена на бумаге. Согласно Мьони, f. 1–187 писаны рукой одного писца, и притом весьма старательно, прочие же листы — “multis manibus minus eleganter”⁶⁶.

Со времени обнаружения манускрипта было высказано несколько предположений о его датировке. Так, Теодор Вайтц в списке кодексов к своему Аристотелю *Органону* датировал Венецианскую рукопись XV в.⁶⁷ По молчанию Роббе, первого издателя *VM* (1861 г.), можно заключить, что он либо придерживался того же мнения, что и Вайтц, либо оставил этот вопрос без должного внимания (см. ниже). Как бы то ни было, Розе уже отнес кодекс к XIV в.⁶⁸, а Мьони и вообще — к рубежу XIII–XIV вв.⁶⁹ Однако приблизительная оценка итальянского палеографа невольно выдает присущую ему осторожность⁷⁰: тот же Дюринг, работавший с рукописью в одно с ним время, определенно склоняется в пользу более ранней датировки⁷¹. Наконец, Жигон уверено датирует кодекс концом XIII в.⁷²

В каталоге Андре Вартелля Marcianus gr. 257 указан под № 2143 и, судя по аннотации, в основном является собранием текстов, так или иначе связанных с Аристотелем и его сочинениями⁷³. В частности, открывает кодекс трактат Александра Афродисийского *О смешении и росте* (f. 2^r–11^v). Далее с f. 56^v следует комментарий

⁶⁶ MIONI (1958), p. 137.

⁶⁷ WAITZ (1844), p. 12.

⁶⁸ ROSE (1886), p. 426.

⁶⁹ MIONI (1958), loc. cit.

⁷⁰ Ср. ФОНКИЧ (2014), с. 33, 139–140, 155.

⁷¹ DÜRING (1957), p. 94.

⁷² GIGON (1962), S. 8.

⁷³ WARTELLE (1963), p. 160.

Дамаския на первую книгу *О небе*, за ним — анонимная схолия к первой книге *Первой аналитики* (f. 68^r sqq.) и комментарий Евстратия на первую книгу *Второй аналитики* (f. 87^r sqq.). Кроме этого в манускрипте есть небольшой «раздел» собственно Аристотелевских сочинений: он состоит из нескольких *Проблем* (f. 188^r–190^v), *Метеорологии* (f. 196^r–235^v) и *Разделений* (f. 251^r–254^r). Ближе к концу помещен анонимный комментарий на трактат *Об истолковании* (f. 256^r–277^v). Завершают же кодекс две биографии Аристотеля: *Vita Marciana* (f. 278^r–279^r) и *Vita vulgata* (f. 279^r–279^v). Как видно, интересующее нас жизнеописание невелико: оно занимает чуть больше одного рукописного листа.

К сожалению, сам манускрипт находится в очень плохом состоянии. Еще Вайтц сетовал на то, что иные его части с каждым днем разрушаются все больше. И виной тому не столько обычные порча и истлевание бумаги, сколько губительный состав чернил, буквально изъевших тетради кодекса. Как следствие, все вошедшие в него сочинения пестрят лакунами. Не избежала этого и *Vita Marciana*. Следуя фрагментации Дюринга, можно констатировать, что в относительной целостности до нас дошли фр. 1–5, 11–21 и 36–42; фр. 6–10 и 22–35 содержат существенные пропуски; фр. 43–50 испорчены настолько, что прочтению поддаются лишь два десятка разрозненных слов.

Это обстоятельство, впрочем, не остановило будущих издателей.

Судя по аннотации Вайтца, обе Венецианские биографии намеревался издать нидерландский филолог Карел Габриэль Кобет⁷⁴. Несмотря на то, что ко времени этого анонса Кобету исполнился только 31 год, он уже был весьма известен, а за свое пятилетнее пребывание в Италии (1840–1845 гг.) успел вдобавок стать “опытным и сведущим палеографом”⁷⁵. Тогда же, судя по всему, им и была обнаружена *Vita Marciana*, а также сделан ее черновой список. Кобету, однако, не довелось завершить начатое: по возвращении из Италии в Лейден его ждала стремительная и блистательная академическая карьера, полная великих свершений. Вспомним хотя бы его Диогена Лаэртия, вышедшего впервые у Дидо в 1850 г., из которого последующие издатели извлекли немало уроков. И все же Кобет не оставил надежды издать *VM* и в конце концов доверил работу над ней Леонарду Роббе.

Роббе, охотно взявшийся за порученное дело, не был, по видимому, готов к столь непростой задаче. В 1861 г. он представля-

⁷⁴ WAITZ (1844), p. 12.

⁷⁵ SANDYS (1908), p. 283.

ет диссертацию *pro gradu doctoratus*, которая тут же выходит в Лейдене отдельной книгой: *Vita Aristotelis ex codice Marciano Graece nunc primum edita* (Leiden, 1861). Но, увы, как явствует из вступительных замечаний, в основу этого издания легла отнюдь не рукопись из Библиотеки св. Марка, — ее Роббе даже не видел (отчего и замалчивает вопрос о датировке), — но список Кобета. Можно не сомневаться, что и при восполнении лакун *VM*, сделанном главным образом по латинской биографии, Роббе не преминул воспользоваться указаниями своего наставника⁷⁶.

В целом Лейденское издание было принято благожелательно. В 1882 г. его с незначительными дополнениями воспроизводит Иоганн Флах⁷⁷. И это при том, что еще в 1863 г. Розе в собрании *Aristoteles pseudepigraphus* опубликовал целый ряд пассажей из *VM* (fr. 22, 69, 597-599, 608 et 614 in comm.), редакция которых обнаруживала глубокие расхождения с редакцией Роббе. По свидетельству Розе, *Marcianus gr. 257* был изучен им в 1857 г., что не только позволило скептически отнестись к качеству Кобетова списка и последующей работе над ним, но и в 1886 г. заново издать Венецианскую биографию Аристотеля⁷⁸.

Издание Розе попросту невозможно переоценить. Не устарев и поныне, оно едва ли вообще подвластно времени. Розе застал манускрипт в лучшем состоянии, нежели последующие исследователи: *Marcianus gr. 257* продолжал разрушаться вплоть до середины XX в., — то есть еще столетие после Кобета и Вайтца, — когда был реставрирован в лаборатории Гроттафферраты.

Именно издание Розе по праву может быть названо *editio prima*. На него опирается Дюринг, включивший *VM* в свое собрание *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition* (1957 г.). На него же опирается и Жигон, который в 1962 г. публикует «чистый список» *VM*, восполняя при этом лишь те лакуны, коих еще не было во времена Розе⁷⁹.

* * *

Следующий ниже перевод *VM* выполнен по изданию Дюринга. При этом были учтены издания Роббе, Розе и Жигона. Наиболее существенные расхождения между ними отмечены в примечаниях.

---

⁷⁶ ROBBE (1861), p. v-vi.

⁷⁷ FLACH (1882), p. 249-255.

⁷⁸ ROSE (1886), p. 426 sqq.

⁷⁹ GIGON (1962), S. 1-7; впоследствии *Vita Marciana* была переиздана среди прочих биографий в кн.: GIGON (1987), p. 28-31.

БИОГРАФИИ АРИСТОТЕЛЯ

- D.L. V, 1-35 — *Diogenis vita Aristotelis*: DORANDI T., *Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers* (Cambridge, 2013).
- VH — *Vita Hesychii = Vita Menagiana*: DÜRING (1957), p. 80-93.
Новое издание: DORANDI T., “La Vita Hesychii d’Aristote”, *Studi classici e orientali* 52 (2006), p. 87-106.
- VM — *Vita Marciana*: DÜRING (1957), p. 94-119.
- VV — *Vita vulgata*: IBID., p. 120-139.
- VL — *Vita Latina*: IBID., p. 142-163.
- VS I — *Vita Syriaca prima*: IBID., p. 185-187.
- VS II — *Vita Syriaca secunda*: IBID., p. 187-189.
- VA I — *Vita Arabica prima*: IBID., p. 193-196.
- VA II — *Vita Arabica secunda*: IBID., p. 197-207.
- VA III — *Vita Arabica tertia*: IBID., p. 208-212.
- VA IV — *Vita Arabica quarta*: IBID., p. 213-246.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- CAG — *Commentaria in Aristotelem Graeca*, Vol. I–XXIII (Berlin, 1882–1909).
- FGrHist — JACOBY F., *Die Fragmente der griechischen Historiker*, I–III (Berlin – Leiden, 1923–1958); *Die Fragmente der griechischen Historiker Continued*, IV A, 3: Hermippos of Smyrna, ed. by J. BOLLANSÉE (Leiden – Boston – Köln, 1999).
- RE — *Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* (Stuttgart – Munich, 1893–1978).
- SFOD — STORK P., DORANDI T., FORTENBAUGH W. W. and OPHUIJSEN J. M. van, “Aristo of Ceos: The Sources, Text and Translation”, *Aristo of Ceos: Text, Translation and Discussion*, ed. by W. W. FORTENBAUGH and S. WHITE (New Brunswick – L., 2006), p. 1-177.
- Suda — ADLER A., *Suda lexicon*, Vol. 1–5 (Leipzig, 1928–1938).

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

- BAUMSTARK (1900). — BAUMSTARK A., *Syrisch-arabische Biographien des Aristoteles. Syrische Kommentare zur ΕΙΣΑΓΩΓΗ des Porphyrios* (Leipzig, 1900).
- BOLLANSÉE (1999A). — BOLLANSÉE J., *Hermippos of Smyrna and His Biographical Writings* (Leuven, 1999).
- BOLLANSÉE (1999B). — BOLLANSÉE J. (ed.), F. JACOBY, *Die Fragmente der griechischen Historiker Continued*, Pt. IV A, 3: Hermippos of Smyrna (Leiden – Boston – Köln, 1999).

- BUSSE (1893). — BUSSE A., “Die neuplatonische Lebensbeschreibung des Aristoteles”, *Hermes* 28 (1893), S. 252-276.
- BUSSE (1900). — BUSSE A., *Eliae in Porphyrii isagogen et Aristotelis categorias commentaria* (Berlin, 1900).
- CHATZIS (1914). — CHATZIS A., *Der Philosoph und Grammatiker Ptolemaios Chenno: Leben, Schriftstellerei und Fragmente (mit Ausschluß der Aristotelesbiographie)*, I. Teil (Paderborn, 1914).
- CHRIST-SCHMID (1912). — von CHRIST W. und SCHMID W., *Geschichte der griechischen Literatur*, I. Teil, 6. Auf. (München, 1912).
- CHROUST (1964). — CHROUST A.-H., “A Brief Account of the Traditional Vitae Aristotelis”, *Revue des études grecques* 77 (1964), p. 50-69.
- CHROUST (1973). — CHROUST A.-H., *Aristotle: New Light on his Life and on Some of his Lost Works*, Vol. I (L., 1973).
- DIELS (1888). — DIELS H., “Zu Aristoteles’ Protreptikos und Cicero’s Hortensius”, *Archiv für Geschichte der Philosophie* 1 (1888), S. 477-497.
- DIHLE (1957). — DIHLE A., “Der Platoniker Ptolemaios”, *Hermes* 85 (1957), S. 314-325.
- DIHLE (1959A). — DIHLE A., “Ptolemaios Platoniker”, *RE* XLVI (1959), Sp. 1859-1860.
- DIHLE (1959B). — DIHLE A., “Ptolemaios Peripatetiker”, *RE* XLVI (1959), Sp. 1860-1861.
- DIHLE (1959C). — DIHLE A., “Ptolemaios, Sohn des Hephaistion aus Alexandria”, *RE* XLVI (1959), Sp. 1862.
- DORANDI (2000). — DORANDI T., “Hésychius de Milet”, *Dictionnaire des philosophes antiques*, publié sous la direction de R. GOULET, Vol. III (P., 2000), p. 678-680.
- DÜRING (1956). — DÜRING I., “Ariston or Hermippus? A Note on the Catalogue of Aristotle’s Writings, Diog. L. V 22”, *Classica et Mediaevalia* 17 (1956), p. 11-21.
- DÜRING (1957). — DÜRING I., *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition* (Göteborg, 1957).
- DÜRING (1966). — DÜRING I., *Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens* (Heidelberg, 1966).
- DÜRING (1971). — DÜRING I., “Ptolemy’s *Vita Aristotelis* rediscovered”, *PHILOMATHES. Studies and Essays in the Humanities in Memory of Philip Merlan*, ed. by R.B. PALMER and R. HAMERTON-KELLY (The Hague, 1971), p. 264-269.
- FINAMORE-DILLON (2002). — FINAMORE J.F. and DILLON J.M., *Iamblichus. ‘De anima’: Text, Translation and Commentary* (Leiden – Boston – Köln, 2002).
- FLACH (1882). — FLACH I., *Hesychii Milesii Onomatologi quae supersunt* (Leipzig, 1882).
- GAVRILOV (1997). — GAVRILOV A., “Techniques of Reading in Classical Antiquity”, *Classical Quarterly* 47 (1997), p. 56-73.
- GERCKE (1894). — GERCKE A., “Andronikos”, *RE* I, 2 (1894), Sp. 2164-2167.

- GIGANTE (1996). — GIGANTE M., “Aristone di Ceo biografo dei filosofi”, *Studi Classici e Orientali* 46 (1996), p. 17-23.
- GIGON (1958). — GIGON O., “Interpretationen zu den antiken Aristoteles-Viten”, *Museum Helveticum* 15 (1958), S. 147-193.
- GIGON (1962). — GIGON O., *Vita Aristotelis Marciana* (Berlin, 1962).
- GIGON (1987). — GIGON O., *Aristotelis Opera*, Vol. III: Librorum deperditorum fragmenta (Berlin, 1987).
- GOTTSCHALK (1972). — GOTTSCHALK H.B., “Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs”, *Hermes* 100 (1972), p. 314-342.
- GOULET et al. (1989). — GOULET R. et al., “Aristote de Stagire”, *Dictionnaire des philosophes antiques*, publié sous la direction de R. GOULET, Vol. I (P., 1989), p. 413-590.
- GUTAS (1986). — GUTAS D., “The Spurious and the Authentic in the Arabic Lives of Aristotle”, *Pseudo-Aristotle in the Middle Ages. The ‘Theology’ and Other Texts*, ed. by J. KRAYE, W. F. RYAN and C. B. SCHMITT (L., 1986), p. 15-36.
- GUTAS (1998). — GUTAS D., *Greek Thought, Arabic Culture: The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early ‘Abbāsīd Society (2nd – 4th / 8th – 10th centuries)* (L., 1998).
- HAHM (2006). — HAHM D., “In Search of Aristo of Ceos”, *Aristo of Ceos: Text, Translation and Discussion*, ed. by W.W. FORTENBAUGH and S. WHITE (New Brunswick – L., 2006), p. 179-215.
- HANSEN-NIELSEN (2004). — HANSEN M.H. & NIELSEN Th.H., (eds.) *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* (Oxford – N.Y., 2004).
- HEIN (1985). — HEIN Ch., *Definition und Einteilung der Philosophie. Von der spätantiken Einleitungsliteratur zur arabischen Enzyklopädie* (Frankfurt-am-Main – Bern – N.Y., 1985).
- JAEGER (1923). — JAEGER W., *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung* (Berlin, 1923).
- KALDELLIS (2005). — KALDELLIS A., “The Works and Days of Hesychios the Illoustrios of Miletos”, *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 45 (2005), p. 381-403.
- KENYON (1951). — KENYON F.G., *Books and Readers in Ancient Greece and Rome*, 2nd ed. (Oxford, 1951).
- LIPPERT (1894). — LIPPERT J., *Studien auf dem Gebiete der griechisch-arabischen Übersetzungsliteratur*, Heft I (Braunschweig, 1894).
- LITTIG (1890). — LITTIG F., *Andronikos von Rhodos*, I. Teil (München, 1890).
- MEJER (1978). — MEJER J., *Diogenes Laertius and His Hellenistic Background* (Wiesbaden, 1978).
- MENSCHING (1963). — MENSCHING E., *Favorin von Arelate*, I. Teil (Berlin, 1963).
- MIONI (1958). — MIONI E., *Aristotelis codices Graeci qui in bibliothecis Venetis adservantur* (Padova, 1958).
- MORAUX (1951). — MORAUX P., *Les listes anciennes des ouvrages d’Aristote* (Louvain, 1951).

- MORAUX (1955). — MORAUX P., “La composition de la *Vie d'Aristote* chez Diogène Laërce”, *Revue des études grecques* 68 (1955), p. 124-163.
- MORAUX (1986). — MORAUX P., “Diogène Laërce et le Peripatos”, *Elenchos* 7 (Diogene Laerzio storico del pensiero antico; 1986), p. 245-294.
- NIETZSCHE (1869). — NIETZSCHE F., “De Laertii Diogenis fontibus”, *Rheinisches Museum für Philologie* 24 (1869), S. 187-228.
- PETERS (1968). — PETERS F.E., *Aristoteles Arabus. The Oriental Translations and Commentaries on the Aristotelian Corpus* (Leiden, 1968).
- PFEIFFER (1968). — PFEIFFER R., *History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of Hellenistic Age* (Oxford, 1968).
- PLEZIA (1975). — PLEZIA M., “De Ptolemaeo pinacographo”, *Eos* 63 (1975), p. 37-42.
- PLEZIA (1977). — PLEZIA M., *Aristotelis privatorum scriptorum fragmenta* (Leipzig, 1977).
- PLEZIA (1981). — PLEZIA M., “Biografowie Arystotelesa”, *Meander* 36 (1981), p. 481-493.
- PLEZIA (1985). — PLEZIA M., “De Ptolemaei vita Aristotelis”, *Aristoteles Werk und Wirkung. Melanges Paul Moraux*, Vol. 1, 1, hrsg. von J. WIESNER (Berlin, 1985), S. 1-11.
- PLEZIA (1986). — PLEZIA M., “Encore sur la Vie d'Aristote de Ptolemee”, *Les études classiques* 54 (1986), p. 383-385.
- REINSCH (1982). — REINSCH D., “Das griechische Original der *Vita Syriaca I* des Aristoteles”, *Rheinisches Museum für Philologie* 125 (1982), S. 106-112.
- ROBBE (1861). — ROBBE L., *Vita Aristotelis ex codice Marciano Graece nunc primum edita* (Leiden, 1861).
- ROSE (1854). — ROSE V., *De Aristotelis librorum ordine et auctoritate commentatio* (Berlin, 1854).
- ROSE (1863). — ROSE V., *Aristoteles pseudepigraphus* (Leipzig, 1863).
- ROSE (1886). — ROSE V., *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta* (Leipzig, 1886).
- ROSS (1949). — ROSS D., *Aristotle*, 5th ed. (L., 1949).
- SANDYS (1908). — SANDYS J.E., *A History of Classical Scholarship*, Vol. III (Cambridge, 1908).
- SHUTE (1888). — SHUTE R., *On the History of the Process by which the Aristotelian Writings Arrived at their Present Form* (Oxford, 1888).
- SOLLENBERGER (1992). — SOLLENBERGER M.G., “The Lives of the Peripatetics: An Analysis of the Contents and Structure of Diogenes Laertius' *Vitae philosophorum*, Book 5”, *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II* 36, 6 (1992), p. 3293-3879.
- UEBERWEG-PRAECHTER (1926). — UEBERWEG F. und PRAECHTER K., *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, I. Teil, 12. Aufl. (Berlin, 1926).
- WAITZ (1844). — WAITZ Th., *Aristotelis Organon Graece*, Vol. I (Leipzig, 1844).
- WARTELLE (1963). — WARTELLE A., *Inventaire des manuscrits grecs d'Aristote et de ses commentateurs* (P., 1963).

- WEHRLI (1968A). — WEHRLI F., *Die Schule des Aristoteles*, Heft VI: Lykon und Ariston von Keos, 2. Aufl. (Basel – Stuttgart, 1968).
- WEHRLI (1968B). — WEHRLI F., “Ariston von Iulis auf Keos”, *RE Suppl.* XI (1968), Sp. 156-159.
- WESTERINK (1962). — WESTERINK L.G., *Anonymous Prolegomena to Platonic Philosophy* (Amsterdam, 1962).
- ZELLER (1879). — ZELLER E., *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, Teil II 2, Abt. II, 3. Aufl. (Leipzig, 1879).
- ВЕРЛИНСКИЙ (2014). — ВЕРЛИНСКИЙ А.Л., «Из Афин в Стагиры — из Стагир в Афины: Об одном предложении из утраченного письма Аристотеля (Arist. fr. 669 Rose)», *Philologia Classica* 9 (2014), с. 42-88.
- ГАВРИЛОВ (1989). — ГАВРИЛОВ А.К., «О технике чтения в классической древности», *Вспомогательные исторические дисциплины XX* (Л., 1989), с. 239-251.
- ГАВРИЛОВ (1995). — ГАВРИЛОВ А.К., «Чтение про себя в древности (обзор античных свидетельств)», *Hyperboreus* I, 2 (1995), с. 17-33.
- ДАДАБАЕВ (1985). — ДАДАБАЕВ А., «‘Тарих ал-хукама’ Ибн ал-Кифти — ценный источник по истории культуры Ближнего и Среднего Востока XII–XIII веков», *Общественные науки в Узбекистане* 10 (1985), с. 36-39.
- ДОВАТУР (1966). — ДОВАТУР А.И., «Платон об Аристотеле», *Вопросы античной литературы и классической филологии*, под ред. М.Е. ГРАБАРЬ-ПАССЕК (М., 1966), с. 137-144.
- ЗАВЬЯЛОВА (2009). — ЗАВЬЯЛОВА В.П., *Каллимах и его гимны* (М., 2009).
- ЛОСЕВ-ТАХО-ГОДИ (2014). — ЛОСЕВ А.Ф., ТАХО-ГОДИ А.А. *Аристотель* (М., 2014).
- ПЕТРОВА (2015). — ПЕТРОВА М.С., «Круг чтения Макробия (на примере психологических и натурфилософских представлений)», *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*, под ред. Г.В. ВДОВИНОЙ (М., 2015), с. 55-96.
- ПОЛОСИН (1989). — ПОЛОСИН В.В., ‘Фихрист’ Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X века (М., 1989).
- РАБИНОВИЧ (2007). — РАБИНОВИЧ Е.Г., «Несколько замечаний о библиотеке Аристотеля», *Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти В.Н. Топорова*, под ред. Т.Н. СВЕШНИКОВОЙ, И.А. СЕДАКОВОЙ и Т.В. ЦИВЬЯН (М., 2007), с. 153-158.
- ТОРШИЛОВ (1999). — ТОРШИЛОВ Д.О., *Античная мифография: мифы и единство действия* (СПб., 1999).
- ФОНКИЧ (2014). — ФОНКИЧ Б.Л., *Исследования по греческой палеографии и кодикологии: IV–XIX вв.* (М., 2014).

ЕГОРОЧКИН Михаил Владимирович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН,
egorochkin@torba.com

SUMMARY

ANCIENT BIOGRAPHIES OF ARISTOTLE

Mikhail EGORCHKIN

Our knowledge about Aristotle's life and works owes much to ancient biographies of the philosopher. One of them is *Vita Marciana*. Associated with Alexandrian Neoplatonism of V–VI centuries it came to us in a single manuscript. Its translation constitutes the central part of the paper and is preceded by the introduction containing a brief overview of the ancient biographical tradition of Aristotle and corresponding research literature. Particular attention is paid to the changes occurred in this area over the past half century. At the end we add some information about manuscript and editions of *Vita Marciana*. Running commentary should clarify the most difficult places in this biography.

Keywords: ancient biography, Aristotle's biographical tradition, Ptolemy-al-Garib, Alexandrian Neoplatonism, *Vita Marciana*.

Mikhail EGORCHKIN, PhD (Philosophy), Research Fellow, Institute of Philosophy RAS, egorochkin@torba.com

VITA ARISTOTELIS MARCIANA*

(1) Философ Аристотель был родом из Стагир. Стагиры — это город во Фракии близ Олинфа и Метоны¹. Он был сыном Никомаха и Фестиды², ведущих свой род от Махаона, сына Асклепия, как разъясняет написанная на него эпитафия:

*Славный сей муж Аристотель был отпрыском Асклепиадов,
Ибо Фестиды — его мать, Никомах же — отец*³.

(2) Родился у них не только Аристотель, но еще и Аримнест и Аримнеста. Никомах был врачом Аминты, царя македонян и отца Филиппа. В память о родном отце Аристотель и своего сына назвал Никомахом, которому и написал *Никомахову этику*. От отца, стало быть, и даже от самого начала рода у Аристотеля была предрасположенность к естествознанию и врачебному искусству⁴. (3) Оставшись сиротой, он рос у Проксена в Атарнее⁵, в память о котором, а также памятуя о воспитании которого⁶, он воспитал, дал образование и усыновил его сына Никанора. Будучи же при смерти, Аристотель завещал отдать тому в жены свою дочь Пифиаду, родившуюся у него от Пифиады⁷.

(4) Когда Аристотель был еще юношей, он получил образование, подобающее людям свободным, как показывают написанные им *Гомеровские изыскания* и список *Илиады*, который он передал Александру, диалог *О поэтах*, сочинение *О поэтическом искусстве* и *Риторические приемы*, *Врачебные проблемы*, *Физические проблемы* в семидесяти книгах, *Оптические проблемы* и *Механические проблемы*, а также *Притязания греческих городов*, при помощи которых Филипп положил конец соперничеству греков, как он сам порою хвастал, заявляя: «Я разделил землю Пелопа»⁸. Впоследствии им также была составлена история государственных устройств.

(5) Достигши семнадцати лет, когда бог в Дельфах повелел ему заняться философией в Афинах, он примкнул к Сократу⁹ и учился у него до самой его смерти, пусть это и длилось недолго. После этого он примкнул к Платону и учился у него вплоть до его смерти на протяжении двадцати лет, как он сам рассказывает в письме Филиппу. (6) И так он усердно учился у Платона, что дом его был назван домом читателя. Платон ведь часто говаривал: «Идемте в дом читателя!», (7) а когда он отсутствовал на лекции, восклицал: «Ум отсутствует — аудитория глуха!»¹⁰.

---

* Работа выполнена при поддержке РФФ. проект № 15–18–30005.

(8) Он пережил Платона на 23 года, то занимаясь образованием Александра, сына Филиппа, то обходя с ним многие земли, то работая над сочинениями, то возглавляя школу. (9) Стало быть, Аристотель основал Ликей не в противовес Платону, — в чем его первым обвинил Аристоксен, которому после вторил Аристид, — коль скоро он обучался у Платона до самой его смерти. (10) [По словам Филохора], Платон родился в то время, когда архонтом в Афинах был Диотим, и, прожив 82 года, почил при Феофиле. Аристотель же, родившись при Диотрефе и прожив 63 года, умер при Филокле, а примкнул к Платону при Навсигене. От Феофила, при котором умер Платон, до Филокла, при котором умер Аристотель, прошло 23 года — на столько он и пережил Платона. (11) Из этого следует, что Аристотель примкнул к Платону отнюдь не при Евдоксе, когда ему было сорок лет, как это утверждают сами клеветники [Аристоксен и Аристид]. Ибо если учесть при этом, что Аристотель прожил 63 года, да вычтешь те 20 лет, которые он был слушателем Платона, то выходит, что после Платоновой смерти ему оставалось жить лишь три года. А за три года столь многое не то что изложить, но и прочесть нелегко! (12) Об этом сообщает Филохор. Он также находит маловероятным, чтобы чужестранец Аристотель мог поступить так по отношению к Платону, который был гражданином и имел большое влияние благодаря Хабрию и Тимофею, бывшим в Афинах стратегами и состоявшим с ним в родстве¹¹.

(13) После смерти Платона школу унаследовал Спевсипп, его племянник (ведь был он сыном Понтоны, сестры Платона)¹². (14) Аристотель же отправился в Македонию, приглашенный Филиппом для того, чтобы дать образование его сыну. (15) И был он столь почитаем Филиппом и Олимпиадой, что те воздвигли ему стацию рядом со своими¹³. Философ, будучи важным человеком в царстве, по возможности употреблял орудие философии во благо, помогая и каждому в отдельности, и целым городам, и всем людям вместе. (16) Сколько добра он сделал каждому в отдельности, ясно дают понять его письма к царям о некоторых гражданах; (17) сколько для целых городов — показывают Стагиры и Эрес (отчизна его учеников Феофраста и Фания). Ведь он убедил Александра заново отстроить свои родные Стагиры, разрушенные Филиппом до основания, и даже присоединить к ним новые земли, из-за чего местные жители один из месяцев назвали Стагиритом и стали справлять Аристотелии; (18) а когда он умер в Халкиде, они послали за телом, установили на его могиле алтарь, назвали место Аристотелионом и стали собирать там совет. (19) Эрес же, которому предстояло подвергнуться осаде Филиппа, он уговорил пощадить.

(20) И для афинян он сделал много хорошего в своих посланиях к Филиппу, отчего афиняне воздвигли ему статую на Акрополе. (21) Наконец, чтобы оказать благодеяние всем людям, он написал для Александра сочинение *О царской власти*, наставляя его в том, как следует править. Эта книга произвела на душу Александра такое впечатление, что когда он не оказывал кому-либо помощи, то говорил: «Сегодня я не царствовал, ибо никому не сделал добра»¹⁴. (22) Это означает то же самое, что и местное выражение, с которым обращаются к тем, кто испытывает небольшую слабость, то есть легкое недомогание — «завтра пройдет»¹⁵, поскольку в этот день они не совершают действий, свойственных здоровому человеку.

(23) Аристотель не оставил своего занятия философией, даже когда отправился вместе с достигшим зрелости Александром в военный поход против персов. Тогда он и составил описание <250> государственных устройств¹⁶. Готовому начать Персидскую войну Александру он говорил, что жертвоприношения не предвещают удачи¹⁷. Тот, не поверив, начал войну и погиб. Не меньше прежних царей — Аминты, Филиппа, Олимпиады и Александра — Аристотеля чтит и Антипатр, наследник Александрова царства.

(24) После смерти Спевсиппа ученики школы послали за Аристотелем. Он и Ксенократ стали руководить школой самым благоразумным образом. Аристотель учил в Ликее, а Ксенократ — в Академии, где и Платон. (25) Дело ведь обстояло совсем не так, как рассказывают Аристоксен и Аристид, будто Аристотель основал Ликей, когда Платон был еще жив и преподавал в Академии. (26) Ясно, что Аристотель как никто другой восхищался Платоном, раз уж сочинил ему такую надпись:

Жертвенник этот воздвиг Аристотель во славу Платона.

И в другом месте говорит о нем как о

*муже, кого и хвалить не подобает дурным*¹⁸.

(27) Да и в письмах он явно восторгается Платоном и ставит его родственников в один ряд с царями. (28) Добавим, что даже в тех сочинениях, где он возражает Платону, он все же остается верен духу его философии. Ибо никто иной как Платон говорит, что он мало печется о Сократе, но больше об истине. И еще: «Что до меня, то я не склонен доверять ничему другому, кроме размышления, которое мне, размышляющему, представляется самым лучшим». А также: «Если не прислушаешься к тому, что говоришь сам, не поверишь и тому, что говорят другие». (29) Равным образом Аристотель не спорит и с воззрениями Платона, но — лишь с теми, кто не-

верно их истолковывает, как в случае с нерожденностью неба в сочинении *О небе*, которую иные поняли в смысле времени, а не причины¹⁹. (30) Также и с идеями в *Метафизике*: кто-то полагал, будто они находятся вне ума, а кто-то считал их вечными чувственно-воспринимаемыми вещами вроде бессмертного человека или лошади. То, что Аристотель не намерен вовсе отрицать существование идей, он ясно показывает в *Этике*, где говорит, что существует два порядка: один у полководца, а другой у армии, и что первый — причина второго. И в *О душе* он утверждает, что ум в действительности есть [все] вещи²⁰.

(31) Аристотель, несомненно, был человеком умеренного нрава, коль скоро в *Категориях* он говорит, что следует высказываться не поспешно, но по многократному рассмотрению, и что только сомневаться — также бесполезно²¹. (32) И в сочинении *О благе* он говорит: «Не только счастливый должен помнить, что он человек, но и приводящий доказательства»²². (33) А в *Никомаховой этике*: «Дорог друг, но дорога и истина; а коли дороги оба, благочестиво будет предпочесть истину»²³. (34) В *Метеорологике* он говорит так: «Относительно одних [явлений] мы сомневаемся, а другие постигаем каким-то образом». И здесь же: «Не единожды и не дважды, но бесчисленное количество раз у людей возникают одни и те же мнения, поэтому мы не должны слишком высоко ценить то, что, как нам кажется, мы открыли»²⁴.

(35) Таков был этот философ. И все же в философию он привнес больше, нежели заимствовал у нее. (36) В этику он привнес [представление], что счастье относится не к внешним обстоятельствам, как считает большинство людей, и не только к душе, как Платон, но в душе имеет залог, и лишь омрачается и умаляется за счет неблагоприятных внешних обстоятельств, если говорить его собственными словами. Ибо омраченное скрывает внутри красоту саму по себе, которую не видно разве что на поверхности, умаленное же только кажется ничтожным, а на деле обладает тем же самым величием²⁵. (37) В учение о природе он привнес пятую сущность и то, что зрение осуществляется через принятие²⁶. (38) В математику — что конус, образуемый зрительными лучами, является остроугольным, поскольку зрение простирается дальше той величины, которую видит: в этом случае, ось [конуса] оказывается больше образованного [видимым] предметом основания, что и делает конус остроугольным — по этой причине ничто видимое нельзя увидеть сразу целиком²⁷. (39) В теологию он привнес [представление], что не все является внутрикосмическим, что кажется правдоподобным, но есть и нечто надкосмическое²⁸. Так, в пятой книге сочинения о

природе он говорит, что первое движется не по совпадению, тогда как внутрикосмическое — по совпадению, благодаря тому, с чем соприкасается. И в восьмой книге *Физики* утверждает, что первое движущее — неподвижно²⁹. (40) Логическое же его открытие состоит в том, что он отделил умозаключения от вещей.

(41) Когда афиняне поднялись против него, он перебрался в Халкиду, сказав лишь: «Я не позволю афинянам дважды согрешить против философии». (42) Поскольку у гражданина и чужестранца были не одни и те же обязанности в отношении Афин³⁰, он в письме к Антипатру пишет: «В Афинах находится крайне тяжело, ибо груша за грушей здесь зреет, смоква за смоквой», — намекая тем самым на череду сикофантов³¹. (43) Умер он там [в Халкиде], оставив письменное завещание, которое приводится у Андроника и Птолемея вместе со списками его сочинений, (44) и которое он адресовал детям — Никомаху и Пифиаде, и ближайшим ученикам — Феофрасту, Фанию, Эвдему, Клиту, Аристоксену и Дикеарху. (45) Завещание содержит тысячу распоряжений, (46) так как он имел большое влияние при тогдашних царях Филиппе и Олимпиаде, Александре и Антипатре, по возможности используя философию в качестве орудия.

(47) Своеобразие философии Аристотеля состоит в том, что она не отходит от очевидного, так как наряду с доказательствами призывает в свидетели еще и большинство³². (48) В сочинении *О небе* он, следуя очевидности, говорит, что планеты движутся неравномерно, хотя так называемые сферы при вращении сохраняют равномерное движение³³. (49) В *Категориях* он вводит неделимые сущности и ставит их прежде общих, руководствуясь исключительно очевидностью³⁴. (50) О том, что общих сущностей нет, он говорит и в *О душе*, потому что живое существо как общее есть либо ничто, либо нечто последующее³⁵. Ведь общее, находящееся во многом, неясно, вот он и убеждает всех, исходя из очевидности.

ПРИМЕЧАНИЯ

В следующих ниже примечаниях все ссылки на комментарии Дюринга (DÜRING [1957], p. 107-116) и Жигона (GIGON [1962], S. 22-79) даются ad locum.

* * *

¹ Согласно указателю Хансена–Нильсена (HANSEN–NIELSEN [2004], No 613) самыми древними из засвидетельствованных форм топонима яв-

ляются *Στάγειρος* (НДТ. VII, 115; ТНУС. IV, 88; V, 6 et 18) и *Στάγειρα* (IG IV² 1, 94, 1 b, 21, 360 / 59). Форма *τὰ Στάγειρα*, употребляемая в *VM*, встречается также у Дионисия Галикарнасского (*Ad Amm.* I, 5) и в завещаниях Аристотеля и Феофраста, приводимых Диогеном Лаэртием (V, 14 et 52). Любопытно отметить, что *Vita Marciana* однозначно располагает Стагиры во Фракии, тогда как *Vita vulgata* говорит о них, скорее, как о македонском городе (*VV* 1; ср. *VL* 1). Как указывает в своем комментарии Жигон, граница между Фракией и Македонией постепенно сдвигалась на Восток. Об этом, в частности, свидетельствует принадлежность Фермы (см. HANSEN-NIELSEN [2004], No 552): если Гекатей Милетский еще называет этот город фракийским (FGrHist 1 F 146), то уже Фукидид относит его к Македонии (ТНУС. I, 61).

² Упоминание наряду с отцом матери Аристотеля — факт примечательный. Ср. упоминания о матерях Сократа и Платона. В свою очередь, то, что Фестида причисляется к роду Асклепиадов наравне с Никомахом, несомненно, свидетельствует о стремлении неоплатонических биографов превознести и даже обожествить Аристотеля (см. примеч. 3), а возможно и указать на «божественные истоки» его философских и научных занятий (ср. примеч. 4). Биографы «Диогеновой ветви», Гермипп (FGrHist 1026 F 3) и Диоген (D.L. V, 1), а также Гесихий (*VH* 1), к Асклепиадам относят только Никомаха, о родословии же Фестида умалчивают. Особый интерес представляет свидетельство Дионисия Галикарнасского о том, что Фестида была потомком одного из первых переселенцев из Халкиды в Стагиры (*Ad Amm.* I, 5). Как указывают исследователи (например, GIGON [1958], S. 148-149; SHROUST [1973], p. 21, n. 26), это проливает некоторый свет на имение в Халкиде, о котором Аристотель упоминает в завещании наряду с отцовским домом в Стагирах (D.L. V, 14). Впрочем, окончательно принять свидетельство Дионисия не позволяет Фукидид, считавший Стагиры колонией Андроса (IV, 88; V, 6).

³ Эта эпиграмма встречается во всех трех неоплатонических жизнеописаниях (*VM* 1, *VV* 1 и *VL* 1). По Жигону, она могла мыслиться как надгробная, на что указывает глагол «был» — ἦν. Однако утверждать это с полной уверенностью невозможно, так как для такой эпиграммы она слишком скудна (если, конечно, приведенное двустишие не фрагмент более пространного текста). В любом случае, она является поздней, на что, согласно Дюрингу, указывает эпитет δῖος — «божественный», «славный» применительно к Аристотелю.

⁴ Ср. ELIAS, *Prol. philos.* 32, 34 CAG XVIII, 1; PSEUDO-ELIAS, *In Porph. Isag. comm., cod. Monac.* f. 193^v (= BUSSE [1900], p. XXII). Как было замечено Дюрингом, неоплатонические биографии единственные, где говорится, что интерес Аристотеля к естествознанию и врачебному искусству вызван давней семейной традицией и восходит к самому зачинателю рода Асклепию. Ср., например, один из *Пестрых рассказов* Элиана, считавшего занятие медициной характерной чертой того времени: «Сообщают, что пифагорейцы ревностно занимались искусством врачевания. Пла-

тон, Аристотель, сын Никомаха, и многие другие тоже щедро отдали ему дань» (IX, 22, пер. С.В. Поляковой).

⁵ Как известно, с Атарнеем (см. HANSEN–NIELSEN [2004], No 803) Аристотеля связывали не только родство с Проксеном, но и дружба с Гермием, послужившая поводом для его обвинения (см. ВЕРЛИНСКИЙ [2014], с. 42-88 *passim*). Сам Аристотель приводит Атарней в качестве примера «среднего», то есть идеально уравновешенного с имущественной точки зрения полиса, казна которого позволяет дать отпор равным по благосостоянию городам, но при этом не возбуждает зависть более сильного соседа (ARIST., *Pol.* 1267a 20 sqq.). Такую характеристику нужно понимать в том смысле, что «у владеющих средним достатком есть возможность совершать поступки, какие должно» (EN X, 9, 1179a 13, пер. Н.В. Брагинской).

⁶ ...в память о котором, а также памятуя о воспитании которого — у Дюринга соответственно: οὗ τῆς μνήμης καὶ τροφῆς μνημονεύων. При том, что в изданиях Розе и Жигона: ...οὗ τῆς φήμης μνημονεύων — “памятуя о добром имени которого”.

⁷ В завещании соответственно: «Когда дочь придет в возраст, то выдать ее за Никанора; если же с нею случится что-нибудь до брака (от чего да сохранят нас боги!) или же в браке до рождения детей, то Никанору быть хозяином и распоряжаться о сыне и обо всем остальном достойно себя и нас» (D.L. V, 12, пер. М.Л. Гаспарова). Ср. также свидетельство Секста Эмпирика, согласно которому дочь Аристотеля, Пифиада трижды была замужем, и первый раз за Никанором (AM I, 258). В целом, вопрос о родословии Аристотеля весьма сложен. Наиболее известны разыскания Хруста (CHROUST 1973, p. 73-82, 329); как раз его реконструкция генеалогического древа воспроизводится в кн.: ЛОСЕВ–ТАХО–ГОДИ (2014), с. 16-17. Родословную же Стагирита согласно *ИМ* можно представить следующим образом:

⁸ ...как он сам порою хвастал, заявляя: «Я разделил землю Пелопса» — ...ὡς μεγαλορρημονῆσαι ποτε καὶ εἶπεῖν, Ὄρισα γῆν Πέλοπος. В рукописи лакуна ὡς μεγαλορρημ <...>, которую первые издатели восстанавливали по-разному: Роббе: ὡς μεγαλορρημονεῖν... Розе: ὡς μεγαλορρημονήσαντα. Восполнение Дюринга, в свою очередь, опирается на так называемую *Vita Lascares* (fr. 3) —

краткую биографическую справку об Аристотеле, представляющую собой компиляцию из нескольких фрагментов *VM* (4, 9, 10, 25), куда, в числе прочих, вошло и искомое место: DÜRING (1957), p. 140-141. К сожалению, ни конъектуры Роббе и Розе, ни восполнение Дюринга не облегчают понимание самого пассажи. Остается не совсем понятным, кому именно следует отнести хвастливую реплику: Филиппу или же Аристотелю? Грамматика как будто допускает оба прочтения. Дело осложняется еще и тем, что *Vita Latina* и *Vita vulgata* этой реплики не содержат (ср. *VL* 40 и *VV* 3). С одной стороны, уместным здесь является хвастовство царя Филиппа, ведь именно он «положил конец соперничеству греков». Философу же хвастаться не пристало. Да и сам Аристотель, как говорит *Vita Marciana*, был человеком «умеренного нрава» (*VM* 31). С другой стороны, Жигон в своем комментарии приписывает реплику «Я разделил землю Пелопа» Аристотелю, не объясняя, впрочем, причины своего решения. Во всяком случае, наверняка можно сказать только то, что в представлении александрийских неоплатоников философ все же может хвастаться. В этом смысле весьма показателен пассаж из *Комментария к Алкивиаду I* Олимпиадора, где он рассуждает о своевременной похвальбе Сократа (OLYMP., *In Alcib.* 53, 6–18 Westerink).

⁹ ...когда бог в Дельфах повелел ему заняться философией в Афинах, Аристотель примкнул к Сократу... — Трудное место, которое каждый из издателей толкует по-своему. В рукописи оно выглядит так: ...τοῦ Πυθῶ θεοῦ χρήσαντος αὐτῷ φιλοσοφεῖν παρ' Ἀθήνησι φοιτᾷ Σωκράτει... Трудность состоит в том, что из текста неясно, к чему следует отнести предлог *παρά*? Он здесь попросту неуместен. Неясно и к какому глаголу относиться наречие Ἀθήνησι: φιλοσοφεῖν, или же φοιτᾷ? Так, Роббе решает сохранить *παρά* ценой эмэндации Ἀθήνησι > Ἀθηναίως. Это приводит соответственно к следующему прочтению: ...φιλοσοφεῖν παρ' Ἀθηναίως, φοιτᾷ Σωκράτει — «[когда бог в Дельфах повелел] заняться философией среди афинян, он примкнул к Сократу». Иначе этот пассаж видит Розе: ...φιλοσοφεῖν, Ἀθήνησι φοιτᾷ Σωκράτει... Издатель устраняет *παρά*, тогда как Ἀθήνησι однозначно относит к φοιτᾷ. В результате, мы имеем в корне иное понимание оракула: «[когда бог в Дельфах повелел] заняться философией, он примкнул в Афинах к Сократу», — то есть по Розе выходит, что Аполлон предписывает юному Аристотелю лишь изучение философии, тот же для этой цели отправляется в Афины. Это как будто подтверждают параллельные места *VL* 5: ...Pithia precipiente ipsum philosophari mittitur Athenas, ubi adhesit Socrati... и *VV* 4: ...τῆς Πυθίας κελευούσης αὐτῷ φιλοσοφεῖν στέλλεται ἐν Ἀθήναις, ἔνθα φοιτᾷ Σωκράτει... И все же то, что Дельфийский оракул направил Аристотеля именно в Афины прекрасно согласуется с неоплатонической традицией, на что указал еще Буссе (BUSSE [1893], S. 263). Этой точки зрения придерживается и Дюринг (см. перевод, а также ср. *VA* II 9 и *VA* IV 28). Согласно его комментарию, Ἀθήνησι следует относить не иначе как к φιλοσοφεῖν. Это, разумеется, не мешает ему принять и эмэндацию Розе. В издании Дюринга соответственно: ...φιλοσοφεῖν Ἀθήνησι φοιτᾷ Σωκράτει...

¹⁰ Ср. PHILOP., *De aetern. mundi* VI 27, 211 Rabe; *VA* II 11–12; *VA* IV 29. По Жигону, оба анекдота — и о «доме читателя», и об «уме аудиторией» — суть поздние изобретения. Дюринг же не только уверен в досто-

верности первого из них, но и находит возможным отнести реплику Платона об Аристотеле и его афинском доме к 360 г. до н.э. (помимо соответствующего комментария см.: DÜRING [1966], S. 8). Во многом эта уверенность проистекает из царившего тогда представления об античной технике чтения. Так, Кеньон, на которого опирается и Дюринг, считал, что именно Аристотель, будучи обладателем обширной личной библиотеки, привил греками привычку к «индивидуальному чтению» (и как следствие, составлению разного рода выписок и конспектов; ср. ARIST., *Top.* I 14, 105b 12 sqq.). До него грекам были свойственны лишь «чтения коллективные», когда произведение читалось в кругу слушателей специально обученным слугой (KENYON [1951], p. 25). По этой причине, кстати, в анекдоте о Аристотеле-читателе иногда находят явный уничижительный смысл, как если бы здесь говорилось об Аристотеле-чтеце. Во всяком случае, по Дюрингу, само прозвище свидетельствует о явном неодобрении со стороны Платона его чрезмерного усердия в чтении книг: ведь они «не в состоянии вслух ни ответить, ни сами спросить» (*Prot.* 329a, пер. Вл. СОЛОВЬЕВА), но «всегда твердят одно и то же» (*Phaedr.* 275d, пер. А.Н. ЕГУНОВА). Однако со времени Кеньона представление об античной технике чтения существенно изменились. Во многом это произошло благодаря работам А.К. Гаврилова, доказавшего обыденность для классических Афин чтения про себя, которое по определению индивидуально. См.: ГАВРИЛОВ (1989), с. 239-251; ОН ЖЕ (1995), с. 17-33; GAVRILOV (1997), p. 56-73. Это обстоятельство заставляет пересмотреть если не достоверность, то по меньшей мере смысл анекдота о «доме читателя». В связи с этим заметим, что еще А.И. Доватур держался весьма взвешенной точки зрения и видел в словах Платона не иначе как «похвалу с оттенком иронии в духе Сократа» (ДОВАТУР [1966], с. 143-144).

¹¹ PHILOCHORUS, FGrHist 328 F 223.

¹² В издании Дюринга Спевсипп — сын Понтоны (υἱὸς ὄν Ποντόνης), также и у Розе. Жигон восстанавливает более привычное чтение — сын Потоны (υἱὸς ὄν Ποτόνης). См., в частности, ELIAS, *In Cat.* 112, 20 CAG XVIII, 1; D.L. IV, 1.

¹³ Ср. PAUS. VI 4, 8: «Следом за статуей Хилона стоят [две] другие статуи... о второй, на которой нет никакой надписи, сохраняется предание, что это Аристотель из фракийских Стагир; ее мог поставить или какой-либо его ученик, или военный, так как [он мог знать, что] Аристотель пользовался большим уважением у Антипатра, а раньше у Александра» (пер. С.П. КОНДРАТЬЕВА с незначительными изменениями).

¹⁴ Περί βασιλείας fr. 1 Ross = 646 Rose.

¹⁵ Греч. *παρὰ μίαν* (ср. PORPH., *Vita Plotini* 7; POLLUX I 65 Bethe) = лат. *alternis diebus* (LIV. IV 46, 3) буквально означает 'через день'. Что же касается пассажа в целом, то, по Дюрингу, это мог быть устный комментарий, сделанный учителем-неоплатоником по ходу лекции.

¹⁶ О двухстах пятидесяти полициях говорит Элий (*In Cat.* 113, 31 CAG XVIII, 1), в другом месте, правда, сообщающий только о двухстах (*Prol. philos.* 33, 8 CAG XVIII, 1).

¹⁷ Понимание этого места зависит от эмендации Розе, которую принимает и Дюринг: [οὐκ] ἔφη τὰ ἱερεῖα τὰ αἴσια γενέσθαι — в рукописи отрицания нет.

¹⁸ Эту эпиграмму также приводят *Vita Latina* (30) и *Vita vulgata* (11). Но, что любопытно, внутренняя ремарка, несколько изменяющая грамматический строй двустишия, есть только в *VM*. Эпиграмма, содержащаяся в *VL* и *VV* по-русски может быть передана следующим образом: «Жертвенник этот воздвиг Аристотель во славу Платона, / Мужа, кого и хвалить не подобает дурным».

¹⁹ В последней части предложения есть лакуна, которую Розе восполняет таким образом: [ὡς καὶ τὸ γενητὸν] τοῦ οὐρανοῦ ἐν τῇ περὶ τοῦ οὐρανοῦ — «как в случае с рожденностью неба в сочинении *О небе*». Ведь речь здесь может идти только о *De caelo* I 10, 279b 4 sqq., где Аристотель критикует учение Платона о том, что небо (то есть космос в целом) является возникшим, но при этом неуничтожимым (*Tim.* 28b). Суть его критики сводится к следующему: если понимать рождение неба во временном смысле, то утверждение Платона не может быть верным, поскольку все возникающее во времени обязательно погибнет. Однако, как говорится в *VM*, рожденность неба можно понимать и иначе — в смысле его происхождения от некоей вышестоящей причины. Ср.: PHILOP., *De aetern. mundi* 148, 2 Rabe: «По словам Прокла, Платон называет космос рожденным не потому, что тот некогда начал существовать, а потому, что он существует, постоянно рождаясь; а также потому, что свое рождение он получает от Бога и сам не является причиной собственного бытия, что и означает рожденность в смысле причины». Ясно, что такая интерпретация позволяет космосу быть одновременно и возникшим, и вечным, из чего автор *VM* и делает вывод, что критика Аристотеля в *О небе* направлена не против самого Платона, но против тех, кто неправильно понимает его мысль. Дюринг предлагает иную конъектуру: [ὡς καὶ τὸ ἀγένητον] τοῦ οὐρανοῦ... — как если бы в *VM* утверждалось, что тезис самого Аристотеля в *De caelo* I 10 о «нерожденности» неба не противоречит учению Платона о рожденности космоса. В данном случае издатель следует комментарию Симпликия: «чтобы и мы поняли, почему Платон, называя мир рожденным, а Аристотель — нерожденным, при этом не противоречат друг другу» (SIMPL., *In De caelo* 92, 30 CAG VII).

²⁰ Ср. *Metaph.* I 9, 991a 9; XII 1, 1069a 30; XII 10, 1075a 1–15; *De mundo* 399a 30–b 10, 399b 1; *De anima* III 7, 431b 17.

²¹ В рукописи фрагмент сильно испорчен. Ср. OLYMP., *In Meteor.* 12, 18 CAG XII, 2; *In Cat.* 113, 8 CAG XII, 1; PHILOP., *In De gener. an.* 158, 27 CAG XIV, 3; *In Cat.* 132, 23 CAG, XIII; *In Meteor.* 7, 35 CAG XIV, 1.

²² *De bono* fr. 1 Ross = 27 Rose. Ср. *EN* X 8, 1178b 7–32.

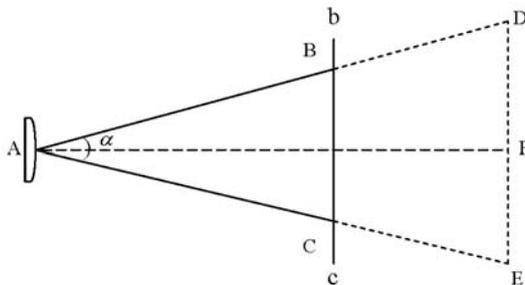
²³ Ср. *EN* I 4, 1096a 16.

²⁴ Ср. *Meteor.* 339a 2 et b 29.

²⁵ Ср. *EN* I 11, 1100b 28.

²⁶ Ср. *Top.* I 14, 105b 6; *De anima* II 7, 419a 17.

²⁷ Указания на это «математическое новшество» есть также в Аристотелевых *Проблемах* (III 9; XV 6), однако текст *М* проясняется только из *Оптики* Эвклида 2, 4. Наглядно сказанное здесь можно представить следующим образом: конус *ABC*, образуемый зрительными лучами *AB* и *AC*, является остроугольным ($\alpha < 90^\circ$), поскольку зрение простирается дальше величины *BC*, которую видит; в этом случае, ось *AF* оказывается больше образованного предметом основания *BC*, что и делает конус остроугольным — по этой причине ни что видимое нельзя увидеть сразу целиком ($BC < bc$).

²⁸ Ср. *De philos.* fr. 10 Ross = 8 Rose = PHILOP., *De aetern. mundi* 31, 17 Rabe.

²⁹ См. *Phys.* V 1, 224a 26–29; VIII 5. Ср. SIMPL., *In Phys.* 421, 22 et 32 CAG X.

³⁰ ...ἐπεὶ δὲ τὰ αὐτὰ καθήκοντα [οὐκ] ἦν πολίτη καὶ ξένῳ περὶ τὴν τῶν Ἀθηναίων πόλιν... — это восполнение так или иначе делают все издатели. Текст, однако, в этом месте не испорчен и, следуя рукописи, его следовало бы переводить таким образом: «Поскольку у гражданина и чужестранца были одни и те же обязанности в отношении Афин...».

³¹ В письме к Антипатру Аристотель цитирует Гомера: «Груша за грушей, за яблоком яблоко, смоква за смоквой...» (*Od.* VII 120 sqq., пер. В.А. ЖУКОВСКОГО). Намек заключается в известной корреляции между смоквой (σῦκον) и сикофантом-клеветником (σικοφάντης).

³² Добавление 47–50, согласно Дюрингу, сделано в сер. VI в. н.э. из Симпликия неизвестным представителем александрийской школы. Ср. SIMPL., *In Cat.* 6, 22 CAG VIII; *In De caelo* 116, 9 VII.

³³ Ср. *De caelo* II 6 et *Metaph.* XI 8.

³⁴ Ср. *Cat.* V, 2b 29–31.

³⁵ Ср. *De anima* I 1, 402b 7.

Перевод с древнегреческого и примечания
М.В. ЕГОРЧКИНА

М.С. ПЕТРОВА

ПРОЯСНЕНИЕ СМЫСЛА И СОДЕРЖАНИЯ
ФРАГМЕНТА *ОБ ОПЬЯНЕНИИ*,
ПРИПИСЫВАЕМОГО АРИСТОТЕЛЮ,
ПОСРЕДСТВОМ *САТУРНАЛИЙ* МАКРОБИЯ*

В работе обсуждается реконструированный по Плутарху (*Quaest. conv.* III, 3, 1 [650af]) и Афинию (*Deipn.* X, 34 [429cd]) фрагмент (fr. 6/99 HEITZ; fr. 109 ROSE; fr. 8-9 ROSS) приписываемого Аристотелю и не дошедшего до нас сочинения *Об опьянении* (возможно, *Пир, или Об опьянении*), в котором шла речь об употреблении вина и его воздействия на человека в зависимости от пола и возраста. Отмечено, что применительно к этому месту одним из ранних издателей (HEITZ [1869], p. 66) уже было обращено внимание на Макробия (*Sat.* VII, 6, 15-16), что не было принято последующими исследователями текстов Аристотеля. Проводится сравнительный анализ текстов Плутарха, Афиния и Макробия; анализируются их сходства и отличия. Предлагается использовать дальнейшее изложение Макробия (*Sat.* VII, 6, 17-21) для лучшего понимания содержания рассматриваемого фрагмента и реконструкции современных Аристотелю представлений о природе и механизме опьянения.

Ключевые слова: Аристотель, *Об опьянении*, фрагмент, содержание, реконструкция, Макробий.

Текст Макробиевых *Сатурналий* (VII, 6, 17-21), о котором речь пойдёт ниже, не принимался во внимание издателями при их работе над реконструкцией фрагмента из утраченного трактата *Об опьянении* (возможно, *Пир, или об опьянении*)¹, атрибутируемого Аристоте-

---

* Работа выполнена в рамках Проекта (№ 15–18–300005), поддержанного РФФИ.

¹ Имеются в виду издания Эмиля Хайтца (HEITZ [1869]), Валентина Роуза (ROSE [1886]), Дэвида Росса (ROSS [1955]), Дэниса Пейджа (PAGE [1962]), Мартина Уэста (WEST [1972]) и Ренато Лауренти (LAURENTI [1987]). Заметим, что Поль А. Климент, исследователь и переводчик *Quaestiones convivales* Плутарха, следуя предшествующему опыту издателей этого сочинения (BERNARDARIS [1892]; HUTTEN [1798]; WYTTENBACH [1797]), указал на соответствующее изложение Макробия (*Sat.* VII, 6, 14-21). См.: CLEMENT [tr.] p. 2-3; 226.

лю². Мы имеем в виду тот фрагмент (6 / 99 [HEITZ], 109 [ROSE], 8-9 [ROSS]), который реконструирован по *Застольным беседам* (III, 3, 1 [650af, HUBERT]) Плуларха и *Пиру мудрецов* (X, 34, KAIBEL [429cd]) Афинейя. Однако, как представляется, Макробиевы *Сатурналии* оказываются весьма важными не только для прояснения содержания указанного фрагмента Аристотеля (как и логики всей его работы в целом), но и для воссоздания античных представлений³ об употреблении вина, его воздействии на человека в зависимости от пола и возраста, о природе и механизме опьянения. Возможно, именно по этой причине Эмиль Хайтц, один из ранних издателей фрагментов утраченных сочинений Аристотеля, указывая на тексты Плуларха и Афинейя, уже обращал внимание на Макробиевы *Сатурналии*, выделив два абзаца из VII книги (6, 15-16)⁴. Однако это не нашло отклика у более поздних исследователей, не упоминающих Макробия в своих изданиях и полагающих его вторичным латинским автором⁵.

Ниже нами будут приведены отрывки Плуларха (*Quaest. conv.* III, 3, 1 [650af]), Афинейя (*Deipn.* X, 34 [429cd]) и ранее отмеченный Э. Хайтцем фрагмент Макробия (*Sat.* VII, 6, 15-16), рассмотрены

² Здесь мы не рассматриваем проблему авторства этого текста и следуя ранней традиции (e.g. ПЛУЛАРХ [ad loc.], АФИНЕЙ [ad loc.]) позиционируем его в нашем исследовании как трактат *Об опьянении*, принадлежащий Аристотелю. Что касается содержания и названия этого сочинения, то Э. Хайтц (HEITZ [1869] p. 64) отметил, что его сохранившиеся фрагменты могут иметь отношение к третьей части Аристотелевых *Проблем* (BEKKER [1831] 871a 1 – 876a 28), в которой речь идёт об употреблении вина и опьянении. Этот же исследователь указывает и на традицию существования подобных сочинений, упоминая Антисфена и его *Об употреблении вина* (или *О пьянстве*, или *О киклоне*) со ссылкой на Диогена Лаэртского (VI, 18) и Аристида (*Orat.* XXV [DINDORF, p. 496]). В издании В. Роуза (ROSE [1886]) реконструированные фрагменты этой работы помещены в раздел «Диалоги», один из которых назван *Пир* (и ниже — *Об опьянении*, с указанием на уже упомянутое изложение в Аристотелевых *Проблемах*, см. TLG [0086 051]).

³ О таком подходе и применяемых методах см: ПЕТРОВА (2000), с. 48-53; ОНА ЖЕ (2015А), с. 306-311; ПЕТРОВ (2008), с. 140-141; ОН ЖЕ (2015Б), с. 56-75. Результативность предложенных методов и подходов отражена в следующих исследованиях: БАЛАЛЫКИН (2015А), с. 119-134; ОН ЖЕ (2015Б), с. 95-112; ПЕТРОВ (2015А), с. 394-403; ПЕТРОВА (2015Б), с. 72-81; СЕРЕГИНА (2015), с. 197-207.

⁴ См.: HEITZ (1869), p. 66. Эти строки предваряют те абзацы, которые мы намерены рассмотреть в нашем исследовании.

⁵ См., напр., STAHL (1952), p. 3-65; FLAMANT (1977), p. 148-171, 305-350, 382-484, 485-680, 628-636; GERSH (1986), p. 502-522; ПЕТРОВА (2015Б), с. 72-81.

имеющиеся между ними содержательные и лексические сходства и различия, а также проанализирован ещё один отрывок Макробия (*Sat.* VII, 6, 17-21), о котором мы упомянули выше⁶. В заключение будет предложена реконструкция современных Аристотелю представлений о воздействии вина на человека, в зависимости от пола и возраста, а также о природе и механизме опьянения.

ПЛУТАРХ, *Застольные беседы* III, 3, 1 (650af):

...Ἀριστοτέλης ἐν τῷ περὶ μέθης, ὅτι μάλιστα μὲν οἱ γέροντες ἤκιστα δ' αἱ γυναῖκες ὑπὸ μέθης ἀλίσκονται, τὴν αἰτίαν οὐκ ἐξεργάσατο, μηδὲν εἰωθὸς προῖεσθαι τῶν τοιούτων. εἴτα μὲντοι προὔβαλεν ἐν μέσῳ σκοπεῖν τοῖς παροῦσιν. ἦν δὲ τῶν συνήθων τὸ δεῖπνον. ἔφη τοίνυν ὁ Σύλλας θατέρωθ' ἄλλοτε ἐμφαίνεσθαι: κἂν εἰ περὶ τῶν γυναικῶν ὀρθῶς τὴν αἰτίαν λάβοιμεν, οὐκ ἔτι πολλοῦ λόγου δεήσεσθαι περὶ τῶν γερόντων: ἐναντίας γὰρ εἶναι μάλιστα τὰς φύσεις τῇ θ' ὑγρότητι καὶ ξηρότητι καὶ λειότητι καὶ τραχύτητι καὶ μαλακότητι καὶ σκληρότητι. καὶ τοῦτ' ἔφη λαμβάνειν κατὰ τῶν γυναικῶν πρῶτον, ὅτι τὴν κρᾶσιν ὑγρὰν ἔχουσιν, ἢ καὶ τὴν ἀπαλότητα τῆς σαρκὸς ἐμμεμιγμένη παρέχει καὶ τὸ στίλβον ἐπὶ λειότητι καὶ τὰς καθάρσεις: ὅταν οὖν ὁ οἶνος εἰς ὑγρότητα παντάπασι ἀβαφῆς καὶ ὑδατώδης. ἔστι δὲ τι καίπαρ' αὐτοῦ λαβεῖν Ἀριστοτέλους τοὺς γὰρ ἄθροον καὶ ἀπνευστι πίνοντας, ὅπερ 'ἀμυστίζειν' ὠνόμασαν οἱ παλαιοί, φησὶν ἤκιστα περιπίπτειν μέθαις: οὐ γὰρ ἐνδιατρίβειν τὸν ἄκρατον αὐτοῖς, ἀλλ' ἐξωθούμενον ῥύμη διαπορεύεσθαι διὰ τοῦ σώματος. ἐπιεικῶς δὲ τὰς γυναῖκας ὀρώμεν οὕτω πινοῦσας. εἰκὸς δ' αὐτῶν καὶ τὸ σῶμα, διὰ τὸν ἐνδελεχῆ τῶν ὑγρῶν κατασπασμὸν ἐπὶ τὰς ἀποκαθάρσεις πολὺ πορον γεγενῆσθαι καὶ τεμῆσθαι καθάπερ ἀνδῆροις καὶ ὄχετοις: εἰσοὺς ἐμπύπτοντα τὸν ἄκρατον ὑπάγειν ταχέως καὶ μὴ προσίστασθαι τοῖς κυρίοις μέρεσιν, ὧν διαταραττομένων συμβαίνει τὸ μεθύειν. οἱ δὲ γέροντες ὅτι μὲν εἰσὶν ἐνδεεῖς ἰκμάδος οἰκείας, τοῦνομά μοι δοκεῖ φράζειν πρῶτον: οὐ γὰρ ὡς ῥέοντες εἰς γῆν, ἀλλ' ὡς γεώδεις καὶ γηροὶ τινες, ἢ δὴ γιγνόμενοι τὴν ἔξιν οὕτω προσαγορεύονται. δηλοῖ δὲ καὶ τὸ δυσκαμπὲς αὐτῶν καὶ σκληρόν, ἔτι δ' ἢ τραχύτης, τὴν ξηρότητα τῆς φύσεως. ὅταν οὖν ἐμπίνωσιν, εἰκὸς ἀναλαμβάνεσθαι τὸν οἶνον, τοῦ σώματος σπογγώδους διὰ τὸν ἀνῆμον ὄντος: εἴτ' ἐμμένοντα πληγὰς καὶ βαρῦτητας ἐμποιεῖν. ὡς γὰρ τὰ ῥεύματα τῶν μὲν πικρῶν ἀποκλύζεται χωρίων καὶ πηλὸν οὐ ποιεῖ τοῖς δ' ἀραιοῖς ἀναμίγνυται μᾶλλον, οὕτως ὁ οἶνος ἐν τοῖς τῶν γερόντων σώμασιν ἔχει διατρίβην

⁶ Заметим, что Поль А. Климент при составлении комментария к этому месту своего перевода *Застольных бесед* (III, 3) указал на имитирование этого сюжета Макробием в *Сатурналиях* (VII, 6, 14-21). См. CLEMENT (1969), p. 226. См. также: ИВИДЕМ, p. 1 (где П. Климент отмечает своё следование опыту ранних издателей *Quaestiones convivales* — BERNARDARIS [1892]; HUTTEN [1798]; WYTTENBACH [1797]).

ἐλκόμενος ὑπὸ τῆς ξηρότητος, ἄνευ δὲ τούτων ἰδεῖν ἔστι τὰ συμπτώματα τῆς μέθης τὴν τῶν γερόντων φύσιν ἐξ ἑαυτῆς ἔχουσαν: ἔστι γὰρ συμπτώματα μέθης ἐπιφανέστατα, τρόμοι μὲν ἄρθρων ψελλισμοὶ δὲ γλώσσης, πλεονασμοὶ δὲ λαλιᾶς ὀξύτητες δ' ὀργῆς, λῆθαί τε καὶ παραφοραὶ διανοίας: ὧν τὰ πολλὰ καὶ περὶ τοὺς ὑγιαίνοντας ὄντα πρεσβύτας ὀλίγης ῥοπῆς δεῖται καὶ σάλου τοῦ τυχόντος: ὥστε μὴ γένεσιν ἰδίων ἀλλὰ κοινῶν ἐπίτασιν συμπτωμάτων γίνεσθαι τὴν μέθην τῶν γέροντι: τεκμήριον δὲ τούτου τὸ μηδὲνεῖναι γέροντι νέου μεθυσθέντος ὁμοιότερον...

Аристотель, указав в своём трактате об опьянении, что старики весьма легко поддаются опьянению, а женщины гораздо труднее, не высказался о причинах этого, что он обычно делает. Когда Флор предложил присутствующим обсудить этот вопрос, на это откликнулся Сулла. Он сказал, что оба вопроса сводятся к одному: если удастся найти причину в части, касающейся женщин, то не понадобится особого изыскания и относительно стариков: ибо и та и другая природа вполне противоположны, как противоположна природа влажности и сухости, гладкости и шероховатости, [b] мягкости и жесткости. «И относительно женщин я принимаю прежде всего как данное, что им присуще влажное смешение, которое имеет своими признаками нежность тела, гладкую до блеска кожу и очищения. И вот, когда вино попадает в столь влажную среду, оно утрачивает свою окраску и становится совершенно неощутимым и водянистым. Об этом можно нечто найти и у самого Аристотеля. Он говорит, что те, кто выпивает чашу одним духом, как говорили древние, — менее всего впадают в опьянение: ибо вино, проталкиваемое быстрым натиском, сразу проходит тело насквозь. А мы довольно часто видим, что именно так и пьют женщины. [c] И постоянное выделение влаги в очищения показывает, что их тело от природы пористо и пронизано как бы влагоотводными каналцами: попадая в них, вино быстро выходит, не задерживаясь в главенствующих местах, расстройство которых и вызывает опьянение. Что же касается стариков, то самое их название γέροντες показывает, думаю я, что им не хватает своей собственной влажности: ведь они называются так не в смысле “текущие в землю” (ρέοντες εἰς γῆν) но по своему состоянию — как становящиеся уже в некоторой степени землеподобными (γεώδεις) и как бы землястыми (γεηροί). О сухости их природы говорит [d] и отличающая их негибкость и жесткость, а также и шершавость. И вот, когда они выпьют, то естественно, что вино впитывается в губкообразную вследствие иссыхания телесную ткань и, оставаясь в ней, вызывает тягостные потрясения: подобно тому как водные потоки не размывают плотных берегов и не образуют ила, а со слабыми берегами смешиваются, поднимая муть, так и вино в телах стариков задерживается, втягиваемое сухостью. Да и, помимо того, старческой природе самой по себе присущи явные признаки опьянения: дрожание членов, косноязычие, из-

лишняя [е] болтливость, раздражительность, забывчивость, рассеянность: все это свойственно старикам и в здоровом состоянии и проявляется при малейшем случайном поводе, так что опьянение не вызывает у старика каких-либо новых для него явлений, а лишь усиливает уже имеющиеся; а подтверждается это тем, что нет ничего более похожего на старика, чем пьяный [f] молодой человек»⁷.

⁷ Пер. Я.М. БОРОВСКОГО. Ср. перевод Пола Клементя: "...Aristotle in his *Concerning Drunkenness* did not work out the element of causation when he wrote that old men were especially susceptible to drunkenness and women least susceptible, though it was not his habit to neglect such a matter... that one part of the problem threw light upon the other. If we should rightly determine the cause where women are concerned, there would be no further need of much speculation where old men are concerned, for their natures are very emphatically opposites: moist and dry, smooth and rough, soft and hard. "The first thing about women... they possess a moist temperament which, being a component of the female, is responsible for her delicate, sleek, smooth flesh, and for her menses; wine, therefore, when it falls into a great amount of liquid, is overcome, loses its edge, and becomes completely insipid and watery. Furthermore, one can get some hint of the causation even from Aristotle himself; for he says that people who drink all in one gulp, without drawing a breath, — a manner of drinking the ancients called 'tossing it off', — are the people least apt to fall into a state of intoxication, since the wine does not linger in them, but proceeds through the body and is pushed out by the force of the draught. And we usually see women drinking in this fashion. Again, it is likely that the female body, on account of the constant drawing down of fluids for menstruation, has come to be provided with many passages and cut up as if by dikes and channels; and the wine doubtless falls into these, is quickly eliminated, and does not attack the body's sovereign parts, from the disturbance of which drunkenness results. As for 'old men' the word itself (*gerontes*) seems to me to be the first thing to indicate that they are in need of proper moisture, for 'old men' are so called, not as 'flowing into earth' (*rheontes eis gēn*), but as individuals now become 'soil-like' and 'earthy' (*geōdeis, geēroi*) in their condition; their stiffness and hardness, and their roughness besides, show the dryness of their substance. Therefore, when they drink, it is likely that the wine is soaked up, for their bodies because of dryness are like sponges; and then the wine lies there and afflicts them with its heaviness. For just as flood-waters run off from compact soils and do not make mud, but are soaked up in greater degree by soils of loose texture, so in the bodies of old men wine lingers on, attracted by the dryness there. Apart from these considerations, one can observe that the characteristics of intoxication are those peculiar to the nature of old men, for the characteristics of intoxication are very clear: trembling limbs and stammering tongue, excessive talkativeness, irascible temper, forgetfulness, wandering mind. Most of these exist even in healthy old men and need but a slight turn of the scale, an accidental disturbance, to bring them out. Consequently, intoxication in an old man does not produce symptomatic characteristics peculiar to the individual, but simply intensifies characteristics common to all old men. A proof of this is the fact that nothing is

АФИНЕЙ, *Пир мудрецов* X, 34 (429cf):

Ἄριστοτέλης δ' ἐν τῷ περὶ μέθης φησὶν “εἰ ὁ οἶνος μετρίως ἀφεψηθείη, πινόμενος ἤττον μεθύσκει”. τὴν γὰρ δύναμιν

more like an old man than a young man drunk”. — CLEMENT (1969), p. 227-231. Ср. также перевод, выполненный под редакцией Уильяма Гудвина: “...Aristotle in his discourse of Drunkenness, affirming that old men are easily, women hardly, overtaken, did not assign the cause, since he seldom failed on such occasions. He therefore proposed it to us (we were a great many acquaintance met at supper) as a fit subject for our enquiry. Sylla began: One part will conduce to the discovery of the other; and if we rightly hit the cause in relation to the women, the difficulty, as it concerns the old men, will be easily despatched; for their two natures are quite contrary. Moistness, smoothness, and softness belong to the one; and dryness, roughness, and hardness are the accidents of the other. As for women, I think the principal cause is the moistness of their temper; this produceth a softness in the flesh, a shining smoothness, and their usual purgations. Now when wine is mixed with a great deal of weak liquor, it is overpowered by that, loses its strength, and becomes flat and waterish. Some reason likewise may be drawn from **[Aristotle himself; for he affirms that those that drink fast, and take a large draught without drawing breath, are seldom overtaken, because the wine doth not stay long in their bodies, but having acquired an impetus by this greedy drinking, suddenly runs through]**; and women are generally observed to drink after that manner. Besides, it is probable that their bodies, by reason of the continual defluction of the moisture in order to their usual purgations, are very porous, and divided as it were into many little pipes and conduits; into which when the wine falls, it is quickly conveyed away, and doth not lie and fret the principal parts, from whose disturbance drunkenness proceeds. But that old men want the natural moisture, even the name γέροντες, in my opinion, intimates; for that name was given them not as inclining to the earth (ρέοντες εἰς γῆν), but as being in the habit of their body γεώδεις and γηροί, *earthlike* and *earthy*. Besides, the stiffness and roughness prove the dryness of their nature. Therefore it is probable that, when they drink, their body, being grown spongy by the dryness of its nature, soaks up the wine, and that lying in the vessels it affects the senses and prevents the natural motions. For as floods of water glide over the close grounds, nor make them slabby, but quickly sink into the open and chapped fields; thus wine, being sucked in by the dry parts, lies and works in the bodies of old men. But besides, it is easy to observe, that age of itself hath all the symptoms of drunkenness. These symptoms everybody knows; shaking of the joints, faltering of the tongue, babbling, passion, forgetfulness, and distraction of the mind; many of which being incident to old men, even whilst they are well and in perfect health, are heightened by any little irregularity and accidental debauch. So that drunkenness doth not beget in old men any new and proper symptoms, but only intend and increase the common ones. And an evident sign of this is, that nothing is so like an old man as a young man drunk”. — GOODWIN (tr.) 1874. Заметим, что Поль Клемент со ссылкой на Хуберта и Rose (see: HUBERT [ed.] p. 119) отмечает неаутентичность места, относящегося к словам Аристотеля (=выделено **полужирным** шрифтом). См.: CLEMENT (1969), p. 229 (a).

ἀφεψηθέντος αὐτοῦ ἀσθενεστέραν γίνεσθαι. “μεθύσκονται δέ, φησιν, οἱ γεραίτεροι τάχιστα, δι’ ὀλιγότητα καὶ ἀσθένειαν τοῦ περὶ αὐτοὺς ἐνυπάρχοντος φύσει θερμοῦ. καὶ οἱ παντελῶς δὲ νέοι τάχιον μεθύσκονται διὰ τὸ πλῆθος τοῦ ἐνυπάρχοντος θερμοῦ· τῷ γὰρ ἐκ τοῦ οἴνου προσγινομένῳ κρατοῦνται ῥαδίως...”

Аристотель пишет в книге *Об опьянении*: «Если вино немного прокипятить, оно опьяняет меньше, ибо сила его при кипячении убывает. Пожилые люди, продолжает он, опьяняются быстрее, потому что естественного тепла в них меньше, и оно слабее. Молодые же люди, наоборот, быстрее пьянеют из-за того, что тепла в них много и поэтому добавленное тепло от вина легко их одолевает...»⁸.

МАКРОБИЙ, *Сатурналии* VII, 6, 15-16:

(15) Legisse apud philosophum Graecum memini (ni fallor, ille Aristoteles fuit in libro quem de ebrietate composuit) mulieres raro in ebrietatem cadere, crebro senes: nec causam vel huius frequentiae vel illius raritatis adiecit. Et... ad naturam corporum tota haec quaestio pertinet... (16) ...Recte et hoc Aristoteles, ut cetera... Mulieres, inquit, raro ebriantur, crebro senes. Rationis plena gemina ista sententia, et altera pendet ex altera. Nam cum didicerimus quid mulieres ab ebrietate defendat, iam tenemus quid senes ad hoc frequenter inpellat: contrariam enim sortita naturam sunt muliebri corpus et corpus senile.

(15) ...читал я у греческого философа — если не ошибаюсь, это был Аристотель — в книге *Об опьянении*, которую тот сочинил, что женщины редко впадают в пьянство, часто — старики; но о причине этих частоты и редкости он [ничего] не прибавил. И... этот вопрос целиком относится к природе тел... (16) Правильно

⁸ Пер. Н.Т. ГОЛИНКЕВИЧА. Ср. перевод Чарльза Гулика: “Aristotle says in the work *On Drunkenness*: ‘If wine be boiled down moderately, the drinking of it is less apt to cause intoxication; for the potency of it when boiled down becomes weaker. Older men, he continues, become intoxicated soonest because of the slightness and weakness of the natural heat contained within them. But very young persons also become intoxicated rather quickly because of the large amount of heat within them; for they are easily overpowered by the heat which is added from the wine...’ ”. — См.: GULICK (tr.) 1957, p. 445. Ср. также перевод Йонга: “And Aristotle, in his treatise *On Drinking*, says, ‘If the wine be moderately boiled, then when it is drunk, it is less apt to intoxicate; for, as some of its power has been boiled away, it has become weaker’. And he also says, ‘Old men, become drunk more quickly on account of the small quantity of natural warmth which there is in them, and also of the weakness of what there is. And again, those who are very young get drunk very quickly, on account of the great quantity of natural warmth that there is in them; for, in consequence, they are easily subdued by the warmth proceeding from the wine which is added to their natural warmth...’ ”. — См.: YONGE (tr.) 1854, vol. II, p. 677-678.

и об этом [говорит] Аристотель, и о прочем... Женщины, говорит он, редко пьянствуют, часто — старики... Это мнение наполнено двойным смыслом, и один вытекает из другого. Ибо, как только мы узнаем, что он защищает женщин от [обвинений в] пьянстве, мы тотчас понимаем, что он последовательно подвергает такому [обвинению] стариков. Ведь женское тело и тело старческое наделены противоположной природой⁹.

Как видно из приведённых текстов Плутарха, Афинея и Макробия, все они имеют содержательные параллели, относящиеся к свойствам вина, природе опьянения людей, в частности, женщин, стариков, а также молодых людей. Наиболее информативным является изложение Плутарха. Однако у него отсутствуют сведения, имеющиеся у Афинея (например, об утрате вином крепости при его кратковременном кипячении) и у Макробия (например, относительно апологетической позиции Аристотеля в отношении женщин). Что касается текстуальных / лексических параллелей, то они отсутствуют, хотя незначительные сходства все же есть.

Заметим, что в этих фрагментах имеется ряд особенностей, на которые следует обратить внимание. Так, Плутарх использует существительные мужского (οἱ γέροντες) и женского (αἱ γυναῖκες) родов, когда говорит о том, что старики легче поддаются опьянению, чем женщины. Соответственно, в этом месте его текста нарушена логика сопоставлений, поскольку он берет пару «женщины / старики» вместо пар «старики / старухи», «женщины / мужчины», «молодые / старые». Однако ниже, в его рассуждении о молодых людях и стариках, такая логика сохранена.

Афинея, в отличие от Плутарха, при рассмотрении схожего вопроса не упоминает женщин вообще и кратко пишет (с сохранением гендерных и возрастных параллелей) лишь о пожилых мужах (οἱ γεραιότεροι) и юношах (οἱ νεοί), одинаково реагирующих на выпитое вино.

⁹ Пер. В.Т. ЗВИРЕВИЧА. Ср. перевод П. Дэйвиса: “I remember having read in the work of a Greek philosopher (unless I am mistaken, it was Aristotle’s treatise *On Drunkenness*) that women rarely become drunk but old men often, and that no explanation was given either of the frequency of the one occurrence or of the rarity of the other. Non since this question is one that is wholly concerned with our bodily nature... (16) In this as in everything else... Aristotle is right... Women, he says, rarely become drunk, old men often. There is a completely rational explanation of each part of this twofold statement, and the one depends on the other; for when we have learned what it is that keeps women from becoming drunk, then we know what it is that often brings old men to this pass, since it so happens that the nature of a woman’s body is the direct opposite of the nature of an old man’s body”. — См.: DAVIES (tr.) 1969, p. 470.

Макробий приводит более пространное, по сравнению с Плутархом, изложение. Он пишет о женщинах (*mulieres*), как очевидно, молодых, и “*senes*” (=от *senex*), что может равно означать пожилых людей какого-то одного пола (напр., старух или стариков) или же обоих полов вместе (т.е. и старух, и стариков). Таким образом, применительно к тексту Макробия следует обсуждать два возможных варианта его прочтения. Если сохранить корректную практику сравнения только сравнимых групп (как у Афиня: «старики – юноши»), то у Макробия, который говорит о молодых женщинах, для “*senes*” следует выбрать существительное женского рода множественного числа («старухи») ¹⁰. И тогда в его тексте будут противопоставлены устойчивые к опьянению молодые женщины (*mulieres*) и подверженные ему старухи. Если же посчитать “*senes*” существительным мужского рода («старики»), то (как у Плутарха) будут сравниваться несопоставимые элементы. Ниже Макробий (*Sat.* VII, 6, 16) замечает, что такое различие обусловлено природой их тел (Здесь мы также понимаем “*senes*” как существительное (или прилагательное) женского рода множественного числа: «...мнение [Аристотеля] наполнено двойным смыслом... и один вытекает из другого; ибо, как только мы узнаем, что он защищает [молодых] женщин от [обвинений в] пьянстве, мы понимаем, что он последовательно подвергает такому [обвинению] старух... Ведь тело [молодой] женщины и тело старой наделены противоположной природой» ¹¹).

Привлечение дальнейшего изложения (*Sat.* VII, 6, 17-21) Макробия помогает лучше понять мысль Аристотеля, возможно, рассуждающего о природе воздействия вина на женщин разного возраста:

(17) *Mulier humectissimo est corpore. Docet hoc et levitas cutis et splendor, docent praecipue adsiduae purgationes superfluo exonerantes corpus humore. Cum ergo epotum vinum in tam largum ceciderit humorem, vim suam perdit et fit dilutius, nec facile crebri sedem ferit fortitudine eius extincta. (18) Sed et haec ratio iuvat sententiae veritatem: Quod muliebre corpus crebris purgationibus deputatum pluribus consertum est foraminibus, ut pateat in meatus et vias praebeat humori in egestionis exitium confluenti, per haec foramina vapor vini celeriter evanescit. (19) Contra senibus siccum corpus est, quod probat asperitas et squalor cutis. Unde et haec aetas ad flexum fit difficilior, quod est indicium siccitatis. Intra hos vinum nec patitur contrarietatem repugnantis humoris, et integra vi sua adhaeret corpori arido, et mox loca tenet quae sapere homini*

¹⁰ Такое значение для чтения “*senes*” предложено В.Т. Звиревичем. См. ЗВИРЕВИЧ (пер.) 2013, р. 484.

¹¹ Пер. В.Т. ЗВИРЕВИЧА.

ministrant. (20) Dura quoque esse senum corpora nulla dubitatio est: et ideo ipsi etiam naturales meatus in membris durioribus obserantur, et hausto vino exhalatio nulla contingit, sed totum ad ipsam sedem mentis ascendit.

(17) У женщины очень влажное тело. Это подтверждает и нежность кожи, и [её] гладкость, особенно — постоянные очищения благодаря истечению, избавляющему тело от влаги. Поэтому выпитое вино, попадая в столь обильную влажность, теряет свою силу и становится разбавленным; оно с трудом поражает обиталище ума, потому что его крепость ослабела. (18) Но [еще] и то суждение помогает истине, что тело [молодой] женщины, подверженное частым очищениям, пронизано многими отверстиями, чтобы быть открытым для прохода влаги и предоставлять [ей] пути, когда та истекает при выходе выделений. Через эти отверстия быстро происходит испарение вина. (19) Напротив, у старух тело сухое, что показывает грубость и морщинистость кожи. Посему в этом возрасте очень затруднительны наклоны, что [также] является признаком сухости [тела]. Внутри них вино не испытывает противодействия враждебной влаги; во [всей] своей нетронутой силе оно закрепляется в сухом теле и вскоре овладевает областями, которые позволяют человеку быть рассудительным. (20) Нет никакого сомнения [и в том], что тела старух являются плотными, и потому в очень плотных членах [тела] даже сами естественные проходы закрываются, и когда вино поглощено, [его уже] не затрагивает никакое испарение, оно [все] целиком поднимается к самому обиталищу ума¹².

¹² Пер. В.Т. ЗВИРЕВИЧА. Ср. английский перевод П. Дэйвиса: “(17) A woman’s body is full of moisture, as appears from the smoothness and sheen of her skin, and above all from the repeated purgings which rid her body of the burden of superfluous fluid. The wine, then, that a woman drinks meets such an abundance of fluid that it loses its force and becomes diluted, and with its strength extinguished it does not easily attack the seat of the brain. (18) The truth of this statement is supported by the further consideration that a woman’s body, being subject to frequent purgings, is provided with a number of outlets to open up channels and make ways for the exit of the moisture that collects for evacuation, and it is through these outlets that the fumes of the wine quickly disappear. (19) An old man’s body, on the other hand, is dry, as is evident from the harshness and roughness of his skin, That is why at that time of life it becomes more difficult to bend, for this too is an indication of dryness. Wine drunk by and old man encounters no resistance and opposition from moisture but lays hold of the dry body with its strength unabated and presently takes possession of the parts which serve a man’s faculty of reason. (20) The bodies of old men are, without doubt, hard as well; and so, in these harder limbs, the natural channels themselves also become blocked, and consequently there are no means of escape for the fumes of the wine drunk, but they ascend in their entirety to the very seat of the mind”. — См. DAVIES (tr.) 1963, p. 470-471.

Следующие ниже строки Макробиевых *Сатурналий* (VII, 6, 21) воспроизводят релевантное изложение Плутарха (*Quaest. conv.* III, 3, 1 [650ef]). В них Макробий (как и Плутарх), придерживаясь сопоставительной логики, пишет об аналогичных физиологических и психологических качествах пребывающих в здоровом состоянии стариков и пьяных юношей, а также о сходстве их поведенческого состояния:

(21) Hinc fit ut et sani senes malis ebriorum laborent, tremore membrorum, linguae titubantia, abundantia loquendi, iracundiae concitatione: quibus tam subiacent iuvenes ebrii quam senes sobrii. Si ergo levem pertulerint impulsus vini, non accipiunt haec mala, sed incitant quibus aetatis ratione iam capti sunt.

(21) Так, случается, что и здоровые старики страдают бедами пьяных: дрожанием членов [тела], косноязычием, болтливостью, вспышками гнева, — [всему], чему столь подвержены пьяные юноши, подвержены и трезвые старики. Итак, если они испытывают лёгкое воздействие вина, [то] не получают эти беды [вновь], но лишь усиливают те, которыми они уже были охвачены с учётом [их] возраста¹³.

Таким образом, на основании сравнительного анализа текстов Плутарха, Афиней и Макробия, возможно предположить, что в этом месте у Аристотеля обсуждался вопрос о воздействии вина на людей не только разных полов, но и разных возрастных групп с сохранением логики сопоставлений (что, в целом, соответствует аналогичной практике других его работ). Конечно, при формулировании такого вывода необходимо учитывать не только вторичность Макробия как латинского автора и его опосредованное использование текстов Аристотеля¹⁴, но и компилятивную манеру составления своих работ Плутархом и Афинеем, а также отсутствие возможности определить, какими были их заимствования у Аристотеля — прямыми или опосредованными. Что касается вопроса относительно следования Макробием (*Sat.* VII, 6, 15-21) изложению Плутарха

¹³ Пер. В.Т. ЗВИРЕВИЧА. Ср. английский перевод П. Дэйвиса: “(21) Thus it happens that, even when they are sober, old men labor under the unpleasantnesses which attend drunkenness — for their limbs tremble, their speech is indistinct, they are talkative, and they are easily provoked to anger — and in their liability to these conditions old men sober resemble young men drunk. If, then, old men are but slightly under the influence of wine, they do not experience these unpleasant symptoms for the first time but rather exhibit in a more marked degree symptoms to which they have already become subject by reason of their age”. — См.: DAVIES (tr.) 1963, p. 471.

¹⁴ См.: ПЕТРОВА (2015B), с. 60-62.

(*Quaest. conv.* III, 3, 1), то он не может быть решён однозначно. Однако на основании анализа других Макробиевых опосредованных заимствований у Аристотеля¹⁵, можно предположить, что Макробий следовал какому-то иному, более близкому его времени латинскому парафразу Аристотелева текста, не дошедшему до нашего времени.

В заключение, мы предлагаем выполненную по фрагментам Плутарха, Афиная и Макробия реконструкцию существовавших в эпоху Аристотеля представлений о воздействии опьянения на людей разных возрастных и половых групп.

***О воздействии опьянения на человека,
в зависимости от пола и возраста***

(ар. PLUT., *Quaest. conv.* III, 3, 1 [650af]), АТН., *Deipn.* X, 34 [429cd],
МАСР., *Sat.* VII, 6, 15-21)

Воздействие вина на человека различно в зависимости от температуры вина. Если его немного прокипятить, оно утратит крепость и опьянит меньше (АТН.); если [же] его выпить залпом, то оно [также] опьянит в меньшей степени, поскольку пройдёт через тело насквозь, проталкиваемое быстрым натиском (PLUT.). Воздействие вина различно в зависимости от природы человека, что связано с его возрастом (PLUT.) и полом. Так, [молодые (МАСР.)] женщины, имея противоположную природу (PLUT., МАСР.), меньше поддаются опьянению, чем старухи (МАСР.) и старики (PLUT.). [Кроме того, молодые] женщины редко пьянствуют, часто — старые (МАСР.). Природе [молодых] женщин свойственна влажность, гладкость и мягкость; природе [старых женщин (МАСР.)] и стариков (PLUT.) — сухость, шероховатость и жесткость (PLUT., МАСР.). Соответственно, природе [одних (МАСР.)] присуще влажное смешение (PLUT.), других — сухое (PLUT., МАСР.). Так, [молодые (МАСР.)] женщины имеют очень влажное и пористое тело, с нежной и гладкой до блеска (PLUT.) кожей (МАСР.), способное постоянно выделять влагу и часто очищаться (PLUT., МАСР.). Такое тело, пронизанное многими отверстиями (МАСР.) и водоотводными каналцами (PLUT.), открыто для прохода влаги; оно предоставляет ей пути, когда та истекает в виде выделений (МАСР.). [Поэтому] выпитое вино, попадая в такое насыщенное столь многочисленными отверстиями тело и его влажную среду, утрачивает свою силу. Вино становится неощутимым, водянистым и разбавленным, а его крепость ослабевает. Испаряясь через телесные отверстия, оно не задерживается в главенствующих местах, расстройство которых вызывает опьянение, и с трудом поражает рассудок (PLUT., МАСР.). [Напротив], у старух (МАСР.) и стариков (PLUT.) тело

¹⁵ См.: ПЕТРОВА (2015Б), с. 72-81.

сухое, плотное и негнушееся, с грубой и морщинистой кожей (PLUT., MACR.), губкообразное, вследствие иссыхания телесной ткани (PLUT.). Попадая внутрь такого тела, у которого закрыты все естественные проходы (MACR.), вино, не испытывая противодействия влаги и сохраняя силу, закрепляется [там] и овладевает умом (Macr.). Впитываясь и задерживаясь в нем из-за его сухости (PLUT.), оно вызывает опьянение и тягостные потрясения: дрожание членов, косноязычие, болтливость, раздражительность, забывчивость, рассеянность, вспышки гнева (PLUT., MACR.). Все эти качества, свойственные старикам (PLUT.) и старухам (MACR.) и в здоровом состоянии, усиливаются под воздействием [на них] вина (PLUT., MACR.). Старики [и старухи] легко поддаются опьянению (PLUT.), поскольку их телам не хватает собственной влажности (PLUT.). Пьяный же молодой человек [весьма] похож на старика (PLUT.), поскольку он обладает теми же качествами (MACR.). [Кроме того], молодые люди пьянеют быстро от того, что в них много [собственного] тепла, и это добавленное тепло от вина их стремительно одолевает. Пожилые же люди подвергаются опьянению быстро из-за того, что в них меньше, [чем у молодых], естественного тепла и оно слабее (ATH.).

СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты Плутарха и Афиная см.: Perseus Digital Library, <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/> (Jan., 2016); TLG.

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ

- BTL — Bibliotheca Teubneriana Latina (2002).
 PHI 5 — Packard Humanities Institute (version 5) (1991).
 TLG — Thesaurus Linguae Graecae (1999).

Издания

АРИСТОТЕЛЬ

- HEITZ (ed.) 1869. — *Fragmenta Aristotelis*, collegit disposuit illustravit Aemilius HEITZ (Parisiis: Fermin-Didot, 1869).
 PAGE (ed.) 1962. — *Fragmentum*, ed. Denys Lionel PAGE, in: *Poetae melici Graeci* (Oxford: Clarendon Press, 1962; repr. 1967; 1st edn. corr.).
 LAURENTI (ed.) 1987. — ARISTOTELE, *I Frammenti del Dialoghi*, a cura di Renato LAURENTI, tt. I – II (Napoli, 1987).

- ROSE (ed.) 1886. — *Fragmenta varia*, ed. Valentin ROSE, in: *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta* (Leipzig: Teubner, 1886; repr. Stuttgart, 1967).
- ROSS (ed.) 1955. — *Artistotelis fragmenta selecta*, ed. William David ROSS (Oxford: Clarendon Press, 1955).
- WEST (ed.) 1972. — *Fragmenta*, ed. Martin Litchfield WEST, in: *Iambi et elegi Graeci*, vol. 2 (Oxford: Clarendon Press, 1972).

МАКРОБИЙ

- JAN (ed.) 1848–1852. — MACROBIUS, *Opera quae supersunt*, ed. Ludwig von JAN, vol. 1 (Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852).
- WILLIS (ed.) 1963. — *Ambrosii Theodosii Macrobiani Saturnalii*, ed. Iacobus WILLIS (Leipzig, 1963).

Переводы

- CLEMENT (tr.) 1969. — *Plutarch's Moralia in sixteen volumes*, vol. 8 (612b – 697c), with an English translation by Paul A. CLEMENT and Herbert B. HOFFLEIT (Cambridge, MA: Harvard University Press – L.: William Heinemann LTD, 1969).
- DAVIES (tr.) 1969. — MACROBIUS, *The Saturnalia*, trans. by Percival Vaughan DAVIES (N.Y. – L.: Columbia University Press, 1969).
- GOODWIN (tr.) 1874. — PLUTARCH, *Plutarch's Morals*, trans. from the Greek by several hands; corr. and rev. by William W. GOODWIN (Boston: Little, Brown, and Company – Cambridge: Press of John Wilson and son, 1874), <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg12.perseus-eng1:3.3.1> (Dec., 2015).
- GULICK (tr.) 1957. — ATHENAEUS, *The Deipnosophists*, with an English translation by Charles Burton GULICK, Ph.D., in 7 vols., vol. IV (L.: William Heinemann LTD – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957; ¹1930).
- YONGE (tr.) 1854. — *The Deipnosophists, or, Banquet of the learned of Athenæus*, trans. by Charles Duke YONGE, in 3 vol. (L.: Henry G. Bohn, 1854), <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/Literature.AthV2> (Dec., 2015).
- БОРОВСКИЙ (пер.) 1990. — ПЛУТАРХ, *Застольные беседы*, пер. с др.-греч. Я.М. БОРОВСКОГО, в: ПЛУТАРХ, *Застольные беседы*, изд. подг. Я.М. БОРОВСКИМ и др. (Л.: Наука, 1990).
- ГОЛИНКЕВИЧ (пер.) 2010. — АФИНЕЙ, *Пир мудрецов*, кн. IX – XV, пер. с др.-греч. Н.Т. ГОЛИНКЕВИЧА, в: АФИНЕЙ, *Пир*

мудрецов в пятнадцати книгах, книги IX – XV, изд. подг. Н.Т. ГОЛИНКЕВИЧЕМ (М.: Наука, 2010).

ЗВИРЕВИЧ (пер.) 2013. — МАКРОБИЙ, *Сатурналии*, пер. с лат. и др.-греч. В.Т. ЗВИРЕВИЧА, в: МАКРОБИЙ ФЕОДОСИЙ, *Сатурналии*, изд. подг. М.С. ПЕТРОВОЙ (М.: Кругъ, 2013).

БИБЛИОГРАФИЯ

- FLAMANT (1977). — FLAMANT, J., *Macrobe et le néoplatonisme latin à la fin du IVe siècle* (Leiden, 1977).
- GERSH (1986). — GERSH, S., *Middle platonism and neoplatonism, the latin tradition*, v. II (Notre Dame, 1986).
- СТАHL (1952). — STAHL, W., “Introduction”, in: MACROBIUS, *Commentary on the ‘Dream of Scipio’*, trans. with an introd. and notes (N.Y. – L., 1952).
- БАЛАЛЫКИН (2015А). — БАЛАЛЫКИН Д.А., «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть I», *Философия науки* 2/65 (2015).
- БАЛАЛЫКИН (2015Б). — БАЛАЛЫКИН Д.А., «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть II», *Философия науки* 3 / 66 (2015).
- ПЕТРОВ (2008). — ПЕТРОВ В.В., *Учение Максима Исповедника в контексте философско-богословской традиции Поздней Античности и раннего Средневековья*, дисс. на соискание уч. степени доктора филос. наук (спец. 09.00.03 — история философии) (М.: ИФРАН, 2008).
- ПЕТРОВ (2015А). — ПЕТРОВ В.В., «Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9 / 2 (2015).
- ПЕТРОВ (2015Б). — ПЕТРОВ В.В., «Ареопагитский корпус как интертекстуальный подход», *Философский журнал* 8 / 2 (2015).
- ПЕТРОВА (2000). — ПЕТРОВА М.С., «Совпадение или заимствование: Гие-рокл и Макробий», *Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. Материалы научной конференции. 20–22 ноября* (М.: ИВИ РАН, 2000).
- ПЕТРОВА (2013). — ПЕТРОВА М.С., «Макробий Феодосий и его *Сатурналии*», в: МАКРОБИЙ ФЕОДОСИЙ, *Сатурналии*, пер. В.Т. ЗВИРЕВИЧА, общ. ред. М.С. ПЕТРОВОЙ (М.: Кругъ, 2013).
- ПЕТРОВА (2015А). — ПЕТРОВА М.С., «Макробиев *Комментарий на ‘Сон Сципиона’* и релевантные контексты», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9 / 2 (2015).
- ПЕТРОВА (2015Б). — ПЕТРОВА М.С. «Тексты Аристотеля в латинской традиции Поздней Античности», *Диалог со временем* 53 (2015).
- ПЕТРОВА (2015В). — ПЕТРОВА М.С., «Круг чтения Макробия», в: *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*, под ред. Г.В. ВДОВИНОЙ (М.: Аквилон, 2015).

СЕРЕГИНА (2015). — СЕРЕГИНА А.Ю., «Аристотелевская традиция в медицине и “спор о женщинах” XVII в.: Книга повитух Джейн Шарп», *Адам и Ева* 23 (2015).

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — доктор исторических наук; главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерной истории Института всеобщей истории РАН, beionyt@mail.ru

SUMMARY

CLARIFICATION OF THE MEANING AND CONTENT OF A FRAGMENT *ON INTOXICATION* ATTRIBUTED TO ARISTOTLE THROUGH MACROBIUS' *SATURNALIA*

Maya PETROVA

The paper examines a fragment from the lost treatise *On intoxication* (probably, *Symposium, or On intoxication*) attributed to Aristotle. Its text has been reconstructed by Plutarch (*Quaest. conv.* III, 3, 1 [650af]) and Athenaeus (*Deipn.* X, 34 [429cd]). The corresponding discussion by Macrobius (*Sat.* VII, 6, 16-21) is used. The comparative analysis of the texts by Plutarch, Athenaeus and Macrobius is carried out; the similarities and differences between them are demonstrated. It is proposed to use Macrobius' text to clarify the meaning of the lost fragment and to reconstruct the views on the nature and effects of intoxication contemporary to Aristotle.

Keywords: Aristotle, *On intoxication*, fragment, meaning, reconstruction, Macrobius.

Maya PETROVA, Dr.Sc. (History), Chief Research Scientist, Head of the Center for Gender Studies of the Institute for World History RAS, beionyt@mail.ru.

Н.П. ВОЛКОВА

УМ И УМОПОСТИГАЕМОЕ КАК ПРЕДМЕТ НАУКИ О ДУШЕ У АРИСТОТЕЛЯ*

В статье анализируется аристотелевская концепция активного и пассивного умов, изложенная в третьей книге трактата Аристотеля *О душе*. Отмечено, что вопрос о взаимодействии этих умов и связь учения об активном уме с XII книгой *Метафизики* признаны историками философии (Росс, Рист) одними из наиболее противоречивых в философии Аристотеля. К рассматриваемой Аристотелем в *О душе* проблеме двух умов обращались Теофраст и комментаторы Аристотеля (такие как Александр Афродисийский, Филопон, Симпликий и др.). Эта проблема послужила отправной точкой для самостоятельных размышлений таких философов, как Аверроэс и Фома Аквинский. Автор ставит перед собой цель не только реконструировать по трактату Аристотеля *О душе* его учение о разумной части души как первой энтелехии, и обнаружить те основания, которые побудили греческого мыслителя говорить об активном и пассивном уме, но и выяснить, какой ум может быть предметом изучения науки о душе как части науки о природе, а какой не может.

Ключевые слова: Аристотель, *О душе*, ум, умопостигаемое, энтелехия.

Речь об уме, точнее, о разумной части души, заходит у Аристотеля в третьей книге его трактата *О душе*. К этому моменту Аристотель в первой книге своего сочинения проанализировал мнения предшественников о душе; во второй — представил свое учение о душе как форме естественного тела, отделимой от него только логически, и рассмотрел растительную и ощущающую части души. В начале третьей книги он разрабатывает учение о представлении (φαντασία) как посреднике между ощущением и умом. Аристотель спрашивает, есть ли что-то помимо чувственного восприятия? Существует ли что-то такое, что можно назвать мышлением и умом?

---

* Работа выполнена в рамках Проекта (№ 15–18–300005), поддержанного РНФ.

DA III. 3, 427 a 17-22: Ἐπεὶ δὲ δύο διαφοραῖς ὀρίζονται μάλιστα τὴν ψυχὴν, κινήσει τε τῆ κατὰ τόπον καὶ τῷ νοεῖν καὶ φρονεῖν καὶ αἰσθάνεσθαι, δοκεῖ δὲ καὶ τὸ νοεῖν καὶ τὸ φρονεῖν ὡςπερ αἰσθάνεσθαι τι εἶναι (ἐν ἀμφοτέροις γὰρ τούτοις κρίνει τι ἢ ψυχὴ καὶ γνωρίζει τῶν ὄντων), καὶ οἱ γε ἀρχαῖοι τὸ φρονεῖν καὶ τὸ αἰσθάνεσθαι ταῦτόν εἶναι φασιν...

Поскольку душа отличается главным образом двумя признаками — движением в отношении места и мышлением, способностями рассуждать и ощущать, то кажется, что мыслить и рассуждать подобно ощущению (ведь в этих обоих случаях душа различает и познает нечто из существующего). И древние утверждают, что рассуждать и ощущать — это одно и то же...¹.

Интересно, что к полагавшим так предшественникам Аристотель относит не только Эмпедокла и Гомера, Демокрита, но и Парменида. Это сомнение весьма основательно, ведь если подобное познается подобным, то телесный мир должен познаваться чем-то телесным:

DA III. 3, 427 a 26-29: ...πάντες γὰρ οὗτοι τὸ νοεῖν σωματικὸν ὡςπερ τὸ αἰσθάνεσθαι ὑπολαμβάνουσιν, καὶ αἰσθάνεσθαι τε καὶ φρονεῖν τῷ ὁμοίῳ τὸ ὅμοιον, ὡςπερ καὶ ἐν τοῖς κατ' ἀρχῆς λόγοις διαώρισαμεν.

Ведь все они полагают, что мышление телесно так же, как ощущение, и что и ощущают и разумеют подобное подобным, как мы это выяснили в начале сочинения.

Тем не менее, Аристотель приводит два аргумента в пользу отличия мышления от ощущений. Первый аргумент состоит в том, что мышление может ошибаться, тогда как чувственное восприятие — не может, если речь идет о восприятии непосредственных объектов отдельных чувств. Например, когда мы видим красный цвет, то не можем ошибаться в том, что видим именно красный. Второй аргумент заключается в том, что мышление присуще только человеку, и не присуще животным, хотя у них есть чувственное восприятие, а у некоторых, видимо, и способность представления.

DA III. 3, 427 b 8-14: ...οὐδὲ τὸ νοεῖν, ἐν ᾧ ἐστὶ τὸ ὀρθῶς καὶ τὸ μὴ ὀρθῶς, τὸ μὲν ὀρθῶς φρόνησις καὶ ἐπιστήμη καὶ δόξα ἀληθῆς, τὸ δὲ μὴ ὀρθῶς τάναντία τούτων — οὐδὲ τοῦτό ἐστι ταῦτό τῷ αἰσθάνεσθαι: ἢ μὲν γὰρ αἰσθησις τῶν ἰδίων ἀεὶ ἀληθῆς, καὶ πᾶσιν ὑπάρχει τοῖς ζῴοις, διανοεῖσθαι δ' ἐνδέχεται καὶ ψευδῶς, καὶ οὐδενὶ ὑπάρχει ᾧ μὴ καὶ λόγος...

...мышление, в котором есть правильное и неправильное: правильное — это разумение, знание и истинное мнение, неправильное — то, что противоположно этим, — не тождественно ощущению, потому что ощущение того, что воспринимается одним отдельным чувством, всегда истинно и имеется у всех животных, а размышлять можно ошибочно, и раз-

¹ Здесь и далее мы следуем переводу П.С. Попова (см.: АРИСТОТЕЛЬ, СС), в который вносим необходимые изменения и дополнения.

мышление не свойственно ни одному существу, не одаренному разумом.

Первый аргумент не является достаточным основанием признать наличие такой реальности как ум. Это понимает и сам Аристотель, так как ошибка возникает уже на уровне ощущений, когда речь идет о восприятии общих свойств, сопутствующих предмету восприятия отдельного чувства². Получается, что работает только второй аргумент, что ум — это нечто особенное, присущее только людям.

Если ум существует, то каким он должен быть? Аристотель полагает, что ум должен быть бестелесным, несоединенным и несмешанным с телом. Он приводит аргумент о чистоте и несмешанности ума, ссылаясь на мнения Анаксагора, что, если ум мыслит все, то он несмешанным ни с чем, т.е. находится вне смеси вещей. Анаксагор полагал так, видимо, потому что согласно его представлениям подобное познается вовсе не подобным, а наоборот неподобным, тогда ум, чтобы познать все, не должен быть одним из компонентов смеси.

DA III. 4, 429 a 19-21: ...ἀνάγκη ἄρα, ἐπεὶ πάντα νοεῖ, ἀμιγῆ εἶναι, ὥσπερ φησὶν Ἀναξαγόρας, ἵνα κρατῆ, τοῦτο δ' ἐστὶν ἵνα γνωρίζῃ (παρεμφαινόμενον γὰρ κωλύει τὸ ἀλλότριον καὶ ἀντιφράττει)...

Следовательно, поскольку ум может мыслить все, он должен быть ни с чем не смешан, — как сказал Анаксагор, чтобы властвовать над всем, то есть чтобы все познавать (ведь чуждое, являясь рядом с умом, мешает ему и заслоняет его)...

Для Аристотеля этот аргумент работает потому, что если подобное познает подобное, то ум должен находиться во всех вещах в равной мере, что очевидно не верно.

Следствием этого аргумента является то, что, если уму не должны быть свойственны никакие телесные состояния, значит, он не должен быть соединен ни с каким органом.

DA III. 4, 429 a 24-27: ...διὸ οὐδὲ μεμίχθαι εὐλόγον αὐτὸν τῷ σώματι· ποῖός τις γὰρ ἂν γίγνοιτο, ἢ ψυχρὸς ἢ θερμὸς, καὶ ὄργανόν τι εἶη, ὥσπερ τῷ αἰσθητικῷ· νῦν δ' οὐθὲν ἔστιν.

Поэтому нет разумного основания считать, что ум смешан с телом. Ведь иначе он обладал бы каким-нибудь качеством, был бы холодным или теплым, и даже имел бы какой-то орган, как имеет его способность ощущения; тут же ничего такого нет.

Это означает, что ум отличен от всего телесного не только логически, но и, как говорит Аристотель, по величине, то есть ум находится вне тела и всего телесного.

² См.: *О душе* 428 b 17-24.

В итоге в 5 главе третьей книги Аристотель предлагает такое описание ума: есть два типа ума — пассивный, становящийся всем, и активный, творящий все. Творящий ум сравнивается, во-первых, с искусством, воздействующим на материал. А, во-вторых, со светом, который переводит цвета, существующие в возможности, в цвета, существующие в действительности. Вот этот активный ум, согласно Аристотелю, существует отдельно, он несмешан ни с чем и является по своей сущности действием. Приведем цитату целиком:

DA III, 5, 430 a 10-15: 'Ελεῖ δ' [ὅσπερ] ἐν ἀπάσῃ τῇ φύσει ἐστὶ [τι] τὸ μὲν ὕλη ἐκάστῳ γένει (τοῦτο δὲ ὁ πάντα δυνάμει ἐκεῖνα), ἕτερον δὲ τὸ αἴτιον καὶ ποιητικόν, τῷ ποιεῖν πάντα, οἷον ἡ τέχνη πρὸς τὴν ὕλην πέπονθεν, ἀνάγκη καὶ ἐν τῇ ψυχῇ ὑπάρχειν ταύτας τὰς διαφοράς καὶ ἔστιν ὁ μὲν τοιοῦτος νοῦς τῷ πάντα γίνεσθαι, ὁ δὲ τῷ πάντα ποιεῖν, ὡς ἕξις τις, οἷον τὸ φῶς· τρόπον γάρ τινα ποιεῖ τὰ δυνάμει ὄντα χρώματα ἐνεργεῖα χρώματα. καὶ οὗτος ὁ νοῦς χωριστὸς καὶ ἀπαθὴς καὶ ἀμιγής, τῇ οὐσίᾳ ὢν ἐνεργεῖα· αἰεὶ γὰρ τιμώτερον τὸ ποιοῦν τοῦ πάσχοντος καὶ ἡ ἀρχὴ τῆς ὕλης.

Так как во всякой природе одно — это материя в каждом роде (то, что является всеми этими вещами в возможности), а другое — причина и действующее [начало], для того, чтобы создать все, как, например, искусство по отношению к материалу, подвергающемуся воздействию, то необходимо, чтобы и в душе имели место эти различия, а именно: существует, с одной стороны, такой ум, который становится всем, с другой — ум, все производящий, как некое состояние, подобное свету. Ведь некоторым образом свет делает действительными цвета, существующие в возможности. И вот этот ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью, потому что действующее всегда выше претерпевающего и начало выше материи.

Итак, активный ум является единственным бестелесным элементом во всей аристотелевской психологии. Но тогда очевидно противоречие: если ум — это часть нашей души или находится в разумной части души, то он не может быть бестелесным, если вся душа телесна.

Знаменитый издатель Аристотеля Дэвид Росс в своем издании *De anima*³ сначала отсылает нас к обширнейшей комментаторской традиции, начинающейся с Теофраста. Эту фразу Теофраста сохранил Фемистий в своем парафразе на *De anima* Аристотеля.

THEMISTIUS, *De anima paraphrasis*⁴, 108 18-28: ...'ἐκεῖνο' φησὶν 'ἐπισκεπτόν, ὃ δὴ φαμεν ἐν

Он (Аристотель. — *H.B.*) говорит, что следует исследовать сказанное нами о том, что во всякой природе

³ ROSS (1961).

⁴ Цит. по TLG.

πάση φύσει τὸ μὲν ὡς ὕλην καὶ δυνάμει, τὸ δὲ αἴτιον καὶ ποιητικόν'... 'τίνε οὖν αὐταὶ αἱ δύο φύσεις; καὶ τί πάλιν τὸ ὑποκείμενον ἢ συνηρημένον τῷ ποιητικῷ; μικτὸν γὰρ πῶς ὁ νοῦς ἔκ τε τοῦ ποιητικοῦ καὶ τοῦ δυνάμει. εἰ μὲν οὖν σύμφυτος ὁ κινῶν, καὶ εὐθὺς ἐχρήν καὶ αἰεὶ· εἰ δὲ ὕστερον, μετὰ τίνος καὶ πῶς ἢ γένεσις; εἴκε δ' οὖν ὡς ἀγένητος, εἴτερ καὶ ἀφθαρτος. ἐνυλάρχων δ' οὖν διὰ τί οὐκ αἰεὶ; ἢ διὰ τί λήθη καὶ ἀπάτη καὶ ψεῦδος; ἢ διὰ τὴν μίξιν·

одно выступает в качестве материи и существует в возможности, а другое в качестве причины и действующего... что это за две природы?

И опять-таки что такое подлежащее, или соединенное с действующим? Ведь ум каким-то образом смешан из действующего и существующего в возможности. Тогда если ум, приводящий в движение, врожден нам, то мы должны бы были обладать им сразу и всегда, но если он появляется в нас позже, то с чьей помощью и каким образом он возникает? Так что мне кажется, что он нерожден, если только он неуничтожим. Но тогда почему он не присутствует всегда? Или почему возникает забвение, обман и ложь? Или почему есть смешение?⁵.

Таким образом, мы видим, что с самого начала недоумение вызывало, что такое активный ум и что такое пассивный ум? Представляет ли наш ум их смешение? Если да, то есть активный ум всегда принадлежит нам, то почему мы мыслим не всегда и можем заблуждаться?

Затем Росс рассматривает интерпретацию Александра Афродисийского. Александру принадлежал один из первых комментариев к сочинению *О душе*, однако, он до нас не дошел. Сохранился его собственный трактат *De anima*⁶, который считается близко следующим утраченному комментарию. Александр хотел представить учение Аристотеля об уме как единое целое, поэтому ему нужно было показать, как этот фрагмент может быть интерпретирован, во-первых, в свете психологической теории Аристотеля, а, во-вторых, связать с учением об уме в XII книге *Метафизики*⁷. В последней части *De anima* (80, 16 и далее) Александр предлагает такую реконструкцию аристотелевского учения об уме.

⁵ Перевод наш.

⁶ Цит. по TLG. Долгое время считалось, что помимо *De anima* Александру также принадлежит трактат *De intellectu*, сохранившийся в коллекции разнообразных психологических текстов, известной как *Mantissa*. Трактат *De intellectu* рассматривался исследователями как второй вариант *De anima*, пока в 1942 г. Моро не поставил под сомнение его аутентичность. См. MORAUX (1942).

⁷ О том, как Александр разъясняет другие теории Аристотеля, например, о росте и растущем, см.: ПЕТРОВ (2015).

Разумную душу отличает способность суждения, которая по своей природе двояка: первая — это способность к составлению мнений (δοξαστική), вторая — к ведению научного исследования (ἡ ἐπιστημονική). Каждая из этих способностей называется умом, первый ум — ум практический, второй — теоретический (81, 8-12). Человек не рождается наделенным таким умом, но обладает способностью и готовностью принять его (ἔχων μὲν δύναμιν καὶ ἐπιτηδείότητα). От рождения у всех людей присутствует материальный ум (ὕλκός νοῦς), названный так потому, что все, что способно принять нечто, является его материей. Но есть и второй ум — это ум, появляющийся путем воспитания первого (ὁ δὲ διὰ διδασκαλίας), он представляет собой первую энтелехию ума. Это ум, обладающим знанием. Существует также третий действующий ум, который является ничем иным как умопостигаемой формой (ὁ κατ' ἐνέργειαν νοῦς οὐδὲν ἄλλο ἢ τὸ εἶδος τὸ νοούμενον). Ум, обладающий знанием, начинает мыслить тогда, когда мыслит умопостигаемые формы. Умопостигаемые формы находятся в нас только в возможности, поэтому необходим активный ум, который сделает внутриматериальные формы умопостигаемыми, тем самым, он позволяет мыслить нашему уму. Поскольку ум есть то, что он мыслит, то тот ум, который мыслит преходящее, отделяя формы от материи, сам не вечен, а активный ум, мыслящий непреходящие, вечные и нематериальные формы, не уничтожим и вечен. Активный ум нам не принадлежит, он приходит извне (108, 22-24).

Александр также говорит об активном уме как о первой причине, которая является причиной и источником бытия всех других существ (89, 9-19), таким образом, он отождествляет активный ум и божественный ум из *Метафизики* Λ. Дальнейшие интерпретации принадлежат Филопону, Симпликию, Софонию; также это рассуждение об активном уме явилось отправной точкой в размышлениях Аверроэса и Фомы Аквинского.

После краткого изложения мнений комментаторов Дэвид Росс предлагает свою собственную интерпретацию учению об активном и пассивном уме. Поскольку Аристотель говорит ἐν τῇ ψυχῇ, это означает, что активный ум изначально находится в нас, однако, после смерти он отделяется и продолжает свое существование. Росс подкрепляет верность такой интерпретации, указывая на строку из конца главы 5, где Аристотель говорит об уме не χωριστὸς, а ο χωρισθεῖς, т.е. не отдельный, а отделенный. С этой интерпретацией соглашается Джон Рист в статье “Notes on Aristotle *De anima* 3. 5”⁸, также доказывающей принадлежность активного ума нам.

---

⁸ RIST (1966).

Ниже нами предпринимается попытка проследить логику Аристотеля в трактате *О душе*. С этой целью мы намерены, во-первых, реконструировать учение Аристотеля о разумной части души как первой энтелехии; во-вторых, найти те основания, которые побуждают его говорить об активном и пассивном уме; в-третьих, выяснить, какой ум может быть предметом изучения науки о душе.

Аристотель относит учение о душе к физике, определив душу как начало живых существ.

DA I. 1, 402 a 4-8: ...δοκεῖ δὲ καὶ πρὸς ἀλήθειαν ἄπλασαν ἢ γνῶσις αὐτῆς μεγάλα συμβάλλεσθαι, μάλιστα δὲ πρὸς τὴν φύσιν· ἔστι γὰρ οἶον ἀρχὴ τῶν ζώων.

Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. Ведь душа есть как бы начало живых существ.

Согласно Аристотелю, теоретические науки (ἐπιστήμαι) отличаются друг от друга не способом обоснования — способ доказательства один и тот же, правильный силлогизм —, а изучаемым предметом. Согласно *Метафизике* E, всего таких наук три — физика, математика и теология⁹. Каждая из них имеет своим предметом один из родов сущности¹⁰. Физика занимается чувственно воспринимаемой сущностью (αἰσθητὴ οὐσία), которая имеет в себе самой начало движения и покоя¹¹, математика — математическими сущностями, которые неподвижны, но не существуют самостоятельно, и, наконец, первая философия имеет дело с неподвижной и существующей самостоятельно сущностью¹². Чувственно воспринимаемые сущности делятся на два вида: одни вечные и непреходящие (небесные тела), а другие преходящие (растения, животные, простые тела). Но все они подвержены изменениям¹³, а всякое изменение, согласно Аристотелю, — это переход из одной противоположности в другую. Сами противоположности изменяться не могут, потому что они уничтожают друг друга, значит, есть нечто третье, субстрат, или материя, который лежит в основании противоположностей. Материя необходима для всякой физической сущности, потому что всё движущееся имеет материю. Видов изменения всего четыре, они распределяются по категориям следующим образом:

⁹ 1026 a 18-22. Здесь и ниже мы цитируем Аристотеля по *СС* с необходимыми с нашей точки зрения исправлениями.

¹⁰ 1025 b 8-9.

¹¹ 1025 b 19-22: «...учение о природе также имеет теперь дело с некоторым родом сущего, а именно с такой сущностью, которая имеет начало движения и покоя в самой себе...».

¹² 1026 a 12-17.

¹³ Небесные тела вечные, но они перемещаются, а значит, изменяются в отношении места.

Met. Λ 1069 b 5-15: ...εἰ δὴ αἱ μεταβολαὶ τέτταρες, ἢ κατὰ τὸ τί ἢ κατὰ τὸ ποῖον ἢ πόσον ἢ ποῦ, καὶ γένεσις μὲν ἢ ἀπλῆ καὶ φθορὰ ἢ κατὰ <τὸ> τόδε, αὐξήσις δὲ καὶ φθίσις ἢ κατὰ τὸ ποσόν, ἀλλοίωσις δὲ ἢ κατὰ τὸ πάθος, φορὰ δὲ ἢ κατὰ τόπον, εἰς ἐναντιώσεις ἂν εἶεν τὰς καθ' ἕκαστον αἱ μεταβολαί.

Если же видов изменений четыре — или в отношении «что», или в отношении качества, или количества, или «где»: изменение «вот этого» есть возникновение и уничтожение в безотносительном смысле, изменение количества — рост и убыль, изменение состояния — превращение, изменение места — перемещение, — то каждое из этих изменений есть переход в соответствующую противоположность.

Субстрат изменяется потому, что способен принять обе противоположности. Поэтому есть еще один способ говорить об изменении какой-либо вещи, можно говорить о переходе из сущего в возможности в сущее в действительности:

Met. Λ 1069 b 15-20: ...ἐπεὶ δὲ διττὸν τὸ ὄν, μεταβάλλει πᾶν ἐκ τοῦ δυνάμει ὄντος εἰς τὸ ἐνεργεῖα ὄν (οἷον ἐκ λευκοῦ δυνάμει εἰς τὸ ἐνεργεῖα λευκόν, ὁμοίως δὲ καὶ ἐπ' αὐξήσεως καὶ φθίσεως), ὥστε οὐ μόνον κατὰ συμβεβηκὸς ἐνδέχεται γίγνεσθαι ἐκ μὴ ὄντος, ἀλλὰ καὶ ἐξ ὄντος γίγνεται πάντα, δυνάμει μέντοι ὄντος, ἐκ μὴ ὄντος δὲ ἐνεργεῖα.

А так как сущее имеет двоякое значение, то все изменяется из сущего в возможности в сущее в действительности (например, из белого в возможности в белое в действительности, также обстоит дело с ростом и убылью), так что возникновение из не-сущего возможно не только привходящим образом, но все возникает из сущего, однако, из сущего в возможности, а не из сущего в действительности.

Возникновение и уничтожение как любое изменение можно описать как переход из сущего в возможности к сущему в действительности. Когда мы говорим о возникновении и уничтожении, то говорим уже о самой вещи, а не о том, что ей присуще, то есть мы говорим не привходящим образом (οὐ κατὰ συμβεβηκὸς), а безотносительно (ἢ ἀπλῆ). В последнем определении важно отметить, что субстрат, или материя, уже не существует и не рассматривается отдельно от противоположностей, разные модусы его бытия и есть эти противоположности. Таким образом, Аристотель показывает, что становление (γένεσις) — это способ бытия физической сущности. Таким образом, если ум является физической сущностью, то должен быть ум в возможности и ум в действительности.

Откуда физика берет свой предмет? Всякое теоретическое знание имеет дело (πραγματεύονται) с каким-то одним определенным родом сущего, а именно, с сущностью. Но они не имеют дела с сущим вообще (ἀπλῶς), — утверждает Аристотель в *Метафизике* E.

Под сущим вообще (*ἀπλῶς*) или безотносительно, Аристотель понимает «сущее, поскольку оно сущее», т.е. он ставит вопрос о сути сущего, о том, что делает сущее сущим. Оказывается, что этот вопрос не находится в ведении ни одной из теоретических наук, потому что аподектическое знание исходит из своего предмета, а не обосновывает его, оно идет от посылок к следствиям.

Met. E 1025 b 7-16: ...ἀλλὰ πᾶσαι αὐταὶ περὶ ὧν τι καὶ γένος τι περιγραφήμενα περὶ τούτου πραγματεύονται, ἀλλ' οὐχὶ περὶ ὄντος ἀπλῶς οὐδὲ ἢ ὧν, οὐδὲ τοῦ τί ἐστὶν οὐθένενα λόγον ποιοῦνται, ἀλλ' ἐκ τούτου, αἱ μὲν αἰσθήσει ποιήσασαι αὐτὸ δῆλον αἱ δ' ὑπόθεσιν λαβοῦσαι τὸ τί ἐστὶν, οὕτω τὰ καθ' αὐτὰ ὑπάρχοντα τῷ γένει περὶ ὃ εἰσὶν ἀποδεικνύουσιν ἢ ἀναγκαιότερον ἢ μαλακώτερον...

Но все они (теоретические науки. — *H.B.*) имеют дело с одним определенным сущим и одним определенным родом, которым они ограничиваются, а не с сущим безотносительно, то есть не поскольку оно сущее, и не дают никакого отчета о том, что нечто существует, а исходит из этого: одни науки делают это ясным с помощью чувственного восприятия, другие принимают как предпосылку, что это есть, таким образом они с большей или меньшей строгостью доказывают то, что само по себе присуще тому роду, которым они заняты...

Даже если бы наука хотела доказать существование своего предмета, сделать этого она бы не смогла. Потому что доказать начало доказательства нельзя. Получится либо круг в доказательствах, либо ряд доказательств будет уходить в бесконечность. В обоих случаях это говорит о том, что никакого доказательства не существует. Началом доказательства оказывается недоказуемое определение.

Anal. Post. II 90 b 25: ...ἔτι αἱ ἀρχαὶ τῶν ἀποδείξεων ὀρισμοί, ὧν ὅτι οὐκ ἔσονται ἀποδείξεις δέδεικται πρότερον — ἢ ἔσονται αἱ ἀρχαὶ ἀποδεικταὶ καὶ τῶν ἀρχῶν ἀρχαί, καὶ τοῦτ' εἰς ἄπειρον βαδιεῖται, ἢ τὰ πρῶτα ὀρισμοὶ ἔσονται ἀναπόδεκτοι.

Далее, начала доказательств — это определения, у начал же не будет доказательств, что уже раньше было показано. В самом деле, или начала доказуемы, тогда имеются начала начал — и так до бесконечности, или первые [начала] будут недоказуемыми определениями.

Значит, должна быть отдельная наука (но наука в другом смысле, ведь Аристотель сам говорит, что наука не обосновывает существование своего предмета, а принимает его либо опираясь на чувственное восприятие, как делает это физика, либо как гипотезу, как это делает математика) занимающаяся сутью бытия всякого сущего, т.е. Аристотель спрашивает о возможности существования философии. Так вот для Аристотеля существование такой науки —

проблема¹⁴, и причин тому множество. Одна из них та, что сущее не является родом, понятие сущего омонимично, если оно и обладает каким-то единством, то это так называемое единство по аналогии, то есть единство в отношении к чему-то, а именно, к сущности, потому что именно сущность является сущим в первом и прямом смысле этого слова. Поэтому вопрос о существовании сущего становится вопросом о сущности сущности.

Как поставить вопрос о сущности, если она находится в основании научного знания? Аристотель спрашивает, каким образом устроено всякое вопрошание? Если мы хотим узнать о вещи, что она такое, то мы должны узнать ее причину. Аристотель наглядно поясняет, почему это так во второй книге *Второй аналитики*. Есть всего четыре вида искомого: во-первых, «что», то есть мы ищем определение, во-вторых, «почему», мы ищем причину, в-третьих, «есть ли», то есть, существует ли, и, в-четвертых, «что есть», то есть что это такое есть¹⁵. Сначала мы видим, что нечто есть и только потом спрашиваем, что это есть. Когда мы знаем, что вот это есть, то мы спрашиваем причину, почему это так. То есть когда мы выяснили, что вещь *есть* и что она есть, мы спрашиваем, почему она есть или что она такое? Например, если мы видим затмение Луны, то спрашиваем, почему Луна затмевается? Тогда знание о том, что такое лунное затмение и причина, почему оно происходит, с очевидностью совпадают. Этот же принцип изучения предмета, то есть нахождение его причин, Аристотель применяет в *Физике*:

Так как наше исследование предпринято ради знания, а знаем мы, по нашему убеждению, каждую [вещь] только тогда, когда понимаем, «почему [она]» (а это значит понять первую причину), то ясно, что нам надлежит сделать это и относительно возникновения, уничтожения и всякого физического изменения, чтобы, зная их начала, мы могли попытаться свести к ним каждую исследуемую вещь¹⁶.

Возникновение и уничтожение принадлежит самой сущности физической вещи, а не тому что о ней сказывается, значит, нахождение причин возникновения и уничтожения — это нахождение причин физической сущности. Понятие первой причины, то есть причины, у которой уже не может быть другой причины, а значит, причины сущности имеет четыре значения: материальная, формальная, действующая и целевая.

¹⁴ Вопросы, относящиеся к проблеме первой философии и ее предмета, Аристотель формулирует в *Метафизике* В 995 б 4 – 996 а 17.

¹⁵ 89 б 20-25.

¹⁶ 194 б 16 – 195 б 30.

В одном значении причиной называется то, «из чего», как внутренне ему присущего, возникает что-нибудь, например медь — причина этой статуи или серебро — этой чаши, и их роды. В другом значении [причиной будут] форма и образец... Далее, [причиной называется то], откуда первое начало изменения или покоя; например, давший совет есть причина, для ребенка причина — отец, и, вообще, производящее — причина производимого и изменяющего — изменяемого. Наконец, [причина] как цель, т.е. «ради чего»; например, [причина] прогулки — здоровье. Почему он гуляет? Мы скажем: «чтобы быть здоровым» — и, сказав так, полагаем, что указали причину¹⁷.

Поскольку речь идет о причинах сущности, они называются онтологическими. Итак, вопрос о сути сущности сводится к вопросу о причинах сущности, при чем вопрос о причинах физической сущности ставится и решается в *Физике*, значит, физика будет, с одной стороны, теоретической наукой, а с другой стороны, частью философии.

Что значит положить в основание теоретической науки сущность? Это означает, во-первых, дать ее определение, то есть понять, о чем идет речь, а, во-вторых, показать, что существует такая вещь, которая соответствует определению, то есть что это действительно сущность, ведь сущность — это и наиболее познаваемое, и наиболее существующее. Этот принцип Аристотель формулирует во *Второй Аналитике* (1 кн.): всякое знание исходит из ранее имеющегося знания, и это знание двояко — знание о том, что нечто существует, и знание о том, о чем идет речь, в случае теоретических наук, например, математики, надо знать и первое и второе.

Anal. Post. I 71 a 1-5: Πᾶσα διδασκαλία καὶ πᾶσα μάθησις διανοητικὴ ἐκ προὔπαρχούσης γίνεται γνώσεως. φανερόν δὲ τοῦτο θεωροῦσιν ἐπὶ πασῶν· αἶ τε γὰρ μαθηματικαὶ τῶν ἐπιστημῶν διὰ τούτου τοῦ τρόπου παραγίνονται καὶ τῶν ἄλλων ἐκάστη τεχνῶν.

Anal. Post. I 71 a 11-17: ...διχῶς δ' ἀναγκαῖον προγινώσκειν· τὰ μὲν γάρ, ὅτι ἔστι, προὔπολαμβάνειν ἀναγκαῖον, τὰ δέ, τί τὸ λεγόμενόν ἐστι, ξυγιέναι δεῖ, τὰ δ' ἄμφο, οἷον ὅτι μὲν ἅπαν ἢ φῆσαι ἢ ἀποφῆσαι ἀληθές, ὅτι ἔστι, τὸ δὲ τρίγωνον, ὅτι τοδὶ σημαίνει, τὴν δὲ μονάδα ἄμφο, καὶ τί σημαίνει καὶ ὅτι

Всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение возникает из ранее имеющегося знания. Это становится очевидным, если мы рассмотрим это в каждом случае, ведь и математические науки, и каждое из прочих искусств приобретаются именно таким способом.

Иметь предварительное знание необходимо двояко, а именно: в одних случаях необходимо заранее принять, что это есть, в других следует понять, о чем идет речь, в-третьих, необходимо и то и другое; например, то, что истинно или утверждать, или отрицать всякий [пре-

¹⁷ 194 b 16 – 195 b 30.

ἔστιν· οὐ γὰρ ὁμοίως τούτων ἕκαστον
δῆλον ἡμῖν.

дикат], нужно заранее знать, что это
есть; относительно треугольника, —
что он то-то и то-то означает, а отно-
сительно единицы — и то и другое:
и то, что она означает, и то, что она
есть, ведь каждое из них ясно нам не
одинаково.

Подведем итог сказанному о предмете физической науки. Предмет физики — физическая сущность. То, что это именно сущность Аристотель показывает в *Физике*, раскладывая ее на четыре онтологические причины, о которых он также говорит в *Метафизике* А. Но то, что именно эти четыре причины делают сущность сущностью, то есть вопрос о смысле сущего, решается не в рамках физики, а в рамках другой науки, философии. Философия — наука в смысле строгости знания, она должна быть даже более строгой, чем другие науки, потому что она отвечает не только на вопрос, что значит существовать, что значит быть сущностью, но и каким-то образом показывает, что данная вещь действительно существует.

Вернемся к трактату *О душе*. В самом начале трактата Аристотель ставит следующие вопросы о душе как предмете науки о природе. Во-первых, к какому роду сущего относиться душа? Является ли душа сущностью, или качеством, или количеством и т.д., то есть к какой категории сущего она принадлежит?

DA I. 1, 402 a 23-26: ...πρῶτον δ'
ἴσως ἀναγκαῖον διελεῖν ἐν τίνι τῶν
γενῶν καὶ τί ἐστι, λέγω δὲ πότερον
τόδε τι καὶ οὐσία ἢ ποιὸν ἢ ποσόν, ἢ
καὶ πρὸς ἄλλη τῶν διακρεθεισῶν
κατηγοριῶν.

Быть может, прежде всего, необ-
ходимо определить, к какому роду
сущего относится душа и что она
такое; я имею в виду, является ли
она отдельной вещью, т.е. сущно-
стью, или качеством, или количест-
вом, или какой-нибудь другой из
различных нами родов сущего.

Во-вторых, является ли душа бытием в возможности или бытием в действительности?

DA I. 1, 402 a 26 – 402 b 1: ...ἔτι δὲ
πότερον τῶν ἐν δυνάμει ὄντων ἢ
μᾶλλον ἐντελέχειά...

Далее, относится ли она к тому,
что существует в возможности, или,
скорее, есть некоторая энтелехия...

И, в-третьих, делима ли душа на части или нет? Если делима, то ее части единовидны или нет? Если части не единовидны, то они различаются по виду или по роду.

DA I. 1, 402 b 1-2: ...σκεπτέον δὲ
καὶ εἰ μεριστὴ ἢ ἀμερής, καὶ πότερον

... следует также выяснить, дели-
ма душа на части или неделима, и

ὁμοειδῆς ἅλασα ψυχῇ ἢ οὐ· εἰ δὲ μὴ
ὁμοειδῆς, πότερον εἶδει διαφέρουσα ἢ
γένει.

единовидны ли части или нет.
И если не единовидны, то отлича-
ются ли они друг от друга по виду
или по роду.

Сущностями Аристотелю кажутся, прежде всего, физические тела. Почему это так? Физические тела представляются сущностями на том основании, что они сами могут выступать как начала или причины для других тел. Физические тела бывают двух типов — наделенные жизнью и не наделенные. Неодушевленные физические тела, первоэлементы, могут быть началами других тел в смысле материи, одушевленные физические тела являются началами себе подобных живых существ, выступая в качестве действующей причины.

DA II, 2, 412 a 11-13: ...οὐσία δὲ
μάλιστα εἶναι δοκοῦσι τὰ σώματα, καὶ
τούτων τὰ φυσικά· ταῦτα γὰρ τῶν
ἄλλων ἀρχαί.

По-видимому, главным образом
тела, и притом естественные, суть
сущности, ибо они начала всех ос-
тальных тел.

Все физические тела состоят из материи и формы, у живого тела форма — это душа. Таким образом, Аристотель отвечает на первый вопрос, относительно природы души, который он сформулировал в начале, что душа — это сущность в смысле формы естественного тела:

DA II, 2, 412 a 19-21: ...ἀναγκαῖον
ἄρα τὴν ψυχὴν οὐσίαν εἶναι ὡς εἶδος
σώματος φυσικοῦ δυνάμει ζωῆς
ἔχοντος.

...душа необходимо есть сущ-
ность в смысле формы естественного
тела, обладающего в возможно-
сти жизнью.

Одушевленное тело — это сущность и сущность изменяющаяся, поэтому она может быть представлена в двух аспектах — как бытие в возможности и бытие в действительности. Для Аристотеля быть в возможности живым, означает для тела иметь органы, то есть быть органическим.

DA II, 2, 412 a 28: ...τοιοῦτον δὲ ὁ
ἂν ἢ ὀργανικόν.

А таким телом может быть лишь
тело, обладающее органами.

Теперь нужно ответить на второй вопрос — является ли душа сущим в действительности, то есть энтелехией? Слово энтелехия — это аристотелевский неологизм, означающей то, что само в себе содержит свою цель. Аристотель различает две ступени актуализации — первую и вторую энтелехию. Первую он сравнивает с обладанием знанием (ἐπιστήμη), а вторую — с использованием знания (τὸ θεορεῖν).

DA II, 2, 412 a 9-11: ...ἔστι δ' ἡ μὲν
ὕλη δύναμις, τὸ δ' εἶδος ἐντελέχεια,

Материя есть возможность, форма
же — энтелехия, при чем в двойном

καὶ τοῦτο διχῶς, τὸ μὲν ὡς ἐπιστήμη,
τὸ δ' ὡς τὸ θεωρεῖν.

смысле — в таком, как знание, и в
таком, как деятельность созерцания.

Нужно выяснить в каком смысле душа — бытие в действительности, в смысле первой или второй энтелехии? Аристотель полагает, что душа — это первая энтелехия, то есть это обладание способностями, а не использование их. В качестве основания для этого утверждения Аристотель приводит следующий довод: душа причина сна и бодрствования, бодрствование он сравнивает с теорией, а сон с эпистемой. А раз душа бодрствует не всегда, то она сама по себе скорее эпистема, чем теория.

DA II, 2, 412 a 23-26: ...φανερὸν
οὖν ὅτι ὡς ἐπιστήμη· ἐν γὰρ τῷ
ὑπάρχειν τὴν ψυχὴν καὶ ὕπνος καὶ
ἐγρήγορσις ἐστίν, ἀνάλογον δ' ἢ μὲν
ἐγρήγορσις τῷ θεωρεῖν, ὁ δ' ὕπνος τῷ
ἔχειν καὶ μὴ ἐνεργεῖν·

Итак, ясно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как знание, потому что в силу присутствия души имеются и сон, и бодрствование, причем бодрствование сходно с деятельностью созерцания, сон же — с обладанием, но без действия.

Вот почему душа первая, а не вторая энтелехия.

DA II, 2, 412 a 27-28: ...διὸ ἡ ψυχὴ
ἐστὶν ἐντελέχεια ἢ πρώτη σώματος
φυσικοῦ δυνάμει ζωὴν ἔχοντος.

Именно поэтому душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью.

Следует еще раз обратить внимание на специфику аристотелевского определения души как энтелехии естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Во-первых, душа и тело неотделимы друг от друга физически. Быть в возможности живым означает иметь органы, но сам Аристотель говорит, что органы могут быть органами, то есть орудиями души, только если тело живое. Он приводит пример с глазом, если человек лишился зрения, то его глаза только называются глазами, также как только называются глазами глаза статуи и портрета. Таким образом, разделение живого существа на материю и форму чисто логическое, данное с точки зрения формы. А как иначе мы могли бы еще определить материю? Во-вторых, определив душу как первую энтелехию, Аристотель показывает, почему одушевленные существа — это сущности. Они могут быть представлены как четыре онтологические причины: три из которых (форма, деятель, цель) — это душа, а четвертая (материя) — тело.

Аристотель дает еще одно определение души. Душа — это суть бытия физического тела, обладающего в возможности жизнью. В этом определении встречаются два аристотелевских неологизма — энтелехия и суть бытия.

DA II, 2, 412 b 11-13: ...καθόλου μὲν οὖν εἴρηται τί ἐστὶν ἡ ψυχὴ· οὐσία γάρ ἢ κατὰ τὸν λόγον. Τοῦτο δὲ τὸ τί ἦν εἶναι τῷ τοιοῦτι σώματι.

Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма, а это — суть бытия вот такого тела.

Всякое физическое тело, наделенное жизнью, будет одушевленным. Согласно Аристотелю, понятие жизни многозначное, мы говорим о том, что нечто живое, если присутствует один из следующих признаков — ум, способность восприятия, а также движение и покой в пространстве и в смысле питания и роста.

DA II, 2, 413 a 23-25: ...λέγομεν οὖν, ἀρχὴν λαβόντες τῆς σκέψεως, διωρίσθαι τὸ ἐμψυχον τοῦ ἀψύχου τῷ ζῆν. πλεοναχῶς δὲ τοῦ ζῆν λεγομένου, κὰν ἔν τι τούτων ἐνυλάρχη μόνον, ζῆν αὐτὸ φαμεν, οἷον νοῦς, αἴσθησις, κίνησις καὶ στάσις ἢ κατὰ τόπον, ἔτι κίνησις ἢ κατὰ τροφὴν καὶ φθίσις τε καὶ αὐξήσις.

Итак, приняв начало рассмотрения, мы утверждаем, что одушевленное отличается от неодушевленного наличием жизни. Но о жизни говорится в разных значениях, и мы утверждаем, что нечто живет и тогда, когда у него наличествует хотя бы один из следующих признаков: ум, ощущение, движение и покой в пространстве, а также движение в смысле питания, упадка и роста.

У жизни нет общего рода, а значит, нет общего рода души. Как относятся друг к другу перечисленные способности души? Они представляют собой серию, в которой последующее не существует без предыдущего.

DA II, 2, 414 b 28 – 415 a 3: ...παραπλησίως δ' ἔχει τῷ περὶ τῶν σχημάτων καὶ τὰ κατὰ ψυχὴν· αἰεὶ γὰρ ἐν τῷ ἐφεξῆς ὑπάρχει δυνάμει αἰεὶ γὰρ ἐν τῷ ἐφεξῆς ὑπάρχει δυνάμει τὸ πρότερον ἐπὶ τε τῶν σχημάτων καὶ ἐπὶ τῶν ἐμψύχων, οἷον ἐν τετραγώνῳ μὲν τρίγωνον, ἐν αἰσθητικῷ δὲ τὸ θρεπτικόν.

С тем, что относится к душе, дело обстоит так же, как с фигурами, потому что и в случае фигур, и в случае одушевленных существ всегда в последующем наличествует в возможном предшествующее, например: в четырехугольнике — треугольник, в способности ощущения — растительная способность.

У такой серии, согласно Аристотелю, нет общего рода, а значит, «сказываемое о них самих не может быть чем-то помимо них самих». Тогда что представляет собой полученное общее определение души как первой энтелехии живого тела? Правильно ли оно дано? Общее определение души дано правильно, но относится оно к каждому роду души в отдельности. Внутри каждого рода души есть свои виды — например, ощущающая душа делится на осязательную, обонятельную, зрительную. А ощущающей душой как родом можно считать общее чувство. Таким образом, Аристотель отвечает

на третий вопрос относительно природы души. Душа имеет части, этих частей три и они различаются между собой как роды, а не как виды. Началом науки о душе будет не общий род души, а различные души — растительная, осязающая и разумная.

Аристотель в *О душе* начинает рассматривать разумную душу со сравнения чувственного восприятия и умопостижения. Чтобы это сравнение было понятно, сначала следует изложить теорию чувственного восприятия Аристотеля в общих чертах, не касаясь сложностей и деталей¹⁸. Всякое чувство — это способность воспринять форму осязаемого без материи. Ощущение претерпевает нечто от воспринимаемого предмета, а именно орган чувства становится новой материей для воспринимаемой формы.

DA II. 12, 424a 19-24:

Καθόλου δὲ περὶ πάσης αἰσθήσεως
δεῖ λαβεῖν ὅτι ἢ μὲν αἰσθησίς ἐστι τὸ
δεκτικὸν τῶν αἰσθητῶν εἰδῶν ἄνευ
τῆς ὕλης, οἷον ὁ κηρὸς τοῦ
δακτυλίου ἄνευ τοῦ σιδήρου καὶ τοῦ
χρυσοῦ δέχεται τὸ σημεῖον, λαμβάνει
δὲ τὸ χρυσοῦν ἢ τὸ χαλκοῦν σημεῖον,
ἀλλ' οὐχ ἢ χρυσοῦς ἢ χαλκός· ὁμοίως
δὲ καὶ ἡ αἰσθησίς ἐκάστου ὑπὸ τοῦ
ἔχοντος χροῖμα ἢ χυμὸν ἢ ψόφον
πάσχει. ἀλλ' οὐχ ἢ ἕκαστον ἐκείνων
λέγεται, ἀλλ' ἢ τοιονδί, καὶ κατὰ τὸν
λόγον.

Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что способно воспринимать формы осязаемого без материи, подобно тому, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота. Воск принимает золотой или медный отпечаток, но не поскольку это золото или медь. Подобным образом и ощущение, доставляемое каждым органом чувства, испытывает что-то от предмета, имеющего цвет, или осязаемого на вкус, или производящего звук, но не поскольку под каждым таким предметом подразумевается отдельный предмет, а поскольку он имеет определенное качество, т.е. воспринимается как форма.

О какого рода претерпевании здесь идет речь? Термин «испытывать» (*πάσχειν*) в *О душе* Аристотель употребляет в двух смыслах. Во-первых, *πάσχειν* означает уничтожение одной противоположностью другой. Например, когда человек получит образование, он перестает быть обучающимся и становится знающим, т.е. форма обучающегося заменяется формой образованного. Такое претерпевание можно назвать изменением (*ἀλλοιοῦσθαι*) или даже возникновением, то есть переходом от возможности к первой энтелехии. Второе значение *πάσχειν* — это сохранение сущего в возможности сущим в действительности. Примером такого претерпевания служит знаю-

¹⁸ См. МЕСЯЦ (2013).

щий человек, когда он начинает применять свои знания, т.е. переход от первой энтелехии ко второй.

DA II. 5 417 b 2-28: ...οὐκ ἔστι δ' ἀπλοῦν οὐδὲ τὸ πάσχειν, ἀλλὰ τὸ μὲν φθορά τις ὑπὸ τοῦ ἐναντίου, τὸ δὲ σωτηρία μᾶλλον ὑπὸ τοῦ ἐντελεχείᾳ ὄντος τοῦ δυνάμει ὄντος καὶ ὁμοίου οὕτως ὡς δύναμις ἔχει πρὸς ἐντελέχειαν· θεωροῦν γὰρ γίνεται τὸ ἔχον τὴν ἐπιστήμην, ὅπερ ἢ οὐκ ἔστιν ἀλλοιοῦσθαι (εἰς αὐτὸ γὰρ ἢ ἐπίδοσις καὶ εἰς ἐντελέχειαν) ἢ ἕτερον γένος ἀλλοιώσεως. διὸ οὐ καλῶς ἔχει λέγειν τὸ φρονοῦν, ὅταν φρονῆ, ἀλλοιοῦσθαι, ὥσπερ οὐδὲ τὸν οἰκοδόμον ὅταν οἰκοδομῆ.

И претерпевание имеет не один смысл, а оно означает, во-первых, уничтожение одной из противоположностей другой; во-вторых, скорее сохранение сущего в возможности сущим в действительности и подобным, и отношение здесь такое, как между способностью и энтелехией. А именно: когда обладающий знанием переходит к действительному исследованию, это не значит, что он изменяется (ибо это есть лишь переход в более совершенное состояние и переход к энтелехии) или это особого рода изменение. Вот почему неверно говорить о разумеющем, что он меняется, когда разумеет, так же как нельзя говорить об изменении строящего, когда он строит.

Когда глаз видит красный, то это означает, что орган чувства усваивает новую для себя форму, форму красного и изменяется в первом смысле. Второго типа претерпевание происходит с глазом, когда на него воздействует свет. Согласно Аристотелю, свет — это актуально прозрачное:

Свет есть действие прозрачного как прозрачного. Там же, где прозрачное имеется лишь в возможности, там тьма...¹⁹.

Глаз обладает формой прозрачного, потому что сам состоит из воды, под действием света он актуализирует свою уже имеющуюся форму, т.е. переходит из состояния первой энтелехии в состояние второй энтелехии.

Возвращаясь к аналогии мышления и чувственного восприятия, Аристотель спрашивает, похож ли процесс мышления на процесс чувственного восприятия? Испытывает ли ум нечто от умопостигаемого объекта?

DA III. 4, 429 a 10-15: ...εἰ δὴ ἔστι τὸ νοεῖν ὥσπερ τὸ αἰσθάνεσθαι, ἢ πάσχειν τι ἂν εἴη ὑπὸ τοῦ νοητοῦ ἢ τι τοιοῦτον ἕτερον.

Так вот, если мышление сходно с ощущением, то оно либо что-то испытывает от постигаемого умом, либо оно нечто другое в этом роде.

Согласно Аристотелю, ум неподвержен изменениям в первом смысле. Как и ощущение, ум является способностью к восприятию

¹⁹ О душе II 7, 418b 9-10.

умопостигаемых форм, но воспринимает их не как нечто внешнее, а также как глаз воспринимает свет. Ум потому может воспринимать формы, что в возможности уже ими обладает.

DA III. 4, 429 a 15-18 ἀπαθὲς ἄρα δεῖ εἶναι, δεκτικὸν δὲ τοῦ εἶδους καὶ δυνάμει τοιοῦτον ἀλλὰ μὴ τοῦτο, καὶ ὁμοίως ἔχειν, ὥσπερ τὸ αἰσθητικὸν πρὸς τὰ αἰσθητά, οὕτω τὸν νοῦν πρὸς τὰ νοητά.

Мышление, конечно, не должно быть подвержено чему-либо, а должно быть способным воспринимать формы, т. е. в возможности должно быть таким, каково постигаемое умом, но не самим постигаемым умом, и так же как способность ощущения относится к ощущаемому, так и ум — к постигаемому умом.

Отношение ума к умопостигаемому и ощущения к чувственно воспринимаемому одинаковое в том смысле, что и ощущение, и мышление — это формы восприятия.

Итак, ум в нас — это первая энтелехия, но тогда в чем она заключена? В случае ощущения первая энтелехия заключена в органе чувства, а именно, это его форма. Аристотель говорит, что орган чувства тождественен чувству, но иной ему по бытию. Аристотель хочет сказать этим, что орган восприятия и способность чувственного восприятия нечто единое, но разное по определению своей сущности (τὸ εἶναι). То есть мы можем определить живое существо либо как тело, например, глаз, либо как способность восприятия, например, зрение. Орган чувства — это тело, имеющее величину, тогда как само чувство не обладает пространственной величиной. Орган чувства обладает той же формой и является той же самой способностью (λόγος τις καὶ δύναμις), что и чувство, которое заключено в нем. Согласно Аристотелю, умопостигаемое в возможности, первая энтелехия, содержится в чувственных формах, которые удерживает представление:

Поскольку, как полагают, нет отдельной вещи не находящейся в чувственно воспринимаемой величине, то постигаемое умом находится в чувственно воспринимаемых формах, как и так называемое отвлеченное, и все свойства и состояния ощущаемого. И поэтому тот, кто ничего не воспринимает чувствами, ничему не научится, и ничего не поймет. Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали некое представление: ведь представления — это как бы предметы ощущения, только без материи²⁰.

Из того, что чувство — это форма органа, следует, в частности, что, если воспринимаемое чувством воздействует слишком

²⁰ О душе 432 а 5-10.

сильно, то его форма, которая передается органу, может повредить ту форму, которая уже есть в органе чувства.

DA II. 12, 424a 25 – 429 b: ...ἔστι μὲν οὖν ταῦτόν, τὸ δ' εἶναι ἕτερον· μέγεθος μὲν γὰρ ἂν τι εἴη τὸ αἰσθανόμενον, οὐ μὴν τὸ γε αἰσθητικῶν εἶναι οὐδ' ἡ αἰσθησις μέγεθος ἐστίν, ἀλλὰ λόγος τις καὶ δύναμις ἐκείνου. φανερόν δ' ἐκ τούτων καὶ διὰ τί ποτε τῶν αἰσθητῶν αἱ ὑπερβολαὶ φθείρουσι τὰ αἰσθητήρια (ἐὰν γὰρ ἢ ἰσχυροτέρα τοῦ αἰσθητηρίου ἢ κίνησις, λύεται ὁ λόγος — τοῦτο δ' ἦν ἡ αἰσθησις — ὡς περ καὶ ἡ συμφωνία καὶ ὁ τόνος κρουομένων σφόδρα τῶν χορδῶν).

Орган чувства тождествен со способностью ощущения, но бытие его иное: ведь иначе ощущающее было бы пространственной величиной. Однако ни существо ощущающей способности, ни ощущение не есть пространственная величина, а они некое соотношение и способность органа чувства. Из этого явствует также, почему чрезмерная степень ощущаемого действует разрушительно на органы чувств (потому что всякий раз когда воздействие слишком сильно для органа чувства, разрушается соотношение (оно и было чувством), так же как нарушаются созвучие и лад, когда чересчур сильно ударяют по струнам.

Ничего подобного с умом не происходит. Если воздействие на орган чувства слишком сильно, то он оказывается не в состоянии вообще что-то воспринимать, в случае ума все наоборот, чем сложнее предмет мысли, тем яснее мы мыслим.

DA III. 4, 429 a 29 – b 5: ...ὅτι δ' οὐχ ὁμοία ἡ ἀπάθεια τοῦ αἰσθητικοῦ καὶ τοῦ νοητικοῦ, φανερόν ἐπὶ τῶν αἰσθητηρίων καὶ τῆς αἰσθήσεως. ἡ μὲν γὰρ αἰσθησις οὐ δύναται αἰσθάνεσθαι ἐκ τοῦ σφόδρα αἰσθητοῦ, οἷον ψόφου ἐκ τῶν μεγάλων ψόφων, οὐδ' ἐκ τῶν ἰσχυρῶν χρωμάτων καὶ ὁσμῶν οὔτε ὄραν οὔτε ὁσμᾶσθαι· ἀλλ' ὁ νοῦς ὅταν τι νοήσει σφόδρα νοητόν, οὐχ ἧττον νοεῖ τὰ ὑποδεέστερα, ἀλλὰ καὶ μᾶλλον· τὸ μὲν γὰρ αἰσθητικὸν οὐκ ἄνευ σώματος, ὁ δὲ χωριστός.

Что неподверженность изменениям не одинакова у способности ощущения и у мыслительной способности, это видно, если рассмотреть органы чувств и ощущение. Чувство не в состоянии воспринимать из-за чрезмерности ощущаемого, например, воспринимать звук из-за громких звуков, и нельзя ни видеть, ни обонять в случае слишком ярких цветов и слишком резких запахов. Ум же, наоборот, когда мыслит нечто требующее большого напряжения, мыслит требующее меньшего напряжения не хуже, а даже лучше. Дело в том, что способность ощущения невозможна без тела, ум же существует отдельно от него.

Это наблюдения является еще одним аргументом в пользу бестелесности ума.

Если умопостигаемые формы в возможности находятся в способности представления, то где находятся умопостигаемые формы в действительности? Ведь без их воздействия ничто умопостигаемое в возможности не может перейти в состояние умопостигаемого в действительности. Согласно Аристотелю, ум и умопостигаемый предмет тождественны, если не присутствует материя, знание и предмет знания должны совпадать (Τὸ δ' αὐτό ἐστὶν ἢ κατ' ἐνέργειαν ἐπιστήμη τῷ πράγματι). Знание в действительности тождественно своему предмету. Значит, умопостигаемое в действительности не может находиться во внешних уму вещах. Те формы, которые находятся в вещах, являются умопостигаемыми в возможности, отличаясь от ума материей.

DA III. 4, 430 a 6-9 ἐν δὲ τοῖς ἔχουσιν ὕλην δυνάμει ἕκαστον ἔστι τῶν νοητῶν. ὥστ' ἐκείνοις μὲν οὐχ ὑπάρξει νοῦς (ἄνευ γὰρ ὕλης δυνάμει ὁ νοῦς τῶν τοιοῦτων), ἐκείνῳ δὲ τὸ νοητὸν ὑπάρξει.

У материальных предметов каждое мыслимое имеется в возможности. Поэтому ум не будет присущ таким предметам (ведь ум есть возможность таких предметов без материи), но ему мыслимое будет присуще.

Последний аргумент о совпадении знания и предмета знания, ума и умопостигаемого, является намного более сильным, чем первый аргумент, основывающийся на мнении Анаксагора, и второй аргумент о подверженности изменению органа чувства. Итак, оказывается, что ум и умопостигаемое в действительности должны быть прежде нашего ума, первой энтелехии, во всех тех смыслах, в которых, согласно Аристотелю, действительное предшествует возможному. Поэтому Аристотель говорит об активном уме, совпадающем с умопостигаемой формой, который существует прежде нашего ума в качестве условия, необходимого для умопостижения, точно также как свет необходим глазу для видения. Но этот ум, не обладая никакой материей, уже не будет предметом науки о душе как науки о природе.

ИЗДАНИЯ ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ, ИХ ПЕРЕВОДЫ И СОКРАЩЕНИЯ

ROSS (ed.) — ARISTOTLE, *De Anima*, ed. with introd. and comm. by Sir David ROSS (Oxford: Clarendon Press, 1961).

TLG — Thesaurus Linguae Graecae (1999).

АРИСТОТЕЛЬ, СС. — АРИСТОТЕЛЬ, *Собрание сочинений в четырех томах* (М.: Мысль, 1976–1984).

БИБЛИОГРАФИЯ

- MORAUX (1942) — Moraux, P., *Alexandre d'Aphrodise, Exegète de la Noétique d'Aristote* (Liège – P., 1942).
- RIST (1966) — RIST, J.M. “Notes on Aristotle *De anima* 3.5”, *Classical Philology* 61 / 1 (1966), p. 8-20.
- ROSS (1961) — ROSS, D., [Introduction], in: *Aristotles' 'De anima'*, ed. with introd. and comm. by Sir David ROSS (Oxford: Clarendon Press, 1961).
- МЕСЯЦ (2013) — МЕСЯЦ С.В. «Аристотель о природе цвета», *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина* 1 / 2 (2013), с. 28-39.
- ПЕТРОВ (2015) — ПЕТРОВ В.В., «Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем», *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 9 / 2 (2015), с. 393-402.

ВОЛКОВА Надежда Павловна — кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН, go2nadya@gmail.com

SUMMARY

INTELLECT AND THE INTELLIGIBLE AS THE SUBJECT OF ARISTOTLE'S SCIENCE CONCERNING THE SOUL

Nadezhda VOLKOVA

The article examines Aristotle's concept of active and passive intellects in *De anima* Γ. It is noted that the question of interaction of these intellects and the connection of this doctrine with *Metaphysics* Λ are considered the most controversial topics of Aristotle's philosophy by D. Ross and J. Rist. Aristotle's doctrine of the two intellects was analyzed by Theophrastus and such commentators on Aristotle as Alexander of Aphrodisias, Philoponus, Simplicius etc. The problem in question was the starting point for independent theories of such philosophers as Averroes and Thomas Aquinas. The article not only reconstructs Aristotle's doctrine of rational part of the soul as the first entelechia, presented in the *De anima*, but tries to elucidate the reasons that made Aristotle introduce the two kinds of intellect. It is also investigated what kind of intellect is the subject of the theoretical knowledge of nature according to Aristotle.

Key words: Aristotle, *De anima*, intellect, the intelligible, entelechia.

Nadezhda VOLKOVA, PhD (Philosophy), Research Fellow, Institute of Philosophy RAS.

Е.В. АФОНАСИН, А.С. АФОНАСИНА

ПРАКСАГОР И ЕГО ШКОЛА^{*}

В работе переводятся и комментируются основные античные свидетельства о доктрине Косского врача Праксагора, жившего ок. 300 г. до н.э. Показано, что в определенном смысле доктрину Праксагора и его последователей можно считать связующим звеном между Аристотелем и александрийской анатомической школой. Праксагора интересовали как традиционные для Гиппократовской медицины практические аспекты медицинского ремесла (*tekhnē*), так и философские спекуляции, с ними связанные. Особенно примечательны его достижения и ошибки в области анатомии и физиологии. Праксагор одним из первых провел различие между нервами, венами и артериями, однако, должно быть не без влияния аристотелевской школы, ошибочно считал, что артерии и нервы образуют единую систему. Источаясь, артерии превращаются в нервы, но все они выходят из сердца и несут пневму. Напротив, вены наполнены кровью и выходят из печени. Кроме того, он считал, что сердце — это центр умственной и душевной деятельности человека. Во многом новаторские диагностические, прогностические и терапевтические методы Праксагора широко использовались в последующей медицинской традиции, однако, нередко вызывали недоумение у позднейших медиков своим экспериментальным характером.

Ключевые слова: античная медицина, Гиппократовская традиция, рациональная медицина, анатомия, пульс, спазм, дрожь, вены и артерии, пневма, кровь.

---

^{*} Работа выполнена в рамках исследований, поддержанных РГНФ, проект № 14–03–00312 «Античная медицина».

[ΚΡΙΝΑΓΟΡΟΥ]

Αὐτός σοι Φοῖβοιο πάϊς λαθικηδέα τέχνης
 ἰδιοσύνην, πανάκη χεῖρα λιπηνάμενος,
 Πρηξαγόρη, στέρνοις ἐνεμάξατο. τοιγάρ ἀνία
 ὄρνυται δολιχῶν ὀππόσαι ἐκ πυρετῶν
 καὶ ὀπόσα τιμηθέντος ἐπὶ χροὸς ἄρκια θεῖνα
 φάρμακα, πρηεῖς οἶσθα παρ' Ἠπιόνης.
 θνητοῖσιν δ' εἰ τοιοῖ ἐπήρκεον ἠτῆρες,
 οὐκ ἂν ἐπορθμεύθη νεκροβαρῆς ἄκατος.

Греческая антология 16.273¹

Место Праксагора в истории античной медицины

Согласно позднейшей классификации, Праксагор был видным представителем рациональной или догматической школы античной медицины:

«Зачинателями рационального (букв., логического) толка (αἵρεσις) стали Гиппократ Косский, его глава (αἵρεσιάρχης)... после него идут Диокл Каристийский, Праксагор Косский (Πραξαγόρας Κῶος), Герофил Халкедонский, Эрасистрат Хиосский [Кеосский], Мнесифей Афинский и Асклепиад из Вифинии, известный также как Асклепиад из Прусь»² (ПС.-ГАЛЕН, *Введение, или врач 4*, 14.683 К.; фрагм. 1)³.

Далее в этом фрагменте говорится, что «неверный» ученик Герофила Филин (Philinus) с Коса (сер. III в. до н.э.) основал «эмпириче-

¹ [Эпиграмма Кринагора]. Сам сын Феба, его ремесло, избавляющее от недугов, / несущий в груди и умастивший снадобьями всеисцеляющую руку, / о Праксагор! Ведь сколько бы болей / навлекла за собой долгая лихорадка и сколько бы страданий / не вызывала рассеченная плоть, / ты найдешь для них избавление, наученный благой Эпионой. / Если бы смертным посчастливилось иметь таких врачей, / Не пересекал бы воды челн, груженный телами.

² Προέστησαν δὲ τῆς μὲν λογικῆς αἵρέσεως Ἴπποκράτης Κῶος, ὃς καὶ αἵρεσιάρχης ἐγένετο καὶ πρῶτος συνέστησε τὴν λογικὴν αἵρεσιν, μετὰ δὲ τοῦτον Διοκλῆς ὁ Καρύστιος, Πραξαγόρας Κῶος, Ἡρόφιλος Χαλκηδόνιος, Ἐρασίστρατος Χίος, Μνησίθεος Ἀθηναῖος, Ἀσκληπιάδης Βιθυνὸς, Κιανὸς, ὃς καὶ Προυσίας ἐκαλεῖτο. τῆς δὲ ἐμπειρικῆς προέστησε Φιλῖνος Κῶος, ὁ πρῶτος αὐτὴν ἀποτεμνόμενος ἀπὸ τῆς λογικῆς αἵρέσεως, τὰς ἀφορμὰς λαβὼν παρὰ Ἡροφίλου, οὗ καὶ ἀκουστῆς ἐγένετο.

³ Здесь и далее нумерация фрагментов Праксагора указывается по изданию Штекерля (STECKERL [1958]), а места из Галена — в основном, по изданию Кюна (KÜHN [1821–1833]). В записи «14.683 К.» 14 означает номер тома этого издания, 683 — страницу.

скую школу» медицины⁴. Место Праксагора в древней медицинской и философской традиции показывают и следующие свидетельства:

«Дерзновенный Фессал, не смей со-ремесленников своего отца делать судьями врачей. Лишь перед ними ты превзойдешь Гиппократ, Диокла, Праксагора и других древних медиков...» (ГАЛЕН, *О методе лечения* 1.2, 10.8 К.; фр. 2).

Согласно Галену (9.657 К.), отец Фессала был ткачом.

«В книгах Гиппократ, который первым чудесно сформулировал медицинские предписания, мы находим многочисленные сведения о травах. Не меньше содержится и у Диокла Каристийского, второго после него по времени и славе, а также у Праксагора и Хрисиппа, а затем — у Эрасистрата Кеосского...» (ПЛИНИЙ, *Естественная история* 2.6.10; фр. 4).

«Об использовании лекарственных средств в терапевтических сочинениях говорят как древние, так и почти все современные врачи. Много сказано об этом у Гиппократ, равно как и у Еврифона, Диевха, Диокла, Плистоника, Праксагора и Герофила. Нет, наверное, такого древнего врача, который бы не внес больший или меньший вклад в эту область, причем без всякого обращения к магии и без заносчивости...» (ГАЛЕН, *О свойствах простых лекарств*, VI предисл., 11.795 К.; фр. 4).

Диокл Каристийский был младшим современником великого основателя Косской школы медицины и жил в сер. IV в. до н.э. Дошедшие до нас сведения о его жизни и трудах по греческим, латинским и арабским источникам недавно издал Ф. ван дер Эйк⁵. Диокл писал об анатомии, психологии, терапии, эмбриологии, гинекологии, диете, ядах и многих других вещах, и его учение формировалось под влиянием и, в некотором отношении, в оппозиции к теориям Гиппократова корпуса, Платона, Аристотеля и Теофраста. Праксагор жил ок. 300 г. до н.э., и был, скорее всего, младше Диокла⁶. Известным медиком был

⁴ Филин написал книгу против *Гиппократовского лексикона* сторонника Герофила Вакха (Vaschus), а трактат Герофила о пульсах критиковал эмпирик Гераклид из Тарента (ок. 75 г. до н.э.) и др.

⁵ См.: Ейк (2000–2001).

⁶ STECKERL (1958), p. 2: Праксагор был безусловно младше Гиппократ и, скорее всего, младше Диокла (фр. 3 и 4), следовательно, родился он не ранее второй трети IV столетия до н.э. С другой стороны, Эрасистрат был младше Праксагора и примерно ровесником Герофила. Расцвет Эрасистрата, согласно хронике Евсевия (11.120), приходится на 258 г. Кроме того, как показывает фр. 29, ученик Праксагора Филотим был старше Герофила, а значит, Праксагор мог быть старше Герофила и Эрасистрата более, чем на 20–25 лет и можно предположить, что он родился ок. 340 г., а его расцвет приходится примерно на 300 г.

также отец Праксагора Никарх (фр. 13, см. *ниже* и др.). Ученик Праксагора александрийский врач Герофил (ок. 335–280 до н.э.) и другой представитель александрийской школы Эрасистрат (ок. 304–250 до н.э.) занимались анатомическими исследованиями, а первый — также разрабатывал теорию пульса⁷. Мнесифей (Mnesitheus) и Диевх (Dieuches), жившие в IV в. до н.э., были авторами работ в области диететики. Кроме того, первый классифицировал болезни (ГАЛЕН, *О медицинском методе* 1.1, 9.3 К.)⁸. Еврифон был современником Гиппократом и известным представителем Книдской школы медицины. Гален сообщает, что ему приписывают некоторые трактаты Гиппократовского корпуса (*Комм. к 'Афоризмам' Гиппократом* 7.44 и др.), а Целий Аврелиан (*О хронических болезнях* 2.10) приписывает ему знание различия между венами и артериями. Асклепиад из Вифинии (II в. до н.э.) был не только знаменитым врачом, существенно изменившим терапевтическую практику и повлиявшим на доктрину методизма, но и выдающимся философом, выступающим против провиденциализма и выдвинувшим аргументы против непрерывности материи⁹.

Это хорошо определяет место Праксагора в истории медицины. Очевидно, он был очень влиятельным автором, написавшим целый ряд книг о терапии (фр. 111), анатомии (фр. 10), физиологии («физике», фр. 13), острых заболеваниях (фр. 61) и др. Ни одна из этих работ не сохранилась, однако, выдержки из них были доступны вплоть до периода Поздней Античности, а Гален, возможно, написал утраченную для нас работу о Праксагоровой теории жидкостей (фр. 21)¹⁰.

«Школа Праксагора»

Самым известным учеником Праксагора, по сообщению многих античных источников, был Герофил, прославившийся в Александрии своими анатомическими исследованиями¹¹. Кроме того, в числе учеников упоминаются Филотим, Плистоник, и Ксенофонт. Им наши источники приписывают несколько оригинальных воззрений.

Филотим, *μόναρχος* Коса в 290 г., как показывает одна надпись¹², написал книгу *О пище*, многочисленные выдержки из кото-

⁷ Фрагменты и свидетельства о Герофиле: STADEN (1989); Фрагменты и свидетельства об Эрасистрате: GAROFALO (1988).

⁸ Фрагменты и свидетельства о них собрал BERTIER (1972).

⁹ См.: VALLANCE (1990) и POLITO (1999).

¹⁰ Ср. сообщение Хунайна ибн Исхака об известной ему работе Галена *О смесях согласно Праксагору* — STECKERL (1958), p. 5.

¹¹ Подробнее о нем см.: STADEN (1989).

¹² См.: STECKERL (1958), p. 3.

рой приводят Гален, Афиней, Оливасий и другие поздние авторы (ГАЛЕН, *О свойствах пищи* 1.6, 1.11, 1.12, 3.30; ОРИВАСИЙ, *Медицинский сборник* 4.10, 2.69, 5.32; АФИНЕЙ, *Пирующие софисты* 2.53, 3.79, 3.81, 3.82 и др.). Фрагменты собраны Штекерлем¹³. Кроме того, он развивал гиппократовские терапевтические методы, в частности, в отношении эпилепсии. Плутарх передает о нем такой анекдот:

«Врач Филотим, когда один человек, страдающий заболеванием печени, показал ему воспаленный палец, сказал: “Друг мой, тебе не следует беспокоиться о больном пальце”» (ПЛУТАРХ, *Как отличить друга от льстеца?* 73В).

Сообщается и о таком терапевтическом приеме, который применил наш врач:

«Человека, который верил, что ему отрубили голову за то, что он стал тираном, ...медик Филотим излечил, надев ему на голову плотную свинцовую шапку; почувствовав тяжесть, пациент решил, что снова обрел голову. Обрадовавшись этому, он излечился от своей пустой фантазии» (АЛЕКСАНДР ИЗ ТРАЛЛ, *О меланхолии* 1, р. 607).

Свидетельства о Плистонике (Pleistonicos), также собранные Штекерлем¹⁴, показывают, что он придерживался терапевтических методов, развитых Праксагором, в частности, используя такие опасные ядовитые вещества, как чемерица.

Ксенофонт (фр.: STECKERL [1958], 127–129) обсуждал проблему «критических дней», называя их «божественными», а в случае истерического удушья рекомендовал «свет факелов» и предписывал «произвести сильный шум точильным камнем и медными инструментами» (СОРАН, *Гинекология* 3.29). Оливасий (45.11, CMG 6.2.1, р. 166) приводит большую выдержку из его сочинения об опухолях (καρκίνωμα), перевод которой см. ниже.

Теория и практика медицины

«Признаем, что многие из преподававших мудрость [философию], были сведущими и в медицине. Славнейшими из них были Пифагор, Эмпедокл и Демокрит. Однако ученик (как многие считают) этого последнего, Гиппократ Косский — человек, прежде всего и в первую очередь заслуживающий припоминания и примечательный как своими профессиональными способностями, так и красноречием, — отделил эту науку [медицину] от философии. После него Диокл Каристийский, затем — Прак-

¹³ См.: STECKERL (1958), 109–123.

¹⁴ См.: STECKERL (1958), 123–126.

сагор и Хрисипп, а им вслед Герофил и Эрасистрат не только практиковали это ремесло (*ars*), но и развили разнообразные методы лечения (*curandi vias*). Тогда же медицина была разделена на три части: ту, что лечит диетой (*victu*), другую, которая применяет лекарства (*medicamentis*), и ту, что излечивает рукой (*manu*). По-гречески они называются диететика, фармацевтика и хирургия» (ЦЕЛЬС, *О медицине*, предисл. 7, 1.4, Loeb; фр. 3).

Конечно же, это упрощенная картина. Медицина долгое время еще не была «отделена» от философии и религиозной практики. А среди людей, оказавших влияние на развитие медицины, следовало бы, наряду с Демокритом, упомянуть Аристотеля. Тем не менее, обрисованная перспектива в целом верная. Мы скоро увидим, что вполне в духе ранней гиппократовской медицины Праксагор рассматривает организм в постоянном взаимодействии с окружающей средой, которая, как и сам организм, постоянно меняется. Достигнуть согласованной работы такой сложной динамической системы — это очень непростая задача. В основном, в этом помогает сама природа, но ей необходимо научиться следовать. Здоровый организм питают кровь и пневма, образующиеся из поступающих извне воздуха и пищи, если же естественный баланс нарушен, то вместе с кровью образуется избыток других жидкостей, а правильные пути пневмы блокируются, что приводит к различным заболеваниям (см. фр. 18 и 46, *ниже*). Отсюда естественным образом вытекает основная задача врача: он должен содействовать тому, чтобы организм получал сбалансированное питание, которое подбирается индивидуально в зависимости от условий окружающей среды и особенностей человека. В случае же, если баланс нарушен, то врач может попробовать исправить его специальным питанием (отсюда такое внимание к свойствам различных продуктов) и подходящими снадобьями, в то же время всемерно содействуя тому, чтобы организм как можно быстрее избавился от избытка нежелательных «жидкостей» (отсюда увлечение различными очистительными процедурами, флеботомией и т. д.). Все это довольно интуитивно, и Праксагор был одним из первых древнегреческих медиков, стремящихся подкрепить общие идеи основательной научной теорией.

Диететика

«Науку диететики начал Геродик. Гиппократ, Праксагор и Хрисипп довели ее до совершенства» (ПОРФИРИЙ, *Гомеровские вопросы*, к кн. 12.515, фр. 36).

Действительно, с именем Праксагора и его учеников связывают ряд пищевых предписаний. Например, Афиной передает его

мнение о разных видах вина, о пользе дождевой воды и т. д. (*Пирующие софисты* 1, 32с, 2, 41а, 46d, фр. 39–41). В специальной работе о гимнастике Гален (5.879, 897 К.) отмечает внимание Праксагора к физическим упражнениям. Ученик Праксагора Филотим, как уже отмечалось, написал специальную книгу *О пище*, которую цитируют многие авторы (ГАЛЕН, *О свойствах пищи* 1.6, 1.11, 1.12, 3.30; ОРИВАСИЙ 4.10, 2.69, 5.32; АФИНЕЙ, *Пирующие софисты* 2.53, 3.79, 3.81, 3.82 и др.). Правда, как замечает Наттон¹⁵, Порфирию можно было бы возразить, что до совершенства диететику довели еще до Праксагора Мнесифей и Диевх, которым приписываются самые разнообразные пищевые рекомендации и даже разработанная практика лечения диетой (МНЕСИФЕЙ, фр. 18–20; ДИЕВХ, фр. 13–18 В.). Плутарх передает, например, такое «наблюдение» Мнесифея: больной пневмонией выздоровеет, если в начале болезни ему нравятся лук, если же он желает смоквы, то обречен (ПЛУТАРХ, *Естественнонаучные вопросы* 26, 918D = МНЕСИФЕЙ, фр. 16 В.).

В сохранившихся фрагментах ученик Праксагора Филотим подробно описывает «способности» (δυνάμεις) разной пищи произвести определенные жидкости («соки») в организме. Это зависит как от степени усвояемости самой пищи, так и состояния организма (ср. фр. 17, где говорится, что одна и та же пища может произвести кровь в одном организме, а желчь в другом). Именно поэтому правильно подобранная диета может восстановить баланс жидкостей.¹⁶

Анатомия

Схолии к *Илиаде* (Schol. Ven. BD ad II. X 325; фр. 9) сообщают, что Праксагор сочинил книгу по анатомии, где, в частности, подробно описал устройство ротовой полости. Несколько разрозненных свидетельств показывают, что Праксагор видоизменил и развил некоторые анатомические представления своего времени. Так, согласно Руфу Эфесскому (р. 161.6 и 163.6; фр. 7 и 8) Праксагор «полой»

¹⁵ См.: NUTTON (2004), p. 125.

¹⁶ Теоретическое представление о механизме сохранения баланса жидкостей в организме должно быть было сходным с тем, что нам известно из Аристотеля и его комментаторов. Если поступившая извне пища или воздух не преобразуются в организме целиком, сохраняя неизменным «эйдос плоти», то избыток или недостаток влечет за собой болезнь. Подробнее см. ПЕТРОВ (2015А), с. 399–400 и ПЕТРОВ (2015Б). Теории «гомеомерий», известной Анаксагору и Аристотелю и развитой Галеном, у Праксагора не наблюдается, хотя в ряде случаев он подробно разбирает механизмы движения живой материи. Подробнее см. недавние работы БАЛАЛЫКИН (2015А) и БАЛАЛЫКИН (2015Б).

называл только ту вену, которая ответвляется из печени в почки. Ее он считал причиной лихорадки и, в отличие от некоторых других врачей, не называл «полой» ту вену, которая проходит через диафрагму к сердцу. Кроме того, артерию, проходящую вдоль позвоночника и названную Аристотелем аортой, он именовал «толстой». Женскую матку он называл «двуполостной» (δίκωλλος), а матки более продуктивных животных — «многополостными»; считал, как и многие другие медики, что вены и артерии в матке заканчиваются котиледонами (ГАЛЕН, *О рассечении матки* 3, 2.890 К. и 10, 2.905 К.; ЕГО ЖЕ, *Комментарий к 'Афоризмам' Гиппократ* 17 В.838 К.; фр. 12 и 13), однако, не знал, «как и все старые медики» о Фаллопиевых трубах, «так как анатомией они овладели лишь в общих чертах» (ГАЛЕН, *О рассечении матки* 9, 2.900 К.). В другом месте Гален отмечает, что «ученики Праксагора и Филотима» неправильно представляли себе структуру головного мозга, считая его наростом на позвоночнике и т. д. (*О назначении частей человеческого тела* 8.12; фр. 15).

В контексте полемики против стоика Хрисиппа Гален подробно разбирает и другие ошибочные анатомические представления Праксагора (*Об учениях Гиппократ и Платона* 1.1, фр. 11). Не будучи медиком, Хрисипп мог и не знать деталей, говорит Гален, но Аристотель¹⁷ и Праксагор, будучи сведущими в медицине, не могли, не погрешив против истины, утверждать, будто нервы берут свое начало в сердце. Ведь очевидно, замечает он далее, что некоторые из них выходят из головного мозга, а некоторые — из спинного, который сам начинается в головном мозге. Все это, разумеется, обсуждается в контексте дискуссии о месторасположении разумной части души, в сердце или в уме. Далее Гален сообщает следующее:

«Этот человек [Праксагор] ни разу не видел, чтобы нервы начались в сердце, и все же критиковал Гиппократ и стремился полностью лишить мозг права считаться началом нервной системы. Он посмел распространять ошибочное представление о том, что артерии будто бы постепенно делятся и, по мере истончения, становятся нервами. Так что артерии подобны нервам, только полые. По мере их разветвления в организме живого существа, их полость становится настолько малой, что стенки смыкаются. Эрасистрат не посчитал нужным опровергать эту теорию, так как понимал ее бессмысленность. Я же разберу

---

¹⁷ В самом деле, в *Истории животных* (514a15 сл.) Аристотель утверждает, что «в мозгу нет крови и ни одна жила, большая или малая, в нем не оканчивается».

вкратце представления Праксагора, так как решил все исследовать, в особенности потому, что на него ссылается Хрисипп, противопоставляя его теории воззрениям всех тех, что видит начало нервов в голове».

Далее Гален резонно замечает, что дело здесь не в ошибочных анатомических представлениях. Медики со времен Гиппократов, а может и ранее, видели, что нервы выходят из головы, и Праксагор не был исключением. Спор носил теоретический характер, так как Праксагор хотел, возможно, слишком умозрительно, объединить нервы и артерии в одну систему. Для этого была причина, так как, по свидетельству Галена (*О диагностике пульсов* 4.3, 8.950 К.; фр. 9), Праксагор и Эрасистрат считали, что артерии связаны с дыхательной системой и содержат только пневму. Вполне вероятно, что Праксагор унаследовал эту теорию от своего отца Никарха (ГАЛЕН, 3.364 К.). В цитате выше мы видим попытку Галена спасти репутацию Эрасистрата. Из других источников мы знаем, что александрийский анатом, в отличие от его коллеги Герофила, все же разделял теоретические воззрения Праксагора.

Физиология

Согласно Галену, философы, вроде Платона, Аристотеля, Теофраста и их учеников, как и многие древние медики, такие как Диокл, Плистоник, Мнесифей, Праксагор и Филотим, «усердно следовали» (ἐζήλωσαν) Гиппократовой теории «соков» (или жидкостей, от χυμός) (*Об учениях Гиппократов и Платона* 8.1; фр. 16). Называется в их числе и Герофил, однако, как предполагает Штаден¹⁸, есть основания в этом сомневаться. Напротив, Эрасистрат, как известно, существенно видоизменил эту теорию (ГАЛЕН, 5.123 К.). Подобным же образом в другом месте:

«Гиппократ первым изложил знания [о жидкостях] полезные для медицины, тогда как Эрасистрат все это полностью оставил. Медики, следующие за Плистоником, Праксагором и Филотимом и разработавшие детальную теорию жидкостей, иногда, как мне кажется, сделали полезные добавления к тому, что упустил Гиппократ, допустив ошибки в других случаях» (*О черной желчи* 1, SMG 5.4, p. 688; фр. 16, ср. фр. 17).

В соответствии с общими представлениями, отмечает в другом месте Гален, пища в организме преобразуется во «внутреннее тепло», вырабатывая кровь, если тепло умеренное, желчь, если пропор-

¹⁸ См.: STADEN (1989), p. 242 ff.

ция нарушена в сторону теплоты, и флегму, если происходит чрезмерное охлаждение (*О естественных способностях* 2.8, фр. 17–18, 20). Только Эрасистрат об этом забывает, замечает он здесь же.

Согласно Галену, Праксагор развивает и систематизирует Гиппократово учение о жидкостях. Однако не исключено, что, вопервых, он строит теорию жидкостей эмпирически, без какой-либо опоры на стандартную впоследствии теорию четырех жидкостей и, во-вторых, вопреки мнению Галена, кровь в свою классификацию не включает. То есть жидкости, интересующие здесь Праксагора, — это прежде всего посторонние примеси паталогического характера, вроде «стекловидных» выделений и т. п., которые, как показывает предыдущий фр. 18, вырабатываются лишь тогда, когда нарушен баланс и вместо крови в организме преобладает желчь или флегма:

«В другом сочинении я уже писал о теории жидкостей, согласно Праксагору, сыну Никандра. И хотя он доводит число жидкостей до десятки, не считая крови, которая становится одиннадцатой, его теория не слишком отстает от учения Гиппократа. Ведь он всего лишь определяет виды и производит разделение в жидкостях, уже упомянутых Гиппократом...» (ГАЛЕН, *О естественных способностях* 2.9, фр. 21).

«Праксагор называет жидкости по-своему: сладкое, равносмешанное (ισόκρατον) и стекловидное. Они относятся к роду “флегма”. Названия других: острое, похожее на соду, соленое, горькое. Эти различаются на вкус. Другие называются зелеными как лук из-за их цвета, другие подобными желтку из-за плотной консистенции. Некоторые называются едкими, потому что обладают таким свойством. Кроме того, есть жидкости, остающиеся в венах и не проникающие в плоть по причине своей тонкости. В целом, Праксагор всякую жидкую субстанцию называет χυμός (букв. «соком», или «запахом»). А вот Мнесифей использует для этого слово χυλός (букв. «сок», «вкус»), χυμός оставляя для обозначения запаха, будь то твердое вещество или жидкость» (РУФ ЭФЕССКИЙ, 165.14, фр. 22, см. также фр. 23–25).

По сообщению Галена Праксагор всякое осязаемое движение артерий называл пульсом (σφυγμός) и такое словоупотребление закрепилось благодаря ему и Герофилу (*О различиях пульсов* 1.2, фр. 26). Далее в том же трактате (4.3, фр. 27) Гален сообщает, что Герофил в своей книге о пульсах опроверг представление Праксагора о том, что сильное сердцебиение, дрожь и спазмы — это движения артерий, отличающиеся от пульса лишь количественно. Напротив, согласно Герофилу, естественное движение артерий — это пульсация. Если же это движение усиливается, то возникают такие противоестественные и паталогические состояния, как спазм, дрожь и

учащенное сердцебиение. Причем Праксагор считал, что все эти движения связаны с артериями, тогда как Герофил понимал, что некоторые из них обусловлены произвольными нервными и мускульными сокращениями (ГАЛЕН, *О дрожи, сердцебиении, конвульсиях и судорогах* 5, 7.594, ср. 7.584, 598 и 605 К.)¹⁹.

«Об артериях среди древних врачей были еще большие разногласия. Некоторые считали, что они пульсируют сами, обладая, подобно сердцу, особой силой. Так думал Праксагор. Другие же, признавая, что они пульсируют, и стенки их расширяются и сокращаются, как у сердца, все-таки не считали, что они обладают для этого особой силой, но получают ее от сердца. Так считал Герофил» (ГАЛЕН, *О различиях пульсов* 4.2, 7.702 К., фр. 28).

«Если рассмотреть учение Герофила более внимательно, то окажется, что сокращение (συστολή) — это действие артерий, а расширение (διαστολή) — возвращение тела в его естественное состояние. Думаю, смысл этого утверждения в том, что оболочка артерий, которая в мертвом теле раздута, в живом также раздувается настолько, насколько это возможно, хотя Асклепиад придерживается иного мнения» (ГАЛЕН, *О различиях пульсов* 4.10, ГЕРОФИЛ, свид. 157).

«Если же они говорят, что о состоянии артерий можно судить чувственным образом через прикосновение, то я не буду возражать. Ведь Праксагор так делал, и Герофил, и почти все другие [врачи], одни более, другие менее, одни лучше, другие хуже. Доктрина Праксагора, возможно, покажется тебе удивительной. Не признавая наличия жидкостей в артериях, он все же пытался определить некоторые их виды по различным пульсам. Однако он не опирается на какие-либо общие ощущения...» (ГАЛЕН, *О диагностике пульсов* 4.2, фр. 84).

Таким образом, Праксагор развивал необычную теорию о том, что артерии способны пульсировать самостоятельно, независимо от сердца. Более того, он пытался подтвердить это опытами, замечая, что отрубленные части животных продолжают некоторое время пульсировать:

«Праксагор и Филотим отличаются от других врачей и, не знаю почему... считают, что артерии пульсируют самостоятельно. Ведь если отрезать у животного часть тела, и бросить ее на землю, пока она трепещет, то можно отчетливо видеть движение артерий...» (ГАЛЕН, *Об учениях Гипократа и Платона* 6.1, фр. 28).

¹⁹ Подробнее см.: STADEN (1989), p. 271 и свид. 149–152. Здесь и далее номер свидетельства о Герофиле указывается по изданию фон Штадена — STADEN (1989).

Артерии, согласно Праксагору, переносят пневму, а вены — кровь, причем, первые начинаются в сердце, а последние — в печени. Эту ошибочную, но влиятельную теорию успешно опровергли лишь «пневматик» Архиген и автор Анонимного лондонского папируса. Однако она находила сторонников вплоть до времен Галена. Есть основания полагать, как отмечает фон Штаден²⁰, что мнение своего учителя на этот счет не разделял и Герофил.

«Если им все еще непонятно, как пневма разносится из сердца по всему телу, если артерии заполнены кровью, то это недоумение легко разрешить, заметив, что пневма не рассыляется, но втягивается, и не только из сердца, но отовсюду, как считал Герофил, а до него Праксагор, Филотим, Диокл, Плистоник, Гиппократ и многие другие» (ГАЛЕН, *Течет ли кровь в артериях по необходимости?* 8, р. 18, Albrecht, фр. 29).

Несколько ранее в том же трактате (2, р. 3.1, фр. 31) Гален замечает, что, по представлениям Праксагора, пневма в артериях более плотная, нежели окружающий воздух. Механизм далее описывается со слов Эрасистрата: поступая в артерии, расположенные в легких, воздух затем проникает в сердце и распространяется по другим артериям, встречая на своем пути жидкие субстанции, соединившись с которыми (растворившись в них) он становится плотным.

«Какую пользу приносит нам дыхание? Отвечает ли оно за возникновение самой души, как думает Асклепиад? Или же оно скорее ответственно не за возникновение, но питание души, как считал сын Никандра Праксагор? Или же она нужна для охлаждения некоего внутреннего тепла, как думали Филистион и Диокл?» (ГАЛЕН, *О пользе дыхания* 1, р. 1.11 Noll, фр. 32).

Если нервы (и сухожилия, которые Праксагор не отличал от них) отвечают за телесные движения, то постулирование непосредственной связи их с артериями в качестве проводников пневмы, которая и является источником всякого движения, представляется логичным шагом. Если верить этому краткому сообщению, то получается, что, в отличие от Асклепиаса, Праксагор думал, что дыхание не создает душу, но лишь обеспечивает питание некой душевной пневмы, уже присутствующей в организме. Что конкретно происходит в артериях здесь не объясняется, говорится лишь, что воздух в них уплотняется. Чтобы понять это, следует, вслед за Штеккерлем²¹ обратиться к двум дополнительным свидетельствам. Дей-

²⁰ См.: STADEN (1989), р. 267.

²¹ См.: STECKERL (1958), р. 20.

ствительно, в своем комментарии к *Эпидемиям* Гиппократ (17 В.246), не упоминая имени Праксагора, Гален отмечает, что «называющие душу пневмой» предлагают такой механизм образования пневмы: она возникает в результате соединения испарений крови и того воздуха, который проникает в организм извне. В другом своем трактате (*О пользе дыхания* 5, 4.502 К.) Гален повторяет эту же мысль, говоря, буквально, что пневме «больше неоткуда получить питание, кроме как из входящего при вдохе воздуха», добавляя, что «многие известные медики и философы думают, напротив, что она может питаться и испарениями крови». Имеет ли это отношение к Праксагору? Чтобы убедиться в том, что да, достаточно, вместе со Штекерлем рассмотреть такое свидетельство Парижского анонима:

«Причина эпилепсии. Праксагор говорит, что эпилепсия возникает в области толстой артерии (аорты) из-за скопления в ней флегматических жидкостей. Сформировав пузырьки, они препятствуют проходу душевной пневмы от сердца, в результате чего пневма заставляет тело трястись и вызывает конвульсии. Когда пузырьки исчезают, прекращается и болезнь» (FUCHS, *Anecdota medica* 3, p. 541 (новое издание: GAROFALO [1997]), фр. 70).

Такое объяснение было достаточно распространено в медицинской литературе. Всевозможные газы (φῦσα) в организме отвечают за болезненные состояния в Гиппократовском трактате *О древней медицине* 22 и в *Тимее* Платона, где говорится, что душевные болезни вызываются скапливающейся острой и соленой флегмой и горькой желчью, которая «возмущает движение души примесью своих паров». Ср. 83с, где говорится о пенообразной белой флегме, состоящей из пузырьков и 85а, где сказано, что «содержащийся в пузырьках белой флегмы воздух опасен, если он заперт внутри тела».

Разумеется, здесь пузырьки ответственны за патологию, однако, это не обязательно так. Например, ученик Праксагора Филотим в одном случае говорит, что чрезмерное употребление холодной воды на голодный желудок ухудшает пищеварение и препятствует пузырькам подниматься вверх (ОРИВАСИЙ, 5.32, ФИЛОТИМ, фр. 13 St.). Очевидно, что в данном случае образование пузырьков — это нормальный процесс, и к болезни приводит лишь их избыток.

Таким образом, пневма формируется из вдыхаемого воздуха и газа, образующегося в результате пищеварения. Кроме того, как показывает сравнение с псевдо-Аристотелевым трактатом *О дыхании* (4, 482b14 сл. и 483a17), этот же процесс движения пузырьков отвечает за пульсирование артерий.

За пределами специальной медицинской литературы эта идея нашла отражение в дискуссии о природе души. Так, Тертуллиан

пишет, что центр «ощущений у человека расположен в крови вокруг сердца» (*О душе* 15.5), привлекая для подтверждения этого мнение Праксагора и сравнивая его с орфиками, Эмпедоклом и Хрисиппом. Ср. аналогичное высказывание Афиня (*Пирующие софисты* 15, 687е, фр. 30): «Они верили, что душа располагается в сердце, подобно медикам Праксагору и Филотиму» и Схолии к *Илиаде* (К 10): «...рассудительный Филотим поместил руководящее начало [души] в сердце, полагая, что где начало радости и печали, там же и начало ума». Ср. критику Галеном аналогичной теории Хрисиппа (*Об учениях Гиппократов и Платона* 3.1, 2.7, SVF II, 886–887). Заметим, что два вышеуказанных места из Галена фон Арним также включил в состав своих *Фрагментов ранних стоиков* (SVF II 782–783).

Патология, диагноз и прогноз

Как и следует ожидать от сторонника теории жидкостей, Праксагор считал, что всякая болезнь вызвана их диспропорцией в организме. Для этого могут быть внешние или внутренние причины. Вот, например, рассуждение Праксагора о простудных заболеваниях:

«Сужение (артерий) из-за холода случается, если выпить холодную воду в неподходящее время или слишком много, или если принять холодную ванну, или съесть холодные фрукты не вовремя или в неумеренном количестве, или, в целом, если сделать нечто такое, что порождает холодную флегму, которую Праксагор обычно называет стекловидной жидкостью» (ГАЛЕН, *О прогнозах по пульсам* 1.4, 9.248 К., фр. 50).

«Ощущение холода возникает не только из-за желтой или черной желчи, но также из-за холодной флегмы. Праксагор называет эту жидкость стекловидной» (ГАЛЕН, *О дрожи, сердцебиении, конвульсиях и судорогах* 7, 7.634 К., фр. 51, ср. фр. 51–52).

Флегма, уточняет Гален, более плотная, нежели другие жидкости, похожа на расплавленное стекло и, как правило, вызывает у пациентов дрожь и жар одновременно (их морозит и лихорадит). Обычно все эти жидкости светлые, но называются они по-разному. Подобная стекловидная жидкость, если проходит через стенки кишечника, вызывает у пациента сильные спазмы (ГАЛЕН, *Комм. к 'Прогнозам Гиппократов* 1, CMG 5.9.2, фр. 55, ср. 56), с флегмой связывается заворот кишок и колит (*ileus*, FUCHS, *Анec. med.* 14, р. 547, фр. 57; *vexatio coli*, ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН, *Об острых заболеваниях* 3.17, фр. 58). В сочинении *О пораженных местах* 2.5 (8.81 К., фр. 59) Гален передает личный опыт лечения кишечного заболевания: очищение с помощью масла руты, сообщает он, привело к выделению, с сильными болями, стекловидной жидкости, холодной на

ощупь («поразительно, почему она осталась такой холодной и не разогрелась в результате такого сильного извержения»).

Согласно Галену, Праксагор написал книгу о видах острых заболеваний, различая между буйными, вялыми и истерическими состояниями (*Комм. к 'Эпидемиям VI Гиппократа 1, 17.889 К., фр. 61*). Должно быть, эта книга стала источником для нескольких позднейших компиляций, таких как *Парижский аноним I* – начала II в. н.э. (в составе: FUCHS, *Anecdota medica*; новое издание: GAROFALO 1997), несколько выдержек из которого приводится ниже. Праксагор описывал самые разнообразные болезни, такие как «желтуха», пневмония, плеврит, эпилепсия, апоплексия, «невроз», паралич, водянка, «атрофия», диарея и др. Вот несколько примеров:

«Причиной буйного помешательства (φρενίτις) Праксагор считает приток флегмы к сердцу, функция которого — мышление. Когда эта функция нарушена из-за флегмы, сердце подвержено этому заболеванию» (FUCHS, *Anec. med.* 14, p. 540, фр. 62).

«Подобна летаргии та болезнь, которую греки называют каталепсией... Праксагор во второй книге своего сочинения о болезнях, случающихся в других странах (secundo libro peregrinarum passionum) называет ее коматозным заболеванием... Праксагор говорит, что определенные лихорадки (febrem) случаются между двенадцатым и шестнадцатым или семнадцатым годами жизни, и приводят к смертельному исходу, причем чаще у рабов, нежели у свободных. Приступы случаются по нечетным дням, так что больные от сильных болей лишаются голоса. Некоторые впадают в летаргическое состояние. Кроме того, он говорит, что некоторые пациенты, избавившиеся от этой болезни и уверенные в своем выздоровлении, принимают слишком много пищи и неожиданно умирают» (ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН, *Об острых заболеваниях 2.10.56*, фр. 63).

«Причина желтухи (ίκτερος)... Праксагор говорит, что охлаждение внутреннего тепла и жидкостей в теле — это шаг на пути к водянке. Ведь желтуха, если усиливается, становится водянкой. Подтверждением тому служит тот факт, что желтуха встречается зимой и поражает чаще всего пожилых людей...» (FUCHS, *Anec. med.* 30, p. 554, фр. 64).

«Причина пневмонии. Древние единодушно считали, что причиной пневмонии является флегма в легких. Праксагор уточнил, что пневмония поражает аорту и те части легких, которые ближе к позвоночнику, тогда как плеврит поражает области, расположенные ближе к ребрам и выступающим долям» (FUCHS, *Anec. med.* 9, p. 545, фр. 65, ср. ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН, *Об острых заболеваниях 2.16*, фр. 66 и FUCHS, *Anec. med.* 8, p. 545, фр. 67).

«Причина меланхолии. Праксагор и Диокл говорят, что эта болезнь обусловлена черной желчью, собравшейся возле сердца, что и сказывается на душевной силе» (FUCHS, *Anec. med.* 18, p. 549, фр. 69).

«Причина невроза (букв. иступления, одержимости, ἐνθραστικῶς). Праксагор единственный из древних врачей упоминает невроз и сообщает, что его источник — область вокруг сердца и толстой артерии (аорты). Бывают также пузырьки, поднимающиеся по ногам. Он говорит, что болезнь возобновляется в разных местах тела в разное время. Иногда руки трясутся, иногда голова» (FUCHS, *Anec. med.* 19, p. 549, фр. 71).

«Причина мании. Праксагор считает, что мания случается из-за распухания сердца, где, как он думает, находится разумение» (FUCHS, *Anec. med.* 17, p. 548, фр. 72).

«Причина атрофии. Праксагор считал ее причиной застой и свертывание жидкостей. Так что жидкости не могут пройти через поры и свернуться около вен. Ведь именно так, по его мнению, растет тело» (FUCHS, *Anec. med.* 27, p. 552, фр. 79).

«О “терebinте” (τέρμινθος, или терέβινθος). Так называемый терebinт — это вид опухоли (φῆμα), хотя это слово нечасто используется современными медиками. Праксагор же описал связанные с ним симптомы, как и его ученик Ксенофонт...» (ОРИВАСИЙ, 44.15, CMG 6.2.1, p. 132.20, фр. 88).

«Ксенофонт сообщает...: “Всякие шишки в любом месте тела, вырастающие наподобие бородавок (ἀκροχορδός) или тимьяна (θύμινος), указывают на раковую опухоль. По форме она напоминает бородавку, однако темнее, тверже, обширнее и выступает сильнее. Она больше похожа на цветок тимьяна, или так называемый рыбий глаз, или ягоду тутового дерева, спелую или неспелую, или нечто подобное. Место, где образуется такая шишка, заметно тверже на ощупь, нежели нормальное место. Вены, обычно заметные в этом месте, увеличиваются и темнеют и заметны в более широкой области. Что касается отдельных случаев таких опухолей, то одни из них становятся больше, другие меньше, одни сохраняют целостность, другие делятся на две или три части. Большинство сохраняют свой исходный размер, некоторые же разрастаются. Иногда это изменение происходит медленно, иногда быстрее, особенно, если тело ослаблено. По большей части они причиняют боль, особенно если сильно разрастаются, но в некоторых случаях не болезненны. Раковая опухоль любого вида может появиться в любом месте тела. Правда, опухоли, подобные бородавкам, чаще всего возникают на губах, в ушах, носе или горле. Те же, что напоминают тимьян, чаще поражают анус и гениталии. Подобные рыбьему глазу развиваются на глазном веке и между пальцами. Раковая опухоль, подобная незрелой ягоде тутового дерева, чаще всего возникает в

области подмышки и лобка. Опухоль, подобная зрелой ягоде тутового дерева чаще всего находится на боковой части соска, особенно женского». Учитывая эти различия, мы не склонны сразу же их удалять во время лечения; ведь очень плохо, если они изъязвляются. Поэтому полезно делать прогноз, базируясь как на словах Ксенофонта, так и на собственном опыте, и обращаться с этими шишками с должной осмотрительностью» (ОРИВАСИЙ, 45.11, SMG 6.2.1, p. 166.30, КСЕНОФОНТ, фр. 2 St.).

Терапия

«Неплохо было бы призвать в свидетели (лучших философов), полагающих, что невозможно вылечить глаз, не вылечив всю голову, а голову, в свою очередь, невозможно вылечить, не вылечив все тело. Так учили о лечении болезней Платон и Аристотель. Подобным же образом думали Гиппократ, Диокл, Праксагор, Плистоник и все древние врачи» (ГАЛЕН, *О медицинском методе* 4.4, 10.260 К., фр. 97).

В том же трактате (2.4., 10.101 К., фр. 96) Гален, со ссылкой на Эрасистрата, Диокла, Праксагора и Асклепиду, замечает, что, прежде чем начать лечение, врач должен понять природу болезни, «состояние пораженной части, а не только симптомы, которыми сопровождается это состояние».

Кровопускание практиковали все древние врачи, включая Праксагора. В трактате *Против последователей Эрасистрата о рассечении вен* Гален несколько раз упоминает Праксагора, всегда с одобрением (5, 9.163 К., 6, 9.169 К., 8, 9.177 К., фр. 98–99).

Специфически Праксагору целый ряд терапевтических методов приписывает Целий Аврелиан. Вовсе не обязательно, что Праксагор все это предложил впервые. Скорее всего, выдержки из его книги о терапии содержались в источнике Целия (в основном, недошедшем до нас сочинении методиста Сорана). Так, в случае дизентерии (ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН 4.6.89) Праксагор в первой книге о терапии предписывал очищение желудка различными веществами, вроде медовухи с молоком, муки, кипяченой в молоке, затем он давал пациенту дважды испеченный хлеб («потому что тот усваивается с трудом»). Плиний (*Естественная история* 20.7.26.66) отмечает, что он предписывал также капусту (фр. 101). В той же книге своего трактата о терапии страдающим болезнью печени Праксагор предписывал рвоту, очищение, кровопускание и массаж (ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН 3.4.64, фр. 102). Во второй книге того же трактата (ОН ЖЕ 2.8.34, фр. 103) он полагал, что подверженный летаргии должен употреблять жидкую пищу, а именно, выжимку из ячменя (*succo ptisanae*), постепенно, по мере выздоровления, переходя на твердую

пищу из ячменя («потому что он легко усваивается»). О некоторых предписаниях наш источник невысокого мнения. Сохранилась, к примеру, такая рекомендация:

«Праксагор во второй книге своего трактата о терапии предписывает, в случае эпилепсии, обрить голову пациента, применить припарки из пахучего уксуса или вина, вызывать насморк и рвоту на голодный желудок в течение нескольких дней. Он также предписывает пить молоко с медовухой и солью, и частые и интенсивные прогулки, слабительное и разнообразную еду, такую как мясо ягненка, свиньи или собаки. Он предлагает дать уксус с вином и, после того, как случится рвота, приложить пахучее вещество, вызывающее чихание; при этом следует сдерживать дыхание. Он предлагает лечить пораженные части прижиганиями и надрезами, а также предписывает очищения. Заметив приближение приступа, он советует зафиксировать пораженные части и втирать в них по направлению сверху вниз выделения бобра и снадобье из гениталий тюленя или гиппопотама, или содержащее кровь черепахи или камбалы, все со всем смешав (или «перепутав», *omnia confundens*)» (ЦЕЛИЙ АВРЕЛИАН 1.4.133, фр. 104).

В другом месте источник Целия Аврелиана (2.1.50, фр. 106) замечает, что методы Праксагора (излишне частые клистиры, принудительная рвота сразу после еды и т. д.) могут нанести вред пациенту, так как не всегда учитывается сила их воздействия, а также не говорится в каких именно случаях их нужно применять и в сочетании с какими лекарствами. Так, опасные препараты, вроде чемерицы (*helleborus*), даже в малых дозах могут привести к удушью, особенно если затруднена рвота. И немного ниже в том же тексте (2.14.214, фр. 106):

«Во второй книге трактата о терапии Праксагор предписывает больным в случае нарывов в легких принять чемерицу и воздерживаться от еды. Тогда они восстановят силы. Он не понимает, что сначала они должны восстановить силы, а затем принять чемерицу. Только в этом случае они смогут перенести тяжелое лечение».

Ср. свидетельство Оривасия (7.26, *SMG* 6.1.1, р. 245.2) об ученике Праксагора Плистонике:

«Плистоник... изготавливал суппозитории из чемерицы и, помещая их в анус пациента, вызывал рвоту. Иногда он смешивал чемерицу со сладким вином и предписывал пациентам вдыхать его вместе с бычьей желчью... у пациента это быстро вызывало рвоту».

В другом месте своего трактата Целлий (3.17.163, фр. 109) продолжает критиковать Праксагора за его методы, могущие привести

к смерти пациента, прежде всего флеботомию, клистиры, раздувание через анус, чрезмерную принудительную рвоту, злоупотребление опасными снадобьями и т. д. Упоминаются полостные операции и даже такая процедура «беспощадного» (protervus) хирурга: «Ректум рассекается, удаляются экскременты, а затем он сшивается снова». «Ясно, что Праксагор намерен описать великолепную смерть, а не лечение (magnificam mortem Praxagoras magis quam curationem voluisse scribere)». Конечно же, подобное обвинение можно было бы адресовать всем врачам старой школы. Кроме того, не следует забывать, что ранние пособия по медицине должны были выполнять роль записных книжек и не содержали исчерпывающей информации. Праксагор, как и другие медики его времени, общался со своими учениками лично и поэтому естественно, что ему не нужно было фиксировать на письме все детали, которых не нашел в его трудах спустя почти девять веков его критик. Свидетельство Галена (*О сохранении здоровья* 4.6, *CMG* 5.4.2, фр. 115) это, по-видимому, подтверждает. Гален также отмечает чрезмерное увлечение жесткими методами лечения у последователей Праксагора и Филотима, в частности, продолжительной рвотой. В то же время он указывает на то, что древних авторов следует читать внимательнее и исполнять их предписания с осторожностью, предписывая, к примеру, более сложные лекарства в разбавленном виде и не в первый день болезни. Но и сам Целлий Аврелиан отмечает, что в случае плеврита Праксагор предписывал кровопускание, но не более пяти дней, «избавляя от этой процедуры заболевших после массажа, плохо переносящих зиму, стариков и всех тех, кто отличался слабым здоровьем еще до болезни» (2.21.125, фр. 113). Как бы там ни было, свидетельства показывают, что Праксагору не было чуждо экспериментирование, и он решался на сложные операции.

Как и другие медики, Праксагор писал о ядах и противоядиях (Схолии к Никандру, фр. 118–120), ему приписывается сложный «антидот Праксагора», который, впрочем, по словам византийского актуария XIII в., не действует (НИКОЛАЙ МИРЕПС, *О противоядиях* 1, р. 356, фр. 117).

Таковы основные античные свидетельства о Косском враче Праксагоре, жившем ок. 300 г. до н.э. В определенном смысле доктрину Праксагора и его последователей можно считать связующим звеном между Аристотелем и александрийской анатомической школой. Действительно, Праксагор испытал влияние Аристотеля и, в свою очередь, стал учителем Герофила, который во многом превзошел его. Праксагора интересовали как традиционные для Гиппократовской медицины практические аспекты медицинского ремесла

(*tekhnē*), так и философские спекуляции, с ними связанные. Особенно примечательны его достижения — и ошибки — в области анатомии и физиологии. Праксагор одним из первых провел различие между нервами, венами и артериями, однако, должно быть не без влияния аристотелевской школы, ошибочно считал, что артерии и нервы образуют единую систему. Источаясь, артерии превращаются в нервы, но все они выходят из сердца и несут пневму. Напротив, вены наполнены кровью и выходят из печени. Очевидно, Праксагор, как и ранние стоики, стремился построить физиологию на основе наиболее развитой теории его времени, каковой был аристотелизм. Это подтверждает и Гален, замечая в контексте критики Хрисиппа, что эта идея Праксагора базировалась скорее на теоретическом представлении о том, что сердце — это центр умственной и душевной деятельности человека, нежели на анатомических данных. Во многом новаторские диагностические, прогностические и терапевтические методы Праксагора широко использовались в последующей медицинской традиции, однако нередко вызывали недоумение у позднейших медиков. Прежде всего, их беспокоил экспериментальный характер некоторых методов и, особенно, хирургических приемов, которые могли навредить пациенту, что позволило Целию Аврелиану через много лет называть его «беспощадным» (*protervus*) хирургом.

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

- БАЛАЛЫКИН (2015А). — БАЛАЛЫКИН Д.А., «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть I», *Философия науки* 65 (2015), с. 119-134.
- БАЛАЛЫКИН (2015Б). — БАЛАЛЫКИН Д.А., «Микроструктура живой материи в натурфилософской системе Галена. Часть II», *Философия науки* 66 (2015), с. 95-112.
- ПЕТРОВ (2015А). — ПЕТРОВ В.В., «Аристотель и Александр Афродисийский о росте и растущем», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9 (2015), с. 394-403.
- ПЕТРОВ (2015Б). — ПЕТРОВ В.В., «Аристотелевская традиция о текучести и преемственности вечно изменчивых живых тел индивидов», *Диалог со временем* 52 (2015), с. 82-92.
- BERTIER (1972). — BERTIER J., *Mnésithée et Dieuchès* (Leiden: Brill, 1972).
- EIJK (2000–2001). — EIJK P. VAN DER (ed.), *Diocles of Carystus: a collection of the fragments with translation and commentary*. 2 vols. (Leiden: Brill, 2000–2001).
- FURLEY, WILKIE (1984). — FURLEY D. J.; WILKIE J. S. (ed.), GALEN. *On Respiration and the Arteries*. An Edition with English Translation and Commentary

- of *De usu respirationis, An in arteriis natura sanguis contineatur, De usu pulsum, and De causis respirationis* (Princeton, 1984).
- GAROFALO (1988). — GAROFALO I. (ed.), *Erasistrati Fragmenta* (Pisa: Giardini, 1988).
- GAROFALO (1997). — GAROFALO I. (ed.), *Anonymi Medici de Morbis acutis et chroniis* (Leiden: Brill, 1997).
- KÜHN (1821–1833). — KÜHN C.G. (ed.) *Claudii Galeni opera omnia* (Leipzig, 1821–1833).
- MARQUARDT (1884–1893). — MARQUARDT I., etc. (ed.) *Claudii Galeni Pergameni Scripta Minora*, 3 vols. (Leipzig: Teubner, 1884–1893).
- NUTTON (2004). — NUTTON V., *Ancient Medicine* (L.: Routledge, 2004).
- POLITO (1999). — POLITO R., “On the Life of Asclepiades of Bithynia,” *Journal of Hellenistic Studies* 119 (1999), 48–66.
- STADEN (1989). — STADEN H. VON. (ed.), HEROPHILUS. *The Art of Medicine in Early Alexandria* (Cambridge, 1989).
- STECKERL (1958). — STECKERL F. (ed.), *The Fragments of Praxagoras of Cos and His School* (Leiden: Brill, 1958).
- VALLANCE (1990). — VALLANCE J.T., *The Lost Theory of Asclepiades of Bithynia* (Oxford, 1990).

Электронные материалы

- GALEN OF PERGAMUM, The Transmission, Interpretation and Completion of Ancient medicine. — <http://cmg.bbaw.de/> (ноябрь, 2015).
- Corpus Medicorum Graecorum (CMG). — <http://cmg.bbaw.de/publications/publikationen-cmg> (ноябрь, 2015).
- Thesaurus Linguae Graecae (в том числе on-line LSJ Greek Dictionary). — <http://www.tlg.uci.edu> (ноябрь, 2015).
- АФОНАСИН Евгений Васильевич** — доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник сектора истории философии Института философии и права СО РАН, afonasin@post.nsu.ru
- АФОНАСИНА Анна Сергеевна** — кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, afonasina@gmail.com

SUMMARY

PRAXAGORAS AND HIS SCHOOL

Eugene AFONASIN, Anna AFONASINA

In the article we translate and comment upon the principal ancient evidences about Praxagoras of Cos (ci. 300 BCE) and his followers. We study both the practical aspects of the *tekhne* (skill), related with the Hippocratic tradition in medicine (anatomy, physiology, *sphygmology*, dietetics, therapeutic methods and precepts, etc.) and the theoretical speculations associated with it. Special attention is given to such peculiarities of Praxagoras' teaching as his idea that "arteries are nerverlike, though hollow form", his opinion that arteries beat by themselves and are filled with *pneuma*, not blood, that the soul is seated in the heart, etc. as well as his daring methods of therapy which allowed Caelius Aurelianus, in many years, to call him a reckless (*protervus*) surgeon.

Key words: Ancient medicine, Hippocratic tradition, rational medicine, anatomy, pulse, spasm, tremor, veins and arteries, *pneuma*, blood.

Eugene AFONASIN, DrSc (Philosophy), Prof., Novosibirsk State University,
Leading research fellow, Institute of philosophy and law, Novosibirsk,
Russia, afonasin@post.nsu.ru

Anna AFONASINA, PhD (Philosophy), Lecturer, Novosibirsk State University,
Russia, afonasina@gmail.com

И.В. ПРОЛЫГИНА

ГАЛЕН О ПРИЗНАКАХ И ПРИЧИНАХ БОЛЕЗНИ И ЗДОРОВЬЯ (ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ)

Во второй части трактата *Медицинское искусство* Гален завершает свое рассуждение о признаках болезни, здоровья и безразличного состояния человека и переходит к учению о причинах. Трактат заканчивается библиографическим описанием сочинений Галена, которое призвано помочь читателю выбрать в его огромном корпусе необходимый материал по отдельным дисциплинам медицинского искусства.

Ключевые слова: Гален, болезнь, здоровье, безразличное состояние, человек, причина, признак, библиографические сочинения.

Завершение рассуждения о признаках болезни, здоровья и безразличного состояния (XIX – XXII)

После продолжительного рассуждения о признаках болезни, здоровья и промежуточного состояния — об их общих понятиях (III – V) и о признаках, которые служат диагностике того или иного темперамента (κρῆσις, VI – XVIII)¹, в главах XIX – XXII Гален переходит к рассмотрению признаков, которые служат диагностике соразмерности органов (συμμετρία). В начале XIX главы Гален разъясняет, что он имеет в виду под понятием соразмерности. Речь идет о величине органов (μέγεθος), их строении (διάπλασις), числе (ἀριθμός) и местоположении (θέσις). Гален приводит два примера аномалий внутренних органов — желудка и печени, которые наглядно показывают необходимость серьезного изучения анатомии и физиологии для установления верного диагноза (XIX). Затем следует описание заболеваний, от которых страдают больные тела при нарушении соразмерности мозга, сердца, печени, желудка, грудной клетки и трахеи. Эти заболевания проявляются в телах, которые больны в настоящий момент и таким образом уже пребывают в состоянии болезни, и выражаются через признаки, которые Гален называет, собственно, признаками

---

¹ Перевод первой части трактата Галена *Медицинское искусство* (гл. I – XVIII) см.: ПРОЛЫГИНА [пер.] (2014), с. 95-129.

болезни (XX, 1). Эти признаки следует отличать от просто болезненных признаков, которые проявляются у людей, которым еще только предстоит заболеть (τῶν νοσησόντων) или, наоборот, у тех, кто выздоравливает от болезней (τῶν ὑγιασθησομένων).

В XXI главе Гален переходит к подробному рассмотрению признаков, характерных для людей, которым предстоит заболеть или выздороветь. По причине промежуточного состояния между болезнью и здоровьем признаки состояния таких людей Гален называет безразличными или нейтральными (οὐδέτερα). Если они предвещают будущую болезнь, то они уже называются болезненными (νοσώδη), а если указывают на исцеление, то здоровыми (ὑγιεινά). Таким образом, согласно Галену, «одни и те же признаки в разных отношениях имеют три смысла, именуясь здоровыми, болезненными и безразличными» (XXI, 4). Далее Гален обращается к рассмотрению признаков, которые прогнозируют будущее заболевание. Среди них одни удаляются от нормы в количестве, качестве и времени и называются естественными (XXI, 8 и далее), а другие принадлежат к категории противоестественных (XXI, 16 и далее). В качестве примера естественных признаков Гален приводит аппетит, который может усилиться или ослабеть, или появляться в необычное время, или к необычным продуктам» (XXI, 8). А к противоестественным признакам относятся, например, жжение в животе или умеренная головная боль, которая еще не мешает заниматься обычными делами (XXI, 16).

В XXII главе Гален рассматривает признаки, присущие уже больным людям. Эти признаки также могут называться здоровыми, если они указывают на выздоровление больного, и болезненными, если превалирует болезнь. Они определяются по хорошему или дурному состоянию функций (ἐνέργεια) частей тела. Здесь Гален возвращается к четырем видам частей человеческого тела², о которых он подробно рассуждал в V главе. На этом он завершает свое рассуждение о признаках и переходит к изложению причин болезней.

**Учение о причинах болезни,
здоровья и безразличного состояния (XXIII – XXXVII, 5)**

Рассуждая о причинах, Гален различает причины здоровья (τὰ ὑγιεινὰ αἰτίαι), болезни (τὰ νοσώδη) и безразличного состояния (τὰ οὐδέτερα). При этом он отмечает, что для врача особенно важно знание первых причин, поскольку они необходимы для выбора верного лечения. Согласно Галену существует три вида причин здоровья:

---

² См. *Ars medica* V (см. ПРОЛЫГИНА [2014], с. 101).

- А. Причины, которые сохраняют здоровье (τὰ φυλακτικά).
- В. Причины, которые созидают здоровье (τὰ ποιητικά τῆς υἰείας) или терапевтические причины (τὰ θεραπευτικά).
- С. Причины, которые предупреждают заболевание (τὰ προφυλακτικά).

А. Изложение своего учения о причинах Гален начинает с рассмотрения причин, сохраняющих здоровье (τὰ φυλακτικά), и их общих особенностях (XXIII). Число этих сохраняющих причин зависит от степени отклонения тела от совершенного состояния и, соответственно, его изменения. В некоторых случаях они могут не только сохранять настоящее здоровье, но и улучшать его состояние. Тогда они называются исправляющими (τὰ ἐπανορθωτικά). Основное различие между сохраняющими и исправляющими причинами состоит во времени, которым располагает врач для лечения и исправления отклонений, поскольку тело не приемлет резких изменений (XXV, 8). Эти два типа причин могут зависеть как от обязательных обстоятельств (например, климат, пища, питье, бодрствование, сон), так и от необязательных (охота, война). Медицина учитывает только обязательные обстоятельства, предписывая, например, соответствующий режим и диету. В зависимости от количества и качества этих обстоятельств и изменений тела, происходящих под их влиянием, эти причины могут быть сохраняющими здоровье или болезненными и разрушающими здоровье (XXIII, 13).

Далее, Гален переходит к рассмотрению причин, способствующих сохранению здоровья в случае совершенного состояния тела (XXIV). Здесь он различает два случая: состояние тела при хошем смешении воздуха и при плохом. Задача врача состоит в том, чтобы поддерживать или восстанавливать равновесие между различными внешними воздействиями, которые могут охлаждать, согревать, иссушать или увлажнять тело. Кроме того, врач должен внимательно следить за качеством и количеством привносимого.

Сохраняющие здоровье причины относятся также и к телам, которые незначительно отклоняются от совершенного состояния (XXV – XXVII). Эти отклонения могут касаться темперамента (κρῶσις) и соразмерности (συμμετρία) частей тела, то есть их строения, размера, числа или местоположения. Для сохранения здоровых частей врач будет прибегать к сохраняющим причинам, а для исправления больных частей — к исправляющим причинам. Третья разновидность отклонений выражается в нарушении целостности (ἡ λύσις τῆς συνεχείας)³ тканей и органов, которое может встречаться у еще здоровых людей.

³ Под «нарушением целостности» имеются в виду разного рода раны или переломы, которые затрагивают как гомеомерные части, так и органы.

В. Вторая категория причин здоровья — терапевтические причины (τὰ θεραπευτικά) — имеет дело с уже больными людьми (XXVIII). Гален начинает рассмотрение этих причин с категории нарушения темперамента. Однако прежде он проводит различие среди здоровых причин, отмечая, что они могут относиться:

1. к уже сформировавшемуся нарушению темперамента (τῆς ἤδη γεγενημένης δυσκрасίας);
2. к происходящему нарушению темперамента (τῆς ἔτι γινομένης);
3. к нарушению темперамента, которое может вскоре произойти (τῆς γενησομένης).

В первом случае врач обращается, главным образом, к терапевтическим причинам, поскольку его задача состоит в том, чтобы вылечить больного. Во втором случае он будет использовать одновременно профилактические и терапевтические причины, поскольку необходимо предупредить развитие недуга и остановить болезнь на начальной стадии. В третьем случае он обращается к профилактическим и сохраняющим причинам, чтобы предупредить развитие болезни и сохранить имеющееся здоровье. Таким образом, роль терапевтических причин состоит в том, чтобы подавить причину болезни (XXVIII, 4).

Далее, Гален переходит к анализу заболеваний, вызванных нарушением темперамента (XXVIII, 5 и далее). Врачу необходимо подавить состояние, вызывающее болезнь, и восстановить недостаток противоположного состояния, например, при жарком и сухом темпераменте назначить меры, которые будут увлажнять и охлаждать темперамент больного. Гален приводит разные средства, имеющиеся в распоряжении врача: лекарства, предписания режима и питания, различные меры по изменению (ἀλλοίωσις) и эвакуации (κένωσις) соков.

Что касается заболеваний, относящихся к нарушению целостности (XXIX – XXXII), Гален выделяет несколько видов этой патологии, детально описывает их и дает указания относительно соответствующего лечения. Разрыв целостности может касаться мягких тканей (XXIX) в случае ранений и порезов, костей (XXX) в случае переломов и, наконец, нервов и сухожилий (XXXI). Также Гален рассматривает осложненные патологии, которые он называет сложными состояниями (τὰς συνθέτους διαθέσεις), при которых одна часть поражена сразу несколькими недугами (XXXII).

В главах XXXIII – XXXV Гален приводит заболевания, которые вызваны нарушением соразмерности частей тела. Чаще всего они затрагивают строение части (σχῆμα, XXXIII) и могут быть врожденными или приобретенными. Также рассматриваются случаи закупорки (ἔμφραξις) и противоестественного скопления крови или гноя, тре-

бующие вскрытия, каутеризации или эвакуации жидкостей иным способом. Гален приводит случай переполнения кровью какой-либо части тела и способы эвакуации избытка крови (XXXIV) — путем обратного всасывания или путем ее выведения через пораженную часть. Пример сопровождается обширными теоретическими рассуждениями о правильном выборе между различными способами эвакуации и практическими советами по проведению операции (XXXIV, 3-17). В следующей главе Гален кратко рассматривает заболевания, вызванные нарушением числа (τὸν ἀριθμὸν) частей, которые могут выражаться в недостатке или избытке частей тела (XXXV, 1-4), а также заболевания, относящиеся к размеру органов (τὸ πηλίκον XXXV, 5) и их местоположению (τὴν θέσιν XXXV, 7).

С. Причины, предупреждающие заболевание (τὰ προφυλακτικά XXXVI). Рассуждение о профилактических причин Гален опять начинает с разделения. Он говорит о том, что эти причины действуют в трех случаях: 1) когда человек полностью здоров, 2) когда человек имеет какие-то отклонения от безупречного здоровья, 3) когда человек болен. В первом случае профилактические причины действуют вместе с сохраняющимися причинами, а в последнем — вместе с терапевтическими. Профилактические причины действуют, главным образом, на жидкости тела. Во избежание болезни следует либо устранить излишки соков, либо восполнить их недостаток. Гален перечисляет разные способы изменения соков или их эвакуации в случае необходимости.

Изложение причин Гален завершает рассуждением о промежуточном состоянии между болезнью и здоровьем, которое присуще пожилым людям и выздоравливающим (XXXVII, 1-4), и прилагает к ним новые виды причин — восстанавливающие (ἀναληπτικόν) и укрепляющие (ἀναθρεπτικόν). К ним он относит сон, физическую активность, еду, напитки, растирания, омовения и др., а за более подробными сведениями отсылает к своему главному сочинению по терапии *О методе лечения*.

Каталог сочинений (XXXVII, 6-15)

В конце сочинения Гален приводит библиографическое описание своих сочинений по отдельным направлениям медицинского искусства, который он адресует своим студентам и читателям для облегчения поиска нужного материала в его огромном корпусе текстов. Этот каталог составлен по тематическому принципу: сначала Гален приводит два трактата, сходные по содержанию с *Медицинским искусством* (XXXVII, 6), затем следуют сочинения о темпераментах (7); тексты по физиологии (8) и анатомии (9-10); трактаты необходимые для диагностики и прогностики заболеваний (11-12), сочинения по терапии (13) и,

наконец, логические трактаты, изучение которых должно, по мнению Галена, предварять любые занятия медициной. Список заканчивается замечанием Галена о том, что он намеревается составить отдельное сочинение, посвященное собственным сочинениям.

* * *

Перевод выполнен и сверен по изданию BOUDON (2002).

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

ПРОЛЫГИНА [пер.] (2014). — ГАЛЕН, *Медицинское искусство* (I – XVIII), пер. и примеч. И.В. ПРОЛЫГИНОЙ, *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем* 2 (2014).

ПРОЛЫГИНА Ирина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ им. А.И. Евдокимова, prolygina99@yandex.ru

SUMMARY

GALEN ON THE SYMPTOMS AND CAUSES OF ILLNESS AND HEALTH

(INTRODUCTION TO THE TRANSLATION)

Irina PROLYGINA

Galen completes the second part of his *Ars medica* with the discussion concerning illness, health and indifferent state of man, and passes on to the teaching on the causes. The treatise ends with the list of Galen's writings, which should help his reader to select necessary material pertaining to the particular topic within the vast body of his writings.

Key words: Galen, illness, health, indifferent state, man, cause, symptom.

Irina PROLYGINA, Ph.D (Philology), Associate Professor in the Department of Latin language and Basics of Terminology, A.I. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry, prolygina99@yandex.ru

ГАЛЕН

МЕДИЦИНСКОЕ ИСКУССТВО

(XIX – XXXVII)*

XIX. 1. Что касается пороков относительно величины, или строения, или числа, или местоположения, они таковы¹: те, которые подлежат чувствам, распознаются легко; а из тех, которые не подлежат им, одни — распознаются с трудом, а другие — вообще не распознаются. 2. Так, величина и форма головы, а вместе с ней и мозга, видны отчётливо, и об этом было сказано выше²; то же самое относится и к грудной клетке. Таким образом, не трудно установить диагноз и у всего того, что относится к лопаткам, или к плечам, или к предплечьям, или к локтям, или к конечностям рук, или к седалищу, или к бедру, или к голени, или к стопам, если что-либо из перечисленного будет иметь недостаток в строении, или в размере, или в числе, или в составе³ составляющих их [частей]. И отчётливо видны повреждения функции у каждой части. А что касается внутренних частей тела, то не у всех возможно установить диагноз. 3. Ибо я видел у одного человека столь маленький, круглый и выпуклый относительно подреберья желудок, что его собственное очертание ясно проявлялось и на вид, и на ощупь. Таким же образом я видел у од-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 12–06–00087а: «Изучение усвоения и трансформации античных естественных наук в Средние века и Новое время в контексте социокультурной динамики общества» (2012–2014). — *ΓΑΛΗΝΟΥ ΤΕΧΝΗ ΙΑΤΡΙΚΗ* (Окончание). Начало см.: ГАЛЕН, *Медицинское искусство...* ПРОЛЫГИНА (пер., 2014), с. 95-129.

¹ После описания признаков, относящихся к темпераменту (κρῆσις) частей, Гален переходит в этой главе к изложению признаков, характерных для их соразмерности (συμμετρία) в четырёх отношениях (см. II. 5): величине, строению, числу и местоположению органов.

² См. гл. VI – VIII (ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 102-106).

³ Вместо местоположения частей (θέσις), о котором Гален упоминал уже не раз в этом контексте (см. IV. 3; XIX. 1), он говорит о составе или сложении частей (σύνθεσις). По всей видимости, причина замены терминов заключается в том, что такие части тела, как лопатки, плечи, предплечья и т.д. обычно не имеют дефектов, вызванных нарушением местоположения, но имеют дефекты в составе их частей.

ного человека столь выступающий и маленький мочевой пузырь, что если он медлил с мочеиспусканием, отчётливо проявлялось очергание его вздутия⁴. 4. Но среди других внутренних органов ни один ни разу не позволил мне установить точный диагноз. Тем не менее, следует пытаться, насколько возможно, распознавать их превосходное или дурное состояние, даже не обладая достоверным знанием, но полагаясь на некое профессиональное предположение⁵, как например, это было в случае с печенью. 5. Ибо я видел некоторых людей, и уже многих, которые имели суженные вены и бледный цвет всего тела; и если они принимали чуть больше пищи, особенно вызывающей вспучивание, жирной и вязкой, одни ощущали в глубине словно бы некую тяжесть, подвешенную в правом подреберье, а у других она сопровождалась тянущей болью. Итак, вполне вероятно, что у этих людей маленькая печень с суженными протоками. 6. И я видел другого человека, все состояние которого было флегматичным, но каждый день он изрыгал жёлтую желчь⁶. Тогда я понял, что следует осмотреть и его испражнения, которые содержали небольшое количество желчи. И вот из этого я умозаключил, что канал, который разносит желчеобразную жидкость⁷, не малую часть её отводит в привратник желудка, как это наблюдается у некоторых животных. 7. Из этих [примеров] ясно, что в том, что неясно⁸ чувству, диагнозу в значительной мере способствуют знание анатомиче-

⁴ Термин ὄγκος означает «вздутие», «увеличение в объёме», «опухоль» без какого-либо признака злокачественности. Виды опухолей Гален будет приводить в гл. XX. 8.

⁵ Термин στοχασμός (τεχνικός) означает профессиональное предположение врача о том или ином состоянии, основанное на рассмотрении конкретных обстоятельств этого состояния, ср. *De loc. affect.* I. 1 (KÜHN VIII. 14), см. VAN DER EIJK (2008), p. 288, 302. Далее Гален приводит пример такого профессионального предположения. Сужение вен служит признаком того, что печень, откуда берут начало эти вены, уменьшена. Отсутствие цвета или бледность служат признаком холодного темперамента печени. Тяжесть при употреблении некоторой пищи и боль в правом подреберье также служат признаком уменьшения печени и сужения её протоков.

⁶ Похожий случай с философом-перипатетиком Евдемом Гален описывает в *De temper.* II. 6 (KÜHN I. 631). Тогда Гален обратился к знанию анатомии, которое позволило ему сделать вывод о том, что это заболевание вызвано аномалией желчного протока.

⁷ Речь идёт о желчном протоке, который отводит желчь в первый отдел кишечника, следующий за желудком, — двенадцатиперстную кишку. В настоящем случае часть желчи забрасывалась в привратник желудка.

⁸ Гален использует здесь игру слов или паронимасию: δῆλον, ὅς ἐν τοῖς ἀδήλοισι τῆ αἰσθήσει <...> — ясно, что в том, что неясно чувству <...>.

ских явлений и раскрытие функций и пользы [органов]. Поэтому всякому, кто хочет установить диагноз тел, поражённых недугом, как было сказано, в настоящий момент, следует упражняться в анатомировании и раскрытии функций и пользы [органов]. 8. Обо всем этом написано отдельно в тех или иных сочинениях, о которых будет сказано в конце всего трактата⁹, дабы любознательные могли узнать, в каком по преимуществу сочинении следует читать о каждом из того, что они стремятся узнать. Но об этом достаточно¹⁰.

XX. 1. Что касается тел, которые больны в настоящий момент, то есть тех, которые пребывают в состоянии болезни¹¹, следует различать и их: одни поддаются [восприятию] чувствами вследствие изменения их естественных свойств относительно размера, цвета, формы, числа и местоположения, а также различия в твёрдости и мягкости и в жаре и холоде; а другие незаметны, говоря в целом, вследствие повреждения функций, или выделений, или болей, или противоестественных опухолей¹², или чего-то из этого, или всего. 2. А в частности, болезненные состояния мозга¹³ [распознаются] или по разновидностям безумия, или по повреждениям чувств или воображения, или произволения¹⁴, или по выделениям, стекающим с нёба, из носа и ушей, или по различным болям, поражающим мозг.

⁹ См. XXVII. 6 и далее.

¹⁰ Здесь Гален заканчивает рассмотрение пороков строения, представляющих собой отклонение от нормального или естественного состояния. Все тела в этом случае принадлежат к области здоровья. Далее он переходит к рассмотрению тел, которые больны «в настоящий момент».

¹¹ Это определение больных тел как тел, которые больны «в настоящий момент», Гален уже давал в гл. II. 2 (ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 97-98). Отличить больные тела от болезненных тел «вообще», которые значительно отклоняются от наилучшего состояния, позволяет только наличие ощутимого повреждения функции (IV. 7; *Ibid.*, с. 100).

¹² Этим противоестественным опухолям и их видам Гален посвятил отдельное небольшое сочинение. — См.: *De tumoribus praeter naturam* (KÜHN VII. 705-732).

¹³ При рассуждении о больных телах Гален следует тому же плану, которому он следовал в начале трактата при рассмотрении болезненных тел вообще. В этой главе он сначала приводит пример заболеваний мозга (ср. гл. VI и IX), затем сердца (ср. гл. X и XI), печени (ср. гл. XII) и желудка (ср. гл. XVII). Затем речь пойдёт о заболеваниях трахеи (в XVIII гл. Гален рассуждал о заболеваниях лёгких). Примеры разных темпераментов яичек и тела в целом здесь опущены.

¹⁴ Под термином *προαίρεσις* подразумевается способность свободного выбора или воля. Эта способность повреждается, например, в случае паралича (см. BOUDON [2002], p. 421).

3. Болезненные состояния сердца [распознаются] по разновидностям затруднённого дыхания и сердцебиения, и ещё по пульсу сердца и артерий, подъёму и упадку духа, лихорадкам и охлаждениям, по различиям цвета кожи и сердечным болям. 4. Болезненные состояния печени распознаются по недостатку или избытию соков, по отклонению к противоестественному [состоянию] и бесцветности и, кроме того, благодаря изменениям в распределении [пищи], её усвоению и выделению остатков; но ещё и благодаря тяжести, охватывающей печень, и опухолям, и болям, не только местным, но и всем тем, которые возникают по взаимному тяготению¹⁵ в виде какого-нибудь затруднённого дыхания или кашля¹⁶. 5. Так [болезненные состояния] желудка [распознаются] по нарушениям пищеварения, или аппетита к влажной или сухой пище, или выделения испражнений; а также по икоте, отрыжке, тошноте, рвоте, содержимому рвоты, болям, вздутиям, затруднённому дыханию¹⁷. 6. И все недуги грудной клетки [распознаются] по нарушениям дыхания, кашлю, болям в груди, различию отхаркиваемого содержимого. 7. И на заболевания трахеи указывают нарушение дыхания, и кашель, и местная боль, и содержимое отхаркивания, и нарушения голоса. 8. Соответственно и относительно всех других органов диагнозы будут устанавливаться исходя из вздутия, и боли, и повреждения функций, и ещё из различия выделений; а под вздутиями следует, безусловно, понимать те противоестественные опухоли, которые проявляются в виде флегмон, рожи, скирра и отёков. 9. Боль¹⁸ же, на какое бы место она не обрушилась, указывает или на разрыв целостности¹⁹ или на внезапное изменение. Так вот, целостность разры-

---

¹⁵ Термин *συμπάθεια* использовался в стоической философии для обозначения силы тяготения, существующей между частями тела. Части тела сравнивались с небесными созвездиями, которые благодаря взаимному притяжению находились в единстве друг с другом, как в живом организме. Согласно Галену, заболевание органа самого по себе называется *ἰδιόπαθεια*, а если он подвергся заболеванию под воздействием другого органа, то это признак *συμπάθεια*. См. FURLEY, WILKIE (1984), p. 270; SIEGEL (1968), p. 360; Столяров (1995), с. 112; BOUDON (2002), p. 334.

¹⁶ Затруднение дыхания и кашель могут появляться вследствие давления печени на диафрагму.

¹⁷ Вздутие живота, вызванное заболеваниями желудка, может также стеснять дыхание, см. XX. 4.

¹⁸ О теории боли у Галена см. *De sympt. caus.* I, 6 (KÜHN VII. 116 sq.).

¹⁹ Выражение *λύσις τῆς συνεχείας*, разрушение целостности или связности, употребляется у Галена в *Ars medica* применительно к гомемерным частям организма и к органам, которые мыслятся неразрывно связанными со всем организмом. Гомемерные части утрачивают свою связность, ко-

ваются вследствие рассечения, и разъедания, и ушиба, и напряжения; сущность изменяется от жара, и холода, и сухости, и влажности; а функция повреждается в трёх случаях: или ослабевает, или искажается, или вообще отсутствует²⁰. 10. А что касается выделяемого — как частей поражённых мест, как выделений, и как естественного содержимого этих мест²¹ — в каждом случае оно будет подавать особое указание. 11. Обо всех этих вещах подробнее сказано в сочинении *О поражённых местах*²², поскольку никто из моих предшественников не составил такого сочинения в соответствии с методом, или не довёл его до конца, так же как ни одно сочинение, которое начали древние, они не завершили. Из этого сочинения следует узнавать отличительные признаки больных тел, а тех тел, которым только предстоит заболеть и выздороветь — из следующего метода.

XXI. 1. Итак, отличительные признаки тел, которым предстоит заболеть²³, занимают промежуточное положение между теми, которые встречаются у здоровых и больных тел. Ибо у здоровых тел все находится в согласии с природой, а у больных в соответствии со степенью болезни — вопреки природе. 2. На границе между ними располагаются знаки, указывающие на болезни, причём одни принадлежат к категории естественных, но претерпевших изменения в

гда, например, рассекается нерв или кровеносный сосуд, а орган, когда ломается кость, или в нем появляется опухоль. Об этом понятии см. DE LACY (1979), p. 355-369.

²⁰ Арабский комментатор Али ибн Ридван приводит следующие примеры повреждения функции: если желудок болен, то его функция ослабевает, когда пища плохо переваривается; функция нарушается или искажается, когда желудок производит изжогу, и функция вообще отсутствует, когда желудок не переваривает пищу, и она испражняется в неперевааренном виде. См. BOUDON (2002), p. 336.

²¹ Али ибн Ридван иллюстрирует это место следующими примерами: под частями поражённых мест он понимает те частицы, которые большой отхаркивает с кашлем при поражении лёгких; под выделениями следует понимать мочу, экскременты, слезы, ушную серу; а под естественным содержимым этих мест он подразумевает, например, кровь, содержащуюся в венах. См. BOUDON (2002), p. 422.

²² Сочинение *De locis affectis* (KÜHN VIII. 1-452) в шести книгах Гален составил в конце своей жизни, в период правления Септимия Севера. Первые две книги этого сочинения посвящены вопросам метода (книги I – II), а в следующих четырёх он рассуждает о заболеваниях отдельных мест или частей тела: головы, лица, глаз, языка, ушей, позвоночника и других органов.

²³ После рассмотрения больных тел «вообще» (гл. VI – XIX), а затем тел, больных « в настоящий момент» (гл. XX) Гален переходит к рассуждению о телах, которым может угрожать заболевание.

количестве, качестве и времени²⁴, а другие относятся к противоположным, но они слабее тех, которые проявляются во время болезни. 3. Поэтому эти состояния тел, которым, как я отметил, предстоит заболеть, относятся к безразличным, так же как и указывающие на них признаки. Ибо, во-первых, они указывают на здоровье, а во-вторых, на болезни. И эти же признаки относительно чего-либо²⁵ могут быть безразличными и болезненными [одновременно]. 4. Если они указывают на уже существующее состояние, они безразличны; а если предвещают будущее состояние, то болезненные. Точно таким же образом все признаки, которые указывают у больных тел на исцеление, будут названы здоровыми, потому что предвещают будущее здоровье; но они будут названы и болезненными в той мере, в какой указывают на существующую болезнь. И очевидно, что если они указывают на оба состояния, они могут называться безразличными в соответствии с каким-то одним из значений понятия безразличного²⁶. И нет ничего удивительного в том, что те же самые признаки в разных отношениях имеют три смысла, именуясь здоровыми, болезненными и безразличными. 5. Согласно же другому значению [понятия безразличного] мы называем безразличными все те признаки, которые присущи людям, выздоравливающим от болезней, а также, я полагаю, признаки, присущие людям в старости²⁷. 6. Итак, все эти признаки подпадают под множество определе-

²⁴ В качестве примера таких знаков Гален рассматривает далее (XXI. 8) аппетит, который может быть слабее и сильнее (количество), проявляться к той или иной пище (качество) или в определённое время.

²⁵ Выражение *πρός τι*, унаследованное от Аристотеля, служит для противопоставления области абсолютного и относительного. Здесь оно применяется по отношению к признакам, которые могут быть безразличными или нейтральными (когда они указывают на настоящее состояние тела ещё до заболевания) или болезненными (когда они предвещают будущее заболевание). Далее оно будет применяться по отношению к причинам (XXIII. 2 и 11).

²⁶ Понятие безразличного или нейтрального состояния распространяется на три случая: 1) когда это состояние не причастно ни одному из противоположных состояний, то есть здоровью и болезни, 2) когда оно причастно то одному, то другому, и 3) когда оно причастно им обоим одновременно. Гален подразумевает здесь третий случай.

²⁷ В начале этой главы Гален перечислил признаки безразличного или нейтрального состояния, которые могут встречаться в трёх разных случаях: 1) признаки, которые указывают на настоящее состояние людей, которые скоро заболеют (XXI. 3-4); 2) признаки, которые указывают у больных людей на настоящую болезнь и будущее выздоровление (XXI. 4) и 3) признаки, присущие выздоравливающим и пожилым, которым Гален посвятил первую половину XXXVII гл.

ний и названий. Все те, которые встречаются у безусловно здоровых тел, подпадают только под определение здоровых [признаков], а все те, которые не предвещают у больных тел будущего здоровья, подпадают только под определение болезненных. О них и пойдёт речь далее²⁸. 7. Но сначала давайте разберём признаки, предвещающие будущее заболевание. Поскольку у них существует двойное различие, приступим сначала к тем признакам, которые претерпели изменения относительно естественного [состояния] в количестве, или качестве, или времени, а не в самих свойственных им формах, 8. как, например, аппетит к пище усилился, или ослабел, или появляется в необычное время, или к необычным продуктам, и отходы пищи выделяются в меньшем или большем количестве, и они более влажные, или более твёрдые. 9. Также наблюдается ли недостаток влажных выделений²⁹, или их противоестественное изобилие, или изменение их цвета, или состава, или времени опорожнения; и бессонница, или продолжительный сон, или сон в необычное время. 10. Точно также и желание пить против обыкновения больше, или меньше, или более горячее, или более холодное. 11. А равным образом неумеренное или несвоевременное стремление к любовным занятиям, более или менее обильное потовыделение по отношению к нормальному, медлительность в движениях, или тяжесть при попытке прийти в движение, или сильная расслабленность, исчезновение менструаций, или их более или менее обильное выделение, и такие же признаки при геморроидальных кровотечениях. 12. Но и удовольствие от пищи или питья, непохожее на прежнее, есть признак будущей болезни, а также неестественное помрачение ума, или какая-то необычная забывчивость, или более образные, чем прежде, сны; и кроме того, большее помрачение и затуманенность слуха, обоняния и зрения. 13. Проще говоря, [признаком будущей болезни служит] все то, что находилось в естественном состоянии, но увеличилось, или уменьшилось, или изменилось во времени или качестве. 14. Ибо и масса тела, которая бывает меньшей и большей, более красной и более белой, или, например, более синюшной и более чёрной, и отрыжка и чихание, и газы больше или меньше естественного состояния; 15. так же как все истекающее из носа, или нёба, или ушей, чем очищается мозг и что изменяется в количестве, качестве или времени — все это принадлежит к категории естественных

---

²⁸ См. гл. XXII.

²⁹ Скорее всего, здесь Гален имеет в виду главным образом мочу, которая может быть более или менее обильной, более или менее ярко окрашенной и выделяться через определённые промежутки времени.

признаков. 16. А жжение в животе — или в желудке, или где-то в кишках, или при опорожнении, или при рвоте, или при мочеиспускании — или какая-то другая умеренная боль относится к категории противоестественных [признаков], однако, такие люди ещё не называются больными, так же как те, которые испытывают тяжесть или боль в голове, но это ещё не мешает им заниматься обычными делами³⁰. 17. Именно такова граница болезни для подобных состояний; и поэтому мы скажем, что то же самое состояние в каком-то отношении уже больное и ещё безразличное. Ибо относительно силы способности — выносит ли она легко [недуги] или уже побеждена — каждое из названных состояний есть или болезнь, или безразличное состояние. 18. Таким образом, и все [нарушения] чувств отличаются друг от друга не большей или меньшей степенью, но принадлежат к совершенно противоестественной категории. И эти [нарушения] суть признаки болезней, даже пока они незначительны и ещё не способны отвлекать от обычных занятий. 19. Таковы [нарушения] вкуса, когда возникает ощущение солёного, или горького, или какого-то иного качества от всякой пищи или напитка, или даже вовсе без их употребления сама слюна создаёт такое впечатление. 20. А при [нарушении] обоняния мы ощущаем или какой-то один запах в отсутствии чего-либо пахучего, или, поднося к себе много разных запахов, ощущаем их так, как будто все они одинаковые. А часто у нас вообще не возникает никакого ощущения кроме какого-либо зловония при отсутствии чего-либо зловонного. 21. В случае [нарушения] слуха звуки и шумы принадлежат к категории противоестественных признаков, 22. так же, как при [нарушении] зрения все то, что представляется нашему зору черным и темным, синим, красным и золотистым, и то круглым, то вытянутым; и то тонким, то толстым, когда все это кажется парящим в воздухе. 23. А при [нарушении] осязания — когда всем состоянием ощущается какая-то неровность, или уплотнение, или тяжесть, или давление, или расположенность к образованию язв. 24. Так и в какой бы то ни было части тела напряжение, или давление, или жжение, или тяжесть, если они незначительны и непостоянны, то указывают на безразличное состояние, но предвещают болезнь.

---

³⁰ Дав первое теоретическое определение болезни как «ощутимого повреждения функций» (IV. 7, 8 — см. ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 100), Гален предлагает здесь дополнительное, более практическое определение.

XXII. 1. Все признаки, которые проявляются в уже больных телах³¹ и указывают одни на здоровье, а другие на смерть, называются: первые — здоровыми, а вторые — болезненными относительно рода и пагубными относительно вида. И они определяются, говоря в целом, по хорошему или дурному состоянию функций, а в частности — по состоянию частных функций³², о родах которых было сказано выше³³. 2. Первый род включает в себя первоначала (ἀρχῶν), второй — происходящие от них части, третий — части, имеющие собственное управление, но принимающие от первоначал некие отrostки³⁴. К четвёртому роду из названных тогда относятся те части, которые управляют сами собой и не служат источником для других частей, и другие части не служат источником ни для них, ни для чего-то из того, что находится в них. 3. И сам по себе этот род бесполезен для установления прогноза, но случается, что и из этих частей иногда извлекают прогноз, так же как из выделений; из этих частей — в силу взаимопроникновения (συμπαθείας), а из выделений всегда потому, что в них содержатся признаки сварения и несварения. Поэтому невозможно, чтобы они не указывали всегда или на то, что природа преобладает над материей, или материя — над природой³⁵, или ни одно из них над другим. 4. Итак, признаки будут называться здоровыми, когда превозмогает природа, болезненными, когда она превозмогается, а безразличными, когда борьба равносильна. И действительно, признаки явного сварения относятся к здоровым, как признаки несварения — к больным, а те, которые не указывают отчётливо ни на сварение, ни на несварение, относятся к природе безразличных признаков. Также безразличными будут те признаки, которые указывают то на одно, то на противоположное³⁶, как, например, чернеющие пальцы; таковы и критические симптомы³⁷.

³¹ После рассуждения о признаках, предвещающих будущую болезнь, в предшествующей главе Гален переходит к описанию признаков наступившей болезни.

³² Под частными функциями Гален понимает функции, присущие тому или иному органу или части тела.

³³ Гален снова проводит здесь различие между частями тела, о родах которых он подробно рассуждал в V главе (см. ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 101).

³⁴ Под отростками (ἄλοφθεῖς) Гален имеет в виду нервы, исходящие из двух частей мозга, продолжением которого они и служат (см. VI. 7), или вены и артерии, пронизывающие эти органы. См. BOUDON (2002), p. 343.

³⁵ Под природой (φύσιν) Гален понимает здесь то, что относится к здоровью, а под материей (ἕλην) — то, что относится к болезни.

³⁶ Согласно определению безразличного признака в гл. III. 3 (см. ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 99).

³⁷ Кризис — переломный момент болезни, в который болезнь может усилиться или отступить. Таким образом, и симптомы, которые проявля-

5. Обо всем этом сказано в сочинении *О кризисах*, также как о симптомах относительно каждой функции — в сочинении *О причинах симптомов*³⁸. Итак, из них следует черпать все, касающееся материи в частности. Я же из соображений краткости прерву на этом своё рассуждение о признаках и перейду к рассуждению о причинах³⁹.

XXIII. 1. А поскольку и среди причин одни бывают здоровыми, другие — болезненными, а третьи — безразличными, сначала речь пойдёт о здоровых причинах. 2. И раз среди них одни были сохраняющими [здоровье], а другие — производящими его, и сохраняющие причины и по времени и по значению предваряют производящие, следует начать теперь с сохраняющих причин⁴⁰. Итак, если здоровое тело не одно, но их много, как было установлено выше⁴¹, сохраняющая причина будет у каждого из них своя собственная, потому что всякая причина существует относительно чего-то⁴². 3. И вот, опять-таки и здесь следует начать с наилучшего состояния

ются в этот момент, могут указывать как на болезнь, так и на здоровье, и потому называются безразличными.

³⁸ Гален имеет в виду два своих сочинения — *О кризисах* (*De cris.*, KÜHN IX. 558-768) в трёх книгах и *О причинах симптомов* (*De sympt. caus.*, KÜHN VII. 85-272) также в трёх книгах, о которых Гален уже упоминал в XVIII. 8.

³⁹ Гален посвятил изучению признаков главы III – XXII, далее в главах XXIII – XXXVII. 5 он будет рассуждать о причинах.

⁴⁰ Под сохраняющими (φυλακτικά) причинами Гален понимает все средства, которыми располагает врач для сохранения здоровья, напр., здоровый образ жизни, правильное питание, физические упражнения, омовения и др. К этой первой категории причин относятся также исправляющие или корректирующие (ἐπινορθωτικά, см. XXIII. 4-5) причины. Под производящими (ποιητικά) причинами он понимает все средства воздействия на болезнь, как лекарственные, так и терапевтические. В другом месте Гален называет эти причины терапевтическими (θεραπευτικά). Врач прибегает к производящим причинам только в том случае, если сохраняющие причины оказались бессильны сохранить или исправить здоровье. В своём изложении причин Гален сначала рассматривает сохраняющие и исправляющие причины, затем производящие или терапевтические причины и, наконец, профилактические причины, о которых он не упоминает здесь, но будет рассуждать о них в гл. XXXVI.

⁴¹ См. начало трактата гл. Ib (ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 96).

⁴² Выражение πρὸς τι, которое уже встречалось в гл. XXI. 3, означает, что тело, находящееся в наилучшем состоянии, будет нуждаться только в сохраняющих причинах, а тело, которое отклоняется от такого состояния, будет нуждаться ещё в исправляющих или корректирующих причинах, хотя они относятся к той же категории причин.

тела, рассматривая здоровые причины, способствующие такому состоянию. И их обнаружению способствует природа самой [рассматриваемой] вещи. Ведь если тело не знало бы ни страдания, ни изменения, то всегда сохранялось наилучшее состояние, и оно совершенно не нуждалось бы в поддерживающем его искусстве. 4. Но поскольку тело изменяется, разрушается и искажается, не сохраняя своего первоначального состояния, оно в такой же мере нуждается в помощи. Итак, сколь многообразно оно изменяется, столько оно будет иметь и видов помощи, то есть сохраняющих причин, которые, как ясно уже из сказанного, принадлежат к категории исправляющих. 5. А поскольку исправления происходят постепенно, прежде внезапного возникновения повреждения, эти причины врачи называют не предохраняющими от будущего несчастья, но сохраняющими настоящее состояние. 6. Итак, тело изменяется от одних [причин] обязательно, а от других — необязательно. Под обязательными [причинами] я имею в виду те, с которыми невозможно не столкнуться, а под необязательными — прочие. Ибо постоянно общаться с окружающими, есть и пить, бодрствовать и спать — обязательно для человека, а наталкиваться на меч или диких животных — необязательно. Поэтому искусство относительно тела первым родом причин занимается, а вторым — уже нет⁴³. 7. Итак, разобрав все случаи обязательных изменений тела, мы обнаружим, что в каждом из них существует некая собственная категория здоровых причин. 8. В одном случае [изменения происходят] от пребывания на открытом воздухе, в другом — от движения и покоя всего тела и его частей, в третьем — от сна и бодрствования, в четвёртом — от потребляемой пищи, в пятом — от того, что выделяется или задерживается [в теле], в шестом — от душевных аффектов. Ибо под воздействием этих причин тело по необходимости приходит в некоторое состояние. 9. И действительно, от окружающего воздуха оно

---

⁴³ Это рассуждение о роли медицинского искусства следует понимать здесь в ограниченной области сохраняющих причин. Врач, который использует только средства, сохраняющие и исправляющие здоровье (не прибегая к терапевтическим причинам, о которых Гален рассуждает далее в XXVIII гл.), действует исключительно в области обязательных вещей таких, как бодрствование, отдых, пища и вода и занимается назначением того или иного режима. В области необязательных причин, например, в случае полученного ранения или нападения диких животных, врач будет лечить раненого уже при помощи хирургии и фармацевтики, то есть при помощи причин, производящих здоровье, или терапевтических причин, поэтому часть искусства, которая использует только сохраняющие причины, уже не будет играть никакой роли.

или согревается, или охлаждается, или иссушается, или увлажняется, или претерпевает что-либо из этого в сочетании, или изменяется всей своей сущностью. От движения и покоя при неумеренном пребывании в этих состояниях, оно или нагревается, или охлаждается, или иссушается, или увлажняется, или претерпевает что-либо из этого в сочетании. Также от сна и бодрствования оно непременно что-либо претерпевает, и точно так же от того, что потребляется, или выделяется, или задерживается, и от душевных аффектов. 10. Ибо все эти причины — одни напрямую, а другие посредством других причин — изменяют тело, и если изменение сохраняется длительное время и преумножается, то оно разрушает здоровье. И об этих самых причинах, о каждой в отдельности, написано в сочинении *О сохранении здоровья*⁴⁴. 11. Итак, все эти перечисленные ныне категории суть некая материя здоровых причин. При её надлежащем использовании причины бывают сохраняющими и здоровыми, а при нарушении её равновесия они становятся болезненными; так что уже и из этого очевидно, что среди этих внешних для [тел] вещей не следует считать одни здоровыми по своей сущности, а другие — болезненными, но одними и теми же по отношению к чему-либо, которые становятся то здоровыми, то болезненными. 12. Ведь когда тело нуждается в движении, упражнение ведёт к здоровью, а покой — к болезни, а когда оно нуждается в отдыхе, то покой ведёт к здоровью, а упражнение — к болезни; то же самое и относительно пищи, напитков и всего остального. 13. Ибо когда каждая вещь прилагается к нуждам тела в подобающем количестве, она бывает здоровой, а когда она присоединяется или вообще вопреки этим нуждам, или в неподобающей мере, она становится болезненной. Существует две цели [рассмотрения] относительно здорового и больного: качество и количество привносимого. 14. А что касается времени, то поскольку оно представляет собой нечто отличное от них, неблагоприятно вводить его в качестве третьего понятия в наше рассуждение. Ибо если тело нуждается в привнесении определённой вещи в определённом количестве, очевидно, что она привносится в надлежащее время. И [понятие] времени своим появлением обязано тому, что смертное тело непостоянно и легко изменчиво и нуждается при этих изменениях в разнообразной помощи. Поэтому время не составляет третьего понятия в рассматриваемой нами категории, но ради наставления мы часто используем его в качестве третьего понятия по указанной причине.

---

⁴⁴ См. трактат Галена *О сохранении здоровья* (*De san. tuenda*, KÜHN VI. 1-452).

XXIV. 1. И поскольку среди этих целей есть и другие здоровые причины и ныне обсуждаемая нами категория [причин], давайте снова вернёмся к ним. 2. Итак, наилучшему состоянию тела при благоравторении окружающего воздуха будет соответствовать точное равновесие и других вещей, о которых я только что сказал: покоя и движения, сна и бодрствования, потребляемого и выделяемого [телом]. 3. Но когда в воздухе дурное смешение, настолько подобает изменить равновесие, насколько нарушено хорошее смешение. 4. И цели такого равновесия в случае окружающего воздуха таковы, чтобы не содрогаться от холода и не потеть от жара; при спортивных занятиях — как только тело начинает испытывать боль, тотчас прекращать занятия; а в случае пищи — тщательность переваривания и соразмерность испражнений в количестве и качестве. 5. В этих случаях аппетит неким образом соотнобразуется с пищеварением, так что люди не нуждаются в советнике для измерения количества каждого из потребляемых продуктов. Ибо наилучшая природа, сколько жаждет, столько и хорошо переваривает. 6. Так сама природа отмеряет и длительность сна у людей, пребывающих в наилучшем состоянии, и они перестают спать тогда, когда уже не нуждаются в этом. 7. И действительно, у тех, кто ведёт такой образ жизни, не бывает никаких погрешностей в выделениях, относящихся к животу, моче и всему телу. Ибо выделения делает [здоровыми] соразмерность потребляемой пищи, а потоотделение во всем теле — соразмерность физических упражнений. 8. И очевидно, что этим людям следует воздерживаться от несоразмерности, вызванной всеми душевными аффектами: гневом, печалью, радостью, вспыльчивостью, страхом и завистью. Ибо они вредят телу и изменяют его относительно его естественного состояния. И от любовных занятий согласно Эпикуру⁴⁵ нет никакой пользы здоровью. 9. Но на самом деле она бывает, если соблюдать такие промежутки, чтобы при этих занятиях не чувствовать изнеможения, но испытывать ощущение облегчения и дышать свободнее, чем до этого. Время же для этого занятия [следует выбирать такое], когда тело находится в строго промежуточном состоянии между всеми внешними воздействиями, и оно не переполнено чрезмерно, не испытывает недостаток, не переохлаждено, не перегрето или иссушено или увлажнено. А если бы

---

⁴⁵ Гален, скорее всего, имеет в виду 51 фрагм. Эпикура (BAILEY [1926]), вторую часть которого он опустил: «Ведь любовные наслаждения никогда не приносят пользы; довольно того, если они не повредят». — Пер. С.И. СОБОЛЕВСКОГО (цит. по: ЛУКРЕЦИЙ, *О природе вещей...* с. 621). Ср. *In Hipp. librum III Epid.* I. 4.

случилась в чем какая-нибудь погрешность, то пусть она будет незначительной; и лучше предаваться любви, когда тело согрето, нежели когда оно охлаждено, и лучше когда оно наполнено, нежели истощено, и когда оно увлажнено, нежели иссушено. 10. И для наилучшего состояния следует выбирать качество в каждом из перечисленных случаев. Качество физических упражнений состоит в том, чтобы все части тела двигались пропорционально, а не так, чтобы одна перетруждалась, а другая оставалась без работы⁴⁶. Из пищи и напитков следует выбирать те, которые обладают наилучшим смешением. Ибо они в наибольшей степени подходят природам, обладающим хорошим смешением. Точно так же следует рассуждать и в других случаях.

XXV. 1. Если же тело не достигает наилучшего состояния⁴⁷, но только лишь в незначительной мере, то и сохраняющие здоровье причины будут пропорционально изменяться. А поскольку таких тел достаточно много, то следует сказать о каждом роде отдельно. 2. Итак, то, что изменяется по темпераменту, но не изменяется по соразмерности органических частей, имеет два вида здоровых причин: один вид — причин, сохраняющих темперамент тела, а другой — причин, приводящих к наилучшему темпераменту⁴⁸. 3. И причины, сохраняющие темперамент тела, настолько будут отличаться от причин, присущих самой уравновешенной по темпераменту природе, насколько отличается от неё темперамент всего тела. 4. Ибо более горячие тела нуждаются в более горячем режиме, а

---

⁴⁶ По замечанию арабского комментатора Али ибн Ридвана к физическим упражнениям, приносящим пользу, относится игра в мяч, которой Гален посвятил отдельное сочинение под названием *De parvae pilae exercitio* (KÜHN V. 899-910; MARQUARDT SM I [1884], p. 93-102). Обычно Гален резко осуждает тяжёлые физические нагрузки, сопровождающие профессиональный спорт и спортивные состязания, см. *Protr.* XII – XIII. Идеал здоровья согласно Галену заключается в умеренности. См. BOUDON (2002), p. 352.

⁴⁷ После рассуждения о наилучшем состоянии и сохраняющих причинах в предшествующей главе Гален переходит теперь к рассмотрению состояния тел, которые отклоняются от него (то есть они более горячие, более холодные, более сухие или более влажные или сочетают в себе два из перечисленных качеств). В таких случаях необходимо будет прибегать не только к сохраняющим причинам в том, что ещё здорово в них, но и к исправляющим для того, что уже больно.

⁴⁸ Гален даёт здесь определение сохраняющих и исправляющих причин. Далее, в гл. XXV. 8 он упомянет о том, что врач, в зависимости от времени, которым он располагает, может прибегать к исправляющим причинам или ограничиваться только сохраняющими причинами.

более холодные — в более холодном; и более сухие — в более сухом, а более влажные — в более влажном. И в парном сочетании более горячие и сухие тела нуждаются в более горячем и сухом режиме и соответственно этому [следует рассуждать] и относительно других парных сочетаний. 5. И правильно воспользуется материей причин⁴⁹ тот, кто знает присущие им от природы свойства, как, например, то, что движение, воздержание от пищи, бессонница, испражнение и все душевные аффекты иссушают тело, а противоположное этому — увлажняет. Также и относительно согревающих и охлаждающих занятий, пищи и напитков и, проще говоря, всего, что воздействует на тело — тот, кто знает материю и свойства, воспользуется здоровыми причинами, соотнося подобные [материю и свойства] с подобными [причинами], когда он захочет сохранить темперамент тела, который он обнаружил. 6. Если же он захочет его изменить и привести к лучшему состоянию, то здесь существует другой вид здоровых причин, противоположный названным выше, но в равной мере удалённый относительно противоположного темперамента от уравновешенных и средних причин, которые, как мы говорили, соответствуют наилучшим природам. 7. Ибо более горячий и сухой темперамент делает строго уравновешенным, пожалуй, не горячий и сухой режим, но тот, который настолько холоднее по своему темпераменту и влажнее уравновешенного темперамента, насколько горячее и суше естественной была природа [тела]. Ибо такой род причин исправляет врождённые нарушения темпераментов, тогда как другой вышеназванный род их исправляет. 8. И врачам необходим попеременно каждый из этих двух родов причин, чтобы с одной стороны, исправлять [тело], когда они располагают достаточным временем, постепенно приводя его к наилучшему состоянию — ибо природа не переносит резких изменений — а с другой стороны, при отсутствии необходимого времени сохранять его в том же состоянии. 9. Так почему же мы называем такой вид причин сохраняющим? Ведь, пожалуй, подобало назвать его скорее изменяющим, и исцеляющим, и исправляющим врождённые пороки, потому что, относя ко всему роду здоровья, а не к его видовым различиям причины, которые сохраняют людей здоровыми, мы назвали все эти причины сохраняющими — если помимо сохранения здоровья

---

⁴⁹ Под выражением «материя причин» (*ταῖς ὕλαις τῶν αἰτίων*), которое уже встречалось в гл. XXIII. 11, Гален имеет в виду разные категории, перечисленные в гл. XXIII. 8, которые способствуют действию здоровых причин: 1) пребывание на свежем воздухе, 2) движение и покой, 3) сон и бодрствование, 4) пища, 5) выделения, 6) душевные аффекты.

они приводят весь темперамент к лучшему состоянию и если они сохраняют изначальный темперамент. А что касается причин, вызывающих худшее состояние, то они называются болезненными. 10. Итак, если темпераменты одинаково плохо уравновешены во всех частях тела, то и попечение о них одинаковое, а если они уравновешены не одинаково, то и попечение неодинаковое. 11. Ибо желудок может быть у кого-нибудь холоднее, чем подобает, а голова горячее, и каждый из них нуждается в собственном [лечении]. Точно так же и каждая из других частей, когда она или влажнее, или суше, или горячее, или холоднее правильной меры, она нуждается в своём собственном режиме, подходящем для этого нарушения темперамента. Поэтому у таких людей мы не будем упражнять все части тела в равной мере, и не будем одинаково увлажнять или иссушать, или делать что-либо другое. Более подробно об этом говорится в сочинении *О сохранении здоровья*⁵⁰.

XXVI. 1. И здоровые причины органических частей⁵¹ отличаются друг от друга и здесь в зависимости от порока относительно наилучшего состояния. Ибо одни здоровые причины — у пороков строения, другие — у пороков величины, или числа, или местоположения. 2. Итак, в строении бывает множество пороков. В самом деле, [при рассмотрении] вида части, если в ней есть какая-то естественная полость⁵², или проход, или устье, или какая-то шероховатость или гладкость, то в случае, когда она удаляется от присущей ей соразмерности в небольшой мере, она получает название здоровых тел, если в большей степени, то больных, если же настолько, что повреждает функцию, то она уже больна⁵³. 3. Что касается размера, то увеличение и уменьшение приводит к таким же различиям.

⁵⁰ Это сочинение уже упоминалось в гл. XXIII. 10.

⁵¹ После рассуждения о влиянии сохраняющих причин на темперамент (κράσις) в XXV гл. Гален переходит здесь к их воздействию на соразмерность (συμμετρία) органических частей, а затем в XXVII гл. будет рассуждать об их роли в случае разрыва целостности.

⁵² В гл. XXXII. 1 Гален уточняет, что он имеет в виду под полостью (κοιλότης). Речь идёт об образовании язв (ἔλκος) с потерей сущности (ἀπόλεια οὐσίας). Такие заболевания следует лечить наложением плотных повязок и покоем. С другой стороны, возможно, Гален имеет в виду органы дыхания и голоса, так как в гл. XXVI. 7 он замечает, что полости может расширять, например, задержка дыхания, поскольку вдыхаемый и сдерживаемый в груди воздух заставляет органы расширяться.

⁵³ Это определение болезни Гален уже дал в гл. IV. 7 (см.: Пролыгина [пер., 2014], с. 100) и XXIII. 10.

4. [При нарушении] числа частей недостаёт или пребывает в избытке какая-то одна или множество гомеомерных частей. К этой категории относятся также все субстанции, которые образуются в нас противоестественным образом⁵⁴. 5. И остаётся ещё одна категория, относящаяся к местоположению каждой из простых частей, в которой, в свою очередь, существует в целом четыре разновидности: первое местоположение — наилучшее, второе — незначительно отклоняется от него и поэтому формирует ещё здоровое тело; третье — болезненное тело, при большем отклонении; и четвёртое — уже больное тело, когда отклонение весьма значительно. 6. Итак, те части, которые имеют порок относительно формы, как, например, дугообразные, изогнутые и заострённые части, в раннем возрасте, когда они ещё мягкие, они возвращаются к естественному состоянию с помощью формирования и стягивания. Если же они выросли и затвердели, то не допускают исправления. 7. И действительно, те части, которые имеют порок относительно полости, также исправляются, если находятся ещё в стадии роста, если же он закончился, то их невозможно исправить. Итак, уменьшает полость стягивание и покой, а увеличивает — активность частей и задержка дыхания. То же самое относится к проходам и устьям. 8. В самом деле, все то, что больше должного, уменьшает естественным образом покой и соответствующее стягивание, а увеличивает части — естественное движение вместе с умеренным растиранием и прочим, что способно естественным образом привлечь больше крови. 9. Что касается недостающих частей, то у тех, которые происходят от крови, исправление возможно, а у тех, которые происходят от семени, исправление почти невозможно⁵⁵. Однако вместо них иногда возможно сделать другие части, которые будут использоваться почти так же, как прежние⁵⁶. Но для всех частей природа есть создатель, а врач —

⁵⁴ Арабский комментатор Али ибн Ридван (f. 130va) в качестве примера таких субстанций, которые паразитируют в человеческом теле, приводит гельминтов (см. BOUDON [2002], p. 357).

⁵⁵ Гален различает части, которые имеют своим началом кровь, как например, плоть, которая может покрываться язвами, но способна к восстановлению и заживлению; и части, которые имеют своим началом семя, как например, кости и нервы, которые не способны к регенерации. См. *De sem.* (KÜHN IV. 512-651; DE LACY CMG V. 3. 1 [1992]).

⁵⁶ Гален, скорее всего, имеет в виду «мозолистую плоть» (σάρξ ποροειδής) или «плотеподобную мозоль» (πῶρος σαρκοειδής), которые образуются на месте удалённой кости, см. гл. XXXV. 3. Также он замечает, что при ампутации конечности врач может прибегнуть к «изобретению украшения (κόσμος)», под которым имеется в виду протез, см. XXXV. 4.

слуги⁵⁷. 10. А для частей, которые избылиуют числом, причиной здоровья будет удаление. Но следует внимательно смотреть, в каких случаях оно возможно; и если оно представляется невозможным, то следует пытаться переместить [части]. Такой же способ исправления и у тех частей, которые имеют порок относительно местоположения⁵⁸. 11. И вполне очевидно, что у одной части могут быть часто два и три порока, как, например, у человека, имеющего маленький и одновременно круглый и расположенный на диафрагме желудок. Ибо в этой части были нарушены размер, строение и местоположение; кроме того, её темперамент был холоднее; привести её к естественному состоянию было невозможно, но возможно было сделать так, чтобы она доставляла меньше беспокойства. Ибо поскольку этот человек испытывал затруднения с дыханием при полном желудке, то он трижды в день принимал пищу в небольшом количестве, но питательную и быстро продвигающуюся. 12. А у другого человека, который страдал от постоянной закупорки печени вследствие сужения сосудов, причиной здоровья оказалась диета для похудения⁵⁹.

XXVII. 1. Итак, остаётся ещё одна категория, общая для гомеомерных и органических частей — нарушение целостности⁶⁰ (λύσις τῆς συνεχειᾶς), и возможно, кто-нибудь не согласится с тем, что оно когда-либо было у безусловно здоровых людей, поскольку это всегда недуг; он не знает, что подобное затруднение будет встречаться во всех категориях пороков. 2. Ибо если болезнь отли-

⁵⁷ Гален приводит вариант известного изречения Гиппократов из *Epid. I*, 5 (LITTRÉ II. 637): ὁ ἰητρὸς, ὑπὲρ τῆς τέχνης, «врач — слуга искусства».

⁵⁸ В случае избыточных частей, как, например, камней в мочевом пузыре, когда ампутация невозможна, врач должен попытаться изменить их местоположение, чтобы облегчить выведение естественным путём. К этому методу следует прибегать и в случае смещений, вывихов или переломов. См. BOUDON (2002), p. 430.

⁵⁹ Теме похудения Гален посвятил отдельный трактат *De victu attenuante* (KALBFLEISH, *CMG V*. 4. 2 [1923]).

⁶⁰ После рассуждения о влиянии здоровых причин на темперамент (κρῆσις) и соразмерность (συμμετρία) органов Гален переходит к рассуждению об их роли в случае нарушения целостности. По замечанию Галена оно касается как гомеомерных частей, так и органов. При поражении гомеомерной части (напр., кость, плоть, вена или перепонка), непременно нарушается целостность частей, которые составляют её сущность, а также целостность внутри органа, который состоит из этих гомеомерных частей. См. De LACY (1979), p. 357.

чалась бы от здоровья осязаемым повреждением функции, но определялась только по качеству состояния [тела], тогда необходимо было бы принять учение о вечном страдании, раз никто не обладает органами, все функции которых пребывали бы в совершенном состоянии. Но поскольку этот вопрос принадлежит скорее к области логики, он требует отдельного рассуждения⁶¹.

XXVIII. 1. Далее давайте изложим причины здоровья применительно к тем людям, которые по общему признанию больны⁶², начав с категории нарушения темперамента. 2. Здесь, прежде всего, следует определить — почти все врачи оставляют это в стороне — что одни здоровые причины у уже случившегося нарушения темперамента, другие — у того, которое только происходит, так же как третьи — у того, которое произойдёт. 3. И вот, у этого последнего [нарушения] одни причины относятся к профилактической области искусства, а другие — к области, посвящённой здоровью⁶³. У самого первого [нарушения] они принадлежат только к области терапии, а у нарушения, о котором говорилось между ними двумя — и к профилактической и к терапевтической области. Ибо уже случившееся и существующее заболевание следует лечить. 4. Тому нарушению, которое ещё не существует, но возникнет исходя из состояния тела, следует помешать возникнуть. А у возникающего нарушения то, что уже проявилось, следует лечить, а тому, что

⁶¹ Обсуждая разрыв целостности, Гален даёт новое определение здоровья относительно болезни. Случаи разрыва целостности могут наблюдаться в здоровом теле, если повреждение незначительное (напр., лёгкий ожог, укус или поверхностная рана) и не влечёт за собой повреждения функции. Этот последний критерий как раз и отличает здоровье от болезни, см. IV. 7 и 8 (Пролыгина [пер., 2014], с. 100). Таким образом, мы встречаем два определения здоровья. В первом случае следует принять строгое определение здоровья, которое признает здоровым только совершенное тело, лишённое каких бы то ни было недостатков, и согласиться, таким образом, с принципом вечного страдания (*ἀεὶπάθεια*, см. IV. 9), поскольку в природе не бывает совершенного здоровья. Во втором случае следует принять определение, которое исходит из медицинской практики и учитывает неизбежное несовершенство тел.

⁶² В предыдущих пяти главах Гален рассуждал о сохраняющих и исправляющих причинах, которые относятся к здоровым телам. Теперь он переходит к рассуждению о терапевтических причинах, которые относятся к больным телам.

⁶³ Согласно галеновской терминологии к области здоровья (*τὰ δὲ ἐν τῷ ὑγιεινῷ*) принадлежат сохраняющие (*φυλακτικά*) причины.

должно проявиться, следует препятствовать проявиться. И такое препятствие возникнет, если будет устранено состояние, от которого зависит от природы возникновение этого нарушения. Такое состояние называется предшествующей причиной⁶⁴. И уже возникшее заболевание будет лечиться, если будет нарушено состояние, из-за которого изначально по природе повреждается функция; и это состояние мы называем ещё причиной болезни. 5. И лечение имеет единственную первостепенную и общую [для всех случаев] цель: противоположность самому тому, чему предстоит разрушиться. Ибо к этой категории относятся все причины, которые создают здоровье, и в частности те, которые относятся в каждом отдельном случае к противоположным состояниям. 6. Так, горячему состоянию противоположна холодная причина, а холодному — горячая, и точно так же в других случаях. Ибо если всё противоестественное лишено соразмерности, а всё естественное соразмерно, то совершенно необходимо, чтобы несоразмерность возвратилась к соразмерности под действием противоположной несоразмерности. 7. И очевидно, что согревающую и охлаждающую причину, так же как все другие подобные причины следует понимать согласно их свойству (κατὰ δύναντιν), а не представлению (κατὰ φαντασίαν) [о них]. Свойством я называю то, что действительно и истинно таково, как говорится. А представлением — то, что [заставляет] воображать вещь такой, какой она нам дана в первичном чувственном восприятии, не будучи таковой в действительности. А каким образом следует их распознавать сказано в сочинении *О свойстве простых лекарств*⁶⁵. 8. И

⁶⁴ В трактате *О здоровье* IV. 2 (*De san. tuenda*, KÜHN VI. 236) Гален различает причину болезни, находящуюся внутри тела, которую он называет «предшествующей» (προϋούμενον αἰτίον), и причину внешнюю по отношению к телу, которую он называет «предваряющей» (προκαταρκτικὸν αἰτίον), см. также *De caus. morb.* (KÜHN VII. 10). Последней категории причин Гален посвятил отдельный трактат *De causis procatarteticis*, который сохранился только в латинском переводе (BARDONG, *CMG*, suppl. II [1937]).

⁶⁵ О сочинении *О температурах и свойствах простых лекарств* (*De simpl. med. temp. et fac.*, KÜHN XI. 379 – XII. 377) см. XXXVII. 7. Это трактат в одиннадцати книгах посвящён изучению простых лекарств, то есть таких лекарств, которые уже готовы к применению по своей природе, напр., растения или минералы, в отличие от сложных лекарств, которые требуют дополнительной обработки и приготовления. В книге I. 1 (KÜHN XI. 379) Гален объясняет значение понятия «свойство» (δύναμις). Свойство лекарства определяется его действием (ἐνέργεια). В частности, некоторые растения имеют свойство согревать или охлаждать, то есть действуют как огонь или лёд, как, например, ромашка (πυρέθρος), которая обладает согревающим свойством.

для обнаружения здоровых причин, которые здоровые в случае уже проявившегося заболевания, следует использовать метод, с помощью которого различаются понятие представления и понятие свойства⁶⁶. А что касается тех причин, которые относятся к только наступающей болезни, следует пользоваться тем же методом и ещё тем, с помощью которого обнаруживаются причины болезней⁶⁷.

9. Предположим, например, что вследствие гниения соков вспыхнула лихорадка; указанием в таком случае будет изменение и опорожнение. Изменение останавливает гниение при сохранении субстанции, а опорожнение выводит из тела субстанцию целиком. 10. Но названный вид изменения — это переваривание; и только обнаружив, какие причины могут влиять на него, среди них мы уже могли бы получить знание о здоровых причинах в этом случае. 11. А опорожнения происходят благодаря веносечению, клизмам, мочевыделению и кожному дыханию, а ещё отвлечению и перемещению [соков] к другим частям. К этой же категории относится и провоцирование менструаций, иссечение геморроидальных узлов и очищение через ноздри и нёбо. 12. Итак, обнаружив ещё и здесь материи, благодаря применению которых во времени, количестве, качестве и способе употребления совершается опорожнение, мы обнаружим здоровые причины в этой области искусства. И об обнаружении всего этого написано в сочинении *О методе лечения*⁶⁸.

13. Таким же образом и относительно трёх других нарушений темпераментов⁶⁹, мы, руководствуясь одним общим правилом, побуж-

⁶⁶ Перед тем, как назначить то или иное лекарственное средство, врач должен уметь различать те лекарства, которые только имеют видимость целебных (*κατὰ φαντασίαν*), и те, которые действительно обладают такими свойствами (*κατὰ δόξαν*). Для их распознавания существует множество разных способов, которые Гален подробно описал в сочинении *О темпераментах и свойствах простых лекарств*.

⁶⁷ В случае наступающей болезни врач должен прибегать одновременно к терапевтическим и профилактическим причинам. Относительно терапевтических причин Гален только что указал, как следует их выбирать, различая свойства лекарств. А что касается профилактических причин, то следует раскрыть причину болезни, чтобы предотвратить её дальнейшее развитие.

⁶⁸ В сочинении *О методе лечения* (*De meth. med.*, КÜНН X. 1-1021) в четырнадцати книгах, которое было известно в Средневековье под названием *Ars magna*, Гален устанавливает те же различия между гомеомерными и органическими частями и выделяет в болезни 1) нарушения физиологических функций, 2) заболевания, которые приводят к этим нарушениям, 3) причины, которые их вызывают и 4) их симптомы.

⁶⁹ Имеются в виду те нарушения темпераментов, которые уже сформировались, те, которые формируются, и те, которым предстоит сформироваться.

дающим сначала искоренять каждую вызывающую их причину, а затем только приступать к произошедшей от этого болезни, обнаружим здоровые причины. 14. В случае сложных нарушений темперамента сложение простых [темпераментов] укажет здоровые правила, поскольку и здесь сообразно с величиной нарушения мы можем обнаружить подходящее для него средство. 15. Так, например, если что-нибудь отклонится от естественного состояния к более горячему в десять раз, а к более сухому — в семь раз, то, разумеется, необходимо, чтобы здоровая причина была при таких состояниях в десять раз холоднее и в семь раз влажнее. Следовательно, если такое лекарство прикладывается к самой больной части, пусть оно будет холоднее и влажнее настолько, насколько повелевает указание. 16. И если больное место находится в глубине, следует постараться изготовить такое здоровое лекарство, чтобы оно не успело раствориться по пути⁷⁰. Итак, если оно должно быть горячее нормы, пусть оно будет горячее не только настолько, насколько требует болезнь, но в придачу будет добавлено то, что по необходимости требует местоположение. Если же оно должно быть холоднее, то его не просто следует делать настолько же холоднее, но сначала следует исследовать субстанцию. 17. Если лекарство состоит из крупных частиц, оно не достигнет большой глубины, но наоборот иногда полностью стягивает поверхность кожи. Если же оно состоит из мелких частиц, оно может проникнуть на большую глубину. Так и относительно того, что увлажняет и иссушает, следует наблюдать, из крупных или мелких частиц состоит субстанция. 18. Указание, [извлекаемое] из местоположения больного места, обнаруживает то, что здорово, как было сказано, в настоящий момент. А указание из строения и местоположения [извлекают], когда это место имеет воспринимаемые чувствами истечения, которые соединяются с другим местом⁷¹, или оно не имеет никакого истечения. Ибо мы отведём истечения, изливающиеся в наиболее важные части, и приведём в движение те, которые изливаются в менее важные части⁷². И очевидно, что для причин, вызывающих нарушение

---

⁷⁰ О необходимости усиливать лекарство, если оно должно воздействовать на органы, находящиеся внутри тела, ср. *Ad Glauc. de med. meth.* (KÜHN XI. 95. 13 sq.).

⁷¹ Выделения или истечения, присущие одной части, могут изливаться в другую. Строение этих частей может быть естественным, как в случае с носом, который соединяется с горлом, а может быть противоестественным.

⁷² Когда гнилые соки, вырабатываемые в какой-то части, не имеют прямого выхода наружу, они выходят через соседние области. Арабский комментатор Али ибн Ридван приводит в пример мозг, жидкости которого

темперамента, исцеление достигается посредством опорожнения. А для самих нарушений темперамента исцеление состоит только в изменении.

XXIX. 1. В случае разрыва целостности цель исцеления состоит в [восстановлении] единства, и для органических частей оно невозможно⁷³, а для гомеомерных частей не всегда невозможно, но в некоторых случаях возможно, как, например, в мясистых частях, где исцеление заключается в склеивании [плоти]; и не будет никакой разницы, если кто-то назовёт это сращением. 2. Когда рана бывает достаточно большой, этому сращению предшествует соединение разделённых частей, которое относится к категории строения. И чтобы оно было прочным, используют повязку, которая соединяет разделённые части, зажимы и швы. Но склеивает разделённые части и возвращает изначальное состояние природа. 3. Наша же задача, как было уже сказано, состоит, во-первых, в том, чтобы свести воедино разделённые части, во-вторых, сохранить то, что было соединено, в-третьих, заботиться о том, чтобы ничего не попало между краями раны, и, в-четвертых, поддерживать здоровой саму сущность части. 4. Как поступить в первом и втором случае, уже сказано. 5. Третья задача была бы выполнена, если при соединении разделённых частей мы не допустили бы попадания чего-либо извне, поскольку часто волос, или масло, или какая-то другая жидкость, оказавшись между частями, препятствуют их соединению⁷⁴.

выделяются через нос и рот (BOUDON [2002], p. 432). Когда эти истечения изливаются в орган менее важный по сравнению с тем, откуда они исходят, тогда следует содействовать этому процессу. А если они попадают в более важный орган, тогда нужно отводить эти выделения в другое место.

⁷³ Восстановление целостности органа в случае её повреждения невозможно, поскольку орган состоит из разного рода гомеомерных частей (плоть, вены, мембраны и др.), и лечение, направленное на восстановление целостности одной части, может повредить другие. Что касается гомеомерных частей, то Гален вновь обращается к различию, установленному выше (гл. XXVI. 9): те части, которые происходят от семени (напр., кости или нервы) не подлежат регенерации, а те, которые происходят от крови (плоть), могут восстанавливаться.

⁷⁴ Гален, видимо, вспоминает здесь свой врачебный опыт, полученный в гладиаторской школе в Пергаме (157–161 гг.). При ранениях гладиаторов, тела которых обычно умащались маслом, следовало уделять особое внимание чистоте и сухости ран. В сочинении *De comp. med. per gen.* (KÜHN XIII. 599-603) Гален упоминает о том, что за время его работы в школе значительно сократилось число летальных исходов.

А в последующее время третья цель достигается через облегчение оттока [соков]. Сам же этот отток следует производить путём дополнительного надреза и ещё одного надреза с противоположной стороны и при надлежащем виде [этих выделений]. 6. А сама сущность части будет сохраняться здоровой благодаря умеренно иссушающим средствам. Таково лечение разрыва целостности в мясистой части, когда наблюдается только он сам по себе. 7. Но если он будет сочетаться с каким-нибудь другим заболеванием, то целей указаний будет больше, и о них мы будем говорить далее⁷⁵ при изучении сложных или смешанных, или как угодно иначе называемых заболеваниях. А сейчас следует перейти к рассуждению о прочих разрывах единства.

XXX. 1. Итак, перелом — это разрыв целостности в кости. Он неизлечим относительно первой цели, а относительно второй — некоторым образом бывает излечим. 2. Первая цель состоит в сращении (σύνφωσις), которое не может произойти по причине твёрдости этой части⁷⁶, а вторая — в скреплении (δέσις), которое возможно благодаря известковому отложению, скрепляющему и окружающему перелом. 3. Поскольку это отложение состоит из материи и происходит от природы, оно имеет общее с другими частями происхождения, а поскольку по своему роду оно схоже с костью, оно зависит от её питания⁷⁷. 4. Мягкая и детская кость может срастись⁷⁸, но возникновение этого заболевания редко [бывает] без сочетания [с другим заболеванием]. Так, например, при переломах костей достаточно часто страдают и расположенные рядом мышцы вместе с другими телами. Поэтому и цель лечения бывает двойная: в одном случае она относится к костям, а в другом случае — к окружающим их

---

⁷⁵ См. гл. XXXII.

⁷⁶ У Галена за сращение сломанной кости отвечает не костная ткань, а известковое отложение (λίθος), которое образуется в месте перелома и восстанавливает единство кости. Однако сросшаяся таким образом кость не восстанавливается полностью в отличие от мягких тканей, которые после ранений полностью восстанавливаются благодаря рубцеванию. Поэтому первая цель — сращение кости — полностью не достигается.

⁷⁷ Это известковое отложение имеет общее происхождение (γένεσις) с костями, которые образуются от семени, а потому не способны к регенерации в отличие от мягких тканей. Подобно костям оно питается кровью тела, которую врач должен стремиться обогатить (см. гл. XXX. 5).

⁷⁸ Детские кости, которые ещё находятся в стадии роста, по мысли Галена, могут срастись полностью, но не благодаря известковому отложению, а благодаря костной ткани, которую тело ещё образует.

телам. Но об этом пойдёт речь при [рассмотрении] сложных состояний мясистых частей⁷⁹. 5. Здесь же следует сказать о переломах. Поскольку их лечение действительно зависит от образования известковых отложений, и для того, чтобы он образовался, необходимо присущее кости питание, нужно, чтобы от природы закладывался её избыток для образования известкового отложения. И этот избыток должен быть соразмерным в качестве и количестве. Поэтому он нуждается в питании, которое доставляет костям приток крови в таком количестве и такого качества, чтобы из неё образовалось отложение. 6. И поскольку кровь вливается через трещины сломанной кости, следует наблюдать за её обилием и качеством и таким образом принимать пищу или более иссушающую или более увлажняющую, о чем подробнее сказано в сочинении *О методе лечения*⁸⁰.

XXXI. 1. И колющая боль в нерве или сухожилии⁸¹, возникающая из-за избытка чувствительности или неразрывной связи части со своим первоначалом, способна вызвать судороги, особенно тогда, когда ничто не испаряется наружу, а кожная рана затянулась. 2. В этом случае следует прободить эту часть и осушить её при помощи субстанции, состоящей из мелких частиц, которая способна проникнуть вглубь до раненого нерва. 3. И об этом подробно сказано в сочинении *О методе лечения*⁸². Вот таков вид здоровых причин в простых состояниях этой категории.

XXXII. 1. А в случае сложных состояний прежде всего встречается полость, осложнённая язвами⁸³, и её считают не другим состоянием, но разновидностью язвы; и такой недуг есть не разновидность, а некоторая другая категория общего заболевания, при котором происходит утрата самой сущности. 2. Итак, лечение при двойном недуге требует двойной цели. Ибо нарушение целостности

⁷⁹ Возможно, Гален имеет в виду случаи открытых переломов, о которых он будет говорить в гл. XXXII.

⁸⁰ В сочинении *De meth. med.* VI, 5 (KÜHN X. 440) Гален уточняет, что пища, способствующая образованию известкового отложения, должна быть сочной и питательной.

⁸¹ Отрывок XXXI. 1-2, посвящённый случаям разрыва целостности внутри гомеомерной части, почти дословно повторяется в *De meth. med.* VI. 2-3.

⁸² См. *De meth. med.* VI. 2-3 (KÜHN X. 386 sq.).

⁸³ Слово ἔλκος (язва) у Галена означает заболевание, часто связанное с разного рода флегмонами (φλεγμόνη), отеками (οἴδημα) и опухолями (ὄγκος), см. гл. XXXII. 6. Язва вызывает эрозию плоти, которая нарушает целостность мягких тканей тела.

требует соединения, а утрата сущности — рождения. Цели рождения были изложены чуть выше⁸⁴; а на то, что сначала следует лечить это состояние, а затем последовательно приниматься за соединение, указывает сама природа вещей. 3. Итак, когда полость заполнится и язва станет гладкой, одна из целей исчезает; ибо, когда между краями язвы возникает новообразованная плоть, разделённые части не могут соединиться и следует искать другую цель лечения. 4. И то, что необходимо доставить части, мы обнаружим из того, что ей свойственно по природе, а по природе ей подобало быть покрытой кожей. Поэтому нам следует создать её, а если эта цель недостижима, то создать нечто подобное коже. Следовательно, нужно создать плоть, похожую на кожу. И она станет такой, если высохнет и одновременно зарубеет. Поэтому для заживления будут полезны иссушающие и слабо вяжущие лекарства. 5. Также, если распространится загрязнение, цель состоит в очищении, и содействующим здоровью лекарством будет очищающее. О материи лекарств было сказано в сочинениях о лекарствах⁸⁵. 6. И, конечно, если язва будет сопровождаться какой-то флегмоной, или ушибом, или скирром, или отёком, то сначала следует лечить их согласно описываемым далее методам⁸⁶. 7. Также, если что-либо притекает к язве, то следует соотносываться с лечением притекающих выделений⁸⁷. 8. Точно так же, если какое-либо нарушение темперамента будет влиять на поражённое язвой место, сначала следует применять средства от нарушения темперамента. Но об этом достаточно.

XXXIII. 1. Теперь следует приступить к категории нарушения строения⁸⁸, которая подразделяется на множество разновидностей;

---

⁸⁴ См. гл. XXIX.

⁸⁵ Гален посвятил большое число сочинений фармакологии: сочинение о простых лекарствах под названием *О смешении и свойстве простых лекарств* (*De simpl. med. temp. et fac.*, KÜHN XI. 379 – XII. 377) в одиннадцати книгах (см. гл. XXVIII. 7), два сочинения о сложных лекарствах — *О составлении лекарств по родам* (*De comp. med. per gen.*, KÜHN XIII. 362-1058) в семи книгах и *О составлении лекарств согласно местам* (*De comp. med. sec. loc.*, KÜHN XII. 378 – XIII. 361). Здесь Гален, скорее всего, имеет в виду первое сочинение *О смешении и свойстве простых лекарств*, в частности, гл. VIII. 16, 36 (KÜHN XII. 108), где речь идёт о разных очистительных, но не агрессивных лекарствах, к которым Гален относит, напр., прополис.

⁸⁶ См. гл. XXXIV.

⁸⁷ О способах лечения заболеваний, связанных с обильными выделениями, см. гл. XXIX. 5.

⁸⁸ После рассуждения о роли терапевтических причин применительно к темпераментам, а затем о случаях разрыва целостности, Гален переходит

но начать рассуждение следует с наиболее очевидной категории, которая касается изменения формы. 2. Итак, у тех, кто ещё растёт, можно исправить форму большинства частей, а у тех, кто вырос, уже невозможно. И цель, насколько это подвластно лечению, будет состоять в том, чтобы привести их от искажения к противоположному. 3. И если при неверно вправленном переломе форма какого-то сустава повредилась, и он успел покрыться костной мозолью, тогда следует его оставить, а если костная мозоль ещё свежая, следует сломать его и заново верно вправить, а затем способствовать образованию костной мозоли. 4. К этой категории болезней относится и закупорка⁸⁹. В одном случае она возникает из-за вязких и густых соков и преследует сама по себе одну цель, противоположную своему недугу — очищение. И причинами здоровья служат очищающие и режущие лекарства. 5. В другом случае закупорка происходит из-за твёрдого кала, вызывающего непроходимость в кишечнике, и сначала она будет требовать исправления этого затвердения с помощью влажных и жирных промываний, а затем резкого опорожнения. 6. И ещё она возникает из-за камня в мочевом пузыре, что требует его немедленного смещения, а ради полного исцеления — его извлечения посредством вскрытия. 7. И в случае жидкости, скапливающейся противоестественным образом в какой-либо части, лечение состоит в полном опорожнении, как бывает при скоплении гноя, а в случае чрезмерного наполнения — в умеренном опорожнении, как бывает с кровью в венах. 8. Точно так же во всех случаях, когда гной или кровь скапливается в желудке, кишечнике, или трахее, или лёгком, требуется полное опорожнение. 9. А при избыточном употреблении пищи или питья, если это произошло только что, исправление достигается частичным опорожнением⁹⁰.

к рассмотрению дефектов, связанных с отсутствием соразмерности (ἀσυμμετρία) частей тела, начиная с дефектов строения.

⁸⁹ Повредить форму какой-либо части тела могут не только неправильно сросшиеся переломы, но и разного рода закупорки (ἔμφραξις) и непроходимости. Помимо кишечной непроходимости и камней в мочевом пузыре, о которых упоминает Гален, арабский комментатор называет закупорки, которые поражают нервы и вызывают паралич или затрагивают глаза в случае катаракты, см. BOUDON (2002), p. 371. Лечение в данном случае служит очищение или раскупорка (ἔκφραξις) органа.

⁹⁰ Термин ἀλοκένωσις означает частичное опорожнение части внутри целого, когда следует опорожнить не все жидкости, но только некоторое количество. В данном случае речь идёт об опорожнении избытка пищи, также как в гл. XXXIII. 13 и гл. XXXIV. 3. Противоположным понятием этому термину будет ἔκκένωσις, полное опорожнение (гл. XXXIV. 9), см. BOUDON (2002), p. 436.

10. В самом деле, все содержимое лёгкого и грудной клетки опорожняется с кашлем и под действием разжижающих лекарств, а все содержимое печени, или вен, или артерий, или почек опорожняется или с мочой или через живот; но с мочой — под действием сильно разжижающих средств, а через живот — под действием всасывающих и выводящих наружу лекарств, причём содержимое верхней части живота — через рвоту, а нижней части⁹¹ — через испражнение. 11. И все находящееся под кожей извлекается путём вскрытия, или прижигания, или прижигающих лекарств. 12. Также поступают иногда, если что-то содержится в какой-либо естественной полости, как в случае грудной клетки. 13. В общем, цель лечения того, что содержится в каких-либо частях и относится к категории противоестественного, состоит в удалении, а если она недостижима, то в перемещении; а что касается всего того, что относится не к категории противоестественного, а к количеству, то цель их [лечения] состоит в частичном опорожнении. И обнаружение подходящих для их лечения средств извлекается отчасти из самого расположения, но главным образом из поражённых частей. 14. Всему тому, что противоестественно вследствие шероховатости, следует восстановить естественную гладкость; что касается кости, то её выскабливают, а что касается трахеи или языка, их разглаживают при помощи не едких и вязких жидкостей. 15. А всему тому, что противоестественно вследствие гладкости, следует восстановить естественную шероховатость при помощи очищающих в достаточной степени лекарств и путём незначительного выскабливания.

XXXIV. 1. Что касается закупорок или сужений, которые служат следствием других болезней, сначала следует лечить первое. В книге *О различии болезней*⁹² было показано, что названные [недуги] часто бывают следствием флегмон, и скирров, и отеков, и чрезмерной сухости, а ещё дурного строения самих тел, которые их вмещают, также как некоторых опухолей, которые поражают окружающие их тела. И если что-то из названного осложняется сочетанием одного с другим, оно будет иметь различные указания. Достаточно будет рассказать об одном случае в качестве примера, ибо более подробно обо всем этом говорится в моих сочинениях по те-

---

⁹¹ Под верхней частью живота Гален понимает желудок и пищевод, под нижней — кишечник. См. GOUREVITCH (1976), p. 85-110; BOUDON (2002), p. 373.

⁹² Гален имеет в виду отрывок из сочинения *De diff. morb.*, 7 (KÜHN VI. 858), где речь идёт о заболеваниях, которые чаще всего сопровождают закупоривания в какой-либо части.

рапии⁹³. 2. Итак, предположим, что множество крови притекает к какой-либо части, так что сосуды этой части растягиваются, не только большие, но и малые, которые ранее ускользали из виду, но теперь из-за наполнения стали заметны, как они отчётливо видны иногда в глазах вследствие белизны оболочки⁹⁴; и очевидно, полагаю, что и другие более мелкие по сравнению с названными сосуды, наполнившись, растягиваются, даже если они и не заметны из-за своего малого размера. Таким образом, возникает опасность, как бы что-нибудь, просочившись из сосудов, не вылилось в пустые промежуточные пространства, или не выступило за край в небольшом количестве. 3. И лечение такого недуга, несомненно, будет иметь целью опорожнение, или говоря точнее, частичное опорожнение. А поскольку недуг состоял в чрезмерном наполнении части, совершенно необходимо, чтобы избыток был удалён или путём обратного всасывания или через саму поражённую часть. 4. Итак, он будет всасываться под действием выталкивания, или притяжения, или отведения, под влиянием одного из этих способов, или всех. А через саму поражённую часть он будет удаляться, с одной стороны, явным и ощутимым образом, а с другой стороны, превратившись в испарения⁹⁵. 5. Но если всё тело достигнет чрезмерной полноты, не следует проводить полное опорожнение через больное место. Ибо если мы проведём полное опорожнение, вызвав надрезами и рассечениями ощутимую боль, мы привлечём вследствие боли ещё больший [приток]; и если мы попытаемся рассеять избыток согре-

⁹³ Вопросам терапии Гален посвятил объёмное сочинение *De meth. med.* (KÜHN X. 1-1021) и меньшее по объёму сочинение *Ad Gauc. de med. meth.* (KÜHN XI. 1-146). К области терапии относятся также разные трактаты, посвящённые кровопусканию, как напр., *De ven. sect. adv. Eras.* (KÜHN XI. 147-186).

⁹⁴ Слово «оболочка» (χιτόν) буквально означает «хитон» и происходит от названия нательной одежды у греков (ср. лат. tunica). Метафорически оно означает защитную оболочку органа. Применительно к глазу имеется в виду, скорее всего, роговая оболочка. См. SKODA (1988), p. 146.

⁹⁵ В случае переполнения кровью какой-либо части тела врач имеет в своём распоряжении два способа её эвакуации: 1) он может произвести обратное всасывание крови путём её отведения к тому месту, откуда она притекает, то есть к венам, — при помощи оттягивающих лекарств или кровопусканий, 2) или действовать непосредственно через поражённое место: а) «явным и ощутимым образом», напр., прибегнув к вскрытию или кровопусканию, или б) превратить избыток крови в испарения, чтобы они вышли через поры этой части при помощи разжижающих и согревающих лекарств. См. комм. Али ибн Ридвана (fr. 144vb); BOUDON (2002), p. 375.

вающими средствами, мы теплом больше привлечём к части, чем рассеем. И если, наоборот, мы захотели бы вызвать обратное всасывание того, что притекло, то тело, будучи наполненным, не смогло бы это принять. 6. Итак, в виду двух этих затруднений следует опорожнить все тело целиком, затем обязательно отвлечь притекающую к больному месту [кровь] в другие места. Сделав это, надо сначала удалить её от части, а затем пытаться рассеять, ибо опорожнение будет тем легче, чем через более широкие пути будет происходить. 7. И мы отвлечём [кровь] от больного места, если будем стягивать и охлаждать⁹⁶; кроме того, и опорожнённые [части] привлекут к себе этот отток крови. Впрочем, и это показано в моём сочинении *О естественных способностях*⁹⁷. И, конечно, её будут отводить сосуды, напряжённые под действием вяжущих лекарств. И вот, если всё таким образом всасывалось бы, было хорошо. 8. Но если в части что-то осталось, конечно, необходимо полагаться на то, что оно вязкое или густое, и потому прочно скованно; в противном случае оно может излиться в промежуточные области; вот тогда уже пора приступить к его опорожнению через поражённое место, приложив к расположенным на поверхности частям лекарства, сдерживающие приток [жидкостей]. 9. А к полному опорожнению следует приступить главным образом тогда, когда что-либо содержится по твоему предположению в промежуточных областях, прибегая к надразам и вместе с тем к рассеивающим лекарствам. Однако поскольку все рассеивающие лекарства по своим свойствам горячие, и сам темперамент может вызывать раздражение при чрезмерном жаре, следует остерегаться среди них слишком горячих, особенно если больное место расположено на поверхности. 10. Ибо оно будет испытывать не малую боль, если к болезни прибавится ещё раздражение, кроме того, всякая боль обостряет истечения. А вот умеренно горячее лекарство, применяемое в этих случаях, не причиняет боли, тем более, если оно влажное. При этом оно способно рассеять находящееся на поверхности, даже если рассеивающее лекарство будет не сильным. 11. Но если расположенные на поверхности [части] ничуть не больны, а нуждающаяся в опорожнении [часть] находится в глубине, необходимо повисить и увеличить жар рассеивающего

---

⁹⁶ Стягивающие лекарства приводят к сужению вен, а холод сдерживает приток крови, так же как жар, напротив, её привлекает, см. гл. XXXIV. 5.

⁹⁷ Сочинение *О естественных способностях* (*De fac. nat.*, KÜHN II. 1-214; HELMREICH, *SM* III [1893], 101-257) в трёх книгах посвящено «способностям» или «силам» организма, которые отвечают за рост и питание.

лекарства, ибо оно рискует раствориться прежде, чем достигнет глубины, а расположенные на поверхности части, которые оно затронет, нисколько не пострадают, поскольку они не больны. Поэтому и ныне при использовании более горячих и одновременно раздражающих лекарств полностью совпадают два [условия]: расположенные на поверхности [части] их переносят, а расположенные в глубине — в них нуждаются. Итак, это указание мы извлекли из местоположения части. 12. Но давайте теперь посмотрим, не опустили ли мы чего-нибудь относящегося к исцелению. Ибо, похоже, что мы опустили некоторые немаловажные [вещи]⁹⁸. Ведь среди самих поражённых частей, в которых наблюдается избыток течения, одни по своей природе рыхлые, пористые и мягкие, а другие плотные, сжатые и твёрдые. И вот, первые легко опорожняются, а другие нуждаются для своего опорожнения в более раздражающих лекарствах и к тому же состоящих из более мелких частиц; и если эти части располагаются на значительной глубине, то, конечно, [нуждаются в них] ещё более. Вот тебе другое указание, [извлекаемое] из сущности больной части. А ещё одно следует из строения и местоположения одновременно. 13. Предположим, например, что названное выше состояние наблюдается в печени, когда узкие края сосудов закупорены жидкостью: или вязкой, или густой, или обильной. Разве неудобно при помощи разжижающей пищи и напитков сначала разрядить плотность вместе с вязкостью до более мелких частиц? А затем опорожнить то, что беспокоит, не только через невидимые и узкие протоки, как в случае других частей, но через широкие пути? 14. Ибо вены у печени очень широкие, так же как и весьма многочисленные; и они переходят — те, которые расположены в выпуклых частях печени, — в полую вену, а те, которые во впалых частях — в воротную вену⁹⁹. Поэтому, в каком бы из этих двух мест не возникла закупорка, тебе уже будет легче быстро опорожнить их, привлекая к животу при помощи притягивающих лекарств те жидкости, которые вызвали закупорку в венах впалых частей, и направляя в мочу через полую вену содержимое [переходящих] в неё вен. 15. И ещё одно указание помимо названных выше мы извлекаем из печени, как из первоначала вен¹⁰⁰. Поскольку

⁹⁸ Гален долго рассуждал о местоположении больной части, но почти ничего не сказал о её сущности, о которой будет рассуждать далее.

⁹⁹ Гален различает в печени две области: верхнюю выпуклую часть и нижнюю впалую часть. Если закупорка случилась в нижней части, то опорожнение следует проводить через кишечник, а если в верхней части, то через мочеиспускание.

¹⁰⁰ См. гл. V. 2 (ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 101).

по своей природе она управляет не только сама собой, как большинство частей живого существа, но передаёт свою способность венам, возникает опасность — если мы ослабим её тонус расслабляющими омовениями и примочками — что сначала она сама утратит тонус своей функции, а [затем] лишит тонуса все вены. 16. Поэтому при её лечении следует добавлять какое-нибудь из вяжущих лекарств. Но поскольку она расположена достаточно глубоко, возникает опасность, что свойство вяжущего лекарства утратится, если не будет поддерживаться другой субстанцией, состоящей из мелких частиц, такой, например, как [субстанция] ароматических лекарств¹⁰¹. И ещё лучше, если само вяжущее лекарство сразу будет и ароматическим, ибо обладая двумя врождёнными качествами и способностями, оно будет действовать сильнее. 17. Итак, [предположим], что мы уже опорожнили то, что было противоестественно принесено в часть, и она обладает естественным равновесием соков. Теперь нам следует рассмотреть, не изменился ли её темперамент от качества истечения: если оно было более слизистым, не охладилась ли часть, а если более желчным, не нагрелась ли она, дабы, исцелив её нарушение темперамента, вернуть её к совершенному здоровью. 18. И мы исцелим её, противопоставляя ей противоположное качество, как было сказано относительно лечения нарушений темпераментов¹⁰²: настолько охлаждающая каждую часть, насколько она перегрелась. 19. Поэтому и здесь опять-таки необходимо знать свойственное ей по природе равновесие темпераментов. Ибо как мы узнали бы, насколько она горячее естественного состояния, или когда следует прекратить охлаждение, не зная меры её естественного жара? Также если бы мы согревали часть, которая охладилась, то без знания меры её естественного холода, нам было бы невозможно подобрать подходящее согревающее средство или [узнать, когда следует] прекратить согревание.

XXXV. 1. Но поскольку об этих вещах сказано достаточно, пора уже перейти к противоестественным состояниям относительно числа частей¹⁰³. Они бывают двух видов: целью лечения тех, кому недостаёт какой-либо части, будет её создание при очевидном со-

---

¹⁰¹ Арабский комментатор Али ибн Ридван относит к числу таких ароматических растений розу, алоэ и сандал (fr. 147va). См. BOUDON (2002), p. 380.

¹⁰² См. *выше*, гл. XXV. 6-7 и гл. XXVIII. 6.

¹⁰³ После рассуждения о роли терапевтических причин, относящихся к порокам строения (гл. XXXIII – XXXIV) Гален переходит к порокам, связанным с числом и размером частей (гл. XXXV. 1-6), а также с их местоположением (гл. XXXV. 7).

действию природе, таким образом, как было сказано чуть выше¹⁰⁴; а тех, у кого, напротив, наблюдается преизбыток, — иссечение части или скальпелем, или огнём, или прижигающим лекарством. 2. Таким образом, почти все части можно исцелить, а породить возможно не все, как показано в сочинении *О семени*¹⁰⁵. 3. И даже если некоторые части сами по себе невозможно породить, все же возможно создать вместо них нечто другое, как, например, при полностью удалённой кости [создать] на её месте другую сущность, отличную и от кости и от плоти, ибо на её месте возникает словно бы некая мозолистая плоть, или плотеподобная мозоль, и со временем она превращается в нечто более мозолистое, будучи изначально скорее плотеподобной. 4. С другой стороны, в случае утраченной части, когда мы не можем создать ни точно такой же по виду, ни подобной ей сущности, нашей третьей целью становится изобретение какого-нибудь украшения, как в случае увечий. 5. И очевидно, что вся эта категория [увечий] имеет нечто общее с категорией величины [частей]. Ибо насколько первая категория затрагивает естественное состояние, [настолько] она приближается ко второй; а отличается от неё только в тех случаях, которые относятся к категории противоестественного. При этом первой целью будет удаление, если же она недостижима, тогда второй целью будет перемещение, как при катарактах. 6. А что касается того, чего недостаёт и что избыточно относительно естественного состояния не в целых частях, но в частях частей, в случае недостатка [целью будет] питание или порождение, а в случае избытка — удаление и истощение. Поэтому в этих случаях ни цель не отличается, ни тип лекарств согласно категории [пороков]¹⁰⁶. 7. Но следует перейти к ещё одной оставшейся категории причин здоровья, которая исправляет тела, поражённые недугом относительно местоположения, как, например, вывихам и [опущению] кишечника в мошонку. Одно возникает от резкого растяжения или толчка, а другое от расширения или разрыва окружающей оболочки. 8. Поэтому в первом случае лечением будет оттягивание назад и толчок в направлении противоположном

¹⁰⁴ См. гл. XXVI. 9, в которой Гален уже указал способы лечения в случае недостатка какой-либо части тела.

¹⁰⁵ В своём трактате *О семени* (*De sem.*, KÜHN IV. 551-552; DE LACY, *CMG* V. 3. 1 [1992]) Гален противопоставляет части тела, происходящие от крови и способные к регенерации, и части, происходящие от спермы, которые не могут регенерировать.

¹⁰⁶ Цель лечения и применяемые врачом лекарства не различаются в случае лечения отдельной части или части, которая принадлежит другой более важной части.

смещению¹⁰⁷, а во втором — создание непроницаемой оболочки. А какие методы позволяют найти лечение в частном случае, показано в сочинении *О методе лечения*¹⁰⁸.

XXXVI. 1. Далее следовало бы поговорить о причинах, рассмотрение которых мы отложили в предшествующем рассуждении. Их называют профилактическими¹⁰⁹. Среди них также бывают три разновидности: первая касается безусловно здорового человека, вторая безусловно здорового, а третья — больного. 2. Итак, первый вид [этих причин] принадлежит к области здоровья, подразделяясь на две части, как было сказано выше¹¹⁰; вторая — к профилактике, а третья — к терапии¹¹¹. 3. И вся совокупность этого вида [причин]¹¹² опирается главным образом на соки, которые не должны быть ни вязкими, ни густыми, ни водянистыми, ни обильными, ни слишком горячими или холодными, ни едкими, ни гнилостными, ни ядовитыми. Ибо при увеличении они становятся причиной болезни, а увеличиваются они то под действием той же причины, которая их изначально породила, то для того, чтобы уподобить себе соки тела¹¹³. 4. И в этих случаях цель лечения двойная: изменение и

¹⁰⁷ См. ГИППОКРАТ, *О вправлении суставов* 1. 1.

¹⁰⁸ О вывихах см. *De meth. med.* VI, 5 (KÜHN X. 430), о грыжах см. *Ibid.* XIV. 13 (KÜHN X. 988).

¹⁰⁹ После анализа сохраняющих или исправляющих и терапевтических причин Гален переходит теперь к последней категории профилактических причин. О классификации этих причин см. гл. XXVIII.

¹¹⁰ Понятие здоровья, приложимое к здоровому телу вообще (ἀπλῶς), может относиться к телам, которые здоровы всегда (διὰ παντός) и по большей части (ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ) в соответствии с классификацией, приведённой в I b, 7 (см. ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 96).

¹¹¹ Эта новая трёхчастная классификация профилактических причин дополняет то, о чем уже было сказано в начале XXVIII главы по поводу терапевтических причин. Первая категория профилактических причин относится к безусловно здоровому человеку, состоит в укреплении здоровья вообще (ἀπλῶς) или в настоящий момент (ἐν τῷ νῦν) согласно классификации, данной в начале II главы, и относится к области здоровья (см. ПРОЛЫГИНА [пер., 2014], с. 97). Вторая категория профилактических причин относится к безусловно здоровому человеку и принадлежит области профилактики. Последняя категория этих причин способствует усилению сопротивляемости болезни уже больного тела и относится к области терапии.

¹¹² То есть профилактических причин.

¹¹³ Соки, вызывающие те или иные болезни, способны изменять естественные соки тела (напр., кровь), чтобы уподобить их себе и увеличить свою собственную массу.

опорожнение. Итак, соки изменяются или во время переваривания самим телом, или под действием некоторых лекарственных средств, среди которых есть способные лечить яды животных, именуемых ядовитыми, а также изменять [свойства] ядовитых лекарств¹¹⁴. А опорожняются [эти соки] от достаточно горячих лекарств, очищений, промываний, потовыделений и рвот. Таковы общие способы их опорожнения. 5. А частные способы опорожнения применяются в тех местах, в которых эти соки будут собираться, как показано в сочинении *О сохранении здоровья*, в третьей и четвертой книге, особенно там, где мы рассуждаем об усталости и других состояниях, близких к усталости¹¹⁵. 6. И действительно, соки, содержащиеся в первых венах, легче опорожняются через желудок; те, которые содержатся в печени — с мочой¹¹⁶; те, которые затрагивают всё состояние — с потом, также как те, которые содержатся в голове — или через нёбо, или через ноздри, или через то и другое; а те, которые скапливаются в пространствах грудной клетки — через глотку с кашлем¹¹⁷; те же, которые содержатся в почках — с мочой. 7. Отвлечение (*ἀντίπλασις*) показано вообще для всех частей к более удалённым областям, а отведение (*παροχέτευσις*) — к более близким¹¹⁸. 8. Итак, мы называем здоровыми все те причины, которые лечат подобные состояния, так же как больными — те, которые их

¹¹⁴ Гален, скорее всего, имеет здесь в виду знаменитый териак, который наряду со многими другими компонентами содержал змеиный яд и использовался как противоядие. Однако он вызывал ещё и сухость в теле, см. *De antid.* I, 1 (KÜHN XIV. 3, 9 – 5, 11).

¹¹⁵ См. *De san. tuenda* III. 7 (KÜHN VI. 199 sqq.) и IV. 3 (KÜHN VI. 241 sqq.) В первом отрывке Гален рассуждает о состоянии усталости, возникающей от сильных физических нагрузок и часто сопровождающейся различными заболеваниями, как напр., флегмонами, при которых следует прибегать к разным способам опорожнения. Во втором отрывке он пишет о том, что содержимое желудка следует опорожнять путём рвоты или дефекации, а содержимое всего тела — посредством лекарств.

¹¹⁶ Выше Гален говорил о том, что вены, относящиеся к нижней части печени, следует опорожнять через желудок; а вены, расположенные в верхней части печени, — с мочой (XXXIV. 14).

¹¹⁷ Ср. XXXIII. 10.

¹¹⁸ Процедура отвлечения соков, содержащихся в одной части тела к другой противоположной части тела посредством наложения лекарств, содержащих притягивающие свойства, была описана Галеном в гл. XXXIV. 6. Об истории технических медицинских терминов *ἀντίπλασις* («отвлечение») и *παροχέτευσις* («отведение», «отток»), см. BOUDON (2002), p. 440 и MARGANNE (1980), p. 115-130.

осложняют, а безразличными — те, которые не ухудшают, ни улучшают. И можно было бы и не называть их причинами вовсе, подобно большинству софистов, которые пренебрегают поиском различий между самими вещами и большую часть времени проводят за [обсуждением] их наименований; но о них более подробно сказано в других сочинениях¹¹⁹. Вот таков профилактический род [медицинского] искусства.

XXXVII. А восстанавливающий и укрепляющий род¹²⁰ [медицинского искусства] относится к людям, выздоравливающим от болезни, и старикам. О том, каково их предрасположение и по каким главным образом причинам оно возвращается в естественное состояние, самым полным образом показано в моем сочинении *О методе лечения*¹²¹. 2. Но в общих чертах о нем можно сказать и теперь. Итак, это предрасположение таково: хорошая, но малообильная кровь¹²², а вместе с ней и дух, называемый жизненным (ζωτικόν), и душевный (ψυχικόν) дух; и сами твёрдые части более сухие, а потому и их способности более слабые и из-за них все тело более холодное. 3. А что касается причин здоровья, которые исправляют названное выше предрасположение, то они, говоря в целом, обеспечивают быстрое и надёжное питание; а в частности, заключаются в умеренном движении, пище, питье и сне. Движения могут

¹¹⁹ Гален был автором не только медицинских, но и целого ряда философских и филологических сочинений. К последним относятся сочинение о софизмах речи (Περὶ τῶν παρὰ τὴν λέξιν σοφισμάτων, *De capt. pen. dict.*, KÜHN XIV. 582-598) и утраченное сочинение Περὶ σαφηνείας καὶ ἀσαφείας, *О ясности и неясности*. Гален резко порицает софистов за их стремление дать всему определение без владения элементарными правилами метода в *De puls. diff.* (KÜHN VIII. 571 sqq.). В гл. II. 3 он пишет: «Они (софисты) дают единственное определение терминам, которые имеют много значений, будто бы определения соотносятся не с вещами, а со словами».

¹²⁰ Рассмотрев различные типы причин: исправляющие (ἐπανορθωτικά), терапевтические (θεραπευτικά) и профилактические (προφυλακτικά) применительно к различным состояниям болезни или здоровья, Гален переходит к промежуточному состоянию, которое присуще пожилым людям и выздоравливающим, и прилагает к нему новые виды причин — восстанавливающие (ἀναληπτικά) и укрепляющие (ἀναθρεπτικά).

¹²¹ Точных ссылок найти не удалось, ср. *De san. tuenda* V. 4 (KÜHN VI. 330. 4-7).

¹²² Эта малообильная кровь (ὀλίγον τὸ αἷμα) служит причиной многочисленных симптомов, которые Гален перечисляет далее: сухость суставов, ослабление способностей и охлаждение тела.

состоять в раскачиваниях, прогулках, растираниях и омовениях¹²³. И если при этих занятиях им становится намного лучше, пусть они постепенно приступают к обычным делам. 4. Из пищи сначала [следует выбирать] влажную, хорошо перевариваемую и не холодную, а со временем и более питательную; подходящий напиток — вино, умеренной выдержки, чистое и прозрачное на вид, белое или слегка золотистое, умеренно ароматное, и на вкус не совсем водянистое и не слишком проявляющее какое-либо качество, то есть оно [не должно быть] ни сладким, ни сухим, ни терпким, ни резким. Подробнее об этом сказано, как я только что упомянул, в моем *Метод лечения*. 5. Ибо сейчас нашему рассмотрению подлежат не частные случаи во всей их совокупности, но мы напоминаем только общие моменты, изложенные нами в других сочинениях, на описании которых с указанием их числа и содержания я завершу свой трактат¹²⁴. 6. Итак, выше было сказано, что есть и другая книга, в которой мы рассуждаем о составе медицинского искусства; ей предшествуют две первые книги *О составе искусств*¹²⁵. Но они так же, как ныне законченная книга, не относятся к сочинениям, содержащим детальные описания. 7. Последние же имеют такой порядок [изложе-

¹²³ Гален сочетает здесь активные движения (прогулки) и пассивные, вызванные внешним воздействием (раскачивания или перемещения на носилках [αἰῶροι], растирания и омовения). Цель движения состоит в том, чтобы облегчить выведение из тела всего, что скопилось в нем за прожитые годы или за время болезни. Кроме того, прогулки, растирания и ванны Гален рекомендует как очистительное средство.

¹²⁴ Здесь начинается каталог сочинений Галена, о котором он упоминал в гл. XIX. 8. Цель составления каталога заключается в том, чтобы отослать читателя к основным сочинениям корпуса, в которых он сможет найти подробное изложение затронутых в *Ars med.* вопросов. Каталог следует тому же порядку, в котором изложены сочинения Галена в двух других его библиографических сочинениях — *De libr. pr.* (KÜHN XIX. 8-48) и *De ord. libr.* (KÜHN XIX. 49-61). Прежде всего, будущий врач должен овладеть знаниями логики для освоения метода (см. XXXVII. 14). Затем необходимо изучить сочинения, посвященные техническим вопросам (например, учению о темпераментах), а далее анатомию, физиологию, диагностику, прогнозику, патологию и терапию. В конце списка помещены ссылки на его комментарии (гл. XXXVII. 15).

¹²⁵ Гален написал сочинение в трёх книгах о составе искусств в целом. Из них сохранилась только последняя книга, посвящённая медицинскому искусству, под названием Πρὸς Πατρόφιλον περὶ συστάσεως ἰατρικῆς (*Ad Patr. de const. art. med.*, KÜHN I. 224-304; FORTUNA, *CMG* V. 1. 3 [1997]). Первые две книги, написанные при Септимии Севере (после 193 г.), были утеряны уже в VI в. См. FORTUNA (1997), p. 46.

ния]: *О первоэлементах согласно Гиппократу*¹²⁶ в одной книге, за ней следуют три книги *О темпераментах*¹²⁷, из которых две книги посвящены темпераментам живых существ, а третья — о темпераментах лекарств. Поэтому невозможно должным образом понять сочинение *О свойстве простых лекарств*¹²⁸ без внимательного прочтения третьей книги о темпераментах. Существует ещё одна маленькая книга, которая служит продолжением первых двух книг о темпераментах и названа нами: *О неравномерном нарушении темпераментов*¹²⁹. Также есть две другие подобные этой книжечки, одна *О наилучшем состоянии тела*¹³⁰, а другая *О хорошем самочувствии*¹³¹. 8. Существует ещё одно сочинение в трёх книгах *О естественных способностях*¹³², которое по желанию можно было читать или после двух книг *О темпераментах* или после книги *О первоэлементах*. Следом за ней мы рассуждаем во многих сочинениях о функциях души. А поскольку для их доказательства весьма полезны анатомические наблюдения, прежде подобает поупражняться в этой практике¹³³. 9. И самая полезная для этого — книга *Об анатомических мероприятиях*¹³⁴. Но помимо неё есть и многие дру-

¹²⁶ Трактат *De elementis secundum Hippocratem* (KÜHN I. 413-508; DE LACY, *CMG* V. 1. 2 [1996]) был составлен, вероятнее всего, около 169 г. в начале второго пребывания Галена в Риме.

¹²⁷ Трактат *De temperamentis* (KÜHN I. 509-694; HELMREICH [1904]) был написан во время второго пребывания Галена в Риме приблизительно в 169 г. или чуть позже.

¹²⁸ Трактат *De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus* (KÜHN XI. 379 – XII. 377) Гален писал в два этапа: книги I – VIII датируются 169–180 гг., а книги IX – XI были написаны после 193 г.

¹²⁹ Это небольшое сочинение известно также под названием *Περὶ δυσκρασίας* (*De inaequali intemperie*, KÜHN VII. 733-752). Оно, как и два следующих сочинения, было составлено во время правления Марка Аврелия, после 169 г.

¹³⁰ Сочинение *De optima corporis nostri constitutione* (KÜHN IV. 737-749) было составлено в тот же период, что и предыдущее.

¹³¹ Трактат *De bono habitu* (KÜHN IV. 750-756) был написан в тот же период, что и два предыдущих.

¹³² Трактат *De facultatibus naturalibus libri III* (KÜHN II. 1-214; HELMREICH, *SM*, III [1893]) относится к периоду между 169 и 180 гг.

¹³³ Гален неоднократно упоминает о том, что в области анатомии теория всегда должна сопровождаться практикой и не предшествовать, а скорее следовать за ней. Ср. *De comp. med. per gen.* III, 2 (KÜHN XIII. 604. 15-17); *De usu part.* II, 3 (KÜHN III. 98).

¹³⁴ Обширный трактат по практике анатомирования *Anatomicae administrationes* (KÜHN II. 214-731, книги I – IX. 5) первоначально насчитывал

гие: две книги *О разногласии в анатомии*, одна книга *Об анатомировании на умерших* и вслед за ними две книги *Об анатомировании на живых*¹³⁵. И среди других сочинений, которые мы посвятили частным случаям и составили для начинающих, [можно назвать] сочинение об анатомии костей, сочинение об анатомии мышц, нервов, артерий и вен¹³⁶ и другие сочинения такого рода. К ним относится и сочинение *Естественным ли образом в артериях содержится кровь*¹³⁷. 10. О самих функциях повествуется в двух книгах *О движении мышц*¹³⁸ и трёх *О движении грудной клетки и лёгких*, затем ещё в книге *О причинах дыхания*¹³⁹, за которыми следуют книги *О голосе*¹⁴⁰. А что касается владычествующей части и всех других частей, исследования их естественных и душевных функций мы пока-

пятнадцать книг. В греческом оригинале сохранились только книги I – VIII и 1 – 5 главы IX книги. Утерянная часть трактата сохранилась в средневековом арабском переводе, см. GAROFALO (1986; 2000). Первые две книги датируются периодом после 176 г., книги III – XI написаны после 180 г., а книги XII – XV — после 192 г.

¹³⁵ Эти три трактата — *Περὶ ἀνατομικῆς διαφωνίας* (в двух книгах), *Περὶ τῆς ἐπὶ τῶν τεθνεώτων ἀνατομῆς* (в одной книге) и *Περὶ τῆς ἐπὶ τῶν ζώντων ἀνατομῆς* (в двух книгах) — утрачены в греческом оригинале. Первая из книг сохранилась в арабском переводе. Все три трактата датируются 164–168 гг.

¹³⁶ Речь идёт о трактатах *De ossibus ad tirones* (KÜHN II. 732-778; DEBRU, GAROFALO [2005]), затем — о трактатах *De musculorum dissectione* (KÜHN XVIIIb. 926-1026; DEBRU, GAROFALO [2005]), *De nervorum dissectione* (KÜHN II. 831-856; DEBRU, GAROFALO [2008]) и *De venarum arteriarumque dissectione* (KÜHN II. 779-830; DEBRU, GAROFALO [2008]). Первый трактат датируется приблизительно 168 г., второй был написан между 170 и 180 гг., третий — около 168 г., а четвёртый — незадолго до третьего.

¹³⁷ Сочинение *An in arteriis natura sanguis contineatur* (KÜHN IV. 703-736; FURLEY, WILKIE [1984]) было составлено во время второго пребывания Галена в Риме, между 169 и 180 г.

¹³⁸ Трактат *De motu musculorum* (KÜHN IV. 367-464) датируется периодом второго пребывания Галена в Риме, около 169 г.

¹³⁹ Два трактата *Περὶ θώρακος καὶ πνεύμονος κινήσεως* (в трёх книгах) и *Περὶ τῶν τῆς ἀνατομῆς αἰτίων* (в двух книгах) не сохранились. Первый трактат был начат в Смирне, где Гален посещал занятия Пелопса и Альбина приблизительно в 151 г., и закончен в 168–169 гг. Второй текст датируется периодом первого пребывания Галена в Риме, предположительно, 164 г.

¹⁴⁰ Трактат *О голосе* утрачен, сохранилось только арабо-латинское резюме под названием *De voce et anhelitu* (BAUMGARTEN [1962]). Гален упоминает об этом сочинении в *De libr. pr.* (KÜHN XIX. 13), уточняя, что оно состояло из четырёх книг и было посвящено Бозту. Текст датируется приблизительно 164 г.

зали в сочинении из многих книг, которое мы именуем: *Об учениях Гиппократов и Платона*¹⁴¹. К этому же жанру исследования относятся и специально написанные сочинения *О семени*¹⁴² и ещё *Об анатомии Гиппократов*¹⁴³, и за всеми ними следует сочинение *О назначении частей*¹⁴⁴. 11. Для диагностики заболеваний полезно сочинение *О поражённых местах*¹⁴⁵ и *О пульсах*¹⁴⁶, в котором мы преподаём и прогностику. Сочинение *О пульсах* предваряют две книги — *О назначении дыхания*¹⁴⁷ и *О назначении пульсов*¹⁴⁸. Само же сочинение *О пульсах* подразделяется на четыре части: первая — *Об их различии*, вторая — *О диагностике*, третья — *О причинах пульсов* и четвёртая — *О прогностике посредством пульсов*. К этому же жанру относится и сочинение *О пульсах*, написанное для на-

¹⁴¹ Сочинение *De placitis Hippocratis et Platonis* (KÜHN V. 181-805; DE LACY, CMG V. 4. 1. 2. 3 [1978–1984]) состоит из десяти книг. Книги I – VI датируются временем первого пребывания Галена в Риме, между 164 и 168 гг., а книги VII – X — временем второго пребывания, между 169 и 180 гг.

¹⁴² Трактат *De semine* (KÜHN IV. 512-651; DE LACY, CMG V. 3. 1 [1992]) состоял из двух книг и был написан после 169 г., в начале второго пребывания Галена в Риме. Позже была добавлена третья подложная книга.

¹⁴³ Этот трактат, упоминаемый Галеном в *De libr. pr.* (KÜHN XIX. 14) утрачен. Хунайн в *Risala* (n° 27) сообщает, что он состоял из пяти книг и был посвящён консулу Флавию Боэту.

¹⁴⁴ Трактат *De usu partium libri XVII* (KÜHN III. 1-939, IV. 1-366; HELMREICH [1907–1909]) был написан в разное время. Первая книга датируется временем первого римского пребывания, между 164 и 168 гг., а остальные книги — началом второго пребывания Галена в Риме, после 169 г.

¹⁴⁵ Сочинение *De locis affectis* (KÜHN VIII. 1-452) в шести книгах относится к одним из поздних сочинений Галена, написанных в период правления Септимия Севера, около 193 г.

¹⁴⁶ Обширное произведение о пульсах в шестнадцати книгах (KÜHN VIII. 493 – IX. 430) состоит из четырёх разделов по четыре книги в каждом: 1) *De pulsuum differentia* (KÜHN VIII. 493-765), 2) *De dignoscendis pulsibus* (KÜHN VIII. 766-961), 3) *De causis pulsuum* (KÜHN IX. 1-204), 4) *De praesagitione ex pulsibus* (KÜHN IX. 205-430). Оно было составлено в начале правления Марка Аврелия, после 169 г., и адресовано врачам, которые уже получили медицинское образование.

¹⁴⁷ Трактат *De usu respirationis* (KÜHN IV. 470-511; FURLEY, WILKIE [1984]) был составлен в начале второго пребывания Галена в Риме, между 169 и 180 гг.

¹⁴⁸ Небольшая монография *De usu pulsuum* (KÜHN V. 149-180; FURLEY, WILKIE [1984]) была написана Галеном вскоре после 169 г., непосредственно перед составлением своего главного труда по пульсологии в шестнадцати книгах (см. примеч. 146).

чинающих¹⁴⁹. И я подумываю составить ещё одну книгу в виде краткого изложения всего [этого учения], которую я назову или *Искусством пульсов* или *Синописом*¹⁵⁰. Для рассмотрения этой темы полезны также места, в которых я изъясняю и разбираю книгу Архигена *О пульсах*¹⁵¹. 12. Для прогнозов полезнее всего сочинение *О кризисах*¹⁵², которое предваряется сочинением *О критических днях*¹⁵³. А трактат *О нарушениях дыхания*¹⁵⁴ полезен для диагноза настоящего состояния и прогноза будущих благ и бед страждущего. Итак, полезно знать все эти сочинения и вместе с ними некоторые сочинения в одной книге, как *О предрасполагающих причинах*¹⁵⁵, *О медицинском опыте*¹⁵⁶, *О диете для похудания*¹⁵⁷ и ещё *О веносе-*

¹⁴⁹ Это сочинение о пульсах, написанное Галеном для начинающих (*De pulsibus ad tirones*, KÜHN VIII. 453-492), было составлено, видимо, уже после публикации большей части его корпуса, посвящённого пульсологии, то есть в конце своего первого пребывания в Риме, а опубликовано — во время второго пребывания.

¹⁵⁰ Гален действительно составил этот синопис, в котором отразил основные положения своего учения о пульсах (*Synopsis librorum suorum sedecim de pulsibus*, KÜHN IX. 431-549; отрывок 533-549 сохранился только на латинском языке). Редакция этого трактата относится к периоду правления Септимия Севера, вскоре после издания *Ars medica*.

¹⁵¹ Этот критический комментарий в восьми книгах под названием Περὶ σφυγῶν Ἀρχιγένοϋς, посвящённый сочинению Архигена — одного из самых выдающихся знатоков пульсологии, утрачен. Текст был написан незадолго до составления Галеном целого корпуса сочинений, посвящённых этому вопросу.

¹⁵² Имеются в виду критические состояния или кризисы болезни, а не кризисы или припадки. Это сочинение (*De crisibus*, KÜHN IX. 550-768, ALEXANDERSON [1967]) было написано одновременно со следующим упоминаемым сочинением, посвящённым критическим дням болезни, по свидетельству самого Галена в *Прогностике* (KÜHN XIV. 665), то есть незадолго до возвращения Марка Аврелия в Рим в мае 175 г. (см. PETERSON [1977]).

¹⁵³ Трактат *De diebus decretoriis* (KÜHN IX. 769-941) был написан одновременно с предшествующим.

¹⁵⁴ Сочинение *De difficultate respirationis* (KÜHN VII. 753-960) было составлено в начале 175 г.

¹⁵⁵ Это сочинение, утраченное в греческом оригинале, сохранилось только в латинском переводе Николая Регинского (BARDONG [1937]; HANKINSON [1998]). Оно было составлено во время первого пребывания Галена в Риме между 163 и 168 гг.

¹⁵⁶ Этот текст утрачен на греческом, за исключением нескольких фрагментов, но сохранился в арабском переводе, см. WALZER (1944). Сохранились также фрагменты в латинском переводе Агостино Гадальдини, см. BOUDON (2002), p. 446.

чений против Эразистрата¹⁵⁸ и *О противоестественных опухолях*¹⁵⁹; и точно также *О полнокровии*¹⁶⁰ и некоторые другие подобно-го рода. 13. Самые необходимые сочинения для [изучения] метода лечения — *О различии болезней*, *О различии симптомов* и, кроме того, третье сочинение, в котором мы излагаем причины болезней; к ним примыкают три другие книги, в которых мы объясняем причины симптомов¹⁶¹, и ещё книги *О свойстве простых лекарств*¹⁶², о которых я упомянул выше, и сочинение *О составлении лекарств*¹⁶³, за которым следуют книги, написанные нами специально *О методе лечения*¹⁶⁴, и сочинение *О сохранении здоровья*¹⁶⁵. 14. А о том, что

---

¹⁵⁷ Трактат *De victu attenuante* отсутствует в издании Кюна, см. KALBFLEISCH, *CMG* V. 4. 2 (1923). Сочинение датируется временем первого римского пребывания Галена, между 163 и 168 гг.

¹⁵⁸ Сочинение *De venae sectione adversus Erasistratum* (KÜHN XI. 147-186) датируется временем первого римского пребывания Галена, между 163 и 168 гг.

¹⁵⁹ Текст *De tumoribus praeter naturam* (KÜHN VII. 705-732) был составлен приблизительно в 180 г.

¹⁶⁰ Сочинение *De plenitude* (KÜHN VII. 513-583) относится приблизительно к 175 г.

¹⁶¹ Прежде составления одного из своих главных сочинений по патологии *О поражённых местах* (*De loc. affect.*, KÜHN VIII. 1-451) Гален написал четыре трактата, посвящённые отдельным вопросам патологии — *О различии болезней* (*De diff. morb.*, KÜHN VI. 836-880), *О различии симптомов* (*De sympt. diff.*, KÜHN VII. 42-84), *О причинах болезней* (*De morb. caus.*, KÜHN VII. 1-41) и *О причинах симптомов* (*De sympt. caus.*, KÜHN VII. 85-272). Первое из этих произведений было составлено при Септимии Севере, после 193 г. и непосредственно перед составлением *Ars medica*, а три другие были написаны в период второго пребывания Галена в Риме между 169 и 180 гг.

¹⁶² См. примеч. 128.

¹⁶³ Первые две книги трактата *О составлении лекарств* Гален опубликовал в 192 г., и вскоре после этого они погибли при пожаре в храме Мира. Для восполнения этой утраты Гален составил два трактата, которые сохранились под названием *О составлении лекарств согласно местам* в десяти книгах (*De comp. med. sec. loc.*, KÜHN XII. 378 – XIII. 361) и *О составлении лекарств по родам* в шести книгах (*De comp. med. per gen.*, KÜHN XIII. 362-1058). Трактаты были написаны в период правления Септимия Севера, видимо, вскоре после издания *Ars medica*.

¹⁶⁴ Главное сочинение Галена по терапии *De methodo medendi* (KÜHN X. 1-1021; JOHNSTON, HORSLEY [2011]) в четырнадцати книгах было написано в два этапа. Составление первых шести книг, посвящённых Гиерону, было внезапно прервано смертью последнего в начале 175 г. Остальные книги (VII – XIV) Гален составил уже в правление Септимия Севера и посвятил их своему другу Евгениану.

намеревающийся разумно заниматься [медицинским] искусством прежде всех этих трактатов должен изучить сочинение *О доказательстве*¹⁶⁶, показано в книге *О наилучшей школе*¹⁶⁷. 15. Что касается других произведений и комментариев, которые мы написали, то их необязательно здесь упоминать, поскольку мы намереваемся сказать о них в другом месте, в одной или, возможно, в двух книгах, которые будут называться: *Галена, о собственных сочинениях*¹⁶⁸.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сочинения Галена

<i>Ad Glauc. de med. meth.</i>	— <i>Ad Glauconem de medendi methodo.</i>
<i>Ad Patr. de const. art. med.</i>	— <i>Ad Patrophilum de constitutione artis medicae.</i>
<i>Ars med.</i>	— <i>Ars medica.</i>
<i>De antid.</i>	— <i>De antidotis.</i>
<i>De capt. pen. dict.</i>	— <i>De captionibus penes dictionem.</i>
<i>De caus. morb.</i>	— <i>De causis morborum.</i>
<i>De comp. med. per gen.</i>	— <i>De compositione medicamentorum per genera.</i>
<i>De comp. med. sec. loc.</i>	— <i>De compositione medicamentorum secundum locos.</i>
<i>De cris.</i>	— <i>De crisisibus.</i>
<i>De diff. morb.</i>	— <i>De differentiis morborum.</i>
<i>De fac. nat.</i>	— <i>De facultatibus naturalibus.</i>
<i>De libr. pr.</i>	— <i>De libris propriis.</i>
<i>De loc. affect.</i>	— <i>De locis affectis.</i>
<i>De meth. med.</i>	— <i>De methodo medendi.</i>
<i>De morb. caus.</i>	— <i>De morborum causis.</i>

¹⁶⁵ Сочинение *De sanitate tuenda* (KÜHN VI. 1-452; КОСН, CMG V. 4. 2 [1923]) было составлено приблизительно в 175 г.

¹⁶⁶ Сочинение *De demonstratione* было посвящено логике и состояло из пятнадцати книг, о чем упоминает сам Гален в *De libr. pr.* (KÜHN XIX. 41). Сохранилось несколько фрагментов на др.-греческом языке, которые были изданы фон Мюллером (VON MÜLLER [1895]), и несколько цитат на арабском; о реконструкции текста см.: CHIARADONNA (2009). Трактат был составлен Галеном ещё до первого приезда в Рим.

¹⁶⁷ Ср.: *De optima secta ad Thrasybulum* (KÜHN I. 106-223). По мнению В. Будон (BOUDON [2002], p. 447) произведение, сохранившееся под этим названием в издании Кюна, не соответствует тому, о котором упоминает здесь и в других местах Гален, а упоминаемое сочинение утрачено.

¹⁶⁸ Трактат *De libris propriis* (KÜHN XIX. 8-48; BOUDON-MILLOT [2007], p. 134-173) представляет собой каталог сочинений Галена, составленный им по просьбе своего друга Басса. Редакция текста относится к последним годам жизни Галена.

<i>De ord. libr.</i>	— <i>De ordine librorum suorum.</i>
<i>De puls. diff.</i>	— <i>De pulsuum differentia.</i>
<i>De san. tuenda</i>	— <i>De sanitate tuenda.</i>
<i>De sem.</i>	— <i>De semine.</i>
<i>De simpl. med. temp. et fac.</i>	— <i>De simplicium medicamentorum temperamentis et facultatibus.</i>
<i>De sympt. caus.</i>	— <i>De symptomatum causis.</i>
<i>De sympt. diff.</i>	— <i>De symptomatum differentiis.</i>
<i>De temper.</i>	— <i>De temperamentis.</i>
<i>De usu part.</i>	— <i>De usu partium.</i>
<i>De ven. sect. adv. Eras.</i>	— <i>De venae sectione adversum Erasistratum.</i>
<i>In Hipp. Epid.</i>	— <i>In Hippocratis Epidemiarum Libros.</i>
<i>Protr.</i>	— <i>Protrepticus.</i>

Другие авторы и их сочинения

HIPPOCRATES
Epid. — *Epidemiae.*

Книжные серии

- CMG — *Corpus Medicorum Graecorum*, ed. Academia Berolinensis et Brandenburgensis cum Academiis Havniensi atque Lipsiensi.
- SM — *Claudii Galeni Scripta Minora*, eds. J. MARQUARDT, I. von MÜLLER, G. HELMREICH (Leipzig, 1884–1893).

БИБЛИОГРАФИЯ
(и её сокращения)

- ALEXANDERSON (1967). — GALENOS, *Περὶ κρίσεων*, ed. B. ALEXANDERSON, *Studia Graeca et Latina Gothoburgensia* 23 (Göteborg, 1967), S. 69-212.
- BAILEY (1926). — EPICURUS, *The extant remains with short critical apparatus, translation and notes*, ed. C. BAILEY (Oxford, 1926).
- BARDONG (1937). — GALENUS, *De causis procatarteticis*, ed. K. BARDONG, *CMG*, suppl. II (Leipzig – Berlin, 1937).
- BAUMGARTEN (1962). — BAUMGARTEN H., *Galen über die Stimme*, PhD. diss. (Göttingen, 1962).
- BOUDON (2002). — GALIEN, *Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical*, t. 2, texte établi, trad. et annoté par V. BOUDON (P.: Belles lettres, 2002).
- BOUDON-MILLOT (2007). — GALIEN, *Introduction générale. Sur l'ordre de ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe*, t. 1, texte établi, trad. et annoté par V. BOUDON-MILLOT (P.: Belles lettres, 2007).
- BOUDON-MILLOT (2012). — BOUDON-MILLOT V., *Galien de Pergame. Un médecin grec à Rome* (P., 2012).

- CHIARADONNA (2009). — CHIARADONNA R., “Le traité de Galien ‘Sur la démonstration’ et sa postérité tardo-antique”, in: R. CHIARADONNA, F. TRABATTONI, *Physics and Philosophy of Nature in Greek Neoplatonism* (Leiden – Boston, 2009), p. 43-77.
- DE LACY (1978–1984). — GALENUS, *De placitis Hippocratis et Platonis libri IX*, ed. Ph. DE LACY, *CMG*, vol. V. 4. 1. 2. 3 (Berlin, 1978–1984).
- DE LACY (1979). — DE LACY, Ph., “Galen’s concept of continuity”, *Greek, Roman and Byzantine Studies* 26 (1979), p. 355-369.
- DE LACY (1992). — GALENUS, *De semine libri II*, ed. Ph. DE LACY, *CMG*, vol. V. 3. 1 (Berlin, 1992).
- DE LACY (1996). — GALENUS, *De elementis ex Hippocrate libri II*, ed. Ph. DE LACY, *CMG*, vol. V. 1. 2 (Berlin, 1996).
- DEBRU, GAROFALO (2005). — GALIEN, *Les Os pour les débutants. L’ anatomie des muscles*, t. VII, texte établi, trad. et annoté par A. DEBRU, I. GAROFALO (P.: Belles lettres, 2005).
- DEBRU, GAROFALO (2008). — GALIEN, *L’ anatomie des nerfs. L’ anatomie des veines et des artères*, texte établi, trad. et annoté par A. DEBRU, I. GAROFALO (P.: Belles lettres, 2008).
- FORTUNA (1997). — GALENUS, *De constitutione artis medicae ad Patrophilum*, ed. S. FORTUNA, *CMG*, vol. V. 1. 3 (Berlin, 1997).
- FURLEY, WILKIE (1984). — FURLEY D. & WILKIE J., *Galen, On respiration and the arteries* (Princeton, 1984).
- GAROFALO (1986; 2000). — GAROFALO I., *Anatomicarum Administrationum Libri qui supersunt novem, Earundem interpretatio arabica Hunaino Isaaci filio ascripta*, tt. I – II (Napoli, 1986; 2000).
- GOUREVITCH (1976). — GOUREVITCH D., “Les noms latins de l’estomac”, *Revue de Philologie* 50 (1976), p. 85-110.
- HANKINSON (1998). — HANKINSON R., *On antecedent causes* (Cambridge, 1998).
- HELMREICH (1893). — GALENUS, *De naturalibus facultatibus libri III*, ed. G. HELMREICH, *SM*, vol. III (Leipzig, 1893), S. 101-257.
- HELMREICH (1904). — *Galenus de temperamentis libri III*, ed. G. HELMREICH (Leipzig, 1904; reprint. 1969), S. 1-115.
- HELMREICH (1907–1909). — *Galenus de usu partium libri XVII*, ed. G. HELMREICH (Leipzig, 1907–1909).
- JOHNSTON, HORSLEY (2011). — GALEN, *Method of medicine*, ed. I. JOHNSTON and G.H.R. HORSLEY, 3 vol. (L., 2011).
- KALBFLEISH (1923). — GALENUS, *De victu attenuante*, ed. K. KALBFLEISH, *CMG*, vol. V. 4. 2 (Leipzig – Berlin, 1923).

- KOCH (1923). — GALENUS, *De sanitate tuenda libri VI*, ed. K. KOCH, *CMG*, vol. V. 4. 2 (Leipzig – Berlin, 1923).
- KÜHN. — *Galeni Opera Omnia*, rec. C.G. KÜHN, t. 1 – 20 (Leipzig, 1819–1833; reprint. Hildesheim, 1965).
- LITTRÉ. — *Oeuvres complètes d'Hippocrate*, ed. et trad. É. LITTRÉ, vol. 1 – 10 (P., 1839–1861).
- MARGANNE (1980). — MARGANNE M.-H., “Sur l’origine hippocratique des concepts de révulsion et de dérivation”, *L’Antiquité Classique* 39 (1980), p. 115-130.
- MARQUARDT (1884). — Galenus, *De parvae pilo exercitio*, ed. I. MARQUARDT, *SM*, vol. I (Leipzig, 1884), S. 93-102.
- PETERSON (1977). — PETERSON D.W., “Observations on the chronology of the Galenic corpus”, *Bulletin of the History of Medicine* 51 (1977), p. 484-495.
- SIEGEL (1968). — SIEGEL R., *Galen’s system of physiology and medicine* (Basel, 1968).
- SKODA (1988). — SKODA F., *Médecine ancienne et métaphore* (P., 1988).
- VAN DER EIJK (2008). — VAN DER EIJK, Ph., “Therapeutics”, in: *The Cambridge Companion to Galen*, ed. R. HANKINSON (Cambridge, 2008), p. 283-303.
- VON MÜLLER (1895). — VON MÜLLER I., *Über Galens Werk vom wissenschaftlichen Beweis* (Munich, 1895).
- WALZER (1944). — GALEN, *On Medical Experience (Galeni De experientia medica)*, ed. R. WALZER (L., 1944).
- РУДНЕВ, КАРПОВ. — ГИППОКРАТ, *Сочинения*, пер. В.И. РУДНЕВА, комм. В.П. КАРПОВА, кн. 1 – 3 (М.: Биомедгиз, 1936–1944).
- ПЕТРОВСКИЙ. — ЛУКРЕЦИЙ, *О природе вещей. II. Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла*, сост. Ф.А. Петровский. (М.: Издат. Академии наук ССР, 1947).
- ПРОЛЫГИНА (2014). — ПРОЛЫГИНА И.В., «Медицинское искусство Галена Пергамского как универсальный учебник по античной патологии», *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 2* (2014), с. 87-93.
- ПРОЛЫГИНА (пер., 2014). — ГАЛЕН, *Медицинское искусство* (I – XVIII), пер. и комм. И.В. ПРОЛЫГИНОЙ, *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем 2* (2014), с. 95-129.
- СТОЛЯРОВ (1995). — СТОЛЯРОВ А.А., *Стоя и стоицизм* (М., 1995).

Перевод с древнегреческого и примечания
И.В. ПРОЛЫГИНОЙ

Д.С. БИРЮКОВ

ЕЩЕ РАЗ О ЛОГИКЕ АРИАНСТВА

ПРОБЛЕМАТИКА ПРИЧАСТНОСТИ И НЕОПЛАТОНИЗМ В УЧЕНИИ АРИЯ*

В статье выделяются линии использования языка причастности Арием и арианами. Согласно первой линии, о Сыне говорится как о причастующем к Божеству Отца, что понимается в смысле того, что Сын не обладает Божественностью по Своей природе. Вторая линия связана с концептом непричастности: согласно которой о Сыне говорится как о непричастном Отцу и его природе. Третья линия связана с концептом причастуемых начал в Божестве: Премудрости, Слове и Силе, которым причастен Сын. Предложена реконструкция учения Ария, по которой эти начала являются универсальными и причастуемыми и для существ тварной сферы; сравнивается проявление темы причастности у Ария и Оригена; выдвинуто предположение, в каком отношении Ориген мог повлиять на Ария; указано на существенные отличия между учениями Оригена и Ария в этом отношении. Показано, что одним из таких моментов является концепт непричастуемости, отсутствующий в концептуальном аппарате Оригена, но появляющийся у Ария. С учетом факта того, что этот концепт был введен в неоплатоническую философию и использовался в похожем значении старшим современником Ария Ямвлихом, а также с учетом наличия в учении Ямвлиха учения о генадах, понимаемых как универсальные причастуемые реалии, допускается наличие линии, связанной с доктриной Ямвлиха, в философско-богословском языке арианской доктрины.

Ключевые слова: причастность, универсалии, неоплатонизм.

Предварительные замечания

В 1983 г. Рован Вильямс опубликовал статью «Логика арианства», где попытался реконструировать связь арианского учения с категориальным и логическим аппаратом античной философской традиции. В настоящей статье мы в определенном отношении следуем подходу Вильямса и предлагаем свою трактовку некоторых обсуждаемых им вопросов.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (Проект № 16-18-10202).

Также настоящее исследование выполнено в русле наших предшествующих разработок в отношении тематики причастности и универсального в античной и восточно-христианской традиции¹. Нами выделены три парадигмы понимания концепта причастности в античной философии: платоническая (вертикальная), аристотелевская (горизонтальная) и неоплатоническая. Платоническая парадигма указывает на то, что некое сущее — причастующее — обладает определенным свойством в меньшей мере, чем то, что является воплощением этого свойства — причастуемое, при том что причастуемое свойство выступает в роли трансцендентной причины для причастующего². Аристотелевская парадигма причастности указывает на отношение индивида к виду / родам, составляющим природу, носителем которой является этот индивид, так же как на отношение вида к вышележащим родам; в рамках этой парадигмы идет речь о том, что индивид причастен своим видам и родам, и виды — родам³. Неоплатоническая парадигма причастности, являющаяся уточнением платонической парадигмы и введенная в античную философию, вероятно, Ямвлихом, включает в себя понятие непричастуемого, указывающее, в рамках платонической парадигмы причастности, на трансцендентность причины по отношению к причиненному и незатронутость причины порождением причиненного⁴.

Обсуждая предысторию концептов, обнаруживающихся у Ария, мы будем ссылаться также на линии понимания тематики причастности у Оригена. В другом исследовании, посвященном концепту причастности у Оригена⁵, нами выделяются следующие линии использования Оригеном этого концепта. Это линии, связанные с двумя магистральными дискурсами причастности: природным и индивидуальным. Дискурс природной причастности находит свое проявление, когда идет речь о причастности сущих тварного мира по их природным способностям к Божеству, либо о причастности сущих материального мира по их природным качествам к началам и логосам, содержащимся в умном мире. Дискурс индивидуальной причастности может использоваться в контексте речи об отношении Лиц Троицы или о соединении человека с Божеством.

---

¹ См. напр.: БИРЮКОВ (2014).

² Ср.: ПЛАТО, *Phaedo* 100c; 101c; 102b; *Symp.* 211b1-5; *Resp.* 472c2, 476d1-2; *Parm.* 158a.

³ АРИСТОТ., *Topica* 121a10-15.

⁴ Подробнее неоплатоническая парадигма причастности будет обсуждена *ниже*.

⁵ БИРЮКОВ, Парадигмы причастности у Оригена [в печати].

В рамках дискурса *природной причастности* у Оригена возможно различить четыре линии. Это:

- P^1 — линия, предполагающая порядок природных причастностей видов тварного сущего к Лицам Троицы; согласно этому порядку, все сущее причастно к Богу-Отцу по бытию, а умное сущее причастно к Сыну по умной способности⁶. В рамках этого дискурса Бог-Отец и Бог-Сын выступают в роли универсальных причастуемых причин для множества сущих;
- P^2 — линия, предполагающая, что все тварное сущее природным образом причастно к логосам, содержащимся в Логосе-Премудрости⁷, хотя и модус причастности к Логосу умного сущего отличается от модуса причастности остального сущего; этот дискурс предполагает, что Логос-Премудрость неким образом содержит универсалии-до-вещей;
- P^3 — линия, согласно которой все умные сущие обладают природной способностью к соединению с Богом; в рамках этого дискурса утверждается, что Божественная природа, общая для Отца, Сына и Святого Духа, выступает в роли универсального причастуемого начала в отношении природной способности умных сущих к соединению с Богом⁸;
- P^4 — линия, согласно которой все люди природно причастны конституирующей человеческую природу способности — способности к мышлению⁹. Здесь используется аристотелевская парадигма причастности.

В рамках дискурса *индивидуальной причастности* у Оригена я различаю две линии. Это:

- I^1 — линия, связанная с темой отношений Лиц Троицы: Сын причастует к Божеству Отца¹⁰, а Святой Дух — к свойствам Сына¹¹;
- I^2 — линия, связанная с темой соединения праведных людей с Богом. Внутри этой линии различаются еще две линии. Это:
- I^{2a} — линия, в рамках которой индивидуальное соединение разумного существа с Богом описывается на языке причастно-

⁶ ORIGEN, *De Princ.* I, 3. 8: 272-283, по изд.: ORIGÈNE (1980), p. 162; *De Princ.* I, 3. 6: 155-171, по изд.: ORIGÈNE (1980), p. 154.

⁷ ORIGEN, *De Princ.* I, 2. 2; I, 3. 6; I, 4. 4-5; *In Joan.* I, 19. 109 – 115, I, 34. 243-246; I, 37. 268-270; XIX. 22. 147, по изд.: ORIGÈNE (1966); *C. Cels.* V, 19 и 39, VI. 64.

⁸ ORIGEN, *De Princ.* IV, 4. 9 (36): 337-368.

⁹ ORIGEN, *In Joan.* I, 37. 273. 1-5.

¹⁰ *Ibid.*, II, 2. 17. 4-6.

¹¹ *Ibid.*, II, 10. 76. 1-7.

сти к Святому Духу¹². В отношении природной причастности эта линия коррелирует с линией P^1 ;

P^{2b} — линия, в рамках которой индивидуальное соединение разумного существа с Богом описывается на языке причастности к Божественной сущности, отсылающем к 2 Пет. 1:3–4¹³. В отношении природной причастности эта линия коррелирует с линией P^3 .

Теперь следует перейти к собственно учению Ария и специфике понимания проблематики причастности в арианской доктрине.

Доктрина Ария

Началу арианских споров послужило толкование Арием¹⁴ места из книги Притч: «Господь создал меня в начале путей Своих» (Притч 8:22 по LXX), в связи с чем Арий начал проповедовать учение о том, что Сын-Логос по своей природе относится к области сотворенного, и утверждать, что «было, когда не было Сына»; это стало камнем преткновения среди христиан.

Когда споры об учении Ария стали охватывать народ Александрии, епископу Александрии Александру был сделан донос на Ария. Сначала Александр не воспринял это обвинение всерьез и занял нейтральную позицию, посчитав данный вопрос одним из тех, которые могут обсуждаться в Церкви и о которых возможны публичные диспуты¹⁵. Затем, когда Арий обвинил в савеллианстве самого Александра из-за слов, произнесенных последним: «Святая Троица есть в Троице Единица», утверждая в противовес Александру, что «было, когда не было Сына», — Александр окончательно встал на сторону осуждающих учение Ария и запретил ему проповедовать свое учение¹⁶. Однако Арий, который был весьма популярен в александрийской среде, не внял запрещениям Александра. Тогда Александр созвал собор из подвластных ему епископов Египта и Ливии (318 г.) и отлучил Ария и поддерживающих его еписко-

¹² Напр.: *De Princ.* II, 6. 3.

¹³ *Ibid.*, IV, 4. 9. (36): 337-368.

¹⁴ Арий родился ок. 256 г.; по происхождению он был ливийцем. Арий учился в богословской школе Лукиана в Антиохии, но с начала IV в. жил в Александрии, где стал пресвитером и даже был кандидатом на епископскую кафедру Александрии, однако, отказался от епископства в пользу его будущего противника и оппонента Александра Александрийского (см.: PHILOSTORGIUS 1. 3; EPIPH., *Panar.* 69. 1-6; SOZOM., *Hist.* 1. 15; THEOD., *Hist.* 1. 2).

¹⁵ SOZOM. *Hist.* 1. 15.

¹⁶ SOCR. *Hist.* 1. 5.

пов, а также в *Окружном послании* объявил об это всем Церквам¹⁷. Вероятно в это время¹⁸ Арий создал свое сочинение, называемое *Талия (Пир)*¹⁹, являющееся важнейшим источником в отношении его доктрины. Запрещение учения Ария Александром Александрийским послужило распространению споров по всему христианскому Востоку и привело к тому, что арианские споры приобрели общецерковное значение. Арий с соратниками отправился на Восток; он остановился в Кесарии Палестинской и встретил благожелательное отношение со стороны известного церковного историка и интеллектуала Евсевия, епископа Кесарийского. Арий написал письмо Евсевию Никомедийскому, призывая его, как «соллукианиста», т.е. соученика по школе Лукиана, вступить в борьбу. В этом письме он полемизирует с Александром и излагает свое учение. Арий обвиняет Александра в том, что согласно ему, «Сын сосуществует Богу нерожденно; Он — всегда рождаемый и нерожденно-рожденный (ἀγεννητογενής)». Свое собственное учение о Сыне Арий излагает следующим образом:

Сын и не нерожден, и ни в каком смысле не есть часть Нерожденного²⁰, и не произошел из чего-либо предсуществовавшего, но по воле и совету [Божию] был прежде времен и прежде веков совершенный Бог, однородный, неизменяемый. Однако Его не было прежде, чем Он был рожден, или сотворен, или определен, или основан, ибо до рождения Он не существовал²¹.

Арий здесь отвергает (неверно понимаемое им²²) учение Александра Александрийского о том, что «нерожденность» относится не

¹⁷ *Ibid.*, 1. 6.

¹⁸ См.: LÖHR (2006), part 1, p. 556-557.

¹⁹ Арий создал *Талию* в целях популяризации своих идей, и потому это сочинение написано в стихотворное манере (анализ стихотворного метра см. в статье: WEST [1982], p. 98-105). Важнейшими первоисточниками по учению Ария являются следующие места из трактатов Афанасия Александрийского, где приводятся, в частности, фрагменты из *Талии*: *De syn.* 15; *Ad ep. Aeg. et Lib.* 12; *C. Ar.* 1. 5-6, 9. Издание фрагментов из *Талии* см. в книге: BARDY (1936), p. 217-295, а также в указанной выше статье Мартина Веста; фрагменты в издании Мартина Веста (с переводом на английский язык) см. также в статье: LÖHR (2006), part 2, p. 134-146. Относительно источников учения Ария см. также письмо Ария к Евсевию епископу Никомедийскому: THEOD., *Hist.* 1. 5, а также письмо Ария к Александру Александрийскому: *De syn.* 15; *Ad ep. Aeg. et Lib.* 16 = EPIPH. *Panar.* 69. 7.

²⁰ То есть собственно Бога.

²¹ THEOD. *Hist.* 1. 5.

²² Сам Александр Александрийский отрицал, что учит о нерожденности Сына. В отличие от Ария, Александр разводил концепты, с одной стороны, «рожденности» и «тварности», и, с другой, — «нерожденности» и

только к Богу-Отцу, но и к Сыну, и настаивает на том, что «нерожденность» характерна только для Бога как такового, в то время как Сын — рожден, или сотворен. Тем не менее, как видно из данной цитаты, Арий говорит и что Сын — «совершенный Бог», однако Бог не в онтологическом смысле, но по чести, т.е. по сравнению с другими тварями²³. Арий отстаивает волонтаристское понимание способа происхождения Сына: Сын не «рождается» Богом, но Он сотворен Его волею, причем сотворен, как и все тварное сущее, «из ничего». В словах Ария о том, что, с одной стороны, Сын произошел «прежде времен», а с другой, — «Его не было прежде, чем Он был рожден», нет противоречия, так как Арий, видимо, следовал взгляду, выраженному в *Тимее* (38b), но, как отмечает Кристофер Стивд²⁴, легко гармонируемому с Писанием (Быт 1:14), согласно которому физическое время зависит от движения небесных тел^{25/26}.

«вечности» (ср. в его послании к Александру еп. Константинопольскому: «...Потому и мы веруем, что Сын всегда от Отца; ибо Он есть «сияние славы и образ ипостаси» Отчей» [Евр 1:3]. Но да не принимает никто слова «всегда» в смысле нерожденности, как думают люди с поврежденными чувствами души: ни «был», ни «всегда», ни «прежде век» — не одно и то же с нерожденностью. Для выражения нерожденности человеческий разум не в состоянии создать никакого имени» [THEOD. *Hist.* 1. 4, по изд.: THEODORET (1954), p. 21. 13-19, пер. по изд.: ФЕОДОРИТ (1993), с. 34, с изменениями]; из этой цитаты следует также, что, согласно Александру, концепту нерожденности не может соответствовать какого-то значения в человеческом языке, поскольку люди, как таковые, относятся к сфере произведенного и не могут представить, что есть нерожденное). Согласно Александру, хотя Сын рождается Отцом, это рождение — вечно и оно не делает Сына относящимся к области тварного. Поэтому Александр учил о «безначальном рождении» Отцом Сына (см.: THEOD. *Hist.* 1.4, THEODORET [1954], p. 22. 8-9). Учение о вечном вневременном рождении Сына Богом-Отцом, вероятно, было заимствовано Александром у Оригена (см. *De princ.* I, 2. 2). Однако Ориген, в отличие от Александра, считал, что Бог вечно производит не только Сына, но и космос.

²³ Вероятно, в рамках арианской доктрины имел место запрет на то, чтобы называть Христа «истинным Богом», см.: ATHAN., *C. Ar.* 1. 9; это выражение могло прилагаться только к Отцу. Однако иногда из политических соображений ариане могли поступиться этим принципом, см.: ATHAN., *Ad ep. Aeg. et Lib.* 5.

²⁴ STEAD (1964), p. 26-27.

²⁵ Следует отметить, однако, что Р. Грэгг и Д. Гро придерживаются иной, чем К. Стэд, точки зрения относительно утверждения Ария, что Сын произошел прежде времен. Они считают, что оно указывает на учение Ария о том, что Сын избран Отцом в качестве Единородного до начала времен по предведению Отца о неизменной благой воле Христа (GREGG, GRON [1984], p. 313, n. 45). Однако нам представляется более подходящей

В словах: «...Он был рожден, или сотворен» проявляется важный момент для всей истории арианских споров. Два греческих слова: γεννητός (от γεννάω производить, рождать) и γενητός (от γίγνομαι, возникать, становиться) могут пониматься как синонимично, так и нет. Общеарианская тенденция заключается в том, чтобы отождествлять, когда речь идет о Сыне, γεννητός и γενητός, что подразумевает тварность Сына и рожденность Его во времени (т.е. если Сын «рожден», то значит — «сотворен») ²⁷. Представители антиарианской партии, как правило, различали эти понятия, употребляя γεννητός для указания на вечное рождение Сына Богом-Отцом и не допуская приложения этого понятия к тварному миру, а γενητός — для указания на тварность сотворенного Богом мира, но не прилагая его к Сыну.

**Линии использования языка причастности,
универсальные реалии в Боге и области тварного сущего
у Ария и ариан**

Определенные положения своего учения Арий и его последователи формулировали, используя концепт причастности.

Можно выделить несколько линий использования языка причастности Арием и арианами.

1) Линия, в рамках которой для того, чтобы сделать акцент на тварной природе Сына, о Нем говорится как о *причастующем* к Божеству Отца, что понимается в смысле того, что Сын не обладает Божественностью *по Своей природе*. Имеются следующие свидетельства в этом отношении (нередко не вполне ясно, имеет ли место пересказ Афанасием слов Ария или цитата). Это: 1a) слова Ария, что хотя Сын и именуется Богом, он есть Бог не истинный, но по причастности к благодати (λέγεται θεός, ἀλλ' οὐκ ἀληθινός ἐστιν ἀλλὰ μετοχή χάριτος) ²⁸. 1b) Слова Ария о том, что Сын-Христос — не истинный Бог, но Он был соделан Богом по причастности (οὐκ ἔστιν ἀληθινός θεός ὁ Χριστός, ἀλλὰ μετοχή καὶ αὐτὸς ἐθεοποιήθη) ²⁹. 1c) В трактате *К епископам Египта и Ливии* Афанасия приводятся

трактовка К. Стида, учитывающая акцент на космологической функции Сына в учении Ария.

²⁶ В христианской литературе подобная тема имеется у Климента Александрийского, см.: *Protr.* 63. 1, 102. 1, а также: БИРЮКОВ (2013), с. 113. Эта тема возникает и у Евномия — лидера ариан во время второго этапа арианских споров, см.: *Apol.* 10, а также: VAGGIONE (2000), p. 142-143, SALANHAN (1958), p. 439.

²⁷ См. старую, но до сих пор важную статью: PRESTIGE (1923).

²⁸ ATHAN., *C. Ar.* 1. 6. 1, по изд.: ATHANASIOS (1998), p. 115, ср.: *C. Ar.* 3. 15.

²⁹ *Ibid.*, 1. 9. 5, по изд.: ATHANASIOS (1998), S. 118.

следующие слова Ария: οὐδὲ θεὸς ἀληθινός ἐστὶν ὁ Χριστός, ἀλλὰ μετοχή καὶ αὐτὸς ὡσπερ καὶ οἱ ἄλλοι πάντες λέγεται θεός³⁰, которые, как нам кажется, имеют смысл только если понимать их так, что Христос не есть истинный Бог, но Он именуется Богом в силу причастности (к Богу), в отношении чего Он подобен всем другим людям³¹.

2) Линия, связанная с концептом *непричастуемости*. Арий утверждает, что Сын существует отдельно от Отца сам по себе и не причастен Отцу никаким образом (καὶ διηρημένον ἐστὶν πατὴρὸς υἱὸς καθ' ἑαυτὸν καὶ ἀμέτοχος κατὰ πάντα)³². Похожую мысль высказывает арианин Евсевий Никомедийский в его послании к Павлину Тирскому, где он говорит, что Сын — не из сущности Нерожденного (Отца) и непричастен природе Нерожденного (καθόλου τῆς φύσεως τῆς ἀγεννήτου μὴ μετέχον)³³. Также, согласно Арию, сущности Отца, Сына и Святого Духа непричастуемы друг для друга (ἀλλότριαι καὶ ἀμέτοχοί εἰσιν ἀλλήλων αἱ οὐσίαι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος)³⁴.

3) Линия, в соответствии с которой о Сыне говорится как о причастующем к Божественным свойствам. Учение Ария включает в себя представление, согласно которому Христос не является в собственном смысле Премудростью, Логосом (Словом) и Силой Божиими, но Бог имеет собственную и присущую Ему Премудрость, Логос и Силу; Сын же произведен Божественной Премудростью и Логосом ради создания космоса через Него, и причастует (μετέχει) по благодати к божественным Премудрости, Логосу и Силе. В силу этой причастности, Сын называется именами Премудрости, Логоса (Слова) и Силы, в действительности будучи Премудростью, Словом и Силой только по имени, а не по сути³⁵. Таким образом, согласно

³⁰ ATHAN., *Ad ep. Aeg. et Lib.* 12. 4, по изд.: ATHANASIUS (1996), S. 52.

³¹ То есть я понимаю это высказывание как содержащее положение о том, что все люди причастны к Богу (принимая форму «μετοχή» как дательный причины). Иное возможное понимание этого высказывания, по которому все люди именуется Богом, я нахожу бессмысленным.

³² *Fr.* 3, по изд.: WEST (1982), p. 102 (ср.: LÖHR [2006], part 2, p. 135-136).

³³ ATHANASIUS (1934), S. 16.

³⁴ ATHAN., *C. Ar.* 1. 6. 4, по изд.: ATHANASIUS (1998), S. 115.

³⁵ См.: *Ibid.*, 1. 5. 5-6, по изд.: ATHANASIUS (1998), S. 114 (δύο γοῦν σοφίας φησὶν εἶναι, μίαν μὲν «τὴν ἰδίαν καὶ συνυπάρχουσαν τῷ θεῷ», τὸν δὲ υἱὸν ἐν αὐτῇ τῇ σοφίᾳ γεγενῆσθαι ταύτης τε μετέχοντα ὀνομάσθαι μόνον σοφίαν καὶ λόγον. «ἢ σοφία γάρ», φησί, «τῇ σοφίᾳ ὑπῆρξε σοφοῦ θεοῦ θελήσει». οὕτω καὶ λόγον ἕτερον εἶναι λέγει παρὰ τὸν υἱὸν ἐν τῷ θεῷ, καὶ τούτου μετέχοντα τὸν υἱὸν ὀνομάσθαι πάλιν κατὰ χάριν λόγον καὶ υἱὸν αὐτόν... ἢ μὲν μία τοῦ θεοῦ ἐστὶν ἰδία φύσει καὶ αἰδίος· ὁ δὲ Χριστὸς πάλιν οὐκ ἐστὶν ἀληθινὴ δύναμις τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ μία τῶν λεγομένων δυνάμεων ἐστὶ); *C. Ar.* 2. 37.

Арию, в Божестве, несмотря на то, что оно неприсутственно (в смысле слов Ария и Евсевия Никомедийского о неприсутственности Отца), есть и некие причастуемые реалии — это, по крайней мере, божественные Премудрость, Слово и Сила.

4) Также в дошедших до нас фрагментах из Ария можно встретить слова о христианах, которые являются «причастниками премудрости» (τῶν σοφίας μετεχόντων). От этих христиан Арий, по его словам, воспринял свое учение³⁶. На наш взгляд, слова Ария «о причастниках премудрости» — неслучайны. Действительно, можно усмотреть корреляцию между этим высказыванием Ария о продвинутых христианах как причастниках премудрости и положением его доктрины, по которому Божественная Премудрость есть причастуемое начало в Боге. Это, а также некоторые другие положения учения Ария (об этом будет упомянуто *ниже*), позволяют с определенной долей уверенности утверждать, что доктрина Ария предполагает учение о том, что все люди, как и Христос, причастны к Божеству согласно своей способности разума, а некоторые — еще и по обладанию премудростью. Причем, по разумной способности люди причастны к собственному для Божества и присущему Ему Логосу, а по способности к премудрости обладающие ею люди причастны к Премудрости, собственной и присущей Божеству.

Итак, в пользу того, что доктрина Ария содержала это учение, свидетельствует, помимо указанного, следующее. Во-первых, то, что Арий, как представляется³⁷, утверждал, что все люди причастны к Богу. Во-вторых, учение Ария о том, что Христос причастует к собственным Логосу и Премудрости Божества. И, в-третьих, приводимое Афанасием высказывание Ария: «Господь [= Христос] называется Логосом [= Разумом; λόγος] по примышлению из-за наделенных разумом, и Премудростью называется по примышлению же, из-за ода-

1, по изд.: ATHANASIUS (1998), S. 213-214 (ἄλλον μὲν εἶναι τὸν ἴδιον καὶ φύσει λόγον τοῦ πατρὸς λέγουσιν, ἐν ᾧ καὶ τὸν υἱὸν πεποίηκε, τὸν δὲ ἀληθῶς υἱὸν κατ' ἐπίνοιαν μόνον λέγεσθαι λόγον ὡς «ἄμπελον» καὶ «ὄδον» καὶ «θύραν» καὶ «ξύλον ζῶης». σοφίαν τε ὀνόματι λέγεσθαι αὐτόν φασι, ἄλλην μέντοι εἶναι σοφίαν τὴν ἴδιαν καὶ ἀληθινὴν τοῦ πατρὸς τὴν ἀγεννήτως συνυπάρχουσαν αὐτῷ, ἐν ἧ καὶ τὸν υἱὸν ποιήσας ὀνόμασε κατὰ μετουσίαν ἐκείνης σοφίαν αὐτόν); *Ad ep. Aeg. et Lib.* 12. 5, по изд.: ATHANASIUS (1996), S. 52 (οὐκ ἔστιν αὐτὸς ὁ ἐν τῷ πατρὶ φύσει καὶ ἴδιος τῆς οὐσίας αὐτοῦ λόγος καὶ ἡ ἴδια σοφία, ἐν ἧ καὶ τοῦτον πεποίηκε τὸν κόσμον, ἀλλ' ἄλλος μὲν ἔστιν ὁ ἐν τῷ πατρὶ ἴδιος αὐτοῦ λόγος καὶ ἄλλη ἡ ἐν τῷ πατρὶ ἴδια αὐτοῦ σοφία, ἐν ἧ σοφία καὶ τοῦτον τὸν λόγον πεποίηκεν) и др.

³⁶ См. *Fr.* 1, по изд.: WEST (1982), p. 101-102 (LÖHR [2006], part 2, p. 134-135); *C. Ar.* 1. 5. 1.

³⁷ См. примеч. 28 и относящийся к нему текст.

ренных мудростью»³⁸, где делается акцент на том, что способности разума и премудрости едины у Христа и людей.

Действительно, если, как мы видели, по Арию, все люди каким-то образом причастны к Богу³⁹, при этом Отец как таковой непричастен⁴⁰, но причастуемое в Боге — это Его собственные Премудрость и Логос, то имея в виду упоминание Арием людей, являющихся участниками премудрости, и его слова о том, что Христос называется Премудростью и Логосом, с одной стороны, по причастности к собственным Премудрости и Логосу Божества, и с другой, из-за наделенных разумом и премудростью людей, — можно сделать вывод, что доктрина Ария предполагала, что не только Христос, но и люди причастуют к собственному Логосу Божества (это должно распространяться на всех людей, как обладающих разумом) и к собственной Премудрости Божества (это должно распространяться только на некоторых людей — не просто разумных, но и «умудренных»).

Если же вспомнить, что Арий учит еще и о Силе Божества, причастуемой Сыном⁴¹, а также, что он, по свидетельству Афанасия, ведет речь о Сыне как об одной из *сил* тварного мира изменчивой природы, в числе которых жуки и гусеницы⁴², выделяя таким

³⁸ ...ἄλλος μὲν ἔστιν ὁ ἐν τῷ πατρὶ ἴδιος αὐτοῦ λόγος καὶ ἄλλη ἢ ἐν τῷ πατρὶ ἴδια αὐτοῦ σοφία, ἐν ἣ σοφία καὶ τοῦτον τὸν λόγον πεποίηκεν· αὐτὸς δὲ οὗτος ὁ κύριος κατ' ἐπίνοιαν λέγεται λόγος διὰ τὰ λογικὰ καὶ κατ' ἐπίνοιαν λέγεται σοφία διὰ τὰ σοφίζόμενα (ATHAN., *Ad ep. Aeg. et Lib.* 12. 5, по изд.: ATHANASIUS [1996], S. 52).

³⁹ Об этом было упомянуто *выше*, когда речь шла о 1-й линии использования языка причастности Арием и арианами.

⁴⁰ Арий и Евсевий Никомедийский говорят о непричастности Отца в отношении Христа (см. *выше*), однако, очевидно, это подразумевает непричастность Отца в том же отношении и для любой другой твари.

⁴¹ Об этом см. *выше*, где говорилось о 3-й линии использования языка причастности Арием и арианами.

⁴² «Много есть сил, и как одна по природе собственно есть Божия и вечная сила, так Христос есть не истинная Божия сила, но Он есть одна из названных сил, между которыми и жуки, и гусеницы называются не только силою, но и силою великою (Иоиль 2:25). Есть много и других сил, и он подобны Сыну, о которых воспеваает Давид, говоря: “Господь сил” (Пс 23:10). И подобно всем этим силам, и само Слово по природе изменяемо, по собственной же свободе, пока хочет, пребывает совершенным, а если пожелает, может измениться, потому что оно, как и мы, изменяемой природы (πολλὰ δυνάμεις εἰσὶ· καὶ ἡ μὲν μία τοῦ θεοῦ ἔστιν ἴδια φύσει καὶ αἰδίος· ὁ δὲ Χριστὸς πάλιν οὐκ ἔστιν ἀληθινὴ δύναμις τοῦ θεοῦ, ἀλλὰ μία τῶν λεγομένων δυνάμεων ἔστι καὶ αὐτός, ὧν μία καὶ «ἡ ἀκρις καὶ ἡ κάμπη» οὐ δύναμις μόνον, ἀλλὰ καὶ «μεγάλη» προσαγορεύεται· αἱ δ' ἄλλαι πολλαὶ καὶ ὁμοίαι εἰσι τῷ υἱῷ, περὶ ὧν καὶ Δαβὶδ ψάλλει λέγων· «κύριος τῶν δυνάμεων».

образом третий вид тварной реальности, наряду с разумными и умудренными сущими, то можно прийти к заключению, что учение Ария предполагало наличие, с одной стороны, трех универсальных реалий в Божестве: Силы, Логоса (= Разума, Слова) и Премудрости, и с другой — трех областей тварного мира: области сил, разумного и умудренного. Исходя из этого и следуя логике предыдущих рассуждений, можно предположить, что, согласно доктрине Ария, в тварном мире наличествуют три области, причастующие к соответствующим реалиям в Божестве: к собственной божественной Силе причастует все тварное сущее (либо — живое, но не разумное⁴³); к собственному божественному Логосу причастуют носители разума; к собственной божественной Премудрости — умудренные носители разума.

Парадигмы причастности и универсальные начала у Ария и Оригена

Если теперь попытаться посмотреть на тему причастности у Ария через призму историко-философского и историко-богословского процесса, то можно сказать следующее. Учение Ария о том, что Сын именуется и соделан Богом по причастности, и что Он и все люди вообще причастны к Божеству, имеет очевидные платонические коннотации и соответствует платонической парадигме причастности. То же можно сказать относительно учения о причастности Христа и, вероятно, людей к собственному Логосу и собственной Премудрости Божества. Эти темы имеют определенные пересечения с доктриной Оригена. А именно, учение о причастности Сына к Богу соответствует учению Оригена о причастности Сына к Божеству Отца⁴⁴ (что соответствует выделенной мною линия *И'* в рамках дискурсов причастности у Оригена, см. *выше*), и возможно, Ориген повлиял на Ария в плане этой темы⁴⁵. Отличие между Арием и Оригеном в этом отношении состоит в том, что по Оригену Сын обладает Божественностью и Божественными свойст-

---

καὶ τῇ μὲν φύσει, ὥσπερ πάντες, οὕτως καὶ αὐτὸς ὁ λόγος ἐστὶ τρεπτός, τῷ δὲ ἰδίῳ αὐτεξουσίῳ, ἕως βούλεται, μένει καλός· ὅτε μέντοι θέλει, δύναται τρέπεσθαι καὶ αὐτὸς ὥσπερ καὶ ἡμεῖς τρεπτῆς ὄν φύσεως. διὰ τοῦτο γάρ», φησί, «καὶ προγινώσκων ὁ θεὸς ἕσεσθαι καλὸν αὐτὸν προλαβὼν ταύτην αὐτῷ τὴν δόξαν δέδωκεν, ἣν ἂν καὶ ἐκ τῆς ἀρετῆς ἔσχε μετὰ ταῦτα» (ATHAN., *C. Ar.* 5. 7–8, по изд.: ATHANASIOS [1998], S. 114–115).

⁴³ Из соответствующей цитаты (см. примеч. 42) не очень понятно, относится ли Арий к «силам» тварного мира все сущее или (имея в виду упоминание жуков и гусениц) именно живое (но не разумное) сущее.

⁴⁴ ORIGEN, *In Joan.* II, 2. 17. 4–6, по изд.: ORIGÈNE (1966).

⁴⁵ Ср.: WILLIAMS (1983), p. 75.

вами Отца существенным, а не привходящим образом⁴⁶, тогда как Арий, как мы видели, настаивает на обратном.

Также, если наша реконструкция учения Ария о причастности различных областей тварного мира к собственным Силе, Логосу и Премудрости Божества верна, то имеется определенное типологическое подобие между доктринами Ария и Оригена и в этом отношении. Тогда получается, что у обоих авторов определенные виды тварного сущего причастны к высшему началу, которое выступает (или в котором нечто выступает) в качестве своего рода универсального-до-вещей по отношению к сущим тварного мира: как мы видели, согласно одной из линий темы природной причастности у Оригена, все сущее причастно к Богу-Отцу по бытию, а умное сущее причастно к Сыну согласно умной способности; по Арию же, если наша реконструкция его учения верна, все сущее — либо только живое — причастует к собственной Силе, разумное причастует к собственному Разуму, а умудренное разумное — к собственной Премудрости Божества. При этом доктрина Оригена не предоставляет четкого понимания, что есть это причастуемое универсальное-до-вещей: как мы упоминали выше, Ориген как использует дискурс причастности видов тварного сущего к Лицам Троицы, так и говорит, что все тварное сущее природным образом причастно к логосам, содержащимся в божественном Логосе-Премудрости. Доктрина Ария же предлагает консистентное учение о причастуемом универсальном-до-вещей. Действительно, Арий учит о специфических причастуемых реалиях в Боге: собственных Силе, Логосе и Премудрости Божества.

В этом отношении проявляется и кардинальное различие между богословскими системами Оригена и Ария. У Оригена Сын-Логос является *причастуемым* для тварного сущего, и в силу этого выступая в роли универсальной причастуемой причины, ведь к этому Логосу причастны все разумные сущие и в Нем содержатся логосы всех вещей тварного мира. Согласно же Арию, Сын — *не причастуемый, но причастующий*; Он не соответствует никакой универсалии, но сам причастует к универсалии — собственному

---

⁴⁶ По Оригену, хотя Сын воспринимает Божественность и Божественные атрибуты от Отца, он обладает ими существенным, а не привходящим образом, о чем свидетельствует, например, то, что Ориген прикладывает к Сыну Божественные имена с приставкой *αὐτο-*...; его утверждения о том, что неверно говорить, что Сын причастен праведности, но — Он Сам есть Праведность, которой причастуют праведные люди (*C. Cels.* VI. 64; ср.: *De Princ.* II, 6. 6); а также его слова о том, что тогда как человеческие существа становятся Богом по причастности (*κατὰ μετουσίαν*), Христос есть Бог по сущности (*κατ' οὐσίαν*) (*In Ps. in catena*, Ps. 135, PG 12, 1656A); см.: BALAS (1975), p. 263.

Логосу Божества. Очевидно, здесь находит проявление фундаментальное различие между пониманием статуса Христа-Сына в богословских системах Оригена и Ария.

Можно указать также на еще одно кардинальное различие между учениями Оригена и Ария — касающееся собственно темы причастности. Я имею в виду концепт непричастуемого (*ἀμέθεκτος*), отсутствующий у Оригена и появляющийся у ариан — вероятно, впервые в христианской литературе. В первую очередь в связи с этим концептом, как нам кажется, можно допускать неоплатоническую подоплеку темы причастности в арианстве, каковая еще не имела места у Оригена.

Неоплатонизм Ария?

Действительно, как мы видели, согласно арианскому учению, Бог, с одной стороны, непричастуем (Он непричастуем как Отец и Нерожденный), с другой — причастуем (посредством собственных Силы, Логоса и Премудрости). Причастующим же в системе Ария является Христос, и возможно, — если наша реконструкция правдоподобна — области тварного сущего. Появление концепта непричастуемости в арианской доктрине приводит к тому, что в ней просматривается неоплатоническая триада причастности: *причастующее – причастуемое – непричастуемое*. Кроме того, причастуемые начала в Божестве (т.е. Силу, Логос и Премудрость), о которых учил Арий, можно поставить в соответствие причастующим генадам в системе Ямвлиха.

Как представляется, именно Ямвлих ввел концепт непричастуемого в философию⁴⁷, и соответственно, триада причастности была сформирована в античной философии благодаря ему. Ямвлих является и вероятным автором учения о генадах, позже разработанного детально в античном платонизме Сирианом и Проклом. Ямвлих (ок. 240 – ок. 325 по Р.Х.) был старшим современником Ария (256–336 гг.) и, теоретически, мог оказать влияние на используемый Арием концептуальный аппарат⁴⁸.

⁴⁷ WALLIS (1972), p. 126-127.

⁴⁸ Предположение о влиянии на доктрину Ария неоплатонической философии уже высказывалось в научной литературе. А именно, Рован Вильямс в своих публикациях (WILLIAMS [1983], p. 39-51; WILLIAMS [1987], p. 31 и другие) пытался найти основания некоторых формул, используемых Арием, в неоплатонизме. Эти попытки подверглись критике в статье Кристофера Стида: STEAD (1997). Согласно Вильямсу (WILLIAMS [1987], p. 31), Арий мог познакомиться с учением Ямвлиха ок. 300 г. в Сирии, когда Ямвлих учительствовал в Антиохии и Апамее. Вильямс рассматривает три выражения

Действительно, понятие непричастуемости использовалось в позднем платонизме для обозначения причины, которая, порождая подобные себе следствия, остается незатронутой этим процессом по-

Ария, в отношении которых, либо в отношении полемики вокруг которых, по мнению Вильямса, можно говорить о неоплатоническом влиянии. Это выражение τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας ἰδίως в отношении Сына (ATHAN., *C. Ar.* 1. 10), контекст которого, как считает Вильямс, показывает знание Арием порфириевской *Исагоги* (WILLIAMS [1983], p. 58-62), выражение μέρος ὁμοούσιον (из послания Ария к Александру Александрийскому, ATHANASIOS [1934], S. 12), которое Вильямс соотносит с *О мистериях* III, 21. 150. 9 Ямвлиха (WILLIAMS [1983], p. 63-66), и полемический концепт οὔτε δύο ἀγέννητα (ATHAN., *Or. tres c. Ar.* 14), выдвигаемый арианами против никейцев, в связи с которым Вильямс предполагает влияние комментаторов на Аристотеля (Александра Афродисийского и Порфирия) на христианских авторов (WILLIAMS [1983], p. 66-81; WILLIAMS [1987], p. 215-229). Я не буду сейчас останавливаться на подробностях аргументации Вильямса в пользу влияния неоплатонических авторов на Ария, как и полемики с аргументами Вильямса Кристофера Стида. Отмечу только, что, на мой взгляд, и Вильямс, и Сид допускают ошибки в изложении историко-философской части обсуждаемых ими вопросов в отношении тематики причастности. Так, Вильямс выделяет два смысла причастности в античной философской традиции: платоническую парадигму, предполагающую вертикальный смысл (“vertical” sense) причастности, и парадигму, которую я называю «аристотелевской», предполагающую, в противоположность вертикальному смыслу, «боковой» (“lateral”), или «горизонтальный» (horizontal) смысл причастности. При этом, во-первых, Вильямс дает неудачную формулировку для этого последнего вида причастности: «the relation between substances which are formally identical», понимая это так, что «for two substances to ‘participate’ in or with each other is for both to belong to one γένος» (WILLIAMS [1983], p. 68; неудачность этой формулировки отмечает и Сид: STEAD [1997], p. 47-48). Однако причастность в аристотелевском смысле не есть отношение между причастуемыми, но это отношение между вещью и ее сущностью, то есть между причастующим и причастуемым (*Topica* 121a10-15, 122b20-22). Во-вторых, в качестве авторов, которые вразрез с платоновской, «вертикальной» парадигмой причастности ввели новую парадигму, с горизонтальным смыслом причастности, Вильямс называет Александра Афродисийского и Порфирия, каковые, по мнению Вильямса, вводя эту парадигму, опирались на критику Аристотелем нормативного платоновского понимания причастности (WILLIAMS [1983], p. 68; WILLIAMS [1987], p. 220). Однако, как мы видели, эта новая парадигма причастности была введена самим Аристотелем (хотя, и действительно, была подхвачена Александром и Порфирием), каковой и был первым философом, кто начал говорить о причастности, имея в виду причастность индивида к собственной сущности, носителем которой он и является (*Topica* 122b20-22, см. *выше*), а не идее, трансцендентной для этого индивида. В-третьих, Вильямс утверждает, что в рамках горизонтальной причастности само понятие «причастности» понимается в метафорическом смысле

рождения⁴⁹. Таковым непричастуемым в рамках нормативного учения поздних платоников, выраженного Проклом, является Единое. Имеется также промежуточное звено между Единым и многим, какое представляет собой так называемые «генады». Генады — причастуемы; они суть сущности, которые, оставаясь обособленными от последующего, тем не менее, определенным образом с ним соотносятся, т.е. уже не являются совершенно трансцендентными для многого, как это имеет место в случае Единого, какое выше бытия⁵⁰. Происходя от Единого как их причины, генады подобны ему, и потому являются единствами, однако не единством как таковым, но каждая генада является тем или иным образом окачественным единством — единством того или иного бытия (генадой Ума, Души, Природы и т.п.).

В доктрине же Ямвлиха, который жил на несколько поколений раньше Прокла и который, как очевидно, является родоначальником неоплатонического учения о генадах⁵¹, насколько можно судить, генады играют следующую роль. Ямвлих учил о двух Единых. Одно Единое является абсолютно трансцендентным, непричастуемым, невыразимым, и оно не ухватываемо никаким образом — ни через утверждения, ни через отрицания. Другое Единое, представляющее собой причину сущих, как свидетельствует Прокл, описывается отрицаниями 1-й гипотезы платоновского *Парменида*, и эти отрицания апофатическим образом указывают на то, причиной чего является это Единое⁵². Например, высказывание «Единое не есть целое»

(WILLIAMS [1983], p. 68; WILLIAMS [1987], p. 217). В этом утверждении Вильямс, как представляется, исходит из того, что истинный смысл причастности — платонический, а иное использование этого понятия предполагает его несобственный смысл. Для нас же очевидно, что смысл, заложенный в аристотелевском (горизонтальном) понимании причастности, — такой же консистентный и нормативный, как и в платоническом понимании, и что античные авторы, следовавшие этой парадигме, использовали понятие причастности в собственном смысле. Ошибка же Кристофера Стида, выступившего с критикой концепции Рована Вильямса о неоплатоническом бэкграунде арианского учения, состоит в том, что Сид вообще не признает того, что Порфирий использовал какую-либо иную парадигму причастности помимо платонической. То есть Сид отрицает, что Порфирий в *Исагоге* использовал понятие причастности в горизонтальном (в нашей терминологии — аристотелевском) смысле (STEAD [1997], p. 47-48, ср. 50). Однако, как было показано *выше*, аристотелевская парадигма причастности совершенно эксплицитно проводится Порфирием в *Исагоге*.

⁴⁹ МЕСЯЦ (2013), с. 178.

⁵⁰ МЕСЯЦ (2012), p. 153-154; МЕСЯЦ (2013), с. 181. См. PROCLUS, *Theol. Plat.* 116.

⁵¹ См.: DILLON (1972); DILLON (1973), p. 412-416.

⁵² См. у Прокла: *Theol. Plat.* III, 82. 4-22.

неким образом указывает на Единое как причину целого⁵³. Также и другие отрицания, прилагаемые к Единому в рамках 1-й гипотезы, указывают на это Единое как причину отрицаемого предиката. Судя по реконструкции С. Месяц свидетельств о доктрине Ямвлиха, представленных в основном у Прокла и Дамаския, генада в рамках учения Ямвлиха представляет собой аспект этого второго Единого в качестве причины определенного класса вещей, т.е. она является единством для того или иного вида бытия⁵⁴. Будучи аспектами Единого, генады, по Ямвлиху, также описываются отрицаниями 1-й гипотезы *Парменида*⁵⁵. Согласно Ямвлиху, генады являются сверхсущими (как относящиеся к предмету рассмотрения 1-й гипотезы), но при этом представляют собой причины сущностей⁵⁶. Таким образом, по Ямвлиху, одно Единое, которое выше бытия и которое не ухватывается ни через утверждения, ни через отрицания в отношении него, является *непричастуемым*; другое же Единое, ухватываемое отрицаниями 1-й гипотезы *Парменида*, являющееся причиной сущего и в различных модусах причинности / причастности представляющее собой генады, — одновременно и *непричастуемо* (т.е. несоотносимо со своими последствиями), и *причастуемо* (т.е. соотносимо с последствиями) — причастуемо различными видами *причастующего* сущего⁵⁷.

Итак, как нам представляется, просматривается схема, в определенных отношениях похожая на ямвлиховскую. Арий говорит об Отце / Нерожденном как о непричастуемом для Сына с той целью, чтобы сделать акцент на несоотносимости Бога с Сыном-Христом, так же как и вообще ни с чем Им произведенным, — при том что Бог является творческой причиной Сына и всего сущего. Этот смысл концепта непричастности — то есть смысл, указывающий на несоотносимость причины с причиненным, — изначально заложен в неоплатоническом концепте непричастуемого. И когда Арий использует этот концепт, ведя речь о непричастности Сына к Отцу / Нерожденному, он отсылает к коннотациям, подобным тем, что в концепт непричастности в его приложении к высшему началу вкладывал Ямвлих, а затем и другие неоплатоники. Это кардинально отличает доктрину Ария от оригеновской: действительно, богословие Оригена не знало концепта непричастности, что согласуется с тем, что оригеновское учение предполагало взаимоотноши-

⁵³ См. у Прокла: *In Parm.* 1107. 9-20.

⁵⁴ MESYATS (2012), p. 165; МЕСЯЦ (2013), с. 199.

⁵⁵ См. у Прокла: *In Parm.* 1054. 37 – 1055. 2; 1066. 16-21; 1066. 28-33; *Theol. Plat.* III 82. 12-18.

⁵⁶ См. у Прокла: *In Parm.* 1066. 26-28.

⁵⁷ MESYATS (2012), p. 167-170.

тельность Отца и Сына и вечное произведение Богом космоса; Арий же отрицает какую-либо взаимоотноительность Бога / Отца и Сына-Христа (а тем более, Бога и мира), и по этой причине прикладывает к Божеству концепт непричастуемости⁵⁸.

Возвращаясь к сравнению концептов причастности у Ария и Ямвлиха, отметим также, что природа собственных Силы, Логоса и Премудрости Божества в доктрине Ария, как очевидно, подобна природе генад у Ямвлиха. Сила, Логос и Премудрость представляют собой окачественные реалии в высшем начале и, оставаясь трансцендентными, они (если наша реконструкция верна), как и генады, являются причастуемыми началами для определенных областей сущего, причастующего к ним.

Отметим также, что можно усмотреть аналогию — хотя и не строгую — между доктринами Ария и Ямвлиха также и в плане понимания характера трансцендентности высшего начала. Как мы отмечали ранее, учение Ямвлиха о Едином, представляющем собой причину сущих (второе Единое), по свидетельству Прокла, предполагает апофатический способ описания его отношения к множеству вещей. И специфика ямвлиховой апофатики в отношении этого Единого заключается в том что, согласно ей, каждый отрицаемый предикат неявным образом указывает на то, причиной чего Единое является. Похожим образом и Арий говорит о Божестве:

Сам Бог, поскольку Он таков, для всех неизречен... Именуем же Его нерожденным ради рожденного по естеству; песнословим Его безначальным ради имеющего начало; чествуем Его вечным ради рожденного во времени — Αὐτὸς ἑοῦν ὁ θεὸς καθὼ ἐστὶν ἄρρητος

⁵⁸ Это фундаментальное различие между доктринами Оригена и Ария является причиной, по которой Кристофер Стид отрицает возможность влияния на Ария неоплатонических авторов, каковые, как и Ориген, разделяли понимание, общераспространенное для нехристианской античной мысли, по которому космос вечно происходит от высшего начала: «Origen had placed the Father in an eternal relationship, not only with the Son, but even in principle with the world. Arius asserts the Father's priority, not only to the world, but to the Son. Accordingly the Son had a real and momentary beginning, even if it is not strictly a beginning in time. But this surely means that Arius stands at the furthest possible remove from the majority, or eternalist, school of Neoplatonic philosophers; from Plotinus, Porphyry, and Iamblichus» (STEAD [1997], p. 51). На мой же взгляд, расхождение в фундаментальных богословско-философских интуициях между — говоря вообще — христианскими и нехристианскими античными авторами (в том числе, Арием и Ямвлихом) совершенно не исключает возможности использования технического философского языка учений нехристианских философов христианскими авторами для своих целей. По этой причине я считаю, что указанный аргумент Стида не работает.

ἄλασιν ὑπάρχει... ἀγέννητον δὲ αὐτόν φαμεν διὰ τὸν τὴν φύσιν γεννητόν· τοῦτον ἄναρχον ἀνυμνοῦμεν διὰ τὸν ἀρχὴν ἔχοντα, αἰδίον δὲ αὐτὸν σέβομεν διὰ τὸν ἐν χρόνοις γεγαῶτα⁵⁹.

Как очевидно, Арий здесь, говоря о Боге, следует стратегии, в определенном отношении подобной яввлиховой когда Ямвлих ведет речь о втором Едином: по Арию, неизреченный Бог именуется апофатически, но таким образом, что отрицаемое относительно Бога некоторым образом на Него указывает и Его являет. Четкому подобию со специфической яввлиховой апофатической стратегией именованного Единого здесь мешает — хотя и не отменяет это подобие окончательно — прилагаемое к Богу имя αἰδίος («вечный»), которое, в отличие от других имен, перечисляемых Арием, не выступает в форме отрицающего именованного (как это имеет место в случае первых двух имен, приводимых Арием: ἀ-γέννητος [не-рожденный] и ἄναρχος [без-начальный]).

Итак, мы имеем следующее. 1) Ямвлих ввел в философский язык концепт непричастуемого в его приложении к высшему началу. Этот концепт с похожими коннотациями, что в античном платонизме, впервые в христианском богословии появляется в доктрине Ария. 2) Введение этого концепта Ямвлихом послужило формированию в позднем платонизме триады причастности: *причастующее–причастуемое–непричастуемое*; соответственно, эта триада прослеживается и у Ария. 3) С темой причастности в доктрине Ямвлиха связано и учение о причастуемых генадах (играющих роль универсального-до-вещей), являющихся причинами различных областей сущего. В богословской системе Ария также имеются сущности, похожие на неоплатонические генады. 4) Имеет место (не-строгое) подобие в плане специфического способа апофатического описания высшего начала у Ямвлиха и Ария.

Если иметь все это в виду, а также то, что Ямвлих был старшим современником Ария, а Арий имел репутацию человека не чуждого диалектике⁶⁰, можно предположить наличие линии, связанной с доктриной Ямвлиха, в философско-богословском языке арианской доктрины, проявляющейся, в частности, и в отношении темы причастности.

СОКРАЩЕНИЯ

ATHAN. — ATHANASIUS ALEXANDRINUS

De syn. — *De synodis Arimini in Italia et Seleucia in Isauria*
Ad ep. Aeg. et Lib. — *Epistula ad episcopos Aegypti et Libyae*

⁵⁹ ATHAN., *De syn.* 15, по изд.: ATHANASIUS (1940), S. 242.

⁶⁰ Ср.: SOZOM., *Hist.* 1.15: «...Арий, человек не без знания диалектики...».

- C. Ar.* — *Contra Arianos*
Or. tres c. Ar. — *Orationes tres contra Arianos*
- CLEMENS ALEXANDRINUS
Protr. — *Protrepticus*
- EPIPH. — EPIPHANIUS
Panar. — *Panarion*
- EUNOMIUS
Apol. — *Apologia*
- ORIGENES
De Princ. — *De Principiis*
C. Cels. — *Contra Celsus*
In Joan. — *Commentarii in evangelium Joannis*
- PLATO
Resp. — *Respublica*
Parm. — *Parmenides*
Symp. — *Symposium*
- PROCLUS
In Parm. — *In Platonis Parmenidem*
Theol. Plat. — *Theologia Platonica*
- SOCR. — SOCRATES SCHOLASTICUS
Hist. — *Historia ecclesiastica*
- SOZOM. — SOZOMENUS
Hist. — *Historia ecclesiastica*
- THEOD. — THEODORETUS
Hist. — *Historia ecclesiastica*

БИБЛИОГРАФИЯ

Издания

- ATHANASIUS (1934) — ATHANASIUS: *Werke. Herausgegeben im Auftrag der Kirchenväter-Kommission der preussischen akademie der wissenschaften. Dritter Band. Erster Teil. Urkunden zur Geschichte des Arianischen Streites 318–328, Urkunde 8*, ed. von Hans-Georg OPITZ (Berlin – Leipzig, 1934).
- ATHANASIUS (1940) — ATHANASIUS: *Werke. Vol. 2. I*, ed. H.G. OPITZ (Berlin, 1940).
- ATHANASIUS (1996) — ATHANASIUS: *Werke, Band I. Die dogmatischen Schriften, Erster Teil*, ed. D.U. HANSEN, K. METZLER, and K. SAVVIDIS (Berlin – N.Y.: De Gruyter, 1996).
- ATHANASIUS (1998) — ATHANASIUS: *Werke, Band I. Die dogmatischen Schriften, Erster Teil, 2. Lieferung*, ed. K. METZLER and K. SAVVIDIS (Berlin – N.Y.: De Gruyter, 1998).
- BARDY (1936) — BARDY, G., *Recherches sur Saint Lucien d'Antioche et son école* (P., 1936).
- LÖHR (2006), part 2 — LÖHR, W., “Arius Reconsidered (Part 2)”, *Zeitschrift für Antikes Christentum* 10 (2006).

- ORIGÈNE (1980) — ORIGÈNE, *Traité des principes. T. I (Liv. I-II)*, Introd., texte critique de la Philocalie et de la version de Rufin, traduction par H. CROUZEL et M. SIMONETTI (Quaderni di Vetera Christianorum, 12), (P.: Cerf, 1980).
- ORIGÈNE (1966) — ORIGÈNE, *Commentaire sur saint Jean*, ed. C. BLANC (Sources chrétiennes 120), (P.: Cerf, 1966).
- THEODORET (1954) — THEODORET, *Kirchengeschichte*, ed. L. PARMENTIER, F. SCHEIDWEILER (Die griechischen christlichen Schriftsteller, 44), 2nd edn., (Berlin: Akademie-Verlag, 1954).
- WEST (1982) — WEST, M.L., “The Metre of Arius’ *Thalia*”, *The Journal of Theological Studies* 33 (1982).

Исследования

- БИРЮКОВ (2014) — БИРЮКОВ, Д.С., “Иерархии сущего в патристической мысли. Григорий Нисский и Дионисий Ареопагит”, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом* 3 (2014).
- БИРЮКОВ (2013) — БИРЮКОВ, Д.С., “Представления в области естествознания и тема научного познания у Климента Александрийского в интеллектуальном контексте эпохи”, *Вестник Русской христианской гуманитарной академии* 14:3 (2013).
- МЕСЯЦ (2013) — МЕСЯЦ, С.В., “Трансцендентное начало в неоплатонизме и учение о генадах”, *ПЛАТОНИКА ЗНТНМАТА. Исследования по истории платонизма*, под общ. ред. В.В. ПЕТРОВА (М.: Кругъ, 2013).
- ФЕОДОРИТ (1993) — ФЕОДОРИТ, ЕПИСКОП КИРСКИЙ, *Церковная история* (История христианской Церкви в произведениях ее писателей 1), (М., 1993).
- BALAS (1975) — BALAS, D., “The idea of participation in the structure of Origen’s thought. Christian transposition of a theme of the Platonic tradition”, *Origeniana. Premier colloque international des études origéniennes (Montserrat, 18-21 Sept. 1973)* (Quaderni di Vetera Christianorum, 12), (Bari, 1975).
- CALANHAN (1958) — CALANHAN, J. “Basil Caesarea a New Source for st. Augustine’s Theory of Time”, *Harvard Studies in Classical Philology* 63 (1958).
- DILLON (1972) — DILLON, J., “Iamblichus and the origin of the doctrine of henads”, *Phronesis* 17 (1972).
- DILLON (1973) — DILLON, J., “Appendix B”, *Platonis Dialogos Commentariorum Fragmenta* (Leiden, 1973).
- GREGG, GROH (1984) — GREGG, R., GROH D. “The Centrality of Soteriology in Early Arianism”, *Studia Patristica* XV (1984).
- LÖHR (2006), part 1 — LÖHR, W., “Arius Reconsidered (Part 1)”, *Zeitschrift für Antikes Christentum* 10 (2006).
- MESYATS (2012) — MESYATS, S., “Iamblichus’ exegesis of “Parmenides” hypotheses and his doctrine of divine henads”, *Iamblichus and the Foundations of Late Platonism*, ed. E. AFONASIN, J. DILLON and J. FINAMORE (Leiden: Brill, 2012).
- PRESTIGE (1923) — PRESTIGE, L., “ἀγέν[v]ητος and γεν[v]ητός and kindred words, in Eusebius and the Early Arians”, *The Journal of Theological Studies* 24 (1923).

- STEAD (1964) — STEAD, C., “The Platonism of Arius”, *The Journal of Theological Studies* 15 (1964).
- STEAD (1997) — STEAD, C., “Was Arius a Neoplatonist?”, *Studia Patristica* 32 (1997).
- VAGGIONE (2000) — VAGGIONE, R., *Eunomius of Cyzicus and the Nicene Revolution* (Oxford, 2000).
- WALLIS (1972) — WALLIS, R.T., *Neoplatonism* (L.: Duckworth, 1972).
- WILLIAMS (1983) — WILLIAMS, R., “The Logic of Arianism”, *Journal of Theological Studies* 34 (1983).
- WILLIAMS (1987) — WILLIAMS, R., *Arius: Heresy and Tradition* (L., 1987).
- БИРЮКОВ Дмитрий Сергеевич** — кандидат философских наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; университет Падуи, dbirjuk@gmail.com

SUMMARY

ONES AGAIN ON THE LOGIC OF ARIANISM

THE TOPIC OF PARTICIPATION AND NEOPLATONISM IN THE DOCTRINE OF ARIUS

Dmitry BIRIUKOV

The article treats the modi of the use of the language of participation by Arius and his followers. According to the first modus, the Son is said to participate in the divinity of the Father, which is understood in the sense that the Son does not possess divinity according to His own nature. The second modus is associated with the concept of non-participation: the Son is said to not participate in the Father and His nature. The third modus is related to the concept of participated realities in the Godhead — Wisdom, Word, and Power, in which the Son participates. A reconstruction of Arius' doctrine is proposed, according to which these realities are universal principles, participated in by the beings of the created realm. The possible explanation of the way in which Origen might have influenced Arius is proposed, while significant differences between Origen and Arius are outlined. One such difference is the concept of non-participation, absent in Origen's conceptual framework, but appearing in Arius. Since this concept first emerged in the Neoplatonic philosophy being used in a similar way by Iamblichus, the elder contemporary of Arius, who also elaborated the doctrine of henads, understood as universal participated entities, the assumption that Iamblichus' doctrine might have influenced the philosophical and theological language of the Arian doctrine is made.

Key words: participation, universals, Neo-Platonism.

Dmitry BIRIUKOV, PhD (Philosophy), National Research University Higher School of Economics, Padova University, dbirjuk@gmail.com

А.Ю. СЕРЕГИНА

НЕОСТОИЦИЗМ / ТАЦИТИЗМ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА В АНГЛИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА

ТОМАС ФИЦГЕРБЕРТ И ЕГО
ТРАКТАТ О ПОЛИТИКЕ И РЕЛИГИИ (1606–1610)

В статье показано, что в европейской мысли на рубеже XVI–XVII вв. доминировали политические идеи, связанные с такими течениями, как тацитизм и неостоицизм, а также уже сформулированное понятие «государственного интереса». Отмечено, что теория «государственного интереса» и тацитизм не только помогали отвечать на насущные политические вопросы, но и вырабатывали способы описания и осмысления политической реальности, тогда как стоицизм предлагал частным лицам способ сосуществования с этой реальностью. На примере анализа *Трактата о политике и религии* (2 тт., 1606–1610) иезуита Томаса Фицгерберта исследуется взаимосвязь и взаимозависимость основных политических традиций и стилей письма — тацитизма, неостоицизма и рассуждений о «государственном интересе». Обсуждается использование в политическом анализе автора его собственного политического опыта и осмысления им событий недавнего прошлого — а именно, религиозных войн во Франции.

Ключевые слова: тацитизм и неостоицизм, политические идеи, Томас Фицгерберт, «государственный интерес».

XVI–XVII столетия, свидетели развернувшихся в Европе профессиональных конфликтов и существенных изменений, затронувших политическую сферу и взаимоотношения монархов и подданных, стали временем осмысления происходивших на политической сцене событий и формирования новых способов говорить и мыслить о политической реальности, временем становления «политической мысли» как таковой. Теоретические размышления сочетались с практическими рекомендациями молодым дворянам, по праву рождения вовлеченным в политическую сферу.

Общим местом современной истории политической мысли является утверждение о том, что основывавшемуся на цicerоновской традиции идеалу активного государственного деятеля, добродетельно

служащего своей стране и государю, около 1580-х гг. приходит на смену гораздо более пессимистическое представление о человеческой природе и ее способности к добродетели, испорченности правителей и двора. Эта традиция опиралась на сочинения римского историка Тацита, в особенности на его описания двора императора-тирана Тиберия, и именуется «тацитизмом»¹.

Критическое отношение к происходящему на политической сцене и развращающей силе власти, сосредоточенной при дворе, в окружении правителя, основывавшееся на тацитовской традиции, было тесно связано с возникновением в это же время неостоицизма, восходящего к произведениям Сенеки, но переосмыслявшего его основные положения в христианском духе. Странникам этого течения предлагалось преодолеть искушения, рожденные обладанием властью (или близостью к ее центру, если речь шла о придворных), и освободиться от страданий, связанных с неизбежными поражениями в политических конфликтах через подчинение страстей разуму и принятие божественного провидения. Обуздание страстей должно было дать человеку свободу от страстей и низменных инстинктов, спокойствие в способности отстраниться от материальных удовольствий и страданий, и счастье в способности приблизиться к Богу и воспринять его волю. Такая отстраненность давала возможность представителям политического класса выполнять свой долг по управлению страной и вместе с тем оставляла возможность оставаться добродетельным христианином, одинаково бесстрастно воспринимавшим победу и поражение на политической сцене².

Третьей важной составляющей политической теории эпохи была сформулированная в конце XVI в. теория государственного интереса, позволявшая правителям и их советникам анализировать проблемы своего времени в понятиях «реальной политики». Влияние Макиавелли на политическое мышление его современников было огромным, но далеко не прямолинейным. Идея полного отделения сферы политики от морали воспринималось не просто как слишком радикальная, но и вызывающая проблемы психологического и политического свойства. В этом смысле все компоненты политической мысли изучаемого нами периода: тацитизм, «государственный интерес» и неостоицизм, стоит рассматривать как элементы одного целого, которые не всегда возможно — или даже нужно — отделить друг от друга, даже при научном анализе. Примером не вполне удачного разделения может служить статья Питера

---

¹ TUCK (1993); BURKE (1991), p. 479-498.

² BURKE (1991), p. 484-491.

Берка *Тацитизм, скептицизм и государственный интерес* (1991), подытожившая исследования XX в. в данной области³. В ней Берк показал, как перечисленные выше течения мысли отвечали потребностям политического мышления эпохи: государственный интерес и тацитизм помогали отвечать на насущные политические вопросы и выработывали способы описания и осмысления политической реальности, тогда как стоицизм предлагал способ сосуществования с этой реальностью для частных лиц. Тем не менее, в своей статье Берк рассматривал все три составляющие отдельно и, более того, выбирал отдельных авторов в качестве представителей каждого из течений, тем самым искусственно их разделяя.

Английским авторам в данном контексте уделялось довольно много внимания в последние годы. Особенно много исследовалось влияние тацитизма и неостоицизма на английскую мысль⁴. Однако до сих пор по большей части рассматривались только произведения протестантов, относящиеся к общепризнанному «канону» национальной политической мысли.

Английские католики же, как правило, остаются за рамками этого анализа, хотя теперь последние исследования памфлетной культуры XVI в. показывают, что многие из общепризнанных идей — например, «республиканская» критика тирании в рамках тацитовской традиции в Англии, традиционно относимые к 1580-м и даже 1590-м гг., на самом деле были сформулированы католическими памфлетистами на два десятилетия раньше⁵.

Даже такие важные и прямо относящиеся к данной теме произведения, как *Трактат о политике и религии* (2 тт., 1606–1610) иезуита Томаса Фицгерберта, о котором пойдёт речь в этой статье, долгое время оставался практически неизученным. Его текст редко упоминается историками политической мысли, как правило, только в связи с его критикой Макиавелли, т.е., исключительно в контексте «антимакиавеллизма», да и то лишь как текст в лучшем случае курьезный, ограниченный как конфессиональной принадлежностью автора (каковая, по мнению многих историков, делала Фицгерберта неинтересным англичанам не-католикам)⁶, так и языком произведения, делавшим его недоступным для широкой европейской аудитории⁷.

³ BURKE (1991), особ. p. 491-498.

⁴ SMUTS (1994), p. 21-44; PELTONEN (1995), p. 124-135; MCDOWELL (2013), p. 362-379.

⁵ LAKE (2016), p. 472-473.

⁶ ALLEN (1967), p. 65-67.

⁷ CLANCY (1964), p. 180-181; ANGLO (1995), p. 392-395.

В последние годы, в связи с ростом интереса к истории английских католиков и написанных ими текстов, фигура Фицгерберта, привлекла внимание историков (хотя и довольно немногочисленных)⁸. *Трактат о политике и религии*, впрочем, подробно анализировался лишь двумя исследователями: Харро Хёпфлем в контексте политической мысли иезуитов XVI – нач. XVII в. и Стефанией Тутино в ряду полемических произведений английских католиков того времени⁹. Оба исследования предоставляют интересный анализ данного произведения, несколько различающийся в деталях, о чем пойдет речь ниже. Оба подхода, в силу избранных исследовательских ракурсов, несколько ограничены: если Хёпфль, подчеркивая общие европейские истоки традиции, вписывает Фицгерберта в контекст современной ему политической мысли, одновременно вырывает его из английского контекста и снижает тем самым резонанс книги, игнорируя факт переиздания трактата на протяжении XVII–XVIII вв., в 1615, 1652, 1690-х гг. и 1703–1711 гг., то Тутино рассматривает его, напротив, исключительно в контексте английской конфессиональной полемики, оставляя за рамками исследования те темы сочинения, которые могли быть (и оказывались) интересными не только католикам.

В настоящей статье будет предпринята попытка проследить взаимосвязь и взаимозависимость основных политических традиций и стилей письма — тацитизма, неостоицизма и рассуждений о «государственном интересе» — в *Трактате* Фицгерберта. Кроме того, исследование будет сфокусировано на использовании в политическом анализе английского иезуита его собственного политического опыта и осмысления им событий недавнего прошлого, известного его читателям — а именно, религиозных войн во Франции.

Внимание к религиозным войнам в соседней с Англией стране объясняется как огромным воздействием событий во Франции на политическое мышление и воображение европейцев, так и жизненным и политическим опытом самого Фицгерберта, сделавшим его анализ ситуации во Франции особенно интересным.

Томас Фицгерберт¹⁰ (1552–1640) был наследником богатого джентльмена-католика из Стаффордшира, Уильяма Фицгерберта и его супруги Изабеллы Свиннертон, внуком известного юриста-католика Энтони Фицгерберта. Фицгерберт-младший получил хорошее домашнее образование, за которым последовало обучение в

⁸ См., напр., PATTERSON (2000), p. 102-104.

⁹ HÖPFL (2004), p. 125-131; TUTINO (2007), p. 177-186.

¹⁰ Биографические данные Томаса Фицгерберта приводятся по: ODNB Online, <http://dx.doi.org/10.1093/ref.odnb/9605> (январь, 2016).

Оксфорде. Там он познакомился с другими интеллектуалами, склонявшимися к католицизму, в том числе с будущими иезуитами Робертом Парсонсом и Эдмундом Кэмпционом¹¹. Католические взгляды самого Фицгерберта уже в это время притягивали внимание властей, а в 1572 г. он был даже арестован за отказ посещать приходские церкви (recusancy). Арест, впрочем, не охладил его пыл: в 1580 г., когда Парсонс и Кэмпсион тайно прибыли в Англию как первые миссионеры-иезуиты, Томас Фицгерберт немедленно вступил в организованную другим молодым и богатым католиком, Джорджем Гилбертом, ассоциацию, ставившую своей целью содействие иезуитской миссии.

В отличие от того же Гилберта, Фицгерберт, по крайней мере в молодости, не стремился к священству настолько, чтобы забыть о земных радостях и долге перед семьёй: в 1580 г. он женился на богатой наследнице-католичке Дороти Ист. Сыну Эдварду, рожденному от этого брака, Фицгерберт впоследствии посвятит свой *Трактат*.

В 1582 г. Фицгерберт с супругой покинул страну, оставив сына и наследника дома, спасая тем самым семейные владения от секвестра, и перебрался во Францию. Там он стал одним из членов группы английских эмигрантов-католиков, близких к Гизам, и представителям интересов Марии Стюарт. В число других его покровителей входила французская королева-мать Екатерина Медичи; Фицгерберт был одним из её секретарей, оказавшись благодаря этому в самом центре политических событий, охвативших Францию в это время¹².

В 1588 г. скончалась жена Фицгерберта, и он принял обет стать священником. В 1589 г. он покинул Францию и перебрался в Испанию, где его патроном был герцог Ферия — сын Джейн Дормер, фрейлины королевы Марии I Тюдор. Благодаря его покровительству Фицгерберт был близок к кругу людей, определявших политику Испании по отношению к Англии; в 1596–1598 гг. он был также английским секретарём короля Филиппа II, сменив на этом посту умершего сэра Фрэнсис Инглфилда.

После смерти Филиппа II Фицгерберт отправился в Рим в свите герцога Ферии, назначенного испанским послом при папском престоле. Дальнейшая карьера Фицгерберта была связана с церковью и английской католической миссией. В 1601 г. он был рукоположен и стал представлять интересы архипресвитера — главы английского секулярного духовенства — в Риме. Тогда же он принёс тайный обет вступить в орден иезуитов. Это событие произошло в 1615 г.

¹¹ О них см. СЕРЕГИНА (2006), с. 31-36; ДОЛЕМАН (2013), с. 5-24.

¹² GIBBONS (2011), p. 39.

Годы новициата (1615–1618) прошли в Риме, затем Фицгерберт был отправлен в Брюссель в качестве представителя Ордена; там он и принёс свои обеты как его полноправный член. Но уже в 1619 г. Фицгерберт был отозван в Рим и стал ректором Английской коллегии — семинарии, готовившей священников для Англии. На этом посту Томас Фицгерберт пребывал в течение 20 лет, уйдя в отставку по состоянию здоровья в 1639 г. Он остался в коллегии, где и скончался 4 августа 1640 г. и был похоронен в ее капелле.

Годы, проведенные в Риме, были посвящены литературной деятельности. Перу Фицгерберта принадлежит ряд полемических произведений¹³, созданных в контексте полемики относительно лояльности католиков английскому правительству (1598–1602), а также в ходе споров, окружавших присягу на верность королю Якову (1606–1624). *Трактат о политике и религии* стоит особняком среди его произведений, как из-за жанра — теоретического сочинения, посвящённого «политической науке», так и из-за размаха, с которым Фицгерберт продемонстрировал в нем свои обширные познания произведений древних авторов, отцов церкви, историков позднейших столетий, а также и собственного политического опыта.

Трактат вызвал немалый интерес читателей, прежде всего английских, и многократно переиздавался на протяжении XVII в., причём два его тома зачастую публиковались как отдельные произведения. Первый том был издан в Дуэ Лоренсом Келламом в 1606 г.¹⁴; второй том вышел в свет там же Пьером Оруа в 1608 г., но от этого издания не сохранилось ни одной копии¹⁵. Новое издание второго тома появилось в 1610 г. (Дуэ, типография Оруа)¹⁶. В 1615 г. оба тома были вновь переизданы в Дуэ (Пьером Оруа и Джоном Хейемом)¹⁷. Еще одно издание — только первый том — было выпущено лондонским печатником-протестантом Абелем Рупером в 1652 г.¹⁸. В этой версии отсутствовали все указания на конфессиональную принадлежность автора, который был обозначен как «Томас Фицгерберт, эсквайр», хотя во всех предыдущих изданиях на титульной странице был упомянут его священнический сан. Наконец, ещё три версии были выпущены в Сент-Омере издателем

¹³ FITZHERBERT (1602); FITZHERBERT (1613); FITZHERBERT (1613a); FITZHERBERT (1614); FITZHERBERT (1621).

¹⁴ FITZHERBERT (1606). См. ALLISON, ROGERS (1994), no. 280 (p. 58).

¹⁵ FITZHERBERT (1608). См. ALLISON, ROGERS (1994), no. 285 (p. 59).

¹⁶ FITZHERBERT (1610a).

¹⁷ FITZHERBERT I (1615); FITZHERBERT II (1615). Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: ALLISON, ROGERS (1994), nos. 282, 286 (p. 58-59).

¹⁸ FITZHERBERT (1652). См. CLANCY (1996), no. 375 (p. 65).

Английской коллегии Томасом Хейлсом в 1695¹⁹, 1696–1697²⁰ и 1703–1711 гг.²¹ (в каждом из них первая и вторая части издавались отдельно). Существовала и сокращённая латинская версия трактата, подготовленная самим Фицджербертом и изданная в Риме в 1610 г.²², однако она не пользовалась такой популярностью, как английские версии: неудивительно, учитывая, что Фицджерберт создавал своё произведение, имея в виду именно английскую аудиторию.

Первая часть *Трактата* подробно обосновывает неэффективность политических действий, основанных исключительно на идеологии «государственного интереса», низводящего религию до способа обеспечения стабильности того или иного режима, и не признающего моральных ограничений в «политической науке» (термин использовался Фицджербертом в гл. 7 и других частях текста)²³. Очевидным объектом нападков здесь являлся Макиавелли и его учение, которое подробно разбирается в *Трактате*. Именно поэтому большинство исследователей (включая и Харро Хёпфля, перу которого принадлежит наиболее детальный анализ первой части) рассматривало текст Фицджерберта исключительно в контексте антимакиавеллизма, и отбрасывало вторую часть как не представляющий интереса образчик религиозной полемики. Тем не менее, вторая часть *Трактата* дополняет первую; без нее авторская концепция предстаёт неполной и непонятной.

Если первая часть говорит о невозможности эффективной политики без религиозных соображений, то есть стремится побить макиавеллиевскую «политическую науку» на ее собственном поле, то вторая показывает преимущество католичества как гражданской религии, причем не только как конфессии, лучше других учащей подданных повиновению властям, но, скорее, как единственной религии, способной научить политика принимать тот простой факт (многократно обоснованный в первой части), что божественное провидение может разрушить любые тщательно выстроенные схемы, созданные «государственным интересом» и осмотрительностью государя, и не просто смириться с этим, но научиться обуздывать свои страсти (страхи и желания) и принимать божественную волю.

Уже в предисловии к первой части, и затем подробнее в гл. 7 Фицджерберт объясняет читателю, что «политическая наука», будучи

¹⁹ FITZHERBERT (1695). См. CLANCY (1996), nos. 376, 376. 5 (p. 65).

²⁰ FITZHERBERT I (1696); II (1697). См. CLANCY (1996), nos. 377, 378 (p. 65).

²¹ FITZHERBERT I (1703); II (1711). См. BLOM (1996), nos. 1049, 1050 (p. 112).

²² FITZHERBERT (1610).

²³ FITZHERBERT I (1615), p. 39–47, passim.

спекулятивным знанием, не может гарантировать правителю успех в его начинаниях, но только лишь его большую или меньшую вероятность²⁴. Причиной тому — бесконечная изменчивость и вариативность человеческого поведения, нестабильность и неустойчивость человеческого разума.

Фицгерберт подчёркивает, что политические законы не способны обуздать эту переменчивость (гл. 6-7)²⁵. Даже основополагающие законы любого общества, определяющие форму политической власти в нем, многократно меняются, и памфлетист приводит множество примеров (гл. 2-3)²⁶ из библейской и древней истории, а также из истории Средневековья и современной ему политики, показывая, как часто замещают друг друга формы правления.

Наказания имеют лишь ограниченное воздействие на людей, так же, как и потакание их порокам, и манипулирование через слабости, как это предполагал делать Макиавелли. Во-первых, страх наказания мало значит, если речь идет о государях и близких к нему людях, которые словно бы ставятся (а государь и является) выше закона (гл. 6)²⁷. Злоупотребление же тираническими методами правления, использующими страх жестокой кары, обычно приводит к эффекту, обратному ожидаемому, т.е. не к укреплению власти правителя, а к его свержению, и Фицгерберт приводит длинный список государей, свергнутых таким образом (гл. 3, 31-32)²⁸.

С другой стороны, как показывает Фицгерберт, хорошая подготовка правителя и его окружения к своей «работе», через подбожающее его рангу образование также не всегда эффективно: порой из-за дурной наследственности ученика и его неспособности к учению, порой — из-за дурной компании, в какую он попадает по завершении учения (что особенно часто случается с молодыми принцами и государями, окруженными льстецами и дурными советниками, стремящимися к собственной выгоде, а не к благу государя и государства), а иногда — из-за отсутствия хороших наставников²⁹. Те же причины не дают возможности государям подготовить добродетельных и осмотрительных слуг, озаботившись системой образования в стране, так как научить добродетели невозможно (гл. 6)³⁰. Харро Хёпфль видит здесь противоречие, отход от анализа эффективности политики³¹, од-

²⁴ FITZHERBERT I (1615), p. 42.

²⁵ FITZHERBERT I (1615), p. 35-47.

²⁶ FITZHERBERT I (1615), p. 8-26.

²⁷ FITZHERBERT I (1615), p. 35-38.

²⁸ FITZHERBERT I (1615), p. 20-26, 253-296.

²⁹ FITZHERBERT I (1615), p. 30-35.

³⁰ FITZHERBERT I (1615), p. 35-38.

³¹ HÖPFL (2004), p. 128.

нако представляется, что данные рассуждения, как и многие другие, стоит рассматривать в соотнесении со второй частью *Трактата*, где указывается, как именно необходимые добродетели могут быть воспитаны самими будущими политиками (см. *ниже*).

Благочестие правителя само по себе также не гарантирует политического успеха. Фицгерберт уделяет несколько глав подробно рассмотрению вопроса о том, почему добродетельные люди, на первый взгляд, не более успешны, чем откровенные грешники (гл. 25-27)³². Любые, самые тонкие замыслы, могут рассыпаться в прах, вне зависимости от того, основывались ли они изначально на «политической мудрости» Макиавелли и его сторонников, или же на благочестивых соображениях. В гл. 16-23 Фицгерберт рассматривает разные аспекты этой проблемы, показывая, что то, что исключительно светскому взгляду кажется неудачей и проявлением игры фортуны, на самом деле является действием божественного провидения и всегда имеет значение и смысл, даже если люди не всегда способны его понять или принять³³.

Эти рассуждения Фицгерберта являются ключевыми для интерпретации его произведения, а также взаимосвязи двух его частей. Во второй части подробно говорится о превосходстве католичества над другими религиями, язычеством, исламом и иудаизмом (а также другими ветвями христианства, хотя о протестантах сказано сравнительно немного) в его ценности для общественной жизни³⁴. Именно так эта часть чаще всего воспринимается и комментируется историками. Однако её значение не в том, что католичество успешнее других дисциплинирует людей, превращая их в послушных подданных, готовых сражаться за свою страну, или через проповедь целомудрия учит их обуздывать порывы страстей, и обеспечивает своеобразный контроль над ростом населения.

Важнейшим элементом второй части, тесно связанным с рассуждениями из первой части, является обоснование важности созерцательной жизни и медитаций для всех христиан, включая мирян и тем более тех, кто вовлечён в политику, будь то государь, его советники или магистраты³⁵. Для них молитва и медитация необходима, поскольку она создаёт возможность отстраниться от бесконечной изменчивости реальности, освободиться от страстей и приблизиться (насколько это возможно человеку) к Богу. Такое приближение учит смирению, даёт возможность видеть в действиях

---

³² FITZHERBERT I (1615), p. 199-229.

³³ FITZHERBERT I (1615), p. 126-186.

³⁴ FITZHERBERT II (1615), ch. 29-24.

³⁵ FITZHERBERT II (1615), ch. 18-22.

божественного провидения смысл и принимать его по собственной воле, т.е. даёт свободу политическому актору, который в противном случае оставался бы игрушкой действующих на политической сцене сил, находящихся вне его контроля и понимания³⁶.

Фицджерберт приводит довольно длинный список наставлений в молитве и медитации для мирян. Выбор авторов этих сочинений явно свидетельствует об усвоенных им приоритетах пост-Тридентской религиозной культуры, а также свойственный духовенству английской католической миссии XVI – начала XVII вв. ориентации на испанские тексты и на иезуитскую «классику» духовной литературы данного периода. Все это прекрасно отражает испанский период жизни самого Фицджерберта, а также его интерес к связанным с орденом иезуитов религиозным практикам (ведь сам он на момент создания *Трактата* уже принёс обет стать иезуитом)³⁷.

Соединение двух частей *Трактата* показывает, таким образом, что успешному политику необходимо, но недостаточно владеть «политической наукой»; эти знания должны уравниваться и умеряться его благочестием, понимаемым не как простое следование обрядам, но и как внутреннее стремление приблизиться к Богу (истинное благочестие). Такое благочестие даёт политику большую проницательность и одновременно — способность принимать и преодолевать неизбежные превратности судьбы.

Все эти общие положения проиллюстрированы в *Трактате* множеством исторических примеров, начиная от библейской и древней истории и заканчивая современными Фицджерберту событиями³⁸. Именно последним и будем посвящён следующий раздел данной статьи, поскольку именно в примерах из современной Фицджерберту истории получил отражение его собственный разносторонний политический опыт. Особенно интересен в этом отношении его анализ гражданских / религиозных войн во Франции, а именно, времён активных действий Католической Лиги, когда сам автор находился в гуще событий.

Трактат предназначался для английской аудитории, которая сама только что прошла через период настороженного и почти панического ожидания династического кризиса, подобного тому, что вверг Францию в войну³⁹. Многие современники считали возможным такое

³⁶ FITZHERBERT II (1615), ch. 23.

³⁷ FITZHERBERT II (1615), ch. 22.

³⁸ Апелляции Фицджерберта к античной истории уже рассматривались в статье: СЕРЕГИНА (2005), с. 77-90.

³⁹ О династическом кризисе последнего десятилетия правления Елизаветы I см.: ДОЛЕМАН (2013), с. 67-75.

развитие событий после смерти бездетной королевы Елизаветы, так и не назвавшей своего наследника. Поэтому события недавнего прошлого — война во Франции и в Нидерландах, восставших против своего законного монарха, вызывали повышенный интерес.

Анализ событий недавней английской истории был бы еще более уместным, однако, Фицгерберт весьма осторожен в этом отношении, не желая никоим образом спровоцировать подозрения властей, и особенно Якова I, крайне враждебно относившегося к политическим текстам, выходившим из-под пера иезуитов. Сам король упоминается в тексте лишь однажды⁴⁰, а критические комментарии в адрес его предшественницы Елизаветы были сдержанными и немногочисленными.

Таким образом, Франция стала основным «полем», в пространстве которого теоретические положения Фицгерберта проверялись политическим опытом. Обращаясь к недавней истории, Фицгерберт иллюстрировал свой постулат о превратностях войны, подчинённой множеству случайностей, рассказом о сражении при Иври (1590), где войска Генриха Наваррского разгромили отряды герцога Майенна. Эпизод описывается очень коротко, в том числе и потому, что речь идет о победе протестантского оружия, но одновременно — и о победе французского короля, занимавшего престол на момент написания *Трактата*:

В 1590 г., в сражении при Иври между нынешним королём Франции и герцогом Майенном, бывшим тогда генералом Лиги <...> кавалерия Лиги, отступая, разбила ряды своих собственных пехотинцев с такой силой, что враг смог прорваться и разгромить их⁴¹.

Упоминание о победе, тем более, что победоносную атаку на пехоту Лиги возглавлял сам Генрих Наваррский, может считаться способом польстить новообращённому католику, поддерживавшему хорошие отношения с английским монархом.

Подчёркнуто демонстрируя конфессиональную и политическую нейтральность, Фицгерберт обрамляет этот эпизод рассказами о победах испанского и католического оружия: на той же странице присутствует краткое упоминание о поражении французов и гибели их командующего, герцога Немура в сражении при Чериньоле

---

⁴⁰ FITZHERBERT I (1615), p. 339.

⁴¹ FITZHERBERT I (1615), p. 107: “...in the yeere of our lord 1590, in the battaile of Yury, betwixt the king of France that now is, & the Duke de Mayne then general for the league, in which battaile the horsemen of the league flying back upon their owne footemen, brake them in such sort that the enemy entering with al, easily defeated them”.

(1503), нанесённом им испанской армией под командованием Гонсало де Кордоба⁴². А вслед за французским эпизодом идет упоминание о непредсказуемых событиях, определяющих победу в морских сражениях, и зачастую связанных с погодой, находящейся вне человеческого контроля. Пример, который Фицгерберт использует здесь — битва при Лепанто (одно из «главных» событий в истории победоносной борьбы католического мира с ересью и иноверием), когда внезапно изменивший направление ветер понёс дым от пушечных залпов в сторону турецких кораблей, практически ослепив находившихся на них людей⁴³.

Поскольку битву при Лепанто вряд можно отнести к разряду «случайных» побед, наличие этого примера чётко указывает на контекст, в котором следует рассматривать все непредсказуемые и не поддающиеся контролю события военной истории — волю божественного провидения.

Неспособность принять её и иллюзия контроля, рождаемая представлением о политике как об исключительно светском занятии, порождает в политиках опасные заблуждения, за которое они расплачиваются властью и жизнью.

Фицгерберт использует для пояснения пример жизни Цезаре Борджиа, который, несмотря на свои тиранические действия по отношению к подданным и обман союзников, без всякого разумного на то основания рассчитывал на их поддержку после смерти своего отца⁴⁴. Другой эпизод, который рассматривается гораздо подробнее, имеет отношение к истории Франции: это рассказ о гибели адмирала Колиньи, которого французские протестанты настолько ценили за политическую мудрость, что сделали главой своей партии:

Когда в 1570 г., после нескольких лет жестокой войны между католиками и протестантами во Франции, был заключён мир, для лучшего обеспечения которого был заключён договор о браке Наихристианнейшего короля, что правит сейчас, а тогда звался королём Наварры, и сестрой тогдашнего короля Франции Карла IX, король пригласил всех глав и вождей протестантов ко двору, на свадебные торжества и для подтверждения мира⁴⁵. В связи с этим была созвана ассамблея протестантов в Ла-Рошели, с тем, чтобы решить, стоит ли всем вождям отправляться ко двору, или нет. Сочли, что лучше было бы некоторым из них, особенно Адмиралу, остаться дома во избежание худшего,

⁴² FITZHERBERT I (1615), p. 106-107.

⁴³ FITZHERBERT I (1615), p. 107.

⁴⁴ FITZHERBERT I (1615), p. 24.

⁴⁵ Свадьба сестры Карла IX Маргариты и Генриха Наваррского состоялась 18 августа 1572 г.

на тот случай, если со стороны короля будет какой-нибудь обман. Только сам Адмирал придерживался того мнения, что им всем, и особенно ему, стоило поехать, и он привёл много тому причин. Найдя, что [депутаты ассамблеи] все ещё не согласны, он напомнил им, как многократно подчинялся им в спорах, вопреки собственному мнению, и поэтому потребовал от них, чтобы в этом деле они уступили ему, не сомневаясь, что дело обернётся к общему благу их дела. Короче говоря, они подчинились ему, и он отправился вместе со всеми, и через несколько дней после его приезда в Париж он и его спутники (за исключением двух-трёх, кому удалось бежать) были убиты по приказу короля⁴⁶.

Как не увидеть здесь пример человеческого невежества и слабости? Адмиралу, который в прошлом многократно сталкивался с попытками уничтожить его и всегда проявлял такую осмотрительность и осторожность, что его нельзя было погубить силой, или обманом, не хватило ума последовать мудрому совету других. Он счёл безопасным для себя и своих людей положить (как говорят) все в одну корзину, и без всякой на то необходимости отдаться на милость своего суверена короля, которого он так сильно и много раз оскорблял. Это тем более удивительно, что в начале второй войны Адмирал мудро предвидел подобную угрозу для себя и с осторожностью избежал ее. Ведь когда король узнал о намерении некоторых протестантов устроить новые беспорядки, он, больше всего боясь Адмирала из-за его великой рассудительности и опыта в делах войны и мира, послал к нему кузена, Месье де Торе⁴⁷, чтобы сообщить: он должен поведать ему о важных событиях и нуждается в его совете, а потому желает, чтобы он как можно скорее прибыл ко двору. Получив это известие и подозревая (похоже), что король не желает ему добра, Адмирал ответил Месье де Торе, что тот может передать от него королю, что во Франции нет графа Эгмонта, имея в виду, что не позволит отрубить ему голову, как это произошло незадолго до того с графом Эгмонтом во Фландрии⁴⁸. И то был весь ответ, какой он дал королю. Отсюда видно, как осторожен и подозрителен он был с королём, когда давал тому гораздо меньше оснований для обиды, нежели после того, как восстал против короля во второй раз, и вынудил его заключить позорный мир⁴⁹. Несмотря на это, его невозможно было

---

⁴⁶ Речь идёт о событиях Варфоломеевской ночи (с 23 на 24 августа 1572 г.) в Париже.

⁴⁷ Гийом де Монморанси, сеньор де Торе (1547–1593).

⁴⁸ Ламораль, граф Эгмонт (1522–1568), нидерландский аристократ, казнённый 5 июня 1568 г. в Генте по приказу короля Филиппа II.

⁴⁹ Сен-Жерменский договор (подписан в августе 1570 г.) завершил Третью религиозную войну католиков и гугенотов во Франции (1568–1570). По договору права гугенотов были расширены: им даровали свободу вероисповедания по всей стране (кроме Парижа), право занимать государ-

переубедить, и он отдал себя и остальных своих друзей на милость короля, настолько слепы ум и суждения человека, когда Бог решил покарать его <...>⁵⁰.

ственные должности, и в качестве гарантий предоставлены крепости Ла-Рошель, Монтобан, Коньяк и Ла-Шарите.

⁵⁰ FITZHERBERT I (1615), p. 24-25: "When after some yeares of cruel warre in France betwixt the Catholikes, and the Protestants peace was concluded in the yeare 1570, & for the better assurance therof, a marriage agreed upon betwixt the most Christian King that now rayneth, then called King of Navarre, and the sister of Charles the 9, the King of France, al the chiefe heads, and leaders of Protestants were invited by the King to the court, as wel for the solemnization of the marriage, as for the confirmation of the peace, whereupon there was held an assembly of the Protestants at Rochel, to determine whether it were convenient that all their heads and chiefe leaders should goe to the court or no, and it seeming good unto them that some of the principal, especially the Admiral should stay at home to prevent the worst, in case there should be any double dealing on the Kinges part, the Admiral onlie was of opinion that it was convenient they al & especially he him selfe should goe, & alleadged manie reasons to that purpose; and finding them neverthelesse unwilling therto, he put them in mind how of the had yealded to them, contrarie to his owne opinion in divers consultations, and therefore requested them, that in this they would condescend unto him, not doubting but it would turne to the publike benefit of their cause, wel, to be beriefe, they yealded unto him, rather to satisfie his importunity, then for any liking they had therto, and so he went with the rest, and within a dew that escaped by chance were slayne, by order of the King.

Who seeth not here an evident example of mans ignorance & weaknes, in the Admiral, who having in so manie occasions before this tyme of his overthrowe by force, nor circumvented by fraude, had not now so much wit, as to follow wise advise of others, but thought it safe and secure for him and them to adventure (as a man may say) al their goods in one bottome, yea and without any necessitie to put them selves to the mercy of a Sovereaine King whome they had highlie and so manie ways offended. And this may be the more wondered at in the Admiral, for that in the beginning of the second troubles he wisely foresaw the like danger, and inconvenience to him selfe, and warely avoided it. For, the King having fearing most the Admiral in respect of his great judgements and experience, both in matter of warre and peace, sent unto him Monsieur du Tore his cosen, to advertise him that he had great and important affairs to communicate with him, wherein he would gladlie have his advise, and therefore desired him to repaire to the court with speede; the Admiral hearing the message, and suspecting (as it should seeme) that the King ment no good towards him, said to Monsieur du Tore, that he should tel the King from him, that there were no Count Egmonds in France; meaning that he would not suffer his head to be cut of so easelie as Count Egmont had done latelie before in Flanders. And this was al the answer he would give him; wheby it appeareth how circumspect he was and suspicious of the King, when as yet he had given him farre lesse cause of offence then afterwards when he had the second time rebelled against him, yea and forced him to make a dishonorable peace, and yet not withstanding he could not be dissuaded from putting him selfe and al the

Подробный рассказ о Колиньи представляет его не мучеником за веру, и даже не фанатиком-протестантом, а человеком, слишком положившимся на свою светскую, политическую мудрость, и потому неспособного смиренно принять предназначенное ему наказание и потому гибнущего.

Другой пример ограниченности человеческого знания, не умеренного ни благочестием, ни способностью смиренно признать своё поражение или как минимум невыигрышное положение — король Франции Генрих III, приказавший убить герцога Гиза из-за ложно понятых им соображений государственного интереса. На этом примере Фицгерберт показывает Генриха III учеником Макиавелли, тщательно следовавшего его идеям и именно потому потерпевшего поражение и погибшего. Тема убийства Гиза по приказу короля — сюжет, к которому он возвращался многократно на протяжении первой части *Трактата*; он важен для автора не только потому, что этот сюжет часто появлялся в полемических текстах и порой рассматривался именно как случай оправданного применения принципа «государственного интереса», но ещё и потому, что сам Фицгерберт находился в 1588 г. практически на месте событий, в Блуа, в качестве секретаря королевы-матери, Екатерины Медичи. Убийство герцога Гиза и его брата-кардинала вызвало у Фицгерберта глубокий эмоциональный отклик, и, как он сам писал позднее, впервые заронило мысль написать книгу о необходимости «сочетать государственный интерес с совестью и религией»⁵¹.

Детальное изложение Фицгерберта из главы 4 стоит привести здесь целиком.

Полагаю, никто не станет отрицать, что король знал об отчуждении и отвращении его подданных к нему и великой любви к герцогу Гизу и ко всем принцам его семьи, и о конфедерации с ними всех главных французских городов, а также о союзе с Папой и Католическим королем (во имя защиты католической религии, из-за благоволения, оказываемого королём Франции протестантам дома и за пределами страны). Все согласны (говорю я), что ему разумно было бы обеспечить себя достаточным количеством денег и солдат прежде, чем убивать герцога, и особенно кардинала таким ужасным способом, как он это сделал, поскольку этим он точно навлек на себя осуждение церкви и тем самым дал поданным достаточный предлог, чтобы взяться за оружие против него, а иностранным государям — оказать им помощь.

---

rest of his friends into his hands, so blind is the wit and judgement of man when God determineth to punish him”.

⁵¹ FITZHERBERT I (1615), p. 28.

Но поскольку он в то время не располагал средствами для подавления ярости своих врагов и самозащиты, один из главных его людей, который поначалу горячо одобрил его деяние, сказал мне через несколько дней, что король сильно промахнулся, совершив это в то время, когда он не располагал ни одним крупным городом, ни армией в поле, ни деньгами в кошельке, и это было правдой, как я сам могу засвидетельствовать. Что касается городов, то ближайший и один из главнейших, Орлеан, в котором он был более всего уверен (по той причине, что губернатор был ему предан, и цитадель находилась в его руках), поднялся против него одним из первых меньше, чем через два дня после его деяния. Его примеру немедленно последовали Париж, Руан и все парламентские и другие крупные города, так что каждые три или четыре дня приносили известия о восстании в том или иной городе. За этим последовала для короля и всех его придворных такая бедность и нужда, какую едва ли можно было увидеть при дворе какого-либо государя. Ведь города немедленно захватили и забрали в свою юрисдикцию все королевские ренты, поступления, а также имущество и доходы тех, кто были с ним, ввергнув их в такую нужду, что они переплавляли посуду на монеты и все равно не могли позволить себе купить мяса. Так что величайший и богатейший принц Франции был вынужден занять у своего капеллана все деньги, что у того были, всего 30 крон (как сказал сам священник), королеве пришлось отослать от себя почти всех дам и фрейлин (которым горожане позволили уехать, потому что они были женщинами), а у короля настолько не хватало денег, что, по словам одного из его казначеев, который был моим большим другом, чтобы восполнить необходимое и найти средства для переезда в Тур (куда он был вынужден бежать), он не нашел других средств, как только создать три новые должности на тех условиях, что они вместе предоставят ему 30 тысяч крон, и это были все средства, которыми он располагал на ведение такой большой войны, какую он по своему неразумию навлек на себя.

Что же до его сил, то немедленно стало ясно, как он слаб, потому что вся его гвардия и все солдаты, какие у него тогда были, или могли быть набраны через два или три месяца, отосланные в Орлеан, чтобы защищать цитадель (которая держалась за него против города), были столь немногочисленны, что при первом же известии о марше Месье де Майенна⁵² с не более чем тремя или четырьмя тысячами солдат, они покинули цитадель, и самому королю пришлось со всей поспешностью бежать вниз по реке в Тур, где он некоторое время спустя был вынужден (в отсутствие другого средства) решиться соединиться с протестантами. И хотя это увеличило его силы на краткое время, но на-

---

⁵² Шарль, герцог де Майенн (1554–1611), брат убитых герцога де Гиза и кардинала Лотарингского.

столько усилило ненависть и ярость его врагов, что ускорило его гибель <...>⁵³.

---

⁵³ FITZHERBERT I (1615), p. 28-29: "...no man (I say) denie, but that he should in al reason have sufficientlie provided him selfe of money and forces, before he resolved to kil the Duke, & especiallie the Cardinal, in such an odious manner as he did, whereby he was sure to incurre the censures of the Church, and thereby to give a sufficient pretext to his owne subjects to take armes against him, and to forreines Princes to assist them.

But as he was at that time so unprovided of al meanes, to repress the fury of his enemies, & to defend him selfe, that a principal man about him, who at the first did greatlie approve his act, told me within a few dayes after, that he had greatlie overshot himselfe, in doing it at such a tyme when he had never any principal towne at his commandement, nor forces in the feilde, nor money in his purse, which was indeed most true, as I can testifie upon my owne knowledge. For as for the townes, one of the cheife and next unto him, to wit, Orlean wherof he accounted him selfe most sure (by reason that the governour therof was wholie at his devotion & and the Citadel in his hand) was the verie first that declared it selfe against him within lesse then 2 dayes after the act; the example wherof Paris, Roane and al the Parlemental, and other principal townes presentlie followed, in so much that there never passed 3 or 4 dayes but there was newes of the revolt of some one great towne or other; whereupon ensued so great necessitie and povertie not only to the King, but also to al his nobilitie in his court, that I thinke the like hath seldome bin seene in the court of any prince. For the townes seazing presentlie, & intercepting in their jurisdiction al the kings rents, and receipts, and the goods and revenewes of al such as were with him, reduced them to such necessitie, that they were forced to coyne their plate into money, and yet neverthesse within a while they had not wherewith to buy themselves meate; in so much that the greatest and richest prince of France was forced to borrow of one of his owne chaplins al the money he had, which was but 30 crowns as the preist himselfe tould) and the Queene was constrained to send away almost al her Ladies, and maudes: (who in respect they were women were siffered by the townes to passe) and the King for his parte was so bare of money, as I understood by one of his treasurers who was my great freend, that for the remedy of his necessity, and to furnish the expence of his remove to Tours (wither he was forced to flye) he had no other meanes but to make 3 new officers, upon condition to provide him amongst them 30 thousand crownes, which was al the stock and store he had for that present to sustayne the wayght of so great a warre, as he had by his owne oversight drawne upon himselfe.

And as for his forces, it appeared presentlie how weake they were, for al his guardes and such other souldiers as he then had readie, or could leavy in 2 or 3 monethes space, being sent to Orleane to assist the Citadel (which held for him against the towne) were so few in number, that upon the first newes of Monsieur du Mayenes march thitherward with no more then 3 or 4 thousand men, they abandoned the Citadel: yea and the King himselfe was fayne to flye down the river in al hast to Tours, where after some time he was forced (for want of other remedy) to take the resolution to joyne with the Protestants, which though it increased his forces, for the present, yet it so redoubled the hatred and fury of his enemies, that it did accelerate his distruction".

Генрих III здесь не просто неудачливый и недалководный политик: в попытке применить принцип «государственного интереса» к решению политических проблем он оказывается неспособным использовать его правильно и предвидеть последствия своих действий, а именно, масштаб враждебности, с которой ему пришлось столкнуться после смерти братьев Гизов, и не сумевший ни выбрать подходящего момента, ни подготовиться к военным действиям. На лицо та же слепота, что раньше привела к гибели Колиньи.

Оба правителя, почитавшихся хорошими политиками, оказались на удивление недалководными; причина тому — неспособность отстраниться от страстей, диктовавших их действия, в данном случае, страха перед Гизом и отказа признать тот факт, что популярность герцога объясняется недовольством политикой короля, неспособностью признать свои заблуждения и грехи и смиренно принять (временное) ограничение своей власти как наказание за них. Решения же, продиктованные страстями правителя, не могут соответствовать государственному интересу. Таким образом, убийство Гиза не было продиктовано интересами Франции; его причиной стали страхи и зависть Генриха III, которые привели и его самого к смерти от руки убийцы.

В противоположность антигероям — «политиками», которые оказываются жертвами своей «политической науки» Фицгерберт приводит примеры истинно мудрых государей, умеющих сочетать требования религии и соображения государственного интереса. Неудивительно, что героем Фицгерберта оказывается его бывший патрон, Филипп II Испанский, а также его отец, император Карл V. Описание правителей-Габсбургов показывает, что истинная государственная мудрость не предполагает непогрешимости и / или непобедимости. Оба правителя знали поражения и совершали ошибки. Их мудрость и благочестие, скорее, давала им возможность правильно отнестись к собственным ошибкам или к ситуациям вне их контроля, и отчасти их исправить, пусть и не через собственные, человеческие, а потому несовершенные средства, а призвав на помощь провидение.

Так, император Карл V совершил серьезную ошибку, отправившись в Нидерланды через владения своего недавнего врага, короля Франциска I⁵⁴. Фицгерберт показывает, что возможные последствия этой ошибки (т.е., насильственная смерть или пленение императора) были предотвращены не его мудрыми политическими шагами — во Франции он был во власти врага, и ситуация находилась вне его контроля, но благодаря еженощным молитвам, в кото-

---

⁵⁴ FITZHERBERT I (1615), p. 27.

рых император признавал свое заблуждение и молил Бога о помощи⁵⁵. Только благодаря провидению он сумел избежать нескольких ловушек и выбраться из Франции живым.

Филипп II показан в *Трактате* мудрым правителем, которого хранило от врагов провидение. Эту честь он разделял с Яковом I, и, что звучит жестокой иронией, Генрихом IV Французским. Тем не менее, мудрый король Филипп II совершал политические ошибки, или, по крайней мере, далеко не все его действия были успешными. Фицгерберт посвятил целую главу анализу провала Филиппа II: в гл. 33 он задается вопросом о том, стоит ли государю поддерживать одну из сторон в гражданской войне в соседней стране на примере Франции и вмешательства в ее дела сначала королевы Елизаветы, а потом и Филиппа II, поддерживавших соответственно протестантов и Католическую Лигу⁵⁶.

Хотя Фицгерберт показывает, что вмешательство Филиппа II в гражданскую войну во Франции имело важное оправдание и смысл, а именно, удержание от нападения на испанские владения, в целом оно не достигло своих целей.

В качестве причин, демонстрируя свою проницательность и хорошее знание ситуации во Франции, Фицгерберт указал на разнородность элементов Католической Лиги. Только часть её членов взялась за оружие по религиозным соображениям и готова была идти до конца. Остальные же имели свои, частные требования, продиктованные амбициями, и как только противоположная сторона оказывалась в состоянии их удовлетворить, они тут же оставляли своих испанских союзников⁵⁷.

Большие расходы, понесённые королём Испании на французских восставших, представлены Фицгербертом как неизбежное зло: с одной стороны, пенсии и выплаты восставшим неизбежны и ожидаемы, однако, они неспособны купить преданность союзников. В описании Фицгерберта французские аристократы с готовностью брали испанские деньги, и требовали ещё, что не мешало им переходить на сторону короля Наваррского, когда это казалось им более выгодным⁵⁸.

Наконец, поддержка одной из сторон в гражданской войне вовсе не гарантировала последующего союза в том случае, если эта сторона побеждала и приходила к власти, и уже тем более, если стороны при-

---

⁵⁵ FITZHERBERT I (1615), p. 28.

⁵⁶ FITZHERBERT I (1615), p. 296-205.

⁵⁷ FITZHERBERT I (1615), p. 301.

⁵⁸ FITZHERBERT I (1615), p. 303-304.

мирились, как это произошло во Франции: все они к началу XVII в. были объединены в желании противостоять Испании⁵⁹.

Как свидетельствуют многочисленные переиздания *Трактата* Фицджерберта, его сочинение оказалось интересным той аудитории, какой он и был адресован — английским дворянам-католикам, затрагивая принципиально важные для них проблемы. В правление Якова I все они могли участвовать в политической жизни страны, но только на условиях компромисса, а именно, подчинения статутам, настаивавшим на регулярном присутствии всех глав семейств на протестантских богослужениях. Фицджерберт же настаивал на важности религии и религиозных практик для политика. Конечно, на страницах его произведения отсутствует требование строгого соблюдения сегрегации религиозных практик (*recusancy*). Тем не менее, присутствующий во втором томе его труда призыв к созерцательной жизни может быть прочитан как описание способа отстраниться от политической жизни для тех, кто в силу приверженности к строгому католицизму оказывался вытесненным с английской политической сцены, но также — и как способ не слишком сильно втягиваться в «политические игры» для тех, кто в них уже участвовал.

Неслучайно поэтому сочинение Фицджерберта переиздавалось на протяжении XVII — начала XVIII вв. печатниками, связанными с Английской коллегией в Сент-Омере, где учились дети дворян-католиков, причём каждое новое издание было связано с политическим кризисом в Англии, затрагивавшим католическое сообщество — Пороховым заговором и полемикой вокруг присяги на верность в первые десятилетия XVII в., свержением короля-католика Якова II и якобитскими заговорами (все позднейшие издания посвящены принцу Джеймсу [Якову], «Старому Претенденту»).

Тем не менее, *Трактат* Фицджерберта не воспринимался исключительно в контексте католической мысли. Свидетельством интереса к нему, особенно к конфессионально-нейтральной первой части является, во-первых, многочисленные экземпляры его переизданий, рассыпанные по библиотекам страны — при том, что почти все довольно крупные тиражи (до 2000 тыс.) ввозились в Англию контрабандой, и, во-вторых, появлением в эпоху Республики лондонского переиздания, увидевшего свет в ситуации, когда и многие протестанты англиканского толка (в особенности роялисты) внезапно оказались в положении религиозного меньшинства, утратившего свои политические позиции. Таким образом, *Трактат* Фицджерберта, в котором критика теории Макиавелли на основе тацитизма соединялась с тонким анализом политической ситуации в Европе и зна-

⁵⁹ FITZHERBERT I (1615), p. 300.

нием «политической кухни», стал особенно интересным для читателей в периоды острых общественных конфликтов.

* * *

Перевод *Посвящения к 'Трактату о политике и религии'* Томаса Фицджерберта, а также глава 33 первого тома, в которой речь идёт о гражданской войне, выполнен по изданию: FITZHERBERT, T., *The First Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion...* The Second Edition (Douai: Pierre Auroi, 1615). Постраничные сноски отражают маргиналии самого издания. В тех случаях, когда возможно было определить, на какое именно издание ссылался автор, его название и выходные данные указаны полностью. Комментарии переводчика даны в концевых сносках. Латинские цитаты из Библии и древних авторов даны в том виде, в каком они приведены в тексте *Трактата*, без исправлений, даже в тех случаях, когда Фицджерберт, явно цитируя по памяти, допускал неточности. Автор выражает благодарность М.С. Петровой за помощь в установлении источников цитирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- FITZHERBERT (1602) — FITZHERBERT, T., *An Apology of T.F. in defence of himselfe and other Catholyks [1599]; and A Defence of the Catholyke Cause* (Antwerp: Arnout Coninx, 1602).
- FITZHERBERT (1606) — FITZHERBERT, T., *The First Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion* (Douai: Lawrence Kellam, 1606).
- FITZHERBERT (1608) — FITZHERBERT, T., *The Second Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion* (Douai: Pierre Auroi, 1608).
- FITZHERBERT (1610) — FITZHERBERT, T., *An sit utilitas in scelere, vel de implicite principis Macchiavelliani, contra Macchiavellum et politicos ejus sectatores* (Romae: apud Guilelmum Facciotum, 1610).
- FITZHERBERT (1610a) — FITZHERBERT, T., *The Second Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion* (Douai, Pierre Auroi, 1610).
- FITZHERBERT (1613) — FITZHERBERT, T., *A Supplement to the discussion with M. Barlow* (St Omer: English College Press, 1613).
- FITZHERBERT (1613a) — FITZHERBERT, T., *An Addioynder to the Supplement* (St Omer: English College Press, 1613).
- FITZHERBERT (1614). — FITZHERBERT, T., *The Reply of T.F. in defence if the two first chapters of his Supplement* (St Omer: English College Press, 1614).
- FITZHERBERT (1621) — FITZHERBERT, T., *The Obmutesce of F.T. to the Epphata of D. Collins* (St Omer: English College Press [?], 1621).
- FITZHERBERT I (1615) — FITZHERBERT, T., *The First Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion...* The Second Edition (Douai: Pierre Auroi, 1615).
- FITZHERBERT II (1615) — FITZHERBERT, T., *The Second Part of the Treatise Concerning Policy, and Religion* (Douai: John Heigham, 1615).

- FITZHERBERT (1652) — FITZHERBERT, T., *The Treatise Concerning Policy, and Religion* (L.: Abel Roper, 1652).
- FITZHERBERT (1695) — FITZHERBERT, T., *The Treatise Concerning Policy, and Religion*, Part I, Part II (St Omer: English College Press, 1695).
- FITZHERBERT I, II (1696, 1697) — FITZHERBERT, T., *The Treatise Concerning Policy, and Religion*, Part I (L.: Th. Hales [St Omer: English College Press], 1696); Part II (L.: Th. Farmer [St Omer: English College Press], 1697).
- FITZHERBERT I, II (1703, 1711) — FITZHERBERT, T., *The Treatise Concerning Policy, and Religion*, Part I (L.: Thomas Hales, 1703); Part II (L.: Thomas Hales, 1711).

Библиография

- ALLEN (1967) — ALLEN, J.W., *English Political Thought, 1603–1644* (L.: Archon Books, 1967).
- ALLISON, ROGERS (1994) — ALLISON, A.P. and ROGERS, D.M., *The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640*, vol. II, *Works in English* (Aldershot: Scolar Press, 1994).
- ANGLO, S., *Machiavelli — The First Century: Studies in Enthusiasm, Hostility, and Irrelevance* (Oxford: Oxford University Press, 1995). — ANGLO (1995).
- BLOM (1996) — BLOM, F., et al., *English Catholic Books, 1701–1800* (Aldershot: Scolar Press, 1996).
- BURKE (1991) — BURKE, P., “Tacitism, Scepticism, and Reason of State”, *The Cambridge History of Political Thought, c. 1450–1700*, ed. J.H. BURNS and M. GOLDIE (Cambridge: Cambridge University Press, 1991), p. 479-498.
- CLANCY (1964) — CLANCY, T.H., *Papist Pamphleteers: The Allen — Parsons Party and the Political Thought of the Counter Reformation in England, 1572–1615* (Chicago: Loyola University Press, 1964).
- CLANCY (1996) — CLANCY, T.H., *English Catholic Books, 1641–1700* (Aldershot: Scolar Press, 1996).
- GIBBONS (2011) — GIBBONS, K., *English Catholic Exiles in Late Sixteenth-Century Paris* (Woodbridge: The Boydell Press, 2011).
- HÖPFL (2004) — HÖPFL H., *Jesuit Political Thought: The Society of Jesus and the State, c. 1540–1630* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).
- LAKE (2016) — LAKE, P., *Bad Queen Bess? Libels, Secret Histories, and the Politics of Publicity in the Reign of Queen Elizabeth I* (Oxford: Oxford University Press, 2016).
- MCDOWELL (2013) — MCDOWELL, N., “Political Prose”, *The Oxford Handbook of English Prose, 1500–1640*, ed. A. HADFIELD (Oxford: Oxford University Press, 2013), p. 362-379.
- PATTERSON (2000) — PATTERSON, W.B., *King James VI and I and the Reunion of Christendom* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000).
- PELTONEN (1995) — PELTONEN, M., *Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570–1640* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).

- SMUTS (1994) — SMUTS, M., “The Uses of Roman Historians, c. 1590–1630”, *Culture and Politics in Early Stuart England*, ed. P. LAKE and K. SHARPE (Basingstoke: Macmillan, 1994), p.21-44.
- TUCK (1993) — TUCK, R., *Philosophy and Government, 1572–1651* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).
- TUTINO (2007) — TUTINO, S., *Law and Conscience: Catholicism in Early Modern England, 1570–1625* (Aldershot: Ashgate, 2007).
- ДОЛЕМАН (2013) — ДОЛЕМАН, Р. [РОБЕРТ ПАРСОНС], *Рассуждение о наследовании английского престола [1594]*, пер. с англ., вступ. статья и комм. А.Ю. СЕРЕГИНОЙ (М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013).
- СЕРЕГИНА (2005) — СЕРЕГИНА, А.Ю., «Античные историки в английской полемической литературе конца XVI – начала XVII вв.», *Диалог со временем* 15 (2005).
- СЕРЕГИНА (2006) — СЕРЕГИНА, А.Ю., *Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.* (СПб.: Алетейя, 2006).
- ODNB — Oxford Dictionary of National Biography Online, <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/9605> (январь, 2016).
- СЕРЕГИНА Анна Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, aseregina@mail.ru

SUMMARY

NEOSTOICISM / STOICISM AND CATHOLIC POLEMICS IN THE EARLY SEVENTEENTH-CENTURY ENGLAND

THOMAS FITZHERBERT AND
HIS *TREATISE CONCERNING POLICY AND RELIGION*, 1606–1610

Anna SEREGINA

In the late XVIth – early XVIIth cc. political ideas linked to Tacitism, Neo-Stoicism and the already developed notion of the ‘reason of state’ dominated the European thought. The ‘reason of state’ theory and Tacitism helped explain current politics and produced ways to describe and reflect upon political reality while Neo-Stoicism offered private subjects the way to live in this reality. The article presents an analysis of the main political theories and styles of writing politics — Tacitism, Neo-Stoicism and ‘the ‘reason of state’ — as these existed and intertwined in *The Treatise of Policy and Religion* (1606–1610) by Thomas Fitzherbert, S.J. The study is focused on the use of political experience of the English Jesuit in his reflections of the recent past — namely, the French Wars of Religion.

Key words: Tacitism, Neoistocism, political ideas, Thomas Fitzherbert, ‘Reason of state’.

Anna SEREGINA, DrSc (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, RAS, aseregina@mail.ru

ТОМАС ФИЦГЕРБЕРТ

ТРАКТАТ О ПОЛИТИКЕ И РЕЛИГИИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Моему сыну
Эдварду Фицгерберту*

Доброта, говорит пословица, прокрадётся туда, куда не может идти открыто. Значение её, если я не ошибаюсь, в том, что сила любви и привязанности такова, что, когда она не может обнаружиться так полно, как ей хотелось бы, она проявляется в той форме, в какой может. Теперь это стало для меня очевидным. Ведь поскольку я ранее не имел средств и возможности проявить мою привязанность к тебе, по причине моего отъезда от тебя и из моей страны (двадцать три года тому назад), я не могу больше удерживаться и даю тебе свидетельство моей любви через особое посвящение этого трактата тебе. Хотя я предназначаю его всем моим соотечественникам для общего блага, все же я не могу не желать выгоды для тебя, кому более всего принадлежат плоды моих трудов, как по прерогативе природы, так и по особой привилегии моего собственного желания и твоих заслуг.

Поэтому, чтобы в конце ты смог пожать плоды этого трактата, по моему желанию, тебе должно понять, что, хотя часть его предмета — политика, моя цель, однако, не возбудить в тебе стремление изучать или практиковать её. Ведь за долгие годы моих странствий и службы чужестранным государям (когда я наблюдал успех многих великих переговоров и сам участвовал в некоторых из них), я на опыте узнал, что старая поговорка: *Меньше вмешиваешься, счастливее будешь*, — лучше всего подтверждается политическими делами. Они могут сравниться с огнём; хотя он и необходим для человека, но с огнём опасно иметь дело, и он порой наносит людям величайший ущерб, как бы они не были осторожны. Я говорю это, потому что знал многих достойных политиков, введённых в заблуждение и даже ввергнутых в погибель, не столько из-за собственного недомыслия, сколько из-за трудностей и опасностей, связанных с ведением государственных дел, которые подвержены бесчисленным случайностям и превратностям судьбы, что невозможно предвидеть и предотвратить умом или трудом человека. Поэтому мне хотелось

бы, чтобы единственным государственным делом, какое ты усвоишь, или, по крайней мере, станешь практиковать, было служение государю, должное и верное, чтобы ты отдавал (как велит Господь) *Кесарю кесарево, а Богу божье*. Я хочу убедить тебя, что честность, соединённая с благочестием и осмотрительной простотой есть высшая и самая точная политика, какая только может быть. Ведь, как говорит Соломон: *Qui ambulat simpliciter, ambulat confidenter, & qui depravat vias suas, manifestus erit. — Кто ходит просто, ходит уверенно, тот же, кто идёт кривым путём, будет отмечен*¹. Спаситель же наш учил своих Апостолов и нас, сказав: *Estote prudentes sicut serpentes, & simplices sicut columbae. — Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*². Об этом мне не нужно говорить тебе здесь подробнее, потому что я достаточно сказал об этом деле в своём трактате. Чтобы лучше наставить тебя в этом деле, я бы хотел указать тебе на следующие обстоятельства.

Первое: природная ограниченность человеческого ума. Каждому человеку необходимо помнить об этом, чтобы он не только избегал самонадеянности и переоценки собственного ума (об этой опасности я говорил в первой и второй главах), но и обращался к лекарствам, установленным Господом для человеческого несовершенства, то есть постоянной молитвы ему о просвещении и помощи его благодати, и совету осторожных и мудрых друзей. Об этих соображениях я говорил подробно, отчасти в главе 28, а отчасти — в моих правилах для молодых политиков, к которым я тебе и отсылаю.

Второе соображение, которое мне хотелось бы указать тебе — это, конечно, божественное провидение делами людей; как он распоряжается не только королевствами и государствами, так и делами отдельных людей, проявление его воли по отношению к ним, и через них, иногда открыто, а иногда — тайно, попуская зло, чтобы привести к добру, и используя волю людей, их ум, политику и власть, а также и всех остальных тварей, и все виды причин, естественных, моральных и случайных, для исполнения своей святой воли и тайных суждений. Размышление об этом, безусловно, подобает каждому христианину, как во исполнение его обязанностей по отношению к Богу, так и ради собственного утешения на протяжении всей жизни.

Ибо тот, кто всегда видит перед собой божественное провидение и признает его милостивое расположение во всем, что бы ему ни выпало, не раздувается гордостью в преуспевании, не впадает в отчаяние при неудаче, не пугается в ожидании опасности, но всегда придерживается ровного и размеренного пути, подчиняется божьей воле, благодарен за выгоду, не плачется о наказаниях, зная, что все

обернётся к лучшему, если в том не его вина. Те же, кто не думают таким образом о божественном провидении, не имеют ни воздержанности в преуспевании, ни истинного утешения в бедствиях, но, будучи распущенными в одном, и отчаявшимися в другом, часто погибают в обоих случаях, через справедливый суд Господа. И хотя вы обнаружите много рассуждений об этом на протяжении всего этого сочинения, я особенно рекомендую тебе прочесть две главы, а именно, 25-ю и 26-ю, в которых я провозгласил причины, по которым Бог попускает добрым людям страдать, а грешникам — преуспевать на этом свете, и внимательное рассмотрение их, как я надеюсь, поможет тебе обрести утешение и наставление.

Третье наблюдение — суровое правосудие Бога в наказании грехов (*наказывающий беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода*), как я ясно показал по отношению к государям и их странам, но это может быть применено к частным лицам и отдельным семьям. Потому наставление, какое я хотел бы дать тебе здесь, — то же, что я дал через явные примеры падения королевств и стран, то есть, грехи человеческие, наказанные либо в грешниках, либо в их детях и потомстве, благодаря чему истребляются целые семьи, народы уничтожаются, приходят в упадок древние дома, а персональные изъяды и несовершенства продолжают во многих поколениях семей.

Поэтому становится очевидным, как глупы те, кто надеется обессмертить своё имя и род злыми средствами, и как абсурдно утверждение: счастлив тот, чьего отца забрал дьявол, потому что грешники часто оставляют детям дурно нажитое богатство, тогда как опыт учит, что, хотя Господь в своём тайном суждении попускает грешникам недолго процветать (по причинам, которые я изложил в главе 26), он наказывает и рано или поздно расточает их дурно приобретённое имущество. Отсюда происходит поговорка: *Male parata male dilabuntur, что добыто было дурно, дурно то и тратится*³. Поэтому мы можем обоснованно сказать, что несчастен тот, на кого родительские грехи навлекают проклятие, и гнев Господень; счастливее же всех тот, кто, боясь Бога и исходя от добродетельных родителей, наследует хорошо приобретённые блага, а также и Господне благословение за их добродетели. У такого человека полнится имущество, неисчерпаемое сокровище, дающее ему и его домочадцам гарантированный доход. Я хотел бы, чтобы ты всегда об этом помнил, чтобы ты жил в страхе божьем, чтобы он соизволил благословить тебя своей милостью и всяким мирским счастьем, чтобы ты преуспевал и твой род продолжался, во славу его и во бла-

го твоей страны. Ибо *sic benedicetur qui timet Dominum*, — так благословится человек, боящийся Господа⁴.

Более того, ты найдёшь в этом трактате различные политические предписания и правила, которые, хотя я ранее не советовал их практиковать, тебе будет нелишним знать, скорее потому, что многие из них применимы к условиям и обстоятельствам каждого человека (такова связь всех частей осмотрительности, из которых политика — лишь одна), так как они сходятся во многих вещах, так что совет может быть политическим и хорошим для управления государством, но также подходит и для управления домом, и необходимым для направления каждого частного человека в его личных делах; многие из них придут тебе в голову при чтении этого трактата.

Подобным же образом, хотя я нацелил многие выпады против атеистов, и их ты, и другие добрые христиане, пожалуй, пропустишь, как никоим образом не относящиеся к вам, я считаю нужным показать тебе, что ты найдёшь там вещи, достойные размышления, потому что в связи с возражениями атеистов я прояснил многие сомнения, объяснил затруднительные места и разрешил важные вопросы, что послужит не только утверждению нашей христианской веры, но и наставлению любого доброго христианского читателя и пробудит в нем восхищение бесконечной мудростью Бога, его справедливостью, милостью, щедростью и всевластной силой, чтобы должным образом почитать и бояться его непостижимого суждения.

Далее, желая развлечь моих читателей и быть им полезным, я посадил в моем саду (как я могу назвать его) семена моральных и политических учений, щедро полил их всевозможными историями, пожалуй, даже более щедро, чем это покажется подобающим тем пытливым и строгим ценителям, которые могли бы пожелать ограничить все вещи в соответствии со своим вкусом. Тем не менее, я хотел бы, чтобы они (если таковые окажутся) поняли, что я был так щедр на примеры, чтобы лучше и яснее отвергнуть доводы политиков — макиавеллистов и атеистов; ведь их лучше всего убеждать в воздействии тайных суждений Господа и их собственных ошибках на опыте, который прямо выводится из истории, и лучшее всего виден на примерах.

Поэтому я предпочёл бы, чтобы ты представил себе, что я приглашаю тебя прочесть этот трактат, словно бы прогуляться в саду, в котором ты, я надеюсь, найдёшь много прекрасных цветов и лекарственных трав; я хотел бы, чтобы ты сначала взглянул на них, а потом сделал бы себе букет из тех, что понравятся тебе более других. Я не жду, чтобы тебе, или кому-либо другому, понравилось равным

образом всё, о чем я говорю и чему учу в этом трактате, подобно тому, как гости, приглашённые на пир, как бы он ни был изобилен, не будут равным образом удовлетворены каждым блюдом: потому и подаётся так много блюд, не для того, чтобы каждое понравилось всем, но чтобы каждый нашёл нечто по своему вкусу. Так и я предлагаю моим читателям разнообразные предметы в этом рассуждении, не надеясь, что все они одинаково понравятся каждому, но скорее, что каждый найдёт нечто интересное для него.

Закключаю: я бы не хотел, чтобы ты ожидал от этого трактата изысканных слов, отточенных фраз или украшений красноречия, потому что ни мой возраст (вместе с которым ухудшается и мой стиль), ни серьёзность дел, о которых я говорил, не допускают ничего другого, нежели простой стиль и непринуждённую манеру письма, подходящую для обычных способностей во имя общего блага. Кроме того, по английским книгам, недавно изданным в Англии, я мог убедиться, что английский язык сильно изменился с тех пор, как я оттуда уехал, и поэтому мне вполне стоит опасаться, что принятый в моё время язык (какой я вынужден употреблять, потому что другого я не использовал и не изучал) теперь может кому-то показаться не менее варварским, чем мне кажутся странными новые слова и фразы. Но как бы там ни было, я надеюсь, что мои любимые и любезные соотечественники будут оценивать мою книгу по её содержанию и моим добрым намерениям, нежели по языку или манере письма, и что они примут в возмещение недостатков изобилие моей доброй воли и желания их блага, побудившие меня принять на себя бремя говорить о важном предмете, о каком, насколько мне известно, раньше никогда не рассуждали на нашем языке. Это — все, что я хотел сказать тебе относительно следующего ниже трактата; я отсылаю тебя к предисловию для разъяснения моих намерений, как в этой первой части, так и во второй, которая, я надеюсь, с божьей помощью скоро последует за ней, если Бог даст мне жизнь и доброе здоровье. Тем временем, я желаю тебе благополучия и божьей милости и прощаюсь с тобой словами Псалмопевца: *Benedicat tibi Dominus ex Sion, & videas bona Hierusalem omnibus diebus vitae tuae, & videas filios filiorum tuorum, pacem super Israeli*⁵.

Последний день октября 1605 г.

Твой любящий отец,
Т. Фицгерберт

ГЛАВА 33

Чтобы лучше и точнее наставить молодого советника относительно дел, подлежащих обсуждению, рассматривается государственное дело, а именно, что именно следует учитывать при размышлении о поддержке гражданской войны в чужой стране

Кому бы ни пришлось давать совет о поддержании гражданской войны в чужой стране, по моему мнению, ему стоило бы поразмыслить о следующих основных положениях.

Во-первых, о праве и справедливости причины войны, и участия самого государя (то есть, справедливо ли будет для него оказать требуемую помощь), а также о том, является ли конфликт, требующий вмешательства, законным и справедливым, или же нет. Ведь если в любом из этих оснований не хватает права и справедливости, никакая польза, полученная или ожидаемая государем, не может перевесить бесчестье, опасность и урон, которые он, несомненно понесёт из-за прегрешения против Всемогущего Господа. *Qui aufert spiritum principum, & terribili est apud reges terrae.* — Он укрощает дух князей. Он страшен для царей земных¹. И его кара, безусловно, взыщется с персоны самого государя, или с его государства, или и с того, и другого. Именно в этом состоит главный государственный интерес, который нужно учитывать во всех рассуждениях государей, поскольку к разорению и гибели их самих и их государств ведёт, прежде всего, прегрешение против Бога <...>

Необходимо также размыслить о том, какие благие и справедливые побуждения могут быть у государя, чтобы со своей стороны оказать требуемую поддержку. Они могут быть сведены к четырём причинам. Первая из них — когда он тем самым явно служит Богу, что всегда само по себе не только почётно, но и выгодно, словно бы это были деньги, вложенные в ожидании вознаграждения, которое он, несомненно, получит за это от Господа, что бы не произошло в настоящем.

Вторая причина — когда он связан клятвой, обещанием, или благодарностью и обязан прийти на помощь тем, кто ищет её. Ведь в таком случае невыполнение обещания, которое может быть выполнено по справедливости и без затруднений, стало бы одновременно и грехом против Бога, и бесчестьем, а также и угрозой для государя, как в отношении наказания от Господа за клятвopеступ-

---

¹ Ps 75:13: "...et ei, qui aufert spiritum principum, terribili apud reges terrae".

ление <...>, так и из-за плохого примера и справедливой причины, какую он предоставил бы другим — своим союзникам и конфедератам, и даже собственным подданным — оставить его в час нужды.

Третья причина — когда государь, чей помощи ищут, может по справедливости претендовать на корону или другое государство, и для обретения их он может надеяться создать свою партию, поддерживая справедливый конфликт внутри этого государства или страны. При этом необходимо предусмотреть, чтобы собственные силы государя были достаточными для выполнения этого предприятия, так что ему не пришлось бы и далее полагаться на своих сторонников, и только для облегчения этого предприятия, потому что если его надежда на успех либо в воплощении его притязаний, либо в сохранении и поддержании власти после этого, зависит в основном от доброй воли, верности и силы его партии, он строит на песке, как говорят люди, и подвергает риску свои усилия, расходы и репутацию.

Печальным примером тому недавно стал король Португалии Себастьян⁶. Он рассчитывал самому стать королём Марокко под предлогом восстановления в правах Мулай Магомета⁷. Он был так уверен в победе, что возил с собой корону, чтобы короноваться тамошним королём, совсем не беря в расчёт, что его противник, Мулай Малик⁸ (который тогда владел королевством) отличался не только личной храбростью, но и мог выставить в свою защиту больше 100000 конных и пеших воинов. Тем не менее, король Себастьян выступил против них с армией в 3000 солдат, или около того. Большая их часть была неподготовленной; кроме того, ни он сам, ни подчинявшиеся ему командиры его армии, раньше не были в бою, настолько они доверяли действиям и силам их союзника, Мулай Магомета, который, когда дошло до дела, не смог выставить и 2000 человек. Так что, ввязавшись за дело против 40000 конницы и 10000 пехоты, или даже гораздо большей армии, как говорят некоторые, его немногочисленная армия была тут же окружена со всех сторон и задавлена превосходящими силами, король проиграл сражение и потерял жизнь^{9/ii}. Столь опасно для государя основывать планы ведения войны в чужой стране на ложном представлении о слабости врага или силе союзника, при недостатке собственных сил. Однако продолжим.

Четвертая причина — когда, для того, чтобы избежать грозящей опасности вторжения или войны дома, или другого великого бедствия, государь вынужден отвлекать противника в его собственной

ⁱⁱ GIROLAMO FRANCHI DI CONESTAGGIO [HIERONYMUS CONESTAGIUS], *Dell'Unione del Reyno de Portogallo alia Corona di Castiglia* (Genoa, 1585), l. 2.

стране, поддерживая тех, у кого к тому справедливые претензии. В таком случае государь может много тратить без страха и потери (в том смысле, что он приобретает безопасность в настоящем, а также освобождение от больших расходов и опасностей дома). Тем не менее, он поступил бы мудро, по моему мнению, последовав совету афинянина Алкивиада, данному им в подобном случае Тиссаферну, а именно: не оказывать большей помощи там, где довольно поддерживать военные действия и выиграть время (которое часто исправляет величайшие неудобства), и истощить силы обеих партий таким образом, что вне зависимости от того, кончится ли война победой или договором, ни одна из них не сможет напасть на него, чего ему стоит опасаться, даже если победит та партия, которой он помогал.

Поэтому стоит задуматься о том, что гражданские войны часто заканчиваются за счёт чужеземного государя, который их поддерживает, вне зависимости от того, заканчиваются ли они победой его врага, союзника, или же их примирением. Ведь если его врага победили, он тем более раздражён и ещё более стремится к мести, чем раньше; если же его союзник победит другого и унаследует власть после него, он скорее окажется врагом, нежели другом, особенно если спор был не личным (то есть, происходившим от какого-то оскорбления, нанесённого его персоне), но касался государств, как это часто бывает. В таком случае тот, кто правит этим государством, будет его врагом, какую бы выгоду от него не получил. Опыт показывает, что благодарность за прошлые выгоды имеет мало значения, когда она противоречит государственному интересу, который (как говорит Гвиччардини), *vinci ogni partito; перевешивает все другие соображения у государей*ⁱⁱⁱ. Государственный интерес настолько изменчив в соответствии с множеством обстоятельств и последствиями дел, которые постоянно меняются, что сегодняшний друг завтра станет врагом. По этой причине союзы и дружба государей обычно непрочны, как бы ни были велики обязательства.

Король Англии Генрих VII¹⁰ стал врагом короля Франции Карла VIII¹¹, защищая герцогство Бретань¹² из соображений государственного интереса, хотя этот самый Карл незадолго перед тем оказал ему поддержку людьми и деньгами против короля Ричарда III¹³ и помог ему стать королём Англии^{14/iv}. И разве может государь получить от другого государя помощь больше, чем та, какую получала

ⁱⁱⁱ FRANCESCO GUICCIARDINI, *Rirocchi politici e civili*. [GIOVANNI BOTERO, *Della ragione di stato*, II. 6. Capi de prudenza].

^{iv} POLYDORÉ VERGIL, *Anglica Historia* (L., 1534), lib. 26.

покойная королева Англии¹⁵ от Его Католического величества Филиппа II¹⁶, короля Испании? Он, будучи королём Англии и мужем её сестры, спас её жизнь, которую она иначе потеряла бы из-за заговора против сестры^{17/v}. Тем не менее, она стала худшим его врагом и оставалась таковым на протяжении всей его жизни.

Более того, обычно выходит так, что та партия, которой иностранный государь помог выдвинуться, остаётся его должником из-за условий, на которых он оказал помощь. Из этого следует, что кредитор зачастую теряет и деньги, и друга. Если он верит простым обещаниям уплаты, есть опасность, что с ним поступят так же, как и с Эдуардом Черным Принцем¹⁸. Он лично отправился во главе большой армии в Испанию на выручку королю Педро Кастильскому¹⁹, который пообещал ему покрыть все его расходы. Но после победы выплаты задерживались, принц был обманут кастильцем, и принц был вынужден вернуться, не получив удовлетворения. По этой причине ему пришлось обложить своих собственных подданных в Аквитании такими налогами для уплаты долга солдатам, что подданные восстали, и он утратил большую часть этой страны²⁰.

Если же государю передаются какие-либо местности или города, на покрытие его расходов или как гарантию безопасности (а те правители, что оказывают помощь чужеземцам, имеют основание искать таких гарантий), зачастую его друг из государственного интереса становится врагом, чтобы вернуть то, что отдал ему раньше. Поэтому часто выходит так, что когда гражданские войны или распри заканчиваются примирением враждующих партий, последние по большей части добровольно приходят к соглашению и объединяются против чужеземца, который поддерживал их распри, в особенности, если у него в распоряжении есть какие-либо владения в этой стране, даже полученные с их согласия. Я приведу тому несколько примеров, как древних, так и современных.

Во время войны баронов в Англии при короле Иоанне²¹ Людовик VIII²², тогда — сын французского короля Филиппа II²³, оказал баронам помощь против их короля, был призван ими в Англию и провозглашён её королём, но вскоре с общего согласия, как самих баронов, так и остальных англичан, вновь изгнан из страны^{24/vi}.

Чтобы отомстить герцогу Орлеанскому²⁵ и Карлу VII²⁶, который тогда был ещё дофином, герцог Филипп Бургундский²⁷ призвал

^v NICHOLAS SANDER, *De origine ac progressu schismatis Anglicani* (Reims, 1585), lib. 19.

^{vi} POLYDORE VERGIL, *Anglica Historia*, lib. 15; *Pauli Aemilii De Rebus Gestis Francorum in Phillip 2*.

короля Генриха V Английского²⁸ во Францию и помог сначала сделать регентом, а потом и короновать в Париже короной Франции не только последнего, но и его сына, короля Генриха VI²⁹. Однако в конце концов он примирился с упомянутым выше королём Карлом VII и помог ему лишить англичан всего, что они получили либо с его помощью, либо через наследственные права^{30/vii}.

Подобным же образом неаполитанцы настойчиво убеждали французского короля Карла VIII завоевать Неаполь, но вскоре после этого помогли изгнать его гарнизоны и солдат, которых он там оставил³¹, хотя и получили от него немалые выгоды^{viii}.

В этом столетии покойная королева Англии поддержала протестантов в их первых выступлениях против своего короля во Франции, понеся большие расходы. Но когда в 1562 г. они заключили мир, то все объединились с католиками против неё, чтобы отнять у неё Гавр³², который ранее предоставили ей в залог средств, которые она им ссудила.

И совсем недавно, несмотря на дорогостоящую и подлежащую компенсации помощь людьми и деньгами, какую французские католики получили от славной памяти Католического короля³³, они под конец оставили его, объединившись с партией, враждебной ему и им, и начали против него войну за возвращение городов на границе Фландрии, ранее переданных ему ради его и их безопасности³⁴.

Таким образом, хотя подобные дела и не всегда завершаются данным образом, часто происходит именно так. Кроме того, ничто не является столь же неопределённым, сколь то, что зависит от воли, приязни или благодарности других людей, или от государственного интереса (который, как я уже сказал, изменяется ежедневно в зависимости от множества обстоятельств), поэтому я считаю особенно благоразумным для государя придерживаться самого верного пути, а именно, не ввязываться в дело слишком сильно, не предоставлять больше того, что он готов потерять, при поддержании гражданской войны в чужой стране, за исключением тех случаев, когда того требуют служение Богу, некое справедливое обязательство со стороны его собственного государства, или же сохранение последнего. На этом довольно о тех положениях, о которых необходимо размышлять от имени государя, предоставляющего помощь.

Далее, необходимо глубокое размышление о состоянии партий, просящих о помощи: способны ли они победить своих противников,

---

^{vii} POLYDORE VERGIL, *Anglica Historia*, lib. Henr. 5 & 6.

^{viii} PHILIP. COMIN, [*Memoirs*] in *Carol.* 8, c. 2 & 39.

или же, по крайней мере, оказать сопротивление и поддерживать конфликт с той помощью, которую они желают получить, или какая может быть им оказана. В противном случае со стороны государя было бы большой дерзостью обязаться поддерживать их; скорее, ему следовало бы уладить разногласия путём договора сторон, и через это связать обе стороны благодарностью ему.

А поскольку часто случается, что возможности и сила партии, ищущей помощи, заключается не в силе одного влиятельного и абсолютного правителя, но в силе многих государей, городов или словий, объединённых между собой в лигу или конфедерацию, необходимо принять во внимание, как и по каким причинам объединилась эта партия.

Здесь стоит заметить, что, когда многие объединяются в конфедерации и лиги, союзников к этому либо побуждает одна причина или цель (как у кантонов швейцарцев³⁵, или же в лиге³⁶, какую составили папа³⁷, король римлян³⁸, король Испании³⁹, венецианцы и герцог Миланский⁴⁰ против французского короля Карла VIII, ради защиты Италии, в чем они все были заинтересованы)^{ix}, либо их подталкивают разные мотивы, одних — одни, а других — другие. Например, совсем недавно одни вступили во французскую лигу или союз только для сохранения католической религии (что было общей и заявленной целью всей этой партии), другие же — по частным причинам, из-за страсти или амбиций, из-за дружбы к кому-либо из этой партии, или из ненависти к кому-то из другой партии, надеясь на выгоду в будущем, и тому подобное.

Те, кто ведом частными причинами, обычно остаются в лиге только до тех пор, пока есть надежда достичь желаемого, и когда их убеждают, что добиться этого легче, присоединившись к партии противников, их легко к этому подтолкнуть. За этим обычно следует распад таких лиг и конфедераций. По этой причине сила и могущество любой лиги должно оценивать не по количеству конфедератов (какими бы великими и могущественными те ни были), но по их единству и согласию в достижении общей цели. Ведь подобно тому как немногие люди, ведомые одним, сильнее большего числа людей, ведомых многими (о чем хорошо говорит Филипп де Коммин), так и несколько знатных особ или городов, объединившись ради одной и той же цели, считаются гораздо более сильными, и более способными к сопротивлению, нежели более многочисленные и даже более могущественные, если цели их различны.

---

^{ix} PHILIP. COMIN, [*Memoirs*] in *Carol.* 8, с. 23.

Поэтому государю, который собирается поддерживать чужестранную лигу, нужно постараться узнать как можно больше: какие цели и мотивы побудили глав и основных конфедератов вступить в союз, каковы их силы и могущество, насколько вероятно то, что они выступят и будут продолжать борьбу. Если у них общая цель, они считаются более сильными, но если цели у них разные, их выступление долго не продлится. Мы все видели это по опыту французской лиги: она, несмотря на большую помощь людьми и деньгами, какую ей оказал Католический король, распалась сама по себе, не от армии врага, по той причине, что многие губернаторы городов и главные её столпы не разделяли общей цели всей лиги, и потому, как только они удовлетворили свои желания, или лишились надежды на это, они с лёгкостью перешли на другую сторону.

Такие лиги, говорю я, едины лишь на поверхностный взгляд, но не имеют общей цели. Я считаю небезопасным и невыгодным для государя оказывать им помощь, кроме случаев, когда его к этому побуждает некая нависшая над ним угроза вторжения или другого урона, какой он опасается понести от врага этой лиги. В таком случае необходимость может заставить его держать врага занятым (как я уже отмечал), пока он сам готовится защищаться, или, по крайней мере, может выиграть время, к чему стоит стремиться в любой опасной ситуации, ведь время лечит величайшие бедствия.

Далее, поскольку помощь, требуемая или оказанная, обычно состоит либо из денег, либо из солдат, либо из того и другого, а государю для реализации какого-либо справедливого права, или выполнения собственного обязательства, или ради общего блага может потребоваться не только послать свои войска, но и потратить деньги, я добавлю рассуждений об этом, чтобы молодой политик мог лучше понять, и как дать совет, и как вести себя в таком деле.

Следовательно, во-первых, о трате денег я скажу, что невозможно отрицать: деньги в делах такого рода значат очень много (ведь *quid non mortalia pectora cogis auri sacra fames?* — на что только ты не толкаешь алчные души людей, проклятая золота жажда!)^x. Однако обычно деньги могут только одно: расположить умы и волю людей к желаемой цели. Но среди тех, кто получает деньги, одни вообще не имеют такого расположения, другие — совсем немного, и в большей части сомнительное, и в нем стоит усомниться. Те, кому ты даёшь деньги, либо враги, либо друзья, либо нейтральны. Если они —

---

^x Ср.: ВЕРГИЛИЙ, *Энеида* III, 49-57: “*Quid non mortalia pectora cogis, | Auri sacra fames*”. Цитата, возможно, взята у Сенеки.

враги, обычно они берут деньги, чтобы разорить тебя и обогатиться самим, а также, чтобы использовать твои деньги против тебя же, когда настанет момент. Если они — твои друзья, деньги окажут небольшое влияние, потому что их добрая воля и дружба привязывает их к тебе крепче, чем деньги. Если они нейтральны, они станут друзьями ради той выгоды, какую могут от тебя получить, но их дружба живёт, лишь пока есть деньги, и когда они решат, что у твоего врага они получают больше, чем у тебя, они станут его друзьями по той же причине, по какой раньше они были твоими. И какую бы выгоду они ни получили от тебя, они всегда сумеют убедить себя в том, что ты стремишься к собственной выгоде, а не к их, и что ты им обязан, а они снисходят до того, чтобы что-то у тебя взять.

И как голод и жажда денег усиливаются от обладания ими и использования их, чем больше ты им даёшь, тем больше они хотят. Ведь, как говорит Цицерон, *fit deterior qui accipit, & abidem semper expectandum paratior* — тот, кто получает что бы то ни было, становится более дурным человеком и всегда готов рассчитывать на такие же подачки^{xi}. Так что если ты не дашь им, когда бы и сколько бы они не захотели, или потребовали, они возненавидят тебя гораздо больше за что, чего ты им не дал, чем они когда-либо любили тебя за то, что они уже от тебя получили. Ибо, как говорит Сенека, *Vetus, & ingratitude est. dati immemores, memuisse negare, ideoque rara & tepentes gratia servida & frequentes quaerelae* — Древняя и вопиющая неблагодарность — забыть об оказанном благодеянии и помнить о не оказанном, из этого следует, что благодарность редка и прохладна, а жалобы часты и горячи^{xii}.

Я говорю это не потому, что считаю: не стоит использовать деньги, чтобы завоевать и удержать людскую привязанность, но чтобы показать: это необходимо делать с величайшей осмотрительностью. Ведь, как говорит Плиний, *Inconsiderate largitionis comes roeninetiae est* — неосмотрительная трата денег всегда сопровождается раскаянием^{xiii}. Следовательно, возвращаясь к моему положению, я считаю: любому человеку, использующему в делах в чужой стране деньги, следует всегда держать кошелек открытым для тех, кто является настоящими друзьями его и лиги, как для того, чтобы умилостивить их и вознаградить за добрую волю и добрую

^{xi} Ср.: CICERO, *De Officiis* II, 53: “Fit enim deterior, qui accipit atque ad idem semper expectandum paratior”.

^{xii} Идентифицировать это место не представляется возможным.

^{xiii} Ср.: PLINIUS, *Epistulae* I, 8, 8: “...postremo ut subitae largitionis comitem paenitentiam caueremus”.

службу, так и чтобы помочь им получить необходимое и способствовать поддержанию их партии.

Настоящими друзьями могут считаться те, чьи цели либо общие со всей лигой, либо настолько зависят от неё, что не могут быть достигнуты иначе, чем через успех всей лиги. Им можно без опаски давать деньги, когда того потребует необходимость, или общее благо лиги. Другим же, по моему мнению, стоит давать лишь немного или вообще ничего, кроме как для получения от них важных позиций, или же вознаградить за предоставленные сведения или оказанные услуги. Поэтому стоит быть осторожным (как я отмечал) и обнаружить истинные мотивы, побудившие каждого, которому надлежит давать деньги, вступить в лигу.

В том же случае, если необходимым покажется пойти на риск и привлечь каких-то важных людей, будь они нейтральными и даже сомнительными (чтобы не дать им сговориться с врагом), по моему мнению, необходимо проявлять к ним щедрость и давать больше, чем сможет заплатить враг, выполняя обещанное. Иначе они не станут признавать своих обязательств, если враг заплатит больше, но перейдут к нему. А если не сдержать данное им обещание, они сочтут, что над ними посмеялись, и из-за этого оскорбления перейдут к врагу. Я многократно видел подобное во времена лиги во Франции, где Его Католическое Величество пожаловал много миллионов на пенсии и дарения, которые получили многие из тех, кто потом стал его открытым врагом: одни — потому, что пожалованные деньги не выплачивались пунктуально, другие — потому (как они уверяли), что не сдержали обещания, данные им в отношении других вещей, третьи же — либо потому, что не могли получить всего, что требовали, либо потому, что прочие получили больше, чем они.

Но сколько бы ни было пожаловано одному или другому, только лишь в денежных переговорах нет безопасности или уверенности, если только они не сопровождаются достаточными силами; в сочетании они могут оказывать большое воздействие, и поэтому оракул сказал Филиппу Македонскому, *Hastis pugna argentatis, & omnia vinces* — *Сражайся серебряными копьями, и ты победишь всех*^{xiv}, советуя ему тем самым использовать войска и деньги вместе, ведь если вести дела только при помощи денег, то чем дольше это продолжается, тем больше возрастает опасность проиграть и день-

---

^{xiv} Ср.: “Argenteis hastis pugnare” — выражение, означающее добиваться своего путём подкупа. Его связывают с ответом жрицы храма Аполлона в Дельфах Пифии на вопрос царя Македонии, как добиться победы над соседними державами.

ги, и все дело: ибо нельзя доверять привязанности, купленной за деньги, а не основанной на разуме и добродетели. Об этом царь Филипп Македонский хорошо сказал своему сыну Александру, стремившемуся отнять у него добрую волю македонян подарками и взятками: *Что за бес побуждает тебя думать, что те, кого ты соблазнил деньгами, будут тебе верны?*^{xv} <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

К Посвящению

¹ Ср.: “Qui ambulat simpliciter ambulat confidenter qui autem depravat vias suas manifestus erit”. В Синодальном переводе: «Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно; а кто извращает пути свои, тот будет наказан» (Пс 10:9).

² Матф 10:16: “Estote prudentes sicut serpentes et simplices sicut columbae”.

³ ЦИЦЕРОН, *Филиппики* II, 65. [Цит. по: ТИТ МАКЦИЙ ПЛАВТ, *Пуниец*, Акт IV, сцена II, пер. А. АРТЮШКОВА (М., 1997)].

⁴ Пс 128:4: “ecce sic benedicetur homo qui timet Dominum”.

⁵ Пс 127:5 (128: 5-6 в Синодальном переводе): «Благословит тебя Господь с Сиона, и увидишь благоденствие Иерусалима во все дни жизни твоей; увидишь сыновей у сыновей твоих. Мир на Израиля!».

К главе 33

⁶ Себастьян I (1554–1578, правил в 1557–1578 гг.), король Португалии из Авишской династии.

⁷ Абу Абдалла Мохаммед II (ум. 1578 г., правил в 1574–1576 гг.), султан Марокко, сын Абдаллаха I аль-Галиба.

⁸ Абу Марван Абд аль-Малик I (ум. 1578 г., правил в 1576–1578 гг.), султан Марокко. В 1557 г. бежал из Марокко после смерти отца и прихода к власти брата, султана Абдаллаха I аль-Галиба, на территорию Османской империи, где жил до 1575 г. В 1571 г. был захвачен в плен испанцами в битве при Лепанто и до 1573 г. находился в заключении в Оране. После побега участвовал в османском завоевании Туниса (1574 г.), затем с помощью турецкой армии разбил армию племянника, Абу Абдаллы Мохаммеда II, и изгнал его из Марокко.

⁹ Свергнутый султан Марокко Абу Абдалла Мохаммед II в 1576 г. бежал сначала в Испанию, а затем в Португалию. Король Себастьян Португальский вступил с ним в союз, рассчитывая в результате своего участия в распрях в Марокко укрепиться на Севере Африки. 4 августа 1578 г. близ города Эль-Ксар-аль-Кебир (между Танжером и Фесом) состоялось сражение между войсками короля Себастьяна и его союзника Абу Абдаллы Мохаммеда II и численно превосходившей его армией султана Аль Малика I.

---

^{xv} CICERO, *De Officiis*, lib. II.

Все три монарха лично участвовали в бою, поэтому сражение известно также как «Битва трёх королей». Португальский король и его союзник были наголову разбиты и погибли в сражении; победитель, Аль-Малик I, был тяжело болен и скончался на следующий день, передав престол младшему брату, Ахмаду аль-Мансуру.

¹⁰ Генрих VII (1457–1509, правил в 1485–1509 гг.), король Англии, основатель династии Тюдоров.

¹¹ Карл VIII Валуа (1470–1498, правил в 1483–1498 гг.), король Франции.

¹² Согласно договору, подписанному в Верже в 1488 г. после неудачной для Бретани войны, герцогство Бретань сохранило самостоятельность, однако герцог Франциск (Франсуа) II обязался не выдавать свою дочь и наследницу Анну (1477–1514) замуж без согласия своего французского сюзерена. Однако после смерти герцога в том же году молодая герцогиня вступила в брак с Максимилианом I Габсбургом. Началась новая война с Францией, в результате которой Бретань к 1491 г. была практически полностью оккупирована английскими войсками. Генрих VII Английский сначала выступил в поддержку Бретани, однако быстро примирился с Францией после уплаты ему компенсации. Герцогиня Анна Бретонская была вынуждена расторгнуть свой брак и стать женой французского короля Карла VIII (а с 1499 г. — его преемника, короля Людовика XII), что дало возможность аннексировать Бретань (хотя формально герцогство вошло в состав владений французской короны только в 1532 г., после смерти дочери Анны, герцогини Клод, супруги короля Франции Франциска I).

¹³ Ричард III Йорк (1452–1485, правил в 1483–1485 гг.), король Англии.

¹⁴ Генрих Тюдор, носивший титул графа Ричмонда, принадлежал к побочной (легитимированной) ветви Ланкастеров и к 1483 г. оставался единственным соперником короля Ричарда III, способным претендовать на престол. С 1475 г. он жил в изгнании в Бретани. В 1483 г. Ричард III Английский потребовал от Франциска II выдачи ему графа Ричмонда, угрожая атаковать побережье Бретани. Герцог Франциск II согласился на требование английского короля, но одновременно предоставил Генриху Тюдору возможность бежать во владения французского короля. Карл VIII оказал ему гостеприимство, предоставил средства и позволил набирать в своих землях войска для вторжения в Англию в 1485 г., закончившегося победоносной для Генриха Тюдора битвой при Босуорте.

¹⁵ Елизавета I Тюдор (1533–1603, правила в 1558–1602 гг.), королева Англии.

¹⁶ Филипп II (1527–1598), король Неаполя и Сицилии (1554–1598), Кастилии и Арагона (1556–1598), Португалии (1580–1598), король (с Марией I) Англии (1554–1558).

¹⁷ В 1554 г. принцесса Елизавета была арестована и помещена в Тауэр из-за контактов с участниками восстания Томаса Уайетта, ставившего своей целью свергнуть с престола Марию I. Ряд советников королевы Марии требовали казни Елизаветы, настаивая на том, что пока она жива, трон её сестры не будет в безопасности. Другие, и в их числе король Филипп, убе-

дили Марию I не наказывать сестру. В 1558 г. Филипп II признал Елизавету наследницей сестры.

¹⁸ Эдуард, принц Уэльский (1330–1376), старший сын английского короля Эдуарда III Плантагенета (1312–1377, правил в 1327–1377 гг.). «Чёрным Принцем» его впервые назвал антикварий Джон Лиланд (в рукописи конца 1530-х гг.). Точный смысл прозвища неизвестен; оно может происходить от цвета доспехов, которые он носил, или же от его репутации жестокого завоевателя во Франции.

¹⁹ Педро I (1334–1369), король Кастилии (1350–1369).

²⁰ Эдуард Чёрный Принц был союзником Педро I Кастильского с 1363 г. (с начала войны Кастилии и Арагона). В 1366 г. Педро I был свергнут с престола своим незаконнорождённым братом Энрике Трастамарским (Энрике II) и бежал к своему союзнику. Принц Уэльский разгромил войска Энрике Трастамарского в сражении при Нахере (1367 г.), вернув кастильский престол Педро I. Тот, однако, не выплатил обещанную английскому принцу компенсацию за понесённые во время кампании расходы. В результате, вернувшийся с остатками армии в Аквитанию, находившуюся под его управлением, Эдуард, чтобы возместить потери, резко увеличил налоги. Недовольные аквитанцы апеллировали к своему сюзерену, французскому королю Карлу VII. В 1369 г., после отказа Эдварда Чёрного Принца явиться в Париж на рассмотрение дела, военные действия между Англией и Францией возобновились. Большая часть английских завоеваний XIV в. в Аквитании была утрачена.

²¹ Иоанн (1166–1216, правил в 1199–1216 гг.), король Англии.

²² Людовик VIII (1187–1226, правил в 1223–1226 гг.), король Франции.

²³ Филипп II Август (1166–1223, правил в 1180–1223 гг.), король Франции.

²⁴ В 1215 г. английские бароны, восставшие против короля Иоанна, предложили корону принцу Людовику Французскому (см. *выше*, примеч. 17). Принц Людовик высадился в Кенте 21 мая 1216 г., дошёл с армией до Лондона, где и был провозглашён королём Англии. К осени 1216 г. он контролировал половину территории страны (юг). Однако после смерти Иоанна I в октябре 1216 г. его сторонники быстро короновали девятилетнего сына покойного, Генриха III. Уильям Маршал, граф Пемброк (1146 / 7–1219), выступавший в качестве регента, начал активную кампанию против Людовика, причём на его сторону перешли многие из баронов, изначально поддерживавших Людовика. В 1217 г. тот понёс ряд тяжёлых поражений и по Ламбетскому договору отказался от претензий на английский престол, обязался не нападать на Англию, и покинул её территорию.

²⁵ Шарль Валуа, герцог Орлеанский (1394–1465), сын герцога Людовика (Луи) I Орлеанского и Валентины Висконти.

²⁶ Карл VII Валуа (1403–1461), дофин (1417–1422), король Франции (1422–1461; коронован в 1429 г.).

²⁷ Филипп Добрый, герцог Бургундии (1396–1467), сын герцога Жана I Бесстрашного и Маргариты Баварской.

²⁸ Генрих V Ланкастер (1386–1422, правил в 1413–1422 гг.), король Англии.

²⁹ Генрих VI Ланкастер (1421–1471, правил в 1422–1461 гг. и 1470–1471 гг.), король Англии, сын короля Генриха V и Екатерины Валуа.

³⁰ Союз Филиппа Доброго с английским королём против своего родственника, дофина Карла, был связан с событиями первых десятилетий XV века, когда среди членов королевской семьи Франции началась кровавая борьба за власть: за регентство при душевнобольном короле Карле VI (1368–1422, правил в 1380–1422 гг.) и опеку над его сыновьями. Она развернулась между младшим братом короля, герцогом Людовиком Орлеанским, и кузеном, Жаном Бесстрашным, герцогом Бургундским (отец последнего, герцог Филипп Смелый, был регентом в 1380–1388 гг., период несовершеннолетия Карла VI). В 1407 г. Людовик Орлеанский был убит по приказу герцога Бургундского, однако, конфликт был продолжен сыном покойного, Шарлем Орлеанским (см. *выше*, примеч. 20) и его тестем, графом Бернаром д'Арманьяком. Д'Арманьяк фактически возглавил правительство дофина в 1415 г., отгнав от власти герцога Бургундского, до восстания в Париже 1418 г., когда он был убит. Занявший Париж в 1418 г., после бегства дофина Карла, герцог Бургундский пытался заключить соглашение с ним, но был убит в 1419 г. в Монтро сторонниками партии Орлеанского-д'Арманьяка и советниками дофина), во время встречи с дофином. После убийства отца новый герцог Бургундский, Филипп Добрый (см. *выше*, примеч. 22), заключил формальный союз с англичанами. Результатом стал подписанный в Труа договор (1420), согласно которому дофин Карл провозглашался незаконнорождённым сыном королевы Изабеллы и герцога Людовика Орлеанского. Генрих V Английский женился на старшей дочери Карла VI Екатерине и стал регентом королевства. После смерти Карла VI Генрих V и его сыновья от брака с Екатериной должны были наследовать французский престол. Генрих V не был коронован французской короной, так как Карл VI пережил его на два месяца. Согласно договору, Генрих VI был провозглашён королём, а его ренетом во Франции — дядя, герцог Бедфорд. Коронация Генриха VI как короля Франции состоялась в Париже 16 декабря 1431 г. Под его контролем находились завоёванные англичанами в союзе с бургундцами территории на севере страны. Дофин Карл не признал условия договора 1420 г., объявив себя королём (Карлом VII) сразу после смерти Карла VI. Территория страны фактически была разделена. В 1435 г. герцог Филипп Бургундский примирился с Карлом VII, заключив с ним Аррасский договор, и затем вместе с королевскими войсками напав на английский анклав Кале.

³¹ Конфликт короля Неаполя Фердинанда I (Ферранте) Арагонского и папы Иннокентия VIII, вызванный тем, что король в ходе конклава поддерживал арагонского кандидата, кардинала Борджиа (Борха), а также неуплатой неаполитанским монархом причитавшихся папе как его сюзерену денег привёл в 1489 г. к изданию понтификом буллы об отлучении Фердинанда I от церкви, лишения его власти передачи неаполитанского престола наследнику Анжуйской династии — королю Франции Карлу VIII. Несмотря на то,

что папа к 1492 г. примирился с Фердинандом I, французский король предъявил свои претензии на трон Неаполя и в 1494 г., заключив союзы с итальянскими правителями, повёл армию в Неаполь. Неаполитанское королевство сдалось после незначительного сопротивления в начале 1495 г., а преемник скончавшегося в январе 1494 г. Фердинанда I, Альфонсо II бежал в Мессину (Сицилия), во владения своего родственника, короля Фердинанда Арагонского. Однако летом 1495 г., узнав о заключении Венецианской лиги итальянских государств против него, Карл VIII отступил из Неаполя, оставив на территории королевства гарнизоны под командованием вице-короля Жильбера де Бурбона, графа Монпансье. В 1496–1498 гг. испанская армия под командованием Гонсало де Кордобы разгромила французские войска на неаполитанской территории, вернув престол сыну Альфонсо II, Фердинанду II.

³² В 1562 г. лидеры восставших французских гугенотов во главе с принцем Конде подписали в Хэмптон-Корте договор с английской королевой Елизаветой I, по которому Англия оказала гугенотам финансовую помощь в их войне против собственного короля, а также своими войсками оккупировала Гавр (Нормандия), мыслившийся англичанами как компенсация за утраченный в 1558 г. Кале. Однако в 1563 г. французские протестанты заключили мирное соглашение с регентшей, королевой-матерью Екатериной Медичи, после чего французская армия под командованием Анна де Монморанси, состоявшая из католиков и протестантов, осадила Гавр. Английские войска сдались в июле 1563 г.

³³ Согласно договору, заключённому 31 декабря 1584 г. в Жуанвилле между герцогом де Гизом от имени Французской Католической Лиги и королём Филиппом II Испанским, последний ежегодно выделял Лиге значительные средства на ведение военных действий.

³⁴ В ходе войны Франции с Испанией (1595–1598), начатой королём Генрихом IV, на стороне последнего воевали многие бывшие сторонники Католической Лиги. По завершившему войну Вервенскому договору Франции вернули Вермандуа и Кале.

³⁵ 13 швейцарских кантонов, входивших в конфедерацию на момент написания *Трактата*.

³⁶ Венецианская Лига была образована в мае 1495 г. с целью изгнания войск французского короля Карла VIII с территории Апеннинского полуострова. См. *выше*, примеч. 26.

³⁷ Папа Александр VI Борджиа (1431–1503; понтификат — 1492–1503 гг.).

³⁸ Максимилиан I Габсбург (1459–1519), эрцгерцог австрийский, король римлян (1486–1508), император Священной Римской империи (1508–1519).

³⁹ Фердинанд II (1452–1516), король Сицилии (1468–1516) и Арагона (1479–1516).

⁴⁰ Лудовико Сфорца, герцог Миланский (1452–1508; правил в 1494–1498 гг.).

Перевод с английского и примечания
А.Ю. СЕРЕГИНОЙ

И.Г. Коновалова

СЕВЕР ЕВРАЗИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИИ*

В статье рассматриваются сообщения арабских географов IX–XIV вв. о крайнем севере Евразийского континента и о пути по северным морям из Европы в Китай и обратно. Анализ сведений арабских ученых в контексте античной географической традиции о северных районах ойкумены позволяет выявить как их источники, так и пути дальнейшего развития представлений, заимствованных исламскими географами у античных авторов. В сообщениях арабских географов прослеживаются две линии, обе из которых развивают идеи античной географии. Первая из них продолжает традицию Птолемея, полагавшего, что моря, которые омывают северо-западную часть Евразии, не соединялись с морями, расположенными на востоке. В наиболее последовательном виде эти представления развивались в рамках математического (астрономического) направления арабской географии. Ученые же, работавшие в жанре описательной географии, опирались на другую античную традицию, согласно которой земля была со всех сторон окружена океаном, что делало возможным плавание по северным морям из Китая в Европу и обратно. Предпринятая ал-Идриси попытка внесения птолемеевских идей в жанр описательной географии привела к тому, что и в текстовой части сочинения, и на картах ал-Идриси изображение морей Северной Евразии приобрело противоречивый характер, то допуская возможность прямого маршрута по северным морям, то, напротив, исключая ее.

Ключевые слова: средневековая арабская география, ал-Хорезми, ал-Идриси, Абу ал-Фида, Северная Евразия, Северный морской путь.

Средневековая арабская географическая литература занимает совершенно особое место в истории географии как по богатству за-

---

* Работа выполнена при финансовом содействии РФ (проект № 14-18-02121).

ключенного в ней материала, так и по разнообразию дошедших до нас произведений арабских авторов и разработанных ими способах презентации сведений о странах и народах мира¹. Благодаря разветвленной сети торговых связей, дипломатических отношений и культурных контактов, которые страны халифата поддерживали с окружающим миром, арабские ученые смогли собрать данные не только о непосредственных соседях халифата, но и об отдаленных районах ойкумены. В частности, в сочинениях арабских авторов сохранились ценные сообщения о крайнем севере Евразийского континента и о пути по северным морям из Европы в Китай и обратно.

Развитию арабской географии предшествовала эпоха переводов иноязычных трудов на арабский язык, развернувшаяся во время правления халифа ал-Ма'муна (813–833). За сравнительно короткое время были переведены произведения почти всех основоположников греческой науки — Гиппократ, Аристотель, Эвклид, Архимед, Клавдия Птолемея и многих других². Благодаря переводам арабские ученые познакомились с географическими идеями и представлениями античных авторов. Так, они усвоили представление о трех частях света — Европе, Азии и Ливии (Африке) — и омывающем их Окружающем океане, заливами которого являлись отдельные моря. Наряду с этим от античной науки была унаследована и система деления земной поверхности на семь широтных зон, так называемых *климатов* (от греч. κλίμα, букв. — «наклонение»; араб. *иклим*), выделявшихся в зависимости от сравнительной длины светового дня на разной широте.

Опираясь на эти общие идеи землеописания, арабские географы развивали и совершенствовали их по мере систематизации новой информации о странах и народах, о которых еще не было даных ни в античной, ни в библейской, ни в иранской традиции (или они были чрезвычайно скудны и неопределенны). В частности, для упорядочивания новых данных, выходящих за рамки семи климатов птолемеевой ойкумены, арабские ученые ввели дополнительные зоны к югу от первого и к северу от седьмого климатов. Эти дополнительные зоны не нарушали общей семичленной схемы, а просто фиксировали то, что и за пределами семи климатов есть жизнь. Сведения арабских авторов о самых северных морских путях и составляют предмет рассмотрения в настоящей статье.

Первыми арабскими сочинениями географического толка стали труды, созданные в жанре математической (или астрономиче-

---

¹ Крачковский (1957).

² См.: Klein-Franke (1980); Gutas (1998).

ской) географии. Все они в той или иной степени опирались на переводы *Географического руководства* (Γεογραφική ὑφήγησις) Клавдия Птолемея. Переработку данных о северных землях, содержащихся в этом произведении, начал арабский ученый первой половины IX в. ал-Хорезми. Его сочинение, *Книга картины земли* (*Kitāb ṣūrat al-arḍ*), представляет собой собрание таблиц, где указаны, в порядке климатов, названия городов, гор, очертания береговых линий морей и островов, описание озер и течения рек. Наименование каждого географического объекта сопровождается указанием его координат в градусах и минутах. Взяв за основу информацию Птолемея, ал-Хорезми существенно переосмыслил ее, что выразилось как во введении им новых топонимов, так и в изменении координат для ряда пунктов.

Согласно ал-Хорезми, северные области земли омывало Внешнее Северное море. По своим координатам оно отчасти соответствует западной части Сарматского океана у Птолемея до устья р. Хрон (Ш, 5, 1–3). Для описания же восточной части моря ал-Хорезми использовал какие-то неизвестные Птолемею источники, что позволило арабскому ученому распространить Внешнее Северное море значительно дальше на восток, чем птолемеевский Сарматский океан³. О том, что в распоряжении ал-Хорезми имелись новые сведения для описания Внешнего Северного моря, свидетельствуют и изменения, которые он внес в данные Птолемея о водных путях Восточной Европы, в частности о реке Борисфен (Днепр) и Меотиде (Азовское море).

Представление о Борисфене как о реке оказалось у ал-Хорезми утрачено. Вместо этого в разделе, озаглавленном «Источники и реки за седьмым климатом», то есть в рассказе о самых северных областях ойкумены, ал-Хорезми называет некий небольшой по размерам водоем (*ал-баṭīḫа*) *Барṣṭānis*, отстоящий от западного побережья Черного моря на полтора градуса севернее; в этот водоем, согласно ал-Хорезми, впадают две безымянные реки, а из него, в свою очередь, вытекает одна река, впадающая в море, — в какое, в тексте не указано⁴. Однако, если следовать координатам ал-Хорезми, то река, вытекающая из водоема *Барṣṭānis*, а также имеющийся у нее приток впадают во Внешнее Северное море.

Координатные данные водоема *Барṣṭānis* показывают, что ал-Хорезми взял за основу сообщение Птолемея об истоках реки Борис-

³ Калинина (1988), с. 46, 86.

⁴ *Das Kitāb Ṣūrat al-Arḍ...* S. 153. Русский перевод и комментарий см.: Калинина (1988), с. 51-52, 102.

фен в Амадокском озере. Но это озеро у ал-Хорезми оказалось соединено не с Понтом, как у Птолемея, а с Внешним Северным морем. Кроме того, указание на две реки, которые, согласно ал-Хорезми, впадают в водоем *Барāстāнис*, не имеет аналогий у Птолемея.

Среди городов, расположенных «за седьмым климатом», ал-Хорезми называет приморский город *Рāстийāнис*, который помещен у него между городами *Истūrā* (птолемеевский Ἰστρός / *Истр*) и *Ауфатарийā* (Ἐυπατορία / *Евпатория* у Птолемея)⁵. По координатным данным этот пункт ал-Хорезми соответствует птолемеевской *Ольви* или *Борисфену* (Ὀλβία ἢ καὶ Βορυσθένης), причем графика арабского названия легко поддается соответствующей конъюнктуре, позволяющей читать ойконим как *Барāстāнис*. Таким образом, из девяти городов бассейна Борисфена, перечисленных у Птолемея, ал-Хорезми оставил лишь один, что также говорит о том, что арабский ученый не механически копировал сообщения Птолемея, а сверял их с какими-то данными, которыми он сам располагал.

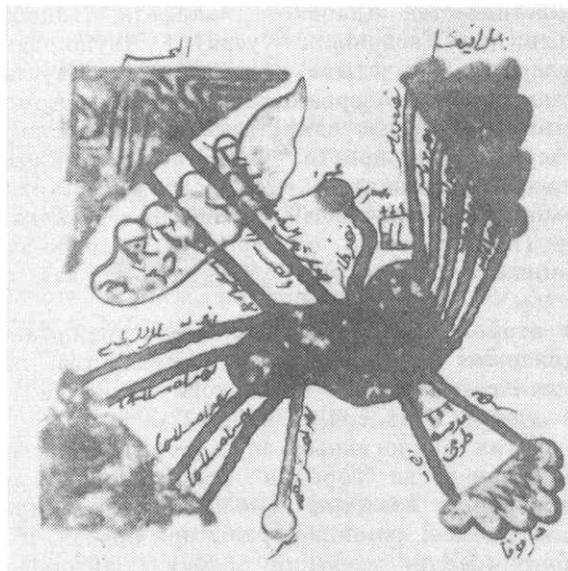
Сведения ал-Хорезми о водоеме *Барāстāнис* и одноименном припонтийском городе вряд ли следует рассматривать как простую дань античной традиции. Скорее, это было отражением новых, современных географу реалий, знание которых и побудило его творчески переработать сообщения Птолемея о Борисфене.

Нетрудно заметить, что все новации ал-Хорезми так или иначе касаются описания водных путей, ведущих на север. Поэтому переработку ал-Хорезми птолемеевых сведений о Борисфене можно связать с поступавшей в исламские страны (и, в частности, в Багдад, где работал ал-Хорезми) информацией о контактах между Севером и Югом Восточной Европы, осуществлявшихся по речным путям. О наличии подобной информации у исламских ученых говорит и то, что и Меотиду ал-Хорезми также связывает с Внешним Северным морем. Сохранившаяся карта *ал-Батīхи* (Илл. 1) показывает, что арабский ученый переосмыслил данные Птолемея о четырех реках, две из которых (Лик и Порит) начинаются с гор Бодин и текут в Меотиду, а две другие (Турунт и Хесин) начинаются в Рипейских горах и впадают в Сарматский океан (Венедский залив = Балтику). На карте *ал-Батīхи* у ал-Хорезми эти четыре реки сливаются в два параллельных потока, соединяющих *ал-Батīхи* и Северное Внешнее море.

Данные о реках, относимых ал-Хорезми к бассейну Внешнего Северного моря, относились лишь к его западной части. Что касается более восточных областей, то ал-Хорезми, по всей вероятности,

⁵ *Das Kitāb Šūrat al-Ard...* S. 36. Русский перевод и комментарий см.: Калинина (1988), с. 40, 79.

не имел о них никаких сведений и потому рассматривал Внешнее Северное море как замкнутое с восточной стороны — по аналогии с представлением Птолемея о том, что Сарматский океан на северо-востоке переходит в неведомые земли (III, 5, 1), то есть не соединяется с морями, омывающими землю с востока.

Илл. 1.

Карта *ал-Баттāхи* ал-Хорезми по рукописи 1037 г. из собрания Библиотеки Страсбургского университета (MS. 4247, f. 47f). Воспроизведено по: *History of Cartography* (1992), Plate 5.

О том, что ранние арабские географы не располагали сколько-нибудь внятной информацией о морях Северного Ледовитого океана, говорит и описание северных морей в сочинении еще одного представителя математической географии, ученого начала X в. ал-Баттани:

Что касается моря Океана Западного (бахр Ўқййāнус ал-Гарбӣ), которое называется Окружающим, то от него известна только его западная и северная часть от крайних пределов земли ал-Ҳабаш⁶ до Британии (Барғанийя). Это море, по которому не плавают корабли; шесть островов, которые находятся в нем напротив земли

⁶ Арабское собирательное название темнокожего населения северо-восточной Африки.

ал-Хабаш, — это обитаемые острова и [они] называются также Островами Счастливых⁷. Другой остров, [расположенный] напротив Андалусии (ал-Андалус)⁸, называется Кадис (Гадйра) у залива. Этот залив выходит из него, и ширина того места, где он выходит, — семь миль; это — между Андалусией и Танжером (Танджа); называется он Сеута (Сабта) и находится в море Рума (ал-Рӯм)⁹. В сторону севера в нем есть также острова Британия — их двенадцать. Затем это море удаляется от обитаемой земли и никто не знает, каково оно и что на нем есть¹⁰.

Если в рамках математической географии арабские ученые IX–X вв. развивали птолемеевские представления о северных областях ойкумены, то авторы, работавшие в жанре описательной географии, придерживались иных взглядов и разделяли античную идею о том, что землю со всех сторон, в том числе и на северо-востоке, омывал Окружающий океан.

По античным представлениям, к северу от Евразии находился Северный (Скифский, Кронийский, Ледовый) океан, который тянулся на восток до соединения с Восточным (Эонийским) океаном. Крайнюю северо-восточную точку Азии — там, где путь от Скифского океана поворачивает к Восточному морю (то есть к югу) — античные ученые называли Скифским мысом (*Scythicum promunturium*). Это название было связано с тем, что скифов локализовывали не только в Европе, но также на севере и северо-востоке Азии. Плиний Старший (вторая половина I в. н.э.) так описывает эти водные пространства:

Путь от Каспийского моря и Скифского океана заворачивает к Эойскому, и береговая линия обращена теперь к востоку. Первая часть этого побережья от Скифского мыса необитаема из-за снегов; ближайшие области остаются невозделанными из-за дикости племен. Там живут скифы-антропофаги, питающиеся человеческими телами. Поэтому рядом находятся огромные пустыни и множество диких зверей, свирепостью не очень-то отличающихся от людей. Затем следуют снова скифы и снова пустыни с дикими зверями вплоть до прилегающей к морю горе, которую называют Табис. Область до почти середины длины этого побережья, обращенного к летнему восходу, необитаема. Первые известные здесь люди — это серы... (VI, 53–54)¹¹.

⁷ Арабское наименование Канарских островов.

⁸ Арабское название исламской части Пиренейского полуострова.

⁹ Арабское наименование Средиземного моря по названию Византии — ал-Рӯм.

¹⁰ *Al-Battani sive Albatanii Opus astronomicum...* p. 26-27.

¹¹ Подосинов, СКРЖИНСКАЯ (2011), с. 196 / 197.

О том же писал и Помпоний Мела, сочинение которого было одним из источников для Плиния Старшего: «Затем земля всем своим боком заворачивает на север и [тянется] от Кельтского мыса вплоть до Скифского» (III, 1, 12)¹². В рамках этих представлений можно было чисто теоретически вообразить возможность попасть из северных районов Европы, двигаясь на восток по северным морям, в Китай.

Античные представления об Окружающем океане сохранились на картах, созданных учеными так называемой «классической школы арабских географов» X в. Сочинения этих географов сопровождались собранием карт, количество и тематика которых были строго регламентированы. Полный комплект включал в себя карты трех морей — Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Каспийского, 17 карт с изображением различных областей халифата, а также представляющую для нас особый интерес карту мира¹³. На этих картах мира земля показана в виде круга, омываемого со всех сторон Окружающим океаном (Илл. 2). Европа изображена как остров, к югу от которого расположено море Рума, к западу и северу — Окружающий океан, а к востоку — широкий канал («Константинопольский пролив»), начинавшийся у Константинополя и шедший на север, где он соединялся с Окружающим морем. Таким образом, северные области Евразии представлялись арабским ученым «классической школы» как территории, плывя с запада на восток вдоль которых можно было попасть в Китай.

Крупнейший географ арабского Средневековья ал-Идриси (1100–1165), соединивший теорию климатов с описательной географией, в целом вернулся к птолемеевской картине северной Евразии, но вместе с тем внес и новые черты в изображение северных морей. В своем труде *Отрада страстно желающего пересечь мир* (*Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак*, 1154 г.)¹⁴ ал-Идриси дал описание всей ойкумены, а также составил подробную карту мира.

В предисловии к своему труду после изложения замысла сочинения и описания хода работы над ним¹⁵ ал-Идриси поместил краткую характеристику Земли. По представлениям географа, Земля имеет шарообразную форму — об этом ал-Идриси пишет, ссылаясь на *Географию* Птолемея¹⁶. Поверхность Земли разделяется на две

---

¹² Подосинов, Скржинская (2011), с. 56 / 57.

¹³ Тивветс (1992), р. 114.

¹⁴ AL-IDRISI, *Opus geographicum*. О сочинении ал-Идриси и его рукописной традиции см.: MAQBUL (1992); КОНОВАЛОВА (2006), с. 7-14.

¹⁵ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, р. 3-7.

¹⁶ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, р. 7.

равные части по линии экватора. В каждом полушарии по 90° от экватора до полюса, а по линии экватора поверхность Земли делится на 360° , длина же каждого градуса составляет 25 фарсахов¹⁷. Люди живут в основном в северном полушарии, так как в южном слишком жарко; граница обитаемой Земли в северном полушарии проходит на уровне 64° северной широты¹⁸.

Илл. 2.

Карта мира ал-Истахри по рукописи 1193 г. из собрания Библиотеки Лейденского университета (MS. Or. 3101, f. 4b–5a). Воспроизведено по: *History of Cartography* (1992), plate 7.

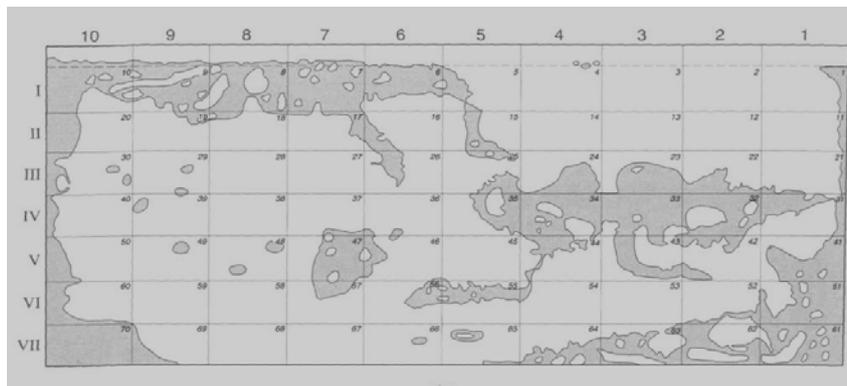
Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идрисй разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-«климатов», при этом «климаты» у ал-Идрисй превратились в зоны одинаковой широты, для выделения которых он не опирался на какие бы то ни было астрономические принципы¹⁹. Каждый «климат» ал-

¹⁷ Фарсах — иранская мера длины, равная расстоянию, проходимому лошастью шагом за один час (около 6 км).

¹⁸ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 8.

¹⁹ HONIGMANN (1929), S. 181.

Идрисӣ — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-«секций» (*джуз*'), равных по длине и ширине. Описание ойкумены в основной части сочинения ведется по «климатам», с юга на север, а внутри «климатов» — по «секциям», с запада на восток. Каждому описанию соответствует карта. Таким образом, 70 секционных карт ал-Идрисӣ, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований (Илл. 3).

Илл. 3.

Схема прямоугольной карты мира ал-Идриси (ориентация южная).
Воспроизведено по: *History of cartography* (1992), p. 162.

В составе нескольких рукописей *Нузхат ал-муштак* наряду с секционными картами сохранилась также круглая карта мира²⁰, на которой — по сравнению с прямоугольной — в изображении морей имеется одно существенное отличие. На круглой карте землю со всех сторон, в том числе и с севера, окружает океан (Илл. 4), в то время как на секционных картах самого северного, седьмого, климата на крайнем севере вычерчена протяженная горная цепь *Қуқаййā*, являющаяся высотной доминантой Северо-Восточной Евразии: она тянется с пятой по девятую секцию и отделяет моря, которые омывают Северную Европу, от морей, расположенных у восточного побережья Азии (Илл. 5).

²⁰ О рукописях см.: МАQVUL (1992), p. 173–174.

Илл. 4.

Карта мира из Оксфордской рукописи сочинения ал-Идриси (MS. Рососке 375, fol. 3v–4r). Ориентация южная. Воспроизведено по: History of cartography (1992), plate 11.

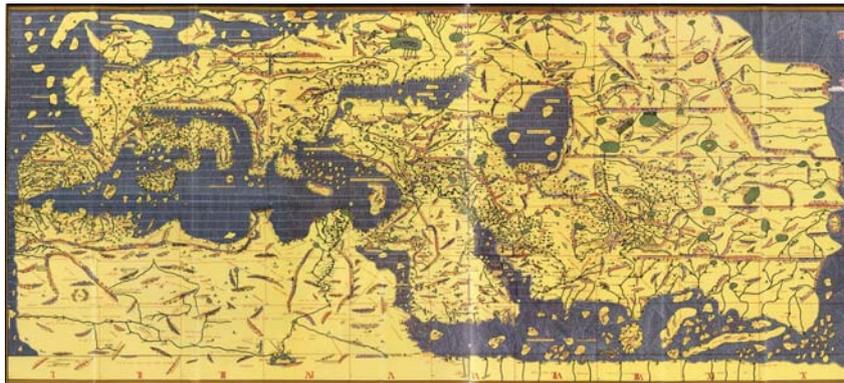
При этом картографическому изображению северных морей на секционных картах не вполне соответствует описание морей, омывающих землю, в тексте *Нузхат ал-муштāқ*. В соответствии с традицией исламской географии, всю северную половину Атлантического океана, включая относящиеся к ней моря, ал-Идриси рассматривал как единый водный бассейн — «Море Мрака» (*ал-Бахр ал-Музлим*, *Бахр ал-Зулумāt*)²¹. Все имеющиеся у ал-Идриси описания этого моря относятся к западной части Северной Атлантики²². Судя по сообщению ал-Идриси из пятой секции шестого

²¹ LEWICKI (1961), S. 70-77.

²² AL-IDRĪSĪ, *Opus geographicum*, p. 17, 105, 217, 224, 240, 525, 535–537, 547, 550, 728, 730, 736, 859, 879–880, 902, 905, 943–944, 946, 951, 955, 957, 962.

климата, непосредственно к востоку от Моря Мрака лежала гора *Қўқаййā* — и это, казалось бы, свидетельствует о том, что географ не имел никаких сведений о возможности морского сообщения между Северной Европой и Северо-Восточной Азией:

В упомянутую реку *Рўсиййā*²³ впадают шесть больших рек, берущих начало в горе *Қўқаййā*, а это большая гора, протянувшаяся от Моря Мрака (*Баҳр ал-Зулумāt*) до края обитаемой земли. Эта гора простирается до страны *Йāджўджа* и *Мāджўджа*²⁴ на крайнем востоке и пересекает ее, проходя в южном направлении до темного, черного моря, называемого Смолистым (*ал-Баҳр ал-Зифтй*). Это очень высокая гора; никто не может подняться на нее из-за сильного холода и глубокого вечного снега на ее вершине...²⁵.

Илл. 5.

Прямоугольная карта мира ал-Идриси в реконструкции К. Миллера. Ориентация северная. Воспроизведено по: https://en.wikipedia.org/wiki/Muhammad_al-Idrisi (июнь, 2016).

²³ Река *Рўсиййā* изображена на карте в виде огромной водной магистрали, пересекающей с севера на юг всю Восточную Европу, см.: MILLER (1927), Taf. 56, 65–66. Этот гидроним относится к числу тех географических названий *Нузхат ал-муштāк*, которые, вобрав в себя информацию из различных источников, имеют в силу этого сложный состав и не могут быть отождествлены с каким-либо одним географическим объектом (подробный анализ гидронима, см.: КОНОВАЛОВА (1999), с. 96–112).

²⁴ Коранические персонажи, живущие на крайнем северо-востоке земли (К. 18: 93 / 92 – 98 / 97; 21: 96), библейские Гог и Магог.

²⁵ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 910. О Смолистом море ал-Идриси еще дважды упоминает как о расположенном на крайнем востоке ойкумены, у границ Китая (AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 85, 962).

Однако другое сообщение ал-Идриси, где точкой отсчета является не Северная Европа, а Восточная Азия, говорит об обратном — об уверенности географа в возможности прямого сообщения между морями, омывающими Северную Евразию:

Воистину эта десятая секция первого климата является пределом населенной земли на востоке, и никто не ведает, что лежит за нею. В нее входит Китайское море (*ал-Бахр ал-Сйни*)²⁶, именуемое морем Санхи²⁷, а некоторые люди называют его морем ал-Санф²⁸. Оно начинается от Окружающего моря (*ал-Бахр ал-Мухйит*), которое называется там Смолистым морем (*ал-Бахр ал-Зифтий*) из-за того, что вода в нем темная, ветер [над ним] сильный и большую часть времени его покрывает мрак. Это Смолистое море соединяется с Окружающим морем, которое омывает страну Йаджуджа и Маджуджа и лежащие за нею земли, прилегающие к безлюдным пространствам на севере. [Еще] оно соединяется с Морем Мрака (*ал-Бахр ал-Зулумат*), простирающимся в западном направлении, как мы его уже изобразили...²⁹.

В этом фрагменте фигурируют те же топонимы, что и в рассказе о горе *Құқаййā* — Море Мрака, Смолистое море, страна *Йаджуджа* и *Маджуджа*. Но если в рассказе о горе *Құқаййā* последняя показана как преграда, отделяющая западное Море Мрака от расположенного на востоке Смолистого моря, то в рассматриваемом сообщении совершенно определенно говорится о соединении Смолистого моря с Морем Мрака. Ссылка ал-Идриси на «изображение» (*расм*) этих морей, по всей видимости, относится не к секционным картам, а к круглой карте мира.

Противоречивость сведений, которые ал-Идриси приводит об омывающих Северную Евразию морях, по всей вероятности, была связана с тем, что географ использовал информацию разных источников: с одной стороны, какую-то птолемеевскую карту, на основании которой он составил описание горы *Құқаййā*, с другой — карты арабских географов «классической школы» X в., изображавшие окружающий землю океан. Местные наименования Китайского моря (Море *Санхи*, Море *ал-Санф*), которые сообщает ал-Идриси, свидетельствуют о том, что он располагал рассказами мореплавателей, знакомых с Южно-Китайским и Желтым морями и имевших некото-

²⁶ Наименование Южно-Китайского и Желтого морей, а иногда и всего Индийского океана в арабо-персидской литературе.

²⁷ По идентификации Г. Феррана, арабская форма наименования города Шанхая: G. FERRAND (1913), p. 9, 17, 41.

²⁸ Чампа — область на юго-востоке Индокитая.

²⁹ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 87.

рое представление об их связи с мировым океаном через Смолистое море, которое, в свою очередь, соединялось с расположенным на западе Морем Мрака. О том, что у ал-Идриси имелись устные сведения о северных морях, говорит и еще одно сообщение географа.

В пятой секции седьмого климата *Нузхат ал-муитāk* помещено известие, в котором могли отразиться сведения о Белом море:

Что касается западного края Моря Мрака, то он граничит с северной [стороной страны] ар-Русийа, отклоняется в северном направлении, затем поворачивает на запад, а за этим поворотом уже нет никакого прохода [для мореплавателей]³⁰.

Судя по приведенному отрывку, это фрагмент лоции с описанием плавания от северного побережья Руси в северо-западном направлении. Из арабских источников такие сведения ал-Идриси позаимствовать не мог, поскольку из его предшественников лишь у ал-Бируни имелась некоторая информация о Белом море, но она носила иной характер³¹. В то же время содержащиеся в рассматриваемом сообщении маршрутные данные напоминают об одном из отрезков пути, пройденного норвежским мореплавателем конца IX в. Оттаром³², а именно от мыса Нордкап на восток и далее на юг вдоль побережья Кольского полуострова³³. Если проделать этот путь в обратном направлении, то придется плыть сначала из Белого моря на север, а затем на запад, как и указано у ал-Идриси. Сообщение ал-Идриси, конечно, восходит не непосредственно к рассказу Оттара, а, скорее, к сообщениям об аналогичных плаваниях скандинавских мореходов, со слов которых географ записал также и современные сведения о *Финнмарке* — области, находившейся по соседству с Кольским полуостровом³⁴.

Тогда следует признать, что приморскими русскими землями в данном районе были те области Европейского севера, с которыми скандинавы вели торговлю и которые в древнескандинавской геогра-

³⁰ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 957.

³¹ КРАЧКОВСКИЙ (1957), с. 248.

³² Норвежец Оттар был одним из первых мореплавателей, прошедших по Северному морскому пути из Норвегии в Белое море. Во время пребывания Оттара в Англии при дворе короля Альфреда Великого (872–899 или 901 гг.) рассказ о его путешествии был записан и включен королем Альфредом в перевод на англосаксонский язык *Истории против язычников* Павла Орозия. Подробнее см.: МАТУЗОВА (1979), с. 20–21, 24–25, 28–33 (коммент. 28–48).

³³ МАТУЗОВА (1979), с. 20–21, 24–25, 29–30.

³⁴ AL-IDRISI, *Opus geographicum*, p. 953; TALLGREN-TUULIO (1936), p. 79–80, 107, 209.

фической традиции назывались *Бьярмаландом*. Известия о даннической зависимости *Бьярми* от Руси имеются в исландском географическом трактате под условным названием *Описание Земли I* (конец XII в.) и в восходящем в нему в этой части сочинении *Грилла* (XIV в.)³⁵. На мой взгляд, сообщение ал-Идриси о том, что северной границей Руси были моря Северного Ледовитого океана, можно рассматривать в одном ряду со сведениями древнескандинавских источников о зависимости *Бьярми* от Руси и считать сообщение ал-Идриси хронологически первым свидетельством об этом.

Таким образом, сведения ал-Идриси о водном пути вдоль северного побережья Евразии были более или менее конкретными только для западной и восточной оконечностей этого маршрута, в то время как его срединная часть оставалась практически неизвестной географу. Принципиальная возможность беспрепятственного прохода по северному морскому пути хотя и была сформулирована географом в одном из разделов *Нузхат ал-муштак*, но опровергалась его же утверждениями, содержащимися в других частях сочинения. Противоречивый характер информации ал-Идриси о водных пространствах Северной Евразии в полной мере отразился и на его картах — круглой карте мира, где вокруг земли изображен Окружающий океан, и секционных, на которых сообщению между западными и восточными морями препятствует горная цепь *Кукъайя*.

К XIV веку в арабской географической литературе сведения о сообщении по северному морскому пути становятся более определенными. Мы находим их в сочинении сирийского историка и географа Абу ал-Фиды *Упорядочение стран (Тақвйм ал-булдан)*, законченном в 1321–1331 гг.³⁶. В обширном введении к сочинению Абу ал-Фиды приводит общие сведения о Земле, об экваторе, о семи «климатах», об обитаемом мире, о протяженности земли, а также о морях, которые географ рассматривает как части Окружающего моря.

Рассказав о морях, омывающих берега Африки, Индии и Китая, Абу ал-Фиды пишет:

...Затем море простирается на северо-восток, пока не достигнет моря Китая (ал-Сйн) и Индии (ал-Хинд), затем поворачивает на восток, пока не поравняется с крайним восточным пределом земли. Там находится страна Китай. Затем море отклоняется к востоку от Китая и идет в направлении севера, затем простирается на север, [протекая] к востоку от страны Китай, пока не

³⁵ МЕЛЬНИКОВА (1986), с. 81, 159.

³⁶ Об Абу ал-Фиде и его географическом сочинении см.: КОНОВАЛОВА (2009), с. 76-91 (там же библиография).

выйдет за ее пределы и не поравняется с преградой Йāджūджа и Мāджūджа. Затем море поворачивает, окружая земли, состояние которых [нам] неизвестно, простирается на запад и оказывается к северу от Земли, равняется со страной Русь (ал-Рūs), минует ее и поворачивает на запад и на юг, окружая Землю, и оказывается в западной части. [Далее] море простирается вдоль берегов, [населенных] различными неверными народами, и равняется со страной Рūмиййа³⁷ на западе...³⁸.

Данное описание Абу ал-Фиды, как и вышеприведенные сообщения ал-Идриси из десятой секции первого климата и пятой секции седьмого климата *Нузхат ал-муштак*, имеют много общего. Это, во-первых, указание на возможность плавания по северному морскому пути вдоль побережья Северной Евразии, во-вторых — направление движения (от берегов Китая в Европу, то есть с востока на запад), в-третьих — упоминание земли *Йāджūджа* и *Мāджūджа* и Руси как стран, выходящих к северным морям. В то же время описание Абу ал-Фиды имеет существенные отличия от информации ал-Идриси, главное из которых состоит в том, что Абу ал-Фида' очень внятно говорит о всех этапах маршрута и отмечает, что, поворачивая на запад близ земли *Йāджūджа* и *Мāджūджа*, Окружающее море оказывается «к северу от Земли». Кроме того, по сравнению с данными ал-Идриси, Абу ал-Фида' продолжает маршрут не только до побережья Руси, но и ведет его дальше на запад и на юг вплоть до Италии.

Абу ал-Фида' ничего не сообщает об источниках своих сведений о северном морском пути, но можно с высокой степенью вероятности предполагать, что он опирался на какую-то карту мира, принадлежавшую к традиции «классической школы» X века. Именно такая карта должна была помочь географу сформировать представление о возможности прямого морского путешествия из Китая вокруг Северной Евразии до Средиземного моря. Об отсутствии иных источников для описания пути по морям Северного Ледовитого океана свидетельствует полное молчание Абу ал-Фиды о каких-либо отрезках данного маршрута в основной части *Тақвīm ал-булдāн*, несмотря на то, что там имеется специальный раздел, посвященный северным землям — «Рассказ о северной части земли, охватывающей страны франков, турок и других народов»³⁹.

Вместе с тем в этом разделе сочинения есть фрагмент, указывающий на неслучайность упоминания географом Руси в контексте описания северного морского пути во Введении к *Тақвīm ал-булдāн*:

³⁷ Наименование Италии в арабской географической литературе.

³⁸ *Géographie d'Aboulféda*... p. 20.

³⁹ *Géographie d'Aboulféda*... p. 198-224.

К числу расположенных на севере областей относится страна Русь (ал-Рӯс). Русы живут к северу от города Билāра, упомянутого в таблице⁴⁰. К северу от русов обитает народ, который ведет торговлю, не видя своих торговых партнеров. Некто из ездивших в ту страну рассказывал, что ее жители обитают вплоть до берега Северного моря (*ал-бахр ал-шимāли*). Он говорил, что, когда в их пределы приходит караван, торговцы начинают с того, что дают знать о его приходе. Затем они приближаются к месту, определенному для продажи и купли. Каждый торговец кладет свой товар, снабженный ярлыком, и они возвращаются в свои жилища. Тогда появляются туземцы и кладут напротив того товара шкурки соболя, лисы, рыси и тому подобные, оставляют их и удаляются. Затем возвращаются торговцы, и тот, кому понравился предмет, предлагаемый на обмен, берет его; а кому не понравился — оставляет его до тех пор, пока обе стороны не придут к взаимному согласию⁴¹.

Сообщение Абу ал-Фиды о народах Европейского Севера вполне традиционно для исламской литературы. О меновой торговле, распространенной у народов этого региона, писали и более ранние арабские авторы⁴². Однако в описании Абу ал-Фиды есть детали, отсутствующие у других писателей, такие как указание на местонахождение народа, ведущего меновую торговлю, к северу от русов, а также ссылка на слова путешественника, очевидца этой торговли⁴³. Предполагается, что этим путешественником мог быть Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Булгар и оставивший в одном из своих сочинений описание меновой торговли у северных народов Восточной Европы⁴⁴.

Возможно, что и сведения о том, что Русь выходит к побережью северных морей, Абу ал-Фиды узнал из устных источников. Вместе с тем в упоминании Руси, которое фигурирует в описании Окружающего моря во Введении к сочинению Абу ал-Фиды, можно видеть определенные параллели с рассказом ал-Идриси о том, что «западный край моря Мрака» «граничит с северной [стороной страны] ар-Рӯсийа».

---

⁴⁰ В составе сочинения Абу ал-Фиды наряду с повествовательной частью имеются таблицы, в которых сведены данные о городах различных стран и областей мира. *Билāр* — ошибочное наименование города Булгара у Абу ал-Фиды: КОНОВАЛОВА (2009), с. 162-163.

⁴¹ *Géographie d'Aboulféda...* p. 201-202.

⁴² Сводку известий см.: ЗАХОДЕР (1967), с. 62-65.

⁴³ ЗАХОДЕР (1967), с. 64-65.

⁴⁴ *Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати...* с. 32-33, 105; ЗАХОДЕР (1967), с. 65.

Таким образом, в сообщениях арабских географов IX–XIV вв. о морях Северной Евразии, прослеживаются две линии, обе из которых развивают идеи античной географии. Первая из них продолжает традицию Клавдия Птолемея, полагавшего, что моря, которые омывают северо-западную часть Евразии, не соединялись с морями, расположенными в ее восточной части. В наиболее последовательном виде эти представления развивались в рамках математического (астрономического) направления арабской географии, основоположником которого был ал-Хорезми. Ученые же, работавшие в жанре описательной географии, опирались на другую античную традицию, согласно которой земля была со всех сторон окружена океаном, что делало возможным плавание по северным морям из Китая в Европу и обратно. Предпринятая ал-Идриси попытка внесения птолемеевских идей в жанр описательной географии привела к тому, что и в текстовой части сочинения, и на картах ал-Идриси изображение морей Северной Евразии приобрело противоречивый характер, то допуская возможность прямого маршрута по северным морям, то, напротив, исключая ее.

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

Источники

- Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum...* — *Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum*, Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C. NALLINO (Mediolani, 1907), pt. 3.
- AL-IDRĪSĪ, *Opus geographicum* — AL-IDRĪSĪ, *Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant"*, consilio et auctoritate E. CERULLI, F. GABRIELI, G. LEVI DELLA VIDA, L. PETECH, G. TUCCI. Una cum aliis ed. A. BOMBACI, U. RIZZITANO, R. RUBINACCI, L. VECCIA VAGLIERI (Neapoli – Romae, 1970–1984), fasc. I–IX.
- Das Kitāb Šūrat al-Arḍ...* — *Das Kitāb Šūrat al-Arḍ des Abū Ġa'far Muḥammed Ibn Mūsā al-Ḥuwārizmī*, Hrsg. H. v. MŽIK (Leipzig, 1926).
- FERRAND (1913) — FERRAND, G. *Relations de voyages et texts géographiques arabes, persans et turks relatives à l'Extrême-Orient du VIII au XVIII siècles* (P., 1913), t. 1.
- Géographie d'Aboulféda...* — *Géographie d'Aboulféda*, Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane (P., 1840).
- MILLER (1927) — MILLER, K., *Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten* (Stuttgart, 1927), Bd. VI.
- TALLGREN-TUULIO (1936) — Tallgren-Tuulio O.J., *Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique*,

Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusq'a la peninsule balkanique au Sud / Edition critique, traduction, études (Helsinki, 1936).

- КАЛИНИНА (1988) — КАЛИНИНА Т.М., *Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, перевод, комментарий* (М., 1988).
- КОНОВАЛОВА (2009) — КОНОВАЛОВА И.Г., *Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий* (М., 2009).
- КОНОВАЛОВА (2006) — КОНОВАЛОВА И.Г., *Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий* (М., 2006).
- МАТУЗОВА (1979) — МАТУЗОВА В.И. *Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий* (М., 1979).
- МЕЛЬНИКОВА (1986) — МЕЛЬНИКОВА Е.А., *Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий* (М., 1986).
- ПОДОСИНОВ, СКРЖИНСКАЯ (2011) — ПОДОСИНОВ А.В., СКРЖИНСКАЯ М.В., *Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший: Тексты, перевод, комментарий* (М., 2011).
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.)*, публ. О.Г. БОЛЬШАКОВА и А.Л. МОНГАЙТА (М., 1971).

Исследования

- GUTAS (1998) — GUTAS, D., *Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early 'Abbāsid Society (2nd – 4th / 8th – 10th centuries)* (L., 1998).
- History of Cartography* (1992) — *History of Cartography*, ed. by J.B. HARLEY, D. WOODWARD (Chicago — L., 1992), vol. II, book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*.
- HONIGMANN (1929) — HONIGMANN, E., *Die Sieben Klimata und die πολεὶς ἐπίσημοι* (Heidelberg, 1929).
- KLEIN-FRANKE (1980) — KLEIN-FRANKE, F., *Die klassische Antike in der Tradition des Islam* (Darmstadt, 1980).
- LEWICKI (1961) — LEWICKI, T., “Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w.”, *Slavia antiqua* (1961), t. VIII.
- MAQBUL (1992) — MAQBUL, A.S., “Cartography of al-Sharīf al-Idrīsī”, *History of Cartography*, ed. by J.B. HARLEY, D. WOODWARD (Chicago – L., 1992), vol. II, book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*.
- TIBBETS (1992) — TIBBETS, G.R., “The Balkhī School of Geographers”, *History of Cartography*, ed. by J.B. HARLEY, D. WOODWARD (Chicago – L., 1992), vol. II, book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*.
- ЗАХОДЕР (1967) — ЗАХОДЕР Б.Н., *Каспийский свод сведений о Восточной Европе* (М., 1967), т. II: *Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне*.

КОНОВАЛОВА (1999) — КОНОВАЛОВА И.Г., *Восточная Европа в сочинении ал-Идриси* (М., 1999).

КРАЧКОВСКИЙ (1957) — КРАЧКОВСКИЙ И.Ю., «Арабская географическая литература», КРАЧКОВСКИЙ И.Ю., *Избранные сочинения* (М. – Л., 1957), т. IV.

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, irina_konovalova@mail.ru

SUMMARY

NORTHERN EURASIA IN MEDIEVAL ARAB GEOGRAPHY

Irina KONOVALOVA

The paper deals with the messages of Arab geographers of the IXth–XIVth centuries on the extreme north of the Eurasian continent and on the way by the northern seas from Europe to China and back. Analysis of the messages of the Arab scholars in the context of Ancient geographical tradition about the northern parts of the ecumene allows to reveal their sources, and the further development of ideas borrowed by Islamic geographers from the writings of Ancient authors. Reports of Arab geographers allow to trace two lines, both of which develop the ideas of Ancient geography. The first one continues the tradition of Ptolemy, who believed that the sea that washed the north-western part of Eurasia, was not connected with the seas, located in the east of the continent. The most consistent form of these ideas was developed in the framework of mathematical (astronomical) direction of the Arab geography. In contrast, representatives of the genre of descriptive geography relied on another ancient tradition according to which the earth was surrounded on all sides by the ocean, making it possible to sail through the northern seas from China to Europe and back. An attempt undertaken by al-Idrisi to introduce Ptolemaic ideas into the genre of descriptive geography has led to the fact that both in the text of al-Idrisi and on his maps the image of the seas of Northern Eurasia has become controversial, sometimes allowing the possibility of a direct route through the northern seas, or on the contrary, sometimes excluding it.

Key words: Medieval Arab geography, al-Khwārazmī, al-Idrīsī, Abū al-Fidā', Northern Eurasia, Northern Sea Route.

Irina KONOVALOVA, DrSc (History), Deputy Director of Institute for World History, RAS, irina_konovalova@mail.ru

М.М. ГОРЕЛОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГЕРАЛЬДИКА В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ И
ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

В настоящей статье показано, что культурное наследие Средневековья благополучно существует и оказывает влияние на умы людей вплоть до сегодняшнего дня, в частности, в лице геральдики, которая живёт и развивается в Великобритании благодаря плавной эволюции культурных и политических традиций в этой стране на протяжении столетий.

Ключевые слова: геральдика, традиции, монархия, герольд, аристократия.

Великобритания имеет устойчивую репутацию страны, в которой с большим пиететом относятся к традициям, бережно сохраняя даже те из них, которые могут показаться архаичными пережитками прошлого человеку с модернистским мышлением. Причина этого, возможно, кроется в том, что в британской истории Нового времени отсутствовали такие социальные перевороты, которые бы за короткий срок насильственно изменили бы социальную структуру и культуру общества, начисто истребив какие-либо прежде господствующие слои и сохраняемые ими традиции. Несмотря на революционные потрясения XVII в., английское общество в культурном смысле осталось приверженным эволюционному пути развития, который и создавал благоприятные условия для консервации древних традиций, до наших дней пользующихся уважением и интересом у широких масс рядовых британских граждан. Иерархическая культурная модель общества, при которой низшие классы видят образцы для подражания в культуре высших классов, способствовала плавной рецепции традиций, а также тому, что даже такая преимущественно аристократическая по происхождению область знания как геральдика пользуется спросом и популярностью среди множества людей совершенно незнатного происхождения. На протяжении XX в. блеск имперской эстетики, вдохновляемый романтическим прочтением прошлого, ока-

зывал, как и прежде, значительное влияние на умы англичан, и геральдика как воплощение этого самого прошлого была и остаётся одним из элементов культурной связи эпох и поколений. Это отличает Великобританию от таких стран, как, например, Россия и многие другие государства, где резкие и масштабные революционные потрясения в XVIII–XX вв. создали радикальный разрыв с дворянской, монархическо-аристократической культурой прошлого, массово уничтожив самих её носителей и приведя к кардинальному социально-политическому переустройству общества.

В частности, в Великобритании на протяжении веков и по сей день работает в полном объёме официальный геральдический орган — Геральдическая коллегия, состоящий из государственных чиновников, которые ведают не только хранением реестров гербов и их носителей, оставшихся от предыдущих времён, но и дизайном, присвоением и регистрацией новых гербов, а также охраной прав их обладателей от каких-либо посягательств на герб. Всё это имеет абсолютно серьёзный характер, как и любая другая область государственной деятельности. Структура Геральдической коллегии включает в себя несколько уровней: формальный глава носит титул «Эрл (Граф) Маршал», затем следуют 3 гербовых короля, 6 герольдов и 4 младших герольда (персеванта). Верховный гербовый король носит титул «Подвязки» (что говорит о его принадлежности к известному ордену), остальные два ответственны за Юг и Север страны. (К Северу относится также Северная Ирландия). В Шотландии аналогичный орган называется «Двор Короля Льва» и включает в себя главу — «Лорда Льва», 3 герольдов и 3 младших герольдов¹. Все эти должности уходят корнями в средневековое прошлое и потому носят традиционные, старинные наименования, происходящие из феодальных имён собственных и их привязки к регионам страны. Чиновники Геральдической коллегии обычно также участвуют в проведении церемоний, ритуализирующих жизнь монархических институтов Великобритании — например, в коронации монарха, введении новых членов в Палату Лордов британского Парламента, и т.п.

Коллегия гербов имеет официальный действующий веб-сайт <http://college-of-arms.gov.uk/>, содержащий всю необходимую информацию о деятельности и истории этого учреждения, публикации и новости.

Помимо этого официального органа, в Великобритании популярны неформальные ассоциации любителей и исследователей геральдики и генеалогии, самой известной из которых является Ге-

---

¹ См.: MONCREIFFE (1978), p. 48-49.

ральдическое Общество, основанное в 1947 г. Дж. Брук-Литтлом (первоначально оно существовало под названием «Общество геральдистов-антиквариетов»; это название было заменено на современное в 1950 г.). Это общество имеет свои ответвления в бывших доминионах и частях Британской Империи — Канаде, Новой Зеландии и т.д., занимаясь исследованиями в области геральдики, генеалогии, и популяризацией этих дисциплин². Общество имеет свой веб-сайт <http://www.theheraldrysociety.com/index.htm>, ведёт просветительскую деятельность путём организации лекционных курсов в Лондоне и развития тематической коммуникации в Интернете, издаёт выходящий два раза в год альманах *Coat of Arms* (с 1950 г.) и журнал *The Heraldry Gazette* (с 1957 г.), публикующие статьи по самым разным аспектам прошлого, настоящего и будущего геральдики и её места в современном мире³. Аналогичной ассоциацией является более молодое по дате основания «Общество Белого Льва», основанное в 1986 г. и осуществляющее финансовую и иную поддержку деятельности геральдических органов Соединённого Королевства⁴. Как правило, организацией деятельности этих обществ занимаются действующие или вышедшие в отставку чиновники герольдии, такие как, например, упомянутый выше Дж. Брук-Литтл, посвятивший всю свою профессиональную жизнь карьере герольда и дослужившийся до должности гербового короля. Таким образом, складывается характерная для западноевропейской культуры в целом система поддержки официальных органов (в данном случае — британской Геральдической коллегии) общественными организациями, опирающимися, по всей видимости, на многовековую традицию клубов. Надо также отметить, что организаторы геральдических ассоциаций имеют характерную склонность к участию в деятельности и других аналогичных организаций, тем самым создавая сеть личных и деловых связей в интересующей их области; так, например, тот же Дж. Брук-Литтл являлся членом рыцарских орденов и других аристократических организаций⁵.

Геральдическое Общество занимается также популяризацией геральдики путём образования для всех желающих, организуя курсы лекций, читаемых специалистами. Посещение лекций осуществляется за умеренную плату, поскольку Общество работает на основе

---

² См.: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Heraldry_Society (апрель, 2016).

³ См.: http://www.theheraldrysociety.com/publications/c_o_a.htm (апрель, 2016); http://www.theheraldrysociety.com/publications/h_g.htm# (апрель, 2016).

⁴ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/White_Lion_Society (апрель, 2016).

⁵ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/John_Brooke-Little (апрель, 2016).

самофинансирования, как частная организация⁶. Курс оканчивается письменными экзаменами, включающими три ступени. В результате успешной сдачи первых двух учащихся получает диплом Общества, а третья ступень предполагает написание диссертационной работы по какому-либо аспекту геральдики⁷.

Также Общество предоставляет доступ к книжным коллекциям по геральдике в библиотеках, как в столице, так и в регионах⁸. На веб-сайте Общества имеются многочисленные ссылки на контакты с другими аналогичными органами в разных странах мира.

Несколько в ином ключе работает ещё одна общественная геральдическая ассоциация Великобритании — Харлейское Общество, основанное ещё в 1869 г. Своей основной задачей оно видит публикацию исторических источников по геральдике, таких как визитации (инспекционные поездки герольдов), реестры, генеалогические документы прошлых столетий. Общество пользуется солидной научной и издательской репутацией, сотрудничая с Геральдической коллегией⁹.

Наряду с упомянутыми выше учебными курсами Геральдического Общества, предоставлением услуг в области образования по геральдике и генеалогии в Великобритании занимается основанный в 1961 г. Институт геральдических и генеалогических исследований. Образовательная программа Института предполагает различные формы обучения на выбор — дневную, вечернюю, заочную. По итогам обучения проводится экзамен, кроме того, студенты пишут дипломную работу. Результатом обучения становится получение диплома специалиста (лиценциата). Следует отметить, что геральдика и генеалогия рассматриваются как составные части комплекса «семейной истории», изучению каковой, собственно, и посвящена учебная программа Института¹⁰.

Британская историография XX в., связанная с геральдикой, относительно богата, хотя это несколько омрачено недоступностью многих книг для российского читателя. В следующем ниже обзоре мы остановимся на наиболее ярких образцах геральдической историографии Англии прошедшего столетия, дающих представление об общей картине её эволюции и о месте геральдики в жизни британского общества и его культуре.

---

⁶ См.: <http://www.theheraldrysociety.com/services/prog.htm> (апрель, 2016).

⁷ См.: <http://www.theheraldrysociety.com/services/exam.htm> (апрель, 2016).

⁸ См.: <http://www.theheraldrysociety.com/resources/edu.htm> (апрель, 2016).

⁹ См.: <http://harleian.co.uk/> (апрель, 2016).

¹⁰ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Institute_of_Heraldic_and_Genealogical_Studies (апрель, 2016); <http://www.ihgs.ac.uk/index.html> (апрель, 2016).

Начало XX в. ознаменовалось переизданием двухтомника Дж. Фэйрбейрна 1859 г., посвящённого геральдической эмблематике Соединённого Королевства¹¹. Этот труд имеет утилитарно-прикладной характер: он содержит таблицы с изображениями геральдической символики различных семей Англии, Шотландии и Ирландии, сопровождаемые лишь перечислением фамилий, но без комментариев и теоретических выкладок. Кроме фамильной геральдики, незначительное место в книге уделено также флагам различных государств, изображениям корон, монархических вензелей, и всего одна страница содержит довольно лаконичные и немногочисленные изображения основных геральдических фигур и элементов. Подобный подход объясняется тем, что книга была адресована в первую очередь граверам, ювелирам и другим представителям прикладного искусства и ремесла, которые выполняли вполне конкретные заказы клиентов и нуждались в наглядном пособии по правильному отображению геральдических символов на своих изделиях. Хотя данный труд нельзя рассматривать как учебное пособие по геральдике, обращает на себя внимание скорее тот факт, что и спустя полвека после его выхода он переиздавался и пользовался спросом; более того — очередное (репринтное) его переиздание было осуществлено в 1983 г. Это позволяет сделать вывод, что использование геральдики в различных областях прикладного искусства продолжает оставаться актуальным и востребованным делом и в современной Великобритании.

Также в XX в. были переизданы классические труды Ч. Бутелла по геральдике, написанные в XIX в.¹². Хотя книги Бутелла хронологически выходят за рамки нашего исследования, относясь к XIX в., в данном случае речь идёт об их относительно современной редакции, которую осуществил Ч. Скотт-Джайлс — член британского Геральдического Общества, младший герольд¹³. Именно поэтому его имя указано в качестве соавтора. В предисловии к книге Скотт-Джайлс отмечает, что фундаментальные труды Ч. Бутелла по геральдике *The Manual of Heraldry* (1863) и *English Heraldry* (1867) многократно переиздавались, и настоящее издание объединяет их¹⁴.

Преподобный Чарльз Бутелл (1812–1877) был клириком, археологом и антикваром из Норфолка (Восточная Англия), одним из

---

¹¹ См.: FAIRBAIRN, J., *Fairbairn's Book of Crests of the Families of Britain and Ireland* (L. – Edinburg, 1904).

¹² См.: BOUTELL C., SCOTT-GILES C.W., *Boutell's Heraldry* (L. – N Y, 1958).

¹³ См.: BOUTELL, SCOTT-GILES (1958), форзац.

¹⁴ См.: BOUTELL, SCOTT-GILES (1958), p. v.

основателей Лондонского и Мидлсексского Археологического Общества (1855), читал курс лекций по археологии в аналогичном обществе графства Суррей¹⁵. Книги Бутелла были посвящены в основном археологии и средневековой церковной скульптуре, в частности, надгробиям с изображениями персоналий. Таким образом, он рассматривал геральдику через призму археолога.

Специфику современного переиздания трудов Бутелла Скотт-Джайлс характеризует следующим образом: Бутелл писал в эпоху романтического увлечения Средневековьем, так называемого «Готического Возрождения», охватившего просвещённые слои британского общества; однако две Мировые войны в первой половине XX в. покончили с романтизмом, приведя общество к грубому реализму мировосприятия, поэтому стиль Бутелла несколько устарел и потребовал приведения его к удобной для современной публики манере¹⁶. Между тем, сам Скотт-Джайлс вполне в романтическом духе пишет, что «геральдика — это одно из тех тихих влияний, которые связывают века в цепь традиции»¹⁷. Тем не менее, далее он вполне реалистично отмечает, что геральдика за последние четыре столетия развивалась и усложнялась, следовательно, она является не мёртвым монументом прошлого, а живым явлением, которое эволюционирует¹⁸. Более того, она относительно популярна¹⁹.

В качестве адресата книги Скотт-Джайлс указывает, прежде всего, студентов, поскольку, по его словам, геральдика актуальна для изучения²⁰.

Что касается основного текста книги, написанного ещё Бутеллом, он имеет относительно стандартную структуру, впоследствии повторяющуюся во многих аналогичных трудах по геральдике. Вначале идёт краткий очерк об истории возникновения и развития геральдики. Затем следует разбитый на главы массив информации о терминах, элементах гербов, их простых и сложных формах, правилах составления, присвоения, обладания, современном состоянии геральдики в Великобритании и других странах мира, геральдических учреждениях и организациях. Кроме того, отдельные главы посвящены отображению геральдики в изобразительном искусстве, архитектуре и скульптуре, монетном деле, и т.п., что указывает на искусствоведческий акцент интересов автора.

¹⁵ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Boutell (апрель, 2016).

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ *Ibid.*, p. vi.

¹⁸ *Ibid.*, p. vii.

¹⁹ *Ibid.*, p. 1.

²⁰ *Ibidem*.

Ещё одно переиздание — книга А. Фокс-Дэвиса *A Complete Guide to Heraldry* — является одним из классических пособий по геральдике, написанных в конце XIX в.²¹

Автор (1871–1928) окончил квакерскую школу Экворт в Йоркшире и, хотя не учился в университетах, получил хорошее юридическое образование в корпорации барристеров (адвокатов)²² Линкольнз-Инн, куда поступил в 1906 г.²³ Впоследствии он посвятил себя изучению геральдики и написал по ней немало работ, кроме того переиздав фундаментальный труд Ч. Бутелла. Названия этих книг говорят сами за себя: *The Book of Public Arms* (1894), *Armorial Families* (1895), *The Right to Bear Arms* (1899), *The Art of Heraldry* (1904), *Heraldic Badges* (1906), и т.д. Будучи юристом, он также принимал участие в судебных разбирательствах по делам пэров²⁴.

А. Фокс-Дэвис рассматривал геральдику не как рудимент средневекового прошлого, представляющий интерес лишь для энтузиастов и антикваров, а как вполне актуальное, живое знание, претерпевающее определённое развитие даже в современную автору эпоху. В предисловии к книге он отмечает, что работы по геральдике, относящиеся к прошлому, неполны, неточны, содержат много неверной информации и ошибок. Он остроумно сравнивает это с состоянием других наук в прошедшие века, в которых имели и имеют место те же самые недостатки и проблемы²⁵. «Исследования постоянно продолжаются и пополняют наши знания», — отмечает Фокс-Дэвис²⁶. Каким же он видит место геральдики в современном ему обществе? По его мнению, геральдика актуальна до тех пор, пока существуют гербы, титулы, ордена. Кроме того, Фокс-Дэвис приводит финансовые основания пользы геральдики: поскольку в Великобритании многие либо имеют гербы, либо желают ими обзавестись, приобретение таковых и уплата налогов за обладание гербом приносят государственной казне ни много ни мало около 70 тыс. фунтов стерлингов в год, по подсчётам Фокс-Дэвиса²⁷. Из этого можно сделать вывод, что геральдика и обладание гербами

²¹ См.: FOX-DAVIES A.C., *A Complete Guide to Heraldry* (L.: Orbis, 1985).

²² Англосаксонская юридическая система сохраняет архаичное деление адвокатуры на 2 ранга — барристеров и солиситоров. Барристеры, имеющие более широкие полномочия, обычно состоят в одной из четырёх юридических корпораций Великобритании.

²³ См.: FOX-DAVIES (1985), p. ix.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ См.: FOX-DAVIES (1985), p. x.

²⁶ *Ibid.*, p. xi.

²⁷ *Ibid.*, p. xi-xii.

были в то время довольно популярным и распространённым явлением в британском обществе.

Структура книги Фокс-Дэвиса выглядит следующим образом. Глава 1 посвящена происхождению гербов, которое автор прослеживает вплоть до глубокой древности, возводя корни этого явления к тотемизму первобытных племён²⁸. Далее следуют обширные исторические экскурсы, в которых рассматривается символика цивилизованных народов древности, например — римские орлы, иудейские львы, египетские сфинксы²⁹. Текст главы снабжён многочисленными и пространными цитатами из античных поэм, в которых упоминается символика подобного рода. Фокс-Дэвис также отмечает прочную связь эмблематики с мифологией, из которой черпались образы для визуального изображения — боги, животные, герои³⁰. Не ограничиваясь Европой, автор прослеживает аналогичные явления у народов других регионов земного шара, затрагивая, в частности, японские родовые эмблемы «мон», отчасти служащие аналогом европейских феодальных гербов³¹. Также наличие подобной эмблематики имело место и в исламском мире, причём, по мнению автора, некоторые элементы пришли в Европу именно оттуда, с мусульманского Востока³². Наконец, даже татуировки различных народов, от древних кельтов до современных новозеландских маори, являются одним из генетических «предков» геральдики, поскольку представляют собой один из способов визуального отражения символики, несущей информацию о принадлежности носителя к той или иной этнической, социальной и культурной общности³³.

Переходя к истории английской геральдики, Фокс-Дэвис отмечает, что до Нормандского завоевания таковой в Британии в строгом смысле слова не существовало; имели место лишь племенные и родовые символы вышеописанного типа, восходящие к первобытности³⁴.

Глава 2 посвящена процессу эволюции гербов в связи с ростом и развитием дворянства. В главе 3 описывается устройство геральдических органов Великобритании, история становления и существования таких институтов как гербовые короли и геральдическая коллегия, герольды. Глава 4 содержит анализ иллюстративного ма-

²⁸ *Ibid.*, p. 1.

²⁹ *Ibid.*, p. 2-3.

³⁰ *Ibid.*, p. 8.

³¹ *Ibid.*, p. 9.

³² *Ibid.*, p. 10.

³³ *Ibid.*, p. 12.

³⁴ *Ibid.*, p. 10.

териала в виде средневековых надгробий знати, содержащих детальные изображения геральдической символики и тем самым являющихся важным историческим источником. Далее основной массив книги содержит подробнейшее описание (по главам) всех элементов гербов, их соединений, флагов и т.п.

Стиль изложения Фокс-Дэвиса характеризуется педантичным академизмом. В послесловии к книге Дж. Брук-Литтл отмечает, что, хотя Фокс-Дэвис писал в эпоху массового романтического увлечения Средневековьем (в том числе геральдикой как частью средневековой культуры), многие современники критиковали его за тяжеловесный академизм, «юридизм» изложения, считая его догматичным консерватором³⁵. Для адептов «Готического Возрождения» XIX в., тон в среде которых задавали писатели-романтики, искусствоведы и тому подобная публика, был характерен, скорее, романтико-мифологичный настрой, в ключе которого и воспринималось Средневековье, в том числе геральдика. Для них это был объект эмоциональных восторгов и переживаний, на фоне которых Фокс-Дэвис со своим «адвокатским» стилем выглядел скучным реалистом³⁶. Тем не менее, книга Фокс-Дэвиса благополучно переиздается до сих пор, пользуясь и тогда, и сейчас высокой репутацией именно за фундаментальность.

Функциям и статусу Геральдической коллегии посвящена работа У.Филлимора *Heralds' College and Coats-of-Arms Regarded from a Legal Aspect*³⁷. Она выдержана в историко-правоведческом ключе. Автор рассматривает геральдические институты Великобритании в процессе их формирования и развития, в тесной связи с юридическими нормами обладания гербами и их пожалования верховной властью, уделяя особое внимание королевским прерогативам в данной области. Кроме того, работа содержит едкий критический сарказм в адрес эгалитаристских идей некоторых публицистов, делая упор на нобилитетную концепцию присвоения гербов и обладания ими³⁸. Критике подвергается также популяризаторская профанация геральдики, ставшая данью модным тенденциям в литературе и искусстве XIX в. В целом, работа носит отчётливо полемический оттенок, имея своей задачей порицание «несерьёзного» отношения современников к геральдике и призывая к более консервативному, фундаментальному её осмыслению в духе старых традиций британской монархии.

³⁵ См.: FOX-DAVIES (1985), p. 483.

³⁶ *Ibidem*.

³⁷ См.: PHILLIMORE W.P.W., *Heralds' College and Coats-of-Arms Regarded from a Legal Aspect* (L., 1904).

³⁸ PHILLIMORE (1904), p. 7-10.

Значительное творческое наследие в области британской историографии геральдики связано с именем Э. Уагнера (1908–1995) — видного деятеля английской герольдии, посвятившего практически всю свою жизнь карьере в этой области. Уагнер поступил на работу в Геральдическую коллегия в 1931 г. и на протяжении своей многолетней профессиональной деятельности прошёл ступени от младшего герольда до верховного гербового короля Великобритании. По его инициативе в лондонском Тауэре в 1981 г. был открыт Музей герольдов, первым директором которого стал сам Уагнер³⁹.

В силу своих профессиональных обязанностей и высокого положения Уагнер имел доступ к обширнейшим сведениям и источникам по средневековой геральдике. Геральдическая коллегия обладает богатейшим собранием таковых, в частности — реестрами пожалований гербов, геральдических визитаций XVI–XVII вв., родословных. Общий объём данного собрания составляет около 750 томов. Кроме этого, есть и другие собрания документов, чья датировка уходит ещё к XIV в.⁴⁰ Уагнер успешно занимался публикацией источников, выпустив, в частности, каталог английских гербовых свитков⁴¹, а также собственно материалы Геральдической коллегии⁴². Помимо этого, перу Уагнера принадлежит ряд работ по истории геральдики и геральдических учреждений Англии⁴³.

Из заметных геральдических работ середины XX в. можно выделить, в частности, книгу Й. Монкрейффа и Д. Поттингера *Simple Heraldry*⁴⁴. Авторы книги имеют самое непосредственное отношение к геральдике: Й. Монкрейфф — известный специалист по генеалогии и геральдике, юрист, дворянин (баронет), участник церемонии коронации британской королевы. Д. Поттингер — знаменитый художник, иллюстратор, дизайнер геральдических эмб-

³⁹ http://en.wikipedia.org/wiki/Anthony_Wagner (апрель, 2016).

⁴⁰ <http://www.college-of-arms.gov.uk/About/03.htm> (апрель, 2016).

⁴¹ См.: *Aspilogia I: A Catalogue of English Medieval Rolls of Arms* (Oxford, 1950); *Aspilogia II: Rolls of Arms, Henry III (Additions and Corrections)* (Oxford, 1967).

⁴² *The Records and Collections of the College of Arms (Burke's Peerage, 1952)*.

⁴³ См.: *Heraldry of Britain* (Oxford, 1939); *Heralds and Heraldry in the Middle Ages* (L., 1939; 2nd ed. 1956); *Heraldry in England* (L., 1946); *Heralds of England: A History of the Office and College of the Arms* (L., 1967); *Heralds and Ancestors* (L., 1978).

⁴⁴ См.: MONCREIFFE I., POTTINGER D., *Simple Heraldry* (Edinburg, 1978). Эта книга является переизданием оригинала 1953 г.

лем. Оба автора — сотрудники шотландской герольдии, причём Монкрейфф с 1961 г. носил звание непосредственно герольда⁴⁵.

Книга *Simple Heraldry* с момента своего выхода в свет получила широкую известность в англоговорящем мире. Она написана на редкость доступным и лёгким языком, в отличие от академических трудов в духе Фокс-Дэвиса, и адресована всем интересующимся основами геральдики. Как подчёркивает Й. Монкрейфф, она является именно кратким пособием, открывающим для неосведомлённого читателя дверь в мир геральдики, а за подробностями и более глубокими изысканиями лучше обращаться к трудам Бутелла, Фокс-Дэвиса и других признанных авторитетов⁴⁶. Фактически, книга всем своим видом напоминает учебник для школьников, с яркими, нарисованными в шуточной манере иллюстрациями, привлекающими своим юмором. Текст книги предельно лаконичен и прост, будучи понятным даже совершенно далёкому от геральдики обывателю. Структура книги включает в себя несколько глав с запоминающимися названиями: «Герб и человек» — краткая история возникновения геральдики; «Герб и семья» — о правилах наследования гербов; «Герб и народ» — о государственных, корпоративных, региональных гербах и эмблемах; «Герб и корона» — о символике королевского дома и вооружённых сил; «Герб и правила» — собственно об элементах и правилах геральдики; «Герб и вы» — о порядке приобретения собственного герба в условиях современной авторам Великобритании⁴⁷. Иллюстрации сопровождают буквально каждый абзац текста, закрепляя информацию в глазах читателя соответствующей забавной картинкой; на картинках в стиле героев мультфильмов изображены короли, рыцари, сарацины, животные, корабли, здания, различные жизненные ситуации — ссоры, дуэли, сражения, свадьбы, похороны, богослужения, судебные процедуры и, наконец, сами гербы и их элементы, так или иначе связанные с этими ситуациями. Подобный стиль иллюстрирования характерен также для британских учебников родного и иностранного языка 1950–1960-х годов, в которых аналогичные картинки постоянно сопутствуют тексту, закрепляя изучаемый материал.

Книга адресована в основном англоязычной аудитории, причём как в самой Великобритании, так и миру Британского Содружества, в том числе тогдашних доминионов Британской Империи, к началу 1950-х годов ещё бывшей исторической реальностью⁴⁸. Вместе с тем,

⁴⁵ См.: MONCREIFFE (1978), задняя обложка.

⁴⁶ См.: MONCREIFFE (1978), p. 4-5.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 7.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 5.

простота книги делает её доступной и для любой другой аудитории в иных регионах мира. Сами авторы постоянно подчёркивают своё шотландское происхождение, сравнивая правила осуществления связанных с геральдикой юридических процедур в Англии и Шотландии.

Говоря о применении геральдики в современной жизни, авторы упоминают личную и корпоративную символику, декоративное искусство⁴⁹. Также вполне серьёзно описывается, каким образом можно получить герб современному жителю Великобритании: подробно излагается, в какие инстанции следует обращаться, как оформлять данную процедуру, какова её стоимость. Между прочим, стоимость приобретения герба в ценах 1950-х гг. оказывается не такой уж малой, составляя 530 фунтов стерлингов. Кроме того, в тексте отмечается серьёзность законодательной охраны личного герба от посягательств на него⁵⁰. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в Великобритании в середине XX в. популярность геральдики была действительно велика. Об этом говорит и сам Монкрейфф, отмечая, что, например, с 1930-х годов до момента создания книги в одной только Шотландии было зарегистрировано больше новых гербов, чем за предыдущие три столетия⁵¹. Это говорит о большом интересе британцев к ней и о том, что геральдика оставалась актуальным знанием. Сам Монкрейфф несколько романтично именуется её «цветочной изгородью сада истории»⁵².

Несколько в ином ключе, нежели вышеперечисленные труды геральдистов, выдержана книга Дж. Бролта⁵³. Автор — не специалист по геральдике с юридическим образованием, а профессор французского языка, филолог, преподающий в университете; поэтому он рассматривает геральдику прежде всего с точки зрения её отражения в средневековой литературе, которую он преподаёт студентам. Задачей своей работы Бролт видел в создании надёжного учебного пособия для изучающих как геральдику и генеалогию, так и литературу, историю, искусство, то есть для широкого круга учащихся-гуманитариев⁵⁴. По сути, основную часть книги составляет глоссарий геральдических терминов на старофранцузском языке, взятых из гербовников — исторического источника, издававшегося в Великобритании с 1950 г. На этом материале автор делает попыт-

⁴⁹ *Ibid.*, p. 14.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 62-63.

⁵¹ *Ibid.*, p. 4.

⁵² *Ibidem.*

⁵³ См.: BRAULT G.J., *Early Blazon* (Oxford, 1972).

⁵⁴ См.: BRAULT (1972), p. 1.

ку раскрыть перед читателем эволюцию герба с древних времён до 1300 г. — хронологического рубежа, на котором, по его мнению, закончилось формирование основных правил и канонов геральдики⁵⁵. Словарь геральдических терминов содержит не только их объяснение, но и соответствующие цитаты из источников. Помимо глоссария, книга также содержит краткое руководство по основам геральдики с иллюстрациями основных геральдических фигур и элементов, а также вводную статью автора, в которой рассматривается взаимосвязь геральдики со средневековой литературой и её отображение в ней на примере рыцарских романов об Артуре, Тристане и Изольде, и др.

В 1973 г. вышло в свет иллюстрированное собрание публикаций Британского музея⁵⁶, в которое вошли многочисленные геральдические манускрипты, местные гербовые свитки и даже хроники Матвея Парижского, собранные сотрудниками музея в течение длительного периода времени буквально со всей страны. Издание было снабжено глоссарием и подробным перечнем источников по геральдике, находящимися в ведении музея.

Говоря о работах, освещающих мировую геральдику, отметим книгу Л. Пайна *International Heraldry*⁵⁷. Л. Пайн (1907–1987) — ветеран Второй Мировой войны, бывший военный лётчик, выпускник Лондонского Университета, юрист, барристер (адвокат). Помимо этого, он успешно и плодотворно работал в области журналистики и издательского дела⁵⁸. Пайн — специалист преимущественно по генеалогии, автор многочисленных трудов по истории аристократии, знатных родов (в том числе валлийских). Названия его книг говорят сами за себя: *Trace your Ancestors* (1953), *The Story of the Peerage*, *Tales of the British Aristocracy*, *Princes of Wales* (1970), *Your Family Tree*, *The Genealogist's Encyclopedia*, *The Story of Titles* (1969) и др. Данная книга, как и некоторые другие работы Л. Пайна, освещает вопросы геральдики и написана в доступном, научно-популярном стиле, лёгком для восприятия даже абсолютно неподготовленным читателем. Структура книги относительно стандартна: в ней есть главы о происхождении геральдики, о геральдике Англии и Шотландии, о геральдике корпоративной (военной, территориально-региональной, гражданской и т.п.), монархической, европейской,

---

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ WRIGHT C.E., *English Heraldic Manuscripts in the British Museum* (British Museum publications ltd., 1973).

⁵⁷ См.: PINE L.G., *International Heraldry* (L., 1970).

⁵⁸ См.: http://en.wikipedia.org/wiki/L.G._Pine (апрель, 2016).

американской, восточной. Вкратце рассматриваются национальные геральдические традиции, их эволюция вплоть до нашего времени, геральдические институты и учреждения разных стран, особенности правил присвоения гербов в разных странах. К недостатку книги можно отнести характерный для британцев «англоцентризм»: если об английских реалиях написано весьма подробно, то остальной мир освещается тем меньше, чем дальше он расположен от англоговорящего «центра». Так, например, немецкая геральдика, одна из самых богатых в мире по своим традициям и накопленной фактуре, уже является загадочным и малоизвестным пространством для англосакса в силу языкового барьера, а в главах о геральдике восточно-европейских стран (например, Польши) порой содержатся довольно сомнительные сведения. Азиатская геральдика тоже освещена выборочно и отрывочно — в основном на примерах знакомых англичанам бывших колоний, например, Индии.

Книга М. Маклагана *History of the Royal Families of Europe* (1981)⁵⁹, научного сотрудника Тринити-Колледжа в Оксфорде, герольда и историка, посвящена генеалогии и геральдике монарших домов Европы в тесной связи с политической историей. Она разбита на главы по страноведческому принципу, каждая из которых содержит сжатое изложение политической истории того или иного государства и правивших там династий, а также роскошно иллюстрированные генеалогические таблицы, в которых текстуальной информации о правителях и их браках сопутствуют красочные изображения династических и личных гербов. В целом, книга демонстрирует факт интереса британской публики к мировой истории и геральдике как её части. Вместе с тем, как отмечает сам автор, многие сюжеты и сведения из истории тех или иных государств мало изучены и мало известны англоязычному обществу⁶⁰. В частности, это касается стран Восточной Европы, по-прежнему в значительной степени остающихся для исторического сознания англичан далёкой и экзотической периферией.

Новый словарь геральдики, изданный С. Фрайером⁶¹, представляет собой заметное событие в британской историографии геральдики XX в. Во-первых, сам Фрайер является известным специалистом в области геральдики, активно публиковавшимся в периодическом издании Геральдического Общества — журнале *The*

⁵⁹ См.: MACLAGAN M., *History of The Royal Families of Europe* (N. Y., 1981).

⁶⁰ См.: MACLAGAN (1981), p. 8-9.

⁶¹ См.: *A New Dictionary of Heraldry*, ed. S. FRIAR (L., 1987)/

Heraldry Gazette, а также главой местного геральдического общества в своём родном графстве Дорсет, где он, помимо всего прочего, вёл школы для интересующихся этим предметом⁶². Во-вторых, весьма впечатляет состав авторов и консультантов, привлечённых к работе над словарём: в их числе — 8 герольдов обоих рангов и даже гербовый король⁶³, что демонстрирует фундаментальный подход к поставленной задаче. Заслуга Фрайера — уже сам факт организации столь внушительного коллектива специалистов. Что же касается позиции самого Фрайера по отношению к данной работе, он считал, что словарь может быть полезен абсолютно всем интересующимся геральдикой, в том числе тем, кто сталкивается с ней порой чисто в рамках своих хобби: нумизматам, филателистам, коллекционерам антиквариата, любителям старинной архитектуры и скульптуры, генеалогии⁶⁴. Наконец, как отмечает Фрайер, даже совсем неискушённый обыватель может заинтересоваться геральдикой, увидев её образцы во время банального посещения церкви — на надгробиях, украшениях храма, или в виде корпоративной символики и т.п.⁶⁵.

Фрайер особо разделяет два пласта знания о гербах, которые могут различаться в английском языке (в отличие от русского, в котором понятие «геральдика» имеет, как кажется, более обобщающий характер): “heraldry” — это совокупность правил начертания и изображения гербов, то есть, прикладное измерение, тогда как “armory” — знание о сути и идеях гербовой символики⁶⁶. Соответственно, в компетенции данного словаря он видит место для раскрытия и того, и другого. Словарь действительно имеет весьма фундаментальный характер и содержит как короткие терминологические статьи, так и пространные теоретические — например, о происхождении геральдики, о рыцарской этике и культуре, и т.п., тем самым создавая у читателя объёмную картину предмета.

В 1993 г. Фрайер в соавторстве с Дж. Фергюсоном выпустили в свет книгу *Основы геральдики*⁶⁷, которая недавно была переведена на русский язык и издана издательством «Астрель» под заголовком *Геральдика. Гербы — символы — фигуры*. Данная работа совершенно однозначно ориентирована на британского читателя; хотя авторы уделяют внимание истории возникновения и становления

---

⁶² FRIAR (1987), задняя обложка.

⁶³ *Ibid.*, p. 5.

⁶⁴ FRIAR (1987), форзац.

⁶⁵ *IBID.*, p. 7.

⁶⁶ *Ibidem.*

⁶⁷ FRIAR, S. and FERGUSON, J. *Basic Heraldry* (L., 1993).

геральдики, прослеживая её истоки вплоть до древнейших времён (подобно Фокс-Дэвису), речь в ней идёт с самого начала почти исключительно об английской геральдике. Хотя представленный материал весьма богат, в том числе с иллюстративной точки зрения, к недостаткам книги можно отнести, прежде всего, характерную для многих англоязычных авторов манеру изложения, при которой теоретическая часть и фактология практически не разделены; авторы сразу же погружают читателя в море фактов, имён и прочей конкретики, за которой подчас теряется общий сюжет той или иной главы. В структуре книги значительное место уделено бытованию геральдики в исторических реалиях собственно Англии, и лишь во второй её половине речь идёт уже о геральдических фигурах, элементах и правилах как таковых. Особое внимание авторы уделяют критике распространённой в прошлом концепции о появлении геральдики в связи с распространением закрытого защитного вооружения рыцарей и необходимости их идентификации на поле боя, подчёркивая, что корни формирования развитой геральдической традиции в Западной Европе в XII в. следует искать скорее в так называемом «Возрождении XII в.», способствовавшем развитию индивидуализма и культа личных заслуг, персонального статуса⁶⁸.

Небезынтересна статья сотрудника отделения английского языка Университета Шеффилда Дж.А. Лестера “The Literary Activity of the Medieval English Heraldry”⁶⁹. В ней рассказывается о полномочиях и различных сторонах профессиональной деятельности английских герольдов XIV–XVI вв., о становлении, развитии и периоде расцвета средневековой английской герольдии, а также уделено большое внимание их литературному творчеству — письмам, отчётам, собраниям манускриптов, которые издавались и издаются в Великобритании с периода раннего Нового времени по сей день. Подробно описывается формирование институтов герольдии, требования современников к кадрам в этой области, их участие и роль в турнирах, коронациях, свадьбах монархов, а также дипломатические функции. Из авторских ссылок можно заключить, что публикация средневековых источников по геральдике одинаково интенсивно имела место как в начале XX в., так и на всём его протяжении. Так, например, автор упоминает публикации источников XV в. из частной коллекции лорда Гастингса в 1900 г., собрание геральдических манускриптов Британского музея 1973 г.⁷⁰. В 1926 г.

⁶⁸ ФРАЙЕР, ФЕРГЮСОН (2009), с. 10-12.

⁶⁹ См.: *English Studies* 3 (1990), p. 222-229.

⁷⁰ LESTER (1990), p. 226.

были опубликованы первопечатные книги XV в. *Liber armorum* и *Book of the Ordre of Chyvalry*, основанные на более ранних рукописных образцах из Франции⁷¹; в 1971 г. — собрание трудов Дж. Пэстона, герольда XV в., и т.д.⁷². Автор оптимистично отмечает, что подготовка новых изданий продолжается⁷³.

Великолепным образцом научно-популярной энциклопедии по геральдике является книга С. Слейтера⁷⁴. В 2005 г. она была переведена на русский язык и издана издательством «Эксмо» под заголовком *Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия* (М., 2005). Российские издатели дополнили книгу разделом о русской геральдике. Энциклопедия Слейтера совмещает в себе лучшие черты классических трудов в духе Бутелла и Фокс-Дэвиса с самыми современными достижениями полиграфии и книгопечатных технологий компьютерной эпохи, содержит более 700 красочных иллюстраций, неизменно сопровождающих текст на каждой странице. Текст ориентирован на самую широкую аудиторию, отличаясь доступностью и лёгкостью изложения. Структура энциклопедии включает в себя два больших раздела. В первом речь идёт о возникновении и становлении геральдики в Средние века, о её правилах и изобразительных элементах, о герольдах и геральдических институтах, о практическом применении геральдики в историческом прошлом и её правовых основах. При этом, автор постоянно подчёркивает тесную связь геральдики с рыцарской культурой Средневековья, подробно освещая такие её явления как турниры и т.п. Вторая часть книги повествует о судьбах геральдики в современном мире. В ней рассматриваются геральдические органы современных государств (причём особенно много места уделено британским), различные виды современной геральдики — военная, гражданская, государственная, корпоративная, а также национальные традиции геральдики по странам мира, включая даже такие относительно экзотические её разновидности, как геральдика нацистской Германии, социалистических стран Восточной Европы и Японии.

В целом, несмотря на значительное количество мелких ошибок и опечаток, допущенных в русском издании энциклопедии, книгу Слейтера можно признать одним из лучших достижений в научно-популярной литературе нашего времени о геральдике, продолжающей лучшие традиции старых британских трудов рубежа XIX–XX вв.

---

⁷¹ *Ibid.*, p. 228.

⁷² *Ibid.*, p. 227.

⁷³ *Ibid.*, p. 226.

⁷⁴ См.: SLATER, S., *The Complete Book of Heraldry* (L., 2002).

Подведём итоги. Хотя сделанный выше обзор не претендует на исчерпывающую картину британской историографии XX в. в области геральдики, тем не менее, на его основании можно сделать ряд выводов. В историографии на протяжении XX в. ясно выделяются такие направления, как: 1) переиздание фундаментальных трудов по геральдике, написанных в XIX в.; 2) публикация средневековых источников, которая успешно продолжается; 3) создание новых работ в данной области, причём в различных формах — как научные монографии, так и словари, пособия для учащихся. При этом, предмет исследования составляет как отечественная геральдика, так и зарубежная. Связь историографии с образованием выражается в том, что некоторые работы изначально ориентированы на студентов и служат для лучшего постижения данной дисциплины широким кругом учащихся-гуманитариев, как в случае, например, с работой Бролта (см. *выше*). Также большую роль играли и играют книги, адресованные просто любителям, всем, интересующимся геральдикой и, таким образом, ориентированные на неподготовленную аудиторию. Поскольку зачастую авторы книг являются одновременно и издателями, это, в совокупности с предыдущим, наводит на мысль о том, что геральдика на протяжении всего XX в. была и остаётся достаточно популярной и востребованной областью знания в Великобритании, так как для издателя немаловажным стимулом является спрос на издаваемую продукцию, а он имеется.

Наконец, надо отметить очевидную связь между изучением геральдики, её отражением в историографии, преподаванием и популяризацией — связь, которая претворяется в жизнь характерным для западных обществ механизмом, состоящим из общественных ассоциаций и частных учреждений, фондов и организаций, взаимодействующих с официальными органами посредством деловых и личных контактов. Это было показано выше на примере взаимодействия Геральдической коллегии, неформальных обществ любителей и популяризаторов геральдики и негосударственных учебных заведений; зачастую одни и те же лица являются организаторами во всех этих трёх сферах деятельности, привлекая как аудиторию, так и инвестиции, а также организуя учебные курсы и заведения и, наконец, являясь авторами и издателями книг. Всё это создаёт сеть связей между государственными и негосударственными структурами, способствующую распространению знаний о геральдике в обществе.

Остаётся отметить, что популярность геральдики в британском обществе, воспринимаемой как часть научного комплекса «семейной истории» (наряду с генеалогией), объясняется, по-видимому, присущей Великобритании устойчивостью традиций, не испытывавших

резких культурных разрывов на протяжении веков и потому плавно вписавшихся в настоящее. Индивидуализм англичан в сочетании с имперским прошлым порождают бережное отношение к истории своей семьи, местности, монархии. Правда, остаётся вопросом, почему, например, в других странах с не менее устойчивыми монархическими традициями — Швеции и Норвегии — гербы не присваиваются частным лицам, а только организациям, как отмечал Л. Пайн⁷⁵. Однако, это может служить темой уже другого исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

(и ее сокращения)

- BOUTELL, SCOTT-GILES (1958) — BOUTELL, C.; SCOTT-GILES, C.W., *Boutell's Heraldry*. (L. – N. Y., 1958).
- BRAULT (1972) — BRAULT, G.J., *Early Blazon* (Oxford, 1972).
- FAIRBAIRN (1904) — FAIRBAIRN, J., *Fairbairn's Book of Crests of the Families of Britain and Ireland* (L. – Edinburg, 1904).
- FOX-DAVIES (1985) — FOX-DAVIES, A.C., *A Complete Guide to Heraldry*. (L.: Orbis, 1985).
- FRIAR [ed.] (1987) — *A New Dictionary of Heraldry*, ed. S. FRIAR (L., 1987).
- LESTER (1990) — LESTER, G.A., “The Literary Activity of the Medieval English Heralds”, *English Studies* 3 (1990).
- MACLAGAN (1981) — MACLAGAN, M., *History of the Royal Families of Europe* (N. Y., 1981).
- MONCREIFFE (1978) — MONCREIFFE, I.; POTTINGER, D., *Simple Heraldry* (Edinburg, 1978).
- PHILLIMORE (1904) — PHILLIMORE, W.P.W., *Heralds' College and Coats-of-Arms Regarded from a Legal Aspect* (L., 1904).
- PINE (1970) — PINE, L.G., *International Heraldry* (L., 1970).
- WRIGHT (1973) — WRIGHT, C.E., *English Heraldic Manuscripts in the British Museum* (L., 1973).
- СЛЕЙТЕР (2005) — СЛЕЙТЕР С., *Геральдика. Иллюстрированная энциклопедия* (М., 2005).
- ФРАЙЕР, ФЕРГЮСОН (2009) — ФРАЙЕР, С.; ФЕРГЮСОН, ДЖ., *Геральдика. Гербы — символы — фигуры*. (М., 2009).

Электронные материалы

- College of Arms, <http://college-of-arms.gov.uk/> (апрель, 2016).
- College of Arms, about, <http://www.college-of-arms.gov.uk/About/03.htm> (апрель, 2016).
- Harleian Society, <http://harleian.co.uk/> (апрель, 2016).
- Institute of Heraldic and Genealogical Studies, <http://www.ihgs.ac.uk/index.html> (апрель, 2016).

⁷⁵ PINE (1970), p. 100.

- The Heraldry Society, index, <http://www.theheraldrysociety.com/index.htm> (апрель, 2016).
- The Heraldry Society, publications, http://www.theheraldrysociety.com/publications/c_o_a.htm (апрель, 2016).
- The Heraldry Society, publications, http://www.theheraldrysociety.com/publications/h_g.htm# (апрель, 2016).
- The Heraldry Society, publications, <http://www.theheraldrysociety.com/resources/edu.htm> (апрель, 2016)
- The Heraldry Society, services, <http://www.theheraldrysociety.com/services/exam.htm> (апрель, 2016).
- The Heraldry Society, services, <http://www.theheraldrysociety.com/services/prog.htm> (апрель, 2016).
- Wikipedia: Anthony Wagner, http://en.wikipedia.org/wiki/Anthony_Wagner (апрель, 2016).
- Wikipedia: Charles Boutell, http://en.wikipedia.org/wiki/Charles_Boutell (апрель, 2016).
- Wikipedia: Institute of Heraldic and Genealogical Studies, http://en.wikipedia.org/wiki/Institute_of_Heraldic_and_Genealogical_Studies (апрель, 2016).
- Wikipedia: John Brooke-Little, http://en.wikipedia.org/wiki/John_Brooke-Little (апрель, 2016).
- Wikipedia: L.G. Pine, http://en.wikipedia.org/wiki/L.G._Pine (апрель, 2016).
- Wikipedia: The Heraldry Society, http://en.wikipedia.org/wiki/The_Heraldry_Society (апрель, 2016).
- Wikipedia: White Lion Society, http://en.wikipedia.org/wiki/White_Lion_Society (апрель, 2016).
- ГОРЕЛОВ Максим Михайлович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, heldenhammer@yandex.ru

SUMMARY

MEDIEVAL TRADITIONS IN MODERN TIME

HERALDRY IN BRITISH HISTORIOGRAPHY AND SOCIETY IN THE XXth CENTURY

Maxim GORELOV

The article argues that the cultural heritage of the Middle Ages keeps on and has an impact on people's minds until today. This is, in particular, true in the case of heraldry, which is alive and growing in the UK due to the continuity of cultural and political traditions.

Key words: heraldry, tradition, monarchy, herold, aristocracy.

Maxim GORELOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History RAS, heldenhammer@yandex.ru

О.В. ДМИТРИЕВА

***ПАДЕНИЕ СЕЯНА* БЕНА ДЖОНСОНА И
«ТАЦИТИЗМ» В АНГЛИИ
КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII ВЕКА**

В работе исследуется пьеса Бена Джонсона *Падение Сеяна*, в которой нашли отражение многие тенденции в развитии английской и континентальной политической мысли рубежа XVI–XVII вв. Проанализировав характер и особенности издания данного текста, автор приходит к выводу о том, что Джонсон дает в нем негативную оценку идеям макиавеллизма и теории «государственного интереса», при этом выступая апологетом сильной власти и отвергая идею активного сопротивления ей. Идеалом правителя он видит монарха, приверженного идее общественного блага, а гарантией против тирании — культивирование индивидуальных добродетелей, тяготея к синтезу стоицизма, гражданского гуманизма и христианской морали.

Ключевые слова: Бен Джонсон, тацитизм, неостоицизм, политическая культура, «государственный интерес».

Во второй половине XVI в. в английской политической культуре явно обозначилась тенденция к отходу от традиций гражданского «цицероновского» гуманизма с его позитивным идеалом активного государственного мужа (*vir bonus*) и мудрого, наделенного гражданскими добродетелями правителя, видевшего свое предназначение в служении общему благу. Как и повсюду в Европе, этот идеал уступал место более трезвому скептическому взгляду на человеческую природу, общественные отношения, принципы государственного управления и политики. В англоязычной научной литературе подобные умонастроения нередко именуют «новым» или «вторым гуманизмом»¹. Философской основой «второго гуманизма» стал неостоицизм, получивший широкое распространение в середине XVI – первой половине XVII в.², а его политическая теория

---

¹ О развитии гуманистических идей в Англии от «цицероновского» гуманизма к «новому» см., в частности: THUK (1993); PELTONEN (1995); JONES (1998).

² SALMON (1989), p. 199-225.

испытала глубокое влияние учения Макиавелли и ряда континентальных авторов, разрабатывавших принципиально новую проблематику, связанную с осмыслением таких абстрактных понятий как «государство» и «государственный интерес». Общую характеристику этого этапа в развитии европейской политической мысли можно найти у Питера Берка, прослеживающего зарождение и эволюцию нового политического лексикона³. Под «государственными соображениями» или «государственным интересом» (*ratio status, ragione di stato, raison d'état, reason of state*) авторы XVI в. подразумевали необходимость прибегать к чрезвычайным мерам, направленным на обеспечение стабильности и сохранение политического режима, в том числе, к действиям, выходящим за рамки традиционного права, ординарной юстиции и моральных норм. Они могли включать нарушение правителями своих обязательств, лицедейство, осознанный обман, убийство без судебного разбирательства и т.д. При этом наблюдалась большая вариативность во взглядах политических писателей на границы дозволенного, различия в их трактовках «истинного» и «ложно истолкованного государственного интереса». В первом случае экстраординарные меры предпринимались в интересах общественного блага, а их применение ограничивалось божественным законом, правом и справедливостью. Во втором — были продиктованы личными эгоистическими устремлениями правителей. К концу XVI столетия эта проблематика уже достаточно широко обсуждалась, при этом далеко не все авторы, размышлявшие на данную тему, были безусловными апологетами экстраординарных действий. Трезвое, лишённое иллюзий восприятие политической реальности могло сочетаться с критикой «макиавеллизма» и надеждой удержать политику в рамках христианской морали.

Одним из авторитетных писателей, чьи труды оказали влияние на формирование новой теории, был римский историк Корнелий Тацит. Исследователи отмечают заметный рост внимания к его сочинениям в конце XVI – первой половине XVII в., огромное число изданий его *Анналов* и *Истории*, комментариев к ним и переводов на основные европейские языки⁴. Волна интереса к историческому наследию Тацита позволяет говорить о «тацитизме» как заметном явлении в интеллектуальной жизни Европы раннего Нового времени⁵. Этико-политические взгляды Тацита оказались весьма созвучны пессимистическим оценкам природы человека и общественных отношений, характерным для этого периода, в то время как истори-

---

³ BURKE (1991), p. 479-498.

⁴ BURKE (1991), p. 484-485.

⁵ SCHELLHASE (1976).

ческий материал его сочинений предоставлял обильную пищу для размышлений о законах политики и механизмах управления.

Важнейшую роль в популяризации наследия Тацита сыграл известный нидерландский гуманист Юст Липсий, издавший его сочинения в 1574 г. с обширными комментариями⁶ и активно опиравшийся на Тацита в своих *Шести книгах о политике*. Именно благодаря Липсию стала очевидна актуальность содержавшегося в трудах Тацита исторического материала, были выявлены параллели в истории имперского Рима и монархических государств раннего Нового времени с их политическими режимами, тяготеющими к абсолютизму, придворной фракционной борьбой, амбициями фаворитов и гражданскими войнами⁷. Размышления о причинах устойчивости или падения государств, об истинной мудрости правителя и допустимых «политических технологиях» роднили проблематику сочинений Тацита с литературой «государственного интереса».

Наиболее востребованными у политических писателей оказались история правления императора Тиберия и его преемников — Калигулы и Нерона. Тиберий казался идеальным воплощением макиавеллиевского государя, в совершенстве владевшего искусством обмана, к тому же тирана, чье самовластное правление шло вразрез с общественным благом. Другая сюжетная линия, встречающаяся у Тацита, заставляла задуматься о механизме возвышения честолюбивых придворных фаворитов, чье усиление несло в себе угрозу для самой власти. Яркий пример такого рода — история Элия Сеяна, префекта преторианцев, который сделал головокружительную карьеру, превратившись в фактического соправителя императора Тиберия. Его непомерные амбиции и интриги стали причиной многих беззаконий, гибели высокопоставленных римских граждан и членов императорской семьи. История Сеяна неоднократно осмыслялась в европейской политической мысли, литературе и драматургии XVI–XVII вв.⁸.

Ярким воплощением вышеназванных тенденций, связанных с тацитизмом и теорией «государственного интереса», служит пьеса Бена Джонсона *Падение Сеяна* (*Sejanus, His Fall*), написанная в 1603 г. — первый опыт уже известного к тому времени комедиографа в жанре антиквизированной трагедии. *Сеян* — сенекианская по духу и эстетике драма, сюжет которой был заимствован из *Анналов* Тацита. С антикварной точностью воспроизводя все перипетии политической борьбы в Древнем Риме, Бен Джонсон демонстрировал

---

⁶ TACITUS (1600).

⁷ NASH (1958), p. 165; BOUGHNER (1958), p. 248; BURKE (1991), p. 487-488.

⁸ В политической полемике XVI–XVII вв. Сеяну неоднократно уподобляли герцога Гиза во Франции, графа Эссекса и герцога Бекингэма в Англии.

великолепное знание исторических сочинений античных авторов — Тацита, Диона Кассия, Светония, Саллюстия, Сенеки и др.⁹ Джонсон считался одним из лучших «классицистов» среди английских литераторов своего времени. Будучи выпускником Вестминстерской школы и Кембриджского университета, он прекрасно владел латынью и греческим. К числу классических авторов, к которым драматург обращался на протяжении своей литературной карьеры, следует добавить Горация, Вергилия, Цицерона, Плиния, Веллия Патеркула, Марциала, Лукреция, Ювенала¹⁰.

Джонсон был приверженцем философии неостоицизма. Издание трудов Сенеки 1599 г. с собственноручными пометками английского драматурга в его библиотеке свидетельствует о глубоком интересе Джонсона не только к сенекианской театральной эстетике, но и к этико-политическому учению философа-стоика¹¹. Стоическими настроениями проникнуты многие поэтические произведения Джонсона, однако, быть может, наиболее яркое воплощение принципы неостоицизма нашли в *Падении Сеяна*.

Наряду со знанием истории Бен Джонсон обнаруживает прекрасную осведомленность в новейших политических теориях. Одним из первых среди англичан он стал оперировать понятием «государственный интерес»¹². Драматург был хорошо знаком с трудами Макиавелли¹³ и Юста Липсия¹⁴. Однако, если в отношении первого он разделял широко распространенные в Англии анти-макиавеллистские настроения и саркастически именовал итальянского мыслителя «Святым Николаем»¹⁵, великим наставником в теории государственного интереса (the great Doctor of State, Macchiavell), оправдывающим жестокость и аморализм правителей, то позиция Липсия, пытавшегося найти компромисс между суровыми реалиями политики и христианской моралью, была ему близка. На комментарии Липсия к Тациту он активно опирался в своей работе над *Сеяном*, нередко целиком воспроизводя их в собственных примечаниях к тексту.

⁹ Среди неназванных автором источников, использованных в *Сеяне*, были Веллий Патеркул и Ювенал. BOUGHNER (1958), p. 247-255; BOUGHNER (1960), p. 545-550.

¹⁰ BOUGHNER (1960), p. 545-560.

¹¹ EVANS (1991), p. 257-292.

¹² BURKE (1991), p. 488.

¹³ NASH (1958), p. 174-175, 178-179. Как показывает Дэниэл Богнер, Джонсон не только читал работы Макиавелли на итальянском языке, но нередко заимствовал из них общие места и максимы. См.: BOUGHNER (1961), p. 81-100; BOUGHNER (1968).

¹⁴ BOUGHNER (1957), p. 247-255; DUFFY (1947), p. 24-30.

¹⁵ JONSON (1985), p. 553.

Падению Сеяна посвящена обширная исследовательская литература, в первую очередь театроведческая. Существует немало работ, анализирующих эту пьесу и в контексте английской политической истории рубежа XVI–XVII вв. В ней видят и желчную сатиру на елизаветинский режим в его последние годы, и критику правления Якова I (несмотря на то, что «*Сеян* был написан еще до восшествия этого монарха на престол, а в первые годы его правления драматург старался заслужить расположение новой власти»¹⁶. В трагедии Джонсона ищут завуалированных намеков на фракционную борьбу при английском дворе и прямых аллюзий на политические процессы над графом Эссексом или Уолтером Рэли¹⁷, сводя замысел драматурга к созданию пьесы на злобу дня и проведению параллелей между историческим прошлым и современной действительностью.

Начиная с 1950-х гг. стали появляться работы, анализирующие *Сеяна* в контексте развития английской политической мысли. Однако высказывающиеся в них оценки крайне противоречивы: некоторые авторы склонны видеть в Бене Джонсоне противника абсолютизма, а в его пьесе — предостережение обществу относительно тиранических наклонностей государей, другие, напротив, считают его апологетом сильной монархической власти¹⁸. Встречаются утверждения о том, что, применительно к римскому прошлому, он — приверженец республиканских идеалов, не одобрявший утверждения единоличной власти Цезаря¹⁹. Предпринимались попытки реконструировать представления Джонсона об идеальном правителе и принципах разумного управления²⁰. Однако, если большинство авторов соглашается с тем, что политический идеал драматурга консервативен, то его содержание они видят по-разному: одни полагают, что Джонсон испытывал ностальгию по патриархальным порядкам, потому, что не мог принять социального подъема разбогатевшего джентри²¹, другие, что он как католик искал гармонии власти и общества в пред-реформационных временах²².

Противоречивы и оценки характера «римских» пьес Джонсона, политическую природу которых признают, однако полемизируют

¹⁶ KURLAND (1988), p. 56-67; EVANS (1971), p. 255, 264; PERRY (1993), p. 65-72.

¹⁷ О неизбежных параллелях с Эссексом, независимо от того, имел ли автор их в виду, см.: DUTTON (1978), p. 195; WIKANDER (1979), p. 345-357; AYRES (1983), p. 356-363.

¹⁸ WIKANDER (1979), p. 356.

¹⁹ AYRES (1986), p. 167, 174.

²⁰ EVANS (1971), p. 249.

²¹ EVANS (1971), p. 249-264.

²² JOWETT (1988), p. 291-292.

относительно того, кем является автор в большей степени — политическим писателем, который «не дает моральному прочтению истории управлять его трагедиями»²³, или моралистом, подчиняющим историю дидактическим целям²⁴. Достаточно хорошо изучено его отношение к отдельным течениям в политической мысли, в частности, к идеям Н. Макиавелли²⁵. Однако убедительного комплексного анализа *Падения Сеяна* в контексте современных подходов к изучению политической культуры рубежа XVI–XVII вв., учитывающих нерасторжимую связь между собой таких течений как тацитизм, стоицизм, учение о «государственном интересе» и их воздействие на интеллектуальную атмосферу, в которой развивалась английская драматургия, до сих пор не предпринято. Вопрос о том, что, собственно, представляет собой джонсоновский *Сеян*, каковы статус и функции этого текста, какое именно «послание» составляет его главное содержание, все еще остается открытым.

Сценическая история пьесы Бена Джонсона была недолгой и не слишком удачной. По свидетельству самого автора, труппа «слуг короля» впервые представила *Сеяна* публике в 1603 г.²⁶ Трагедию, вероятно, сыграли при дворе Якова I, поскольку с марта и до конца этого года публичные театры в Лондоне были закрыты из-за официального траура по королеве Елизавете, а позднее — из-за чумы²⁷. Это, впрочем, противоречит словам драматурга о грубости толпы, от которой его детище претерпело гонения²⁸, что едва ли применимо к придворной публике. Однако возможно, в данном случае Джонсон имел в виду болезненный опыт первой постановки в «Глобусе», после того как в апреле 1604 г. театры снова открылись для публики.

По его признанию, в создании пьесы участвовало и «другое перо», принадлежавшее более одаренному, чем он, литератору. Многие

²³ NASH (1958), p. 180.

²⁴ AYRES (1986), p. 186.

²⁵ EVANS (1971), p. 253; HAMILTON (1971), p. 265-281; ENGEL (1980), p. 109.

²⁶ Эта информация содержится на титульных листах изданий 1605 и 1616 гг.: “Acted, in the yeere 1603. By the K. Maiesties Servants”. По-видимому, замысел пьесы возник за один-два года до этого, поскольку в финале пьесы *Рифмоплет*, поставленной в 1601 г., Джонсон заявляет о планах написания трагедии из истории древнего Рима.

²⁷ CHAMBERS (1923), p. 367; CORBALLIS (1979), p. 276, note 18.

²⁸ “It is a poem that [...] suffered no less violence from our people here, than the subject of it did from the rage of the people of Rome, but with a different fate, as (I hope) merit: for this hath out-lived their malice, and begot itself a greater favour than he lost, the love of good men”. См.: JONSON (1999), p. 103.

театроведы склонны считать соавтором Джонсона Джорджа Чепмена, с которым он активно сотрудничал в это время²⁹. Пьеса с самого начала доставила авторам множество неприятностей, поскольку в 1604 г. Генри Говард, граф Нортгемптон, обвинил Бена Джонсона перед Тайным Советом в том, что она проникнута изменническими «папистскими» настроениями³⁰. Драматургу удалось оправдаться, по видимому, не без помощи некоторых членов Тайного Совета, в частности, лорда-камергера Саффолка, в ведении которого находилась труппа «Глобуса» прежде, чем обрела статус «слуг короля».

После скандального провала в «Глобусе» сценическая история пьесы на время заканчивается и начинается ее пост-театральная жизнь в качестве самостоятельного текста *in quarto*, появившегося на свет в 1605 г. В посвящении, предпосланном ему, Джонсон утверждал, что полностью переписал части, созданные «другим пером»³¹, и отныне текст принадлежал ему безраздельно. Для нас чрезвычайно важно значение, которое Джонсон придавал «авторизации текста» и сохранению собственной концепции, которую стремился донести до широкого читателя. Подготовка новой редакции и издания 1605 г. проходила в весьма необычных обстоятельствах: значительную часть этого времени Бен Джонсон и Джордж Чепмен провели в тюрьме после выхода пьесы *На Восток!*, написанной ими совместно с Джоном Марстоном, в которой власти справедливо усмотрели сатиру на наводнивших двор шотландцев. С помощью придворных покровителей им удалось выйти на свободу, однако, ореол неблагонадежности по-прежнему осенял драматурга.

Издание 1605 г. открывалось эпитафией из Марциала и рядом вступительных текстов апологетического характера, призванных защитить детище Джонсона как от нападок литературных критиков, так и от политических подозрений³². Книга посвящалась покровите-

²⁹ JONSON (1925–1952), vol. 2, p. 4; CORBALLIS (1979), p. 273–277.

³⁰ Свидетельство об этом содержится в *Беседах с Уильямом Драммондом*, см.: JONSON (1925–1952), vol. 1, p. 141. Убедительную версию о том, что эти обвинения могли быть вызваны опасными параллелями между процессом над Уолтером Рэли и сценой суда над Гаем Силием в *Сеяне*, выдвинул П. Эйерс, см.: AYRES (1983), p. 356–363.

³¹ JONSON (1925–1952), vol. 4, p. 351.

³² Характерны с этой точки зрения стихи Хью Холланда, призывавшие «сильных мира сего» не считать автора «умнее, чем он есть на самом деле» и не обвинять его в преступлениях, которых он не совершал: “Nor make your selues lesse honest then you are, / To make our Author wiser then he is: / Ne of such Crimes accuse him, which I dare / By all his Muses sweare, be none of his”. См.: JONSON (1925–1952), vol. 9, p. 587.

лю драматурга Эсме Стюарту, лорду д'Обиньи, в обращении к которому автор иронизировал по поводу сценической неудачи *Сеяна*. Предварительные материалы включали также обращение к читателям, в котором драматург излагал основные принципы, положенные в основу его труда, а также восемь сонетов собратьев-литераторов (Чепмена, Марстона, Холланда и др.), прославляющих Джонсона и его творение. Публикация такого рода текстов была весьма распространенной авторской стратегией того времени. Однако на фоне других изданий книга Джонсона выглядела необычной благодаря характеру авторского "credo", заявленного в обращении к читателям, и наличию внушительного справочного аппарата, занимавшего в кварто 1605 г. значительную часть страницы. Он включал подробные латинские маргиналии со ссылками на первоисточники, биографические справки о действовавших в пьесе персонажах, а также пояснения относительно малоизвестных английскому читателю исторических реалий из жизни Древнего Рима.

В контексте данной работы особенности публикации *Сеяна* как текста представляются чрезвычайно важными. Трудно не согласиться с Джоном Джоветтом, посвятившим специальное исследование кварто 1605 г., который проводит четкий водораздел между пьесой, поставленной в 1603 г., и печатным текстом книги Джонсона³³. Джоветт показал, насколько необычно выглядела «иконаграфия» кварто 1605 г. в сравнении с традиционными изданиями театральных пьес, печатавшихся с разрешения распорядителя королевских развлечений. В этих незамысловатых публикациях столбец текста, как правило, сопровождался сценическими ремарками, но отнюдь не научным аппаратом. Многочисленные примечания в кварто 1605 г. придавали тексту совершенно иной характер и статус: во-первых, он подавался как серьезный академический труд эрудированного «классициста», во-вторых, как рассуждение на тему истории, осмысленной драматургическими средствами, но все же истории³⁴.

На этом настаивал и сам автор, утверждая в обращении к читателям, что все представленное на их суд, основывается на подлинных исторических событиях и не является вымыслом. Верность фактам (truth of argument) — кредо Бена Джонсона, который тут же перечисляет свои источники: труды Тацита, Диона Кассия, Светония и Сенеки. Более того, он указывает латинские издания, которыми пользовался, в частности, публикацию трудов Тацита, подготовленную Юстом Липсием и вышедшую в Антверпене в 1600 г., на

³³ JOWETT (1988), p. 279-295.

³⁴ BARISH (196), p. 4-5; JOWETT (1988), p. 286.

тот случай, если образованные читатели захотят проверить точность его следования первоисточникам. Безусловно, предисловие должно было обезопасить автора от обвинений в том, что он использует исторические сюжеты для критики английских политических порядков³⁵. Однако, на наш взгляд, в нем нашла отражение и позиция Бена Джонсона как интеллектуала, питавшего глубокий интерес к истории, ученика Уильяма Кемдена, который воспринял от наставника вкус к антикварным штудиям, друга выдающегося историка Генри Сэвила. В обращении к читателям слышны отголоски рассуждений драматурга о призвании профессионального историографа, общественной значимости и принципах его работы, которые встречаются в других текстах Джонсона³⁶.

Не удовлетворяясь несколькими вступительными текстами, в издании 1605 г. Джонсон добавляет к ним еще один раздел — «Содержание» (Argument), в котором излагает краткую историю возвышения и падения Элия Сеяна, дабы снова подчеркнуть, что фабула во всех деталях основывается на исторических источниках.

Заранее снимая с себя обвинения в завуалированных аллюзиях на современные политические события, Джонсон, тем не менее, не скрывает того, что его текст содержит некое идейное «послание». В издании 1605 г. за «Содержанием» следовала важная декларация автора, которая будет опущена им в фолио 1616 г.

Мы предлагаем это в напоминание о страхе всем предателям и изменникам, дабы показать, как справедливы Небеса, разражающиеся громом и обрушивающие потоки грозного возмездия за их противоестественные намерения даже в отношении наилучших из государей. Но в большей степени — тем, чью набожность и добродетели неусыпно охраняют Ангелы, и для кого чудесным образом действует сам Господь³⁷.

На наш взгляд, неверно видеть в этом пассаже только демонстрацию лоялизма, а под теми, кого «хранят ангелы», подразумевать лишь короля Якова³⁸. Если автор имел здесь в виду безопасность правителей, то не было смысла отказываться от этих строк в изда-

³⁵ Один из авторов, опубликовавших сонеты в честь джонсоновского Сеяна, взявший псевдоним «Филос», прямо указывал на то, что не следует выискивать, не скрываются ли за историческими сюжетами намеки на нынешние времена: “And others are so quick, that they will spy / Where later Times are in some speech enweau’d”. См.: JONSON (1925-1952), vol. 9, p. 587.

³⁶ О взглядах Джонсона на предназначение историка и его философии истории см.: MCGINNIS P.J. (1959), p. 120-121, BRYANT (1952), p. 195-213.

³⁷ Cit. in: JOWETT (1988), p. 290.

³⁸ JOWETT (1988), p. 290.

нии 1616 г. Мы вернемся к этому тезису позднее, пока же ограничимся констатацией того, что Джонсон не скрывает своих намерений выступить с моральным наставлением, воздействуя на умонастроения общества к его благу.

Разделяя точку зрения Дж. Джоветта относительно того, что квартал 1605 г. — это не обычная публикация пьесы, а самодостаточный культурный артефакт, имеющий особую пост-театральную текстуальную историю³⁹, можно распространить этот тезис и на следующее издание *Сеяна*. В 1616 г. Бен Джонсон включил его в собрание своих сочинений, и, хотя облик текста в этом многотомном издании in folio подчинялся общему оформлению, автор сохранил обширный научный аппарат, а также обращение к читателям с разъяснением своих подходов к использованию исторического материала.

Исходя из характера публикации *Сеяна*, при анализе содержащегося в нем «послания» следует относиться к нему как к труду по преимуществу историко-политическому и морализирующему, вдохновленному новейшими веяниями в европейской политической мысли, и отрешиться от встречающихся в литературоведческих работах рассуждений о том, что этот текст не является этическим трактатом или политическим манифестом⁴⁰, о большей или меньшей «театральности» пьесы (тем более, что мы никогда не узнаем, как выглядела на театральных подмостках ее первоначальная редакция), о саморепрезентации драматурга, его стратегии по «завладению» публикой⁴¹ и т.д.

Истинный предмет анализа в трагедии Джонсона — это новомодные политические теории — учение Макиавелли и теория «государственного интереса», которую исповедуют протагонисты. В первом акте пьесы мы узнаем, что поднявшийся из безвестности всесильный временщик Сеян, некогда продававший свою любовь за деньги богачу Апицию, стал ближайшим советником императора, он беззастенчиво торгует должностями, наводняет Рим доносчиками и расправляется со всеми, кто стоит на его пути. Следуя за Тацитом в изложении фактической истории его возвышения, Бен Джонсон, тем не менее, в одном отступает от своего источника: в отличие от римского историка, который отдавал должное некоторым сторонам характера Сеяна (тот у него силен, вынослив и наделен «дерзновенной душой»⁴²), английский драматург не склонен искать у своего героя

³⁹ JOWETT (1988), p. 279, 285.

⁴⁰ ENGEL (1980), p. 110.

⁴¹ MAROTTI (1970), p. 197-220; SWEENEY (1981), p. 61-82.

⁴² ТАЦИТ (1993) IV, 1.

положительные черты. Его Сеян — лицемерный и беспринципный «макиавеллист», одержимый жаждой власти⁴³. В начале пьесы он соблазняет Ливию, жену Друза, сына Тиберия, и вместе с ней отравляет ее мужа. Устранив ненавидевшего его Друза, Сеян задумывает с помощью Ливии добыть имперскую корону, однако, на его пути стоит многочисленная родня Тиберия по линии его приемного сына Германика (по слухам, отравленного по приказу императора), его вдова Агриппина и ее сыновья — Друз-младший, Нерон и Калигула.

Ключевой для дальнейшего развития пьесы становится сцена разговора Тиберия и Сеяна во втором акте. Император призывает наперсника, дабы поделиться опасениями относительно Агриппины и ее детей, которые после внезапной смерти Друза могут вступить в борьбу за власть. В начале разговора Тиберий производит впечатление колеблющегося человека, которому претит соперничество с внучатыми племянниками, однако Сеян, быстро уловив, в каком направлении дует ветер, горячо убеждает кесаря в том, что их следует немедленно устранить во имя безопасности. В уста Сеяна Бен Джонсон вкладывает чрезвычайно лаконичное и внятное изложение теории «государственного интереса», истолкованного с точки зрения правителя, который видит себя персонификацией государства. Если его власти грозит опасность, нужно отринуть все, что заставляет человека воздерживаться от насилия — голос крови, узы родства, веру, любовь и милосердие, ибо «политика» и «государство» превыше человеческих привязанностей. По словам Сеяна, государственный интерес послужит оправданием любых действий против соперников, которых можно обвинить в измене, независимо от их вины. Поправление закона не должно смущать правителя. «Все за корону», «тот, кто страшится обвинений в тирании, будет вечно пребывать в страхе», религиозными нормами также можно поступиться, поскольку благочестивые соображения нередко приводят к утрате власти и падению сильных держав, в то время как «допущение темных дел» помогает выстоять даже самым одиозным государствам — одну за другой приводит Сеян расхожие максимы «макиавеллизма» и теории «государственного интереса».

TIB. That nature, blood and laws of kind forbid.

SEJ. Do policy and state forbid it?

TIB.

No.

⁴³ Джонсона нередко заочно упрекают в огрублении характеров его персонажей, в утрате психологической сложности их портретов, см., например: AYRES (1986), p. 168. Однако драматург идет на это сознательно, выводя некий идеальный тип «макиавеллиста», необходимый ему как моралисту для того, чтобы четче обозначить свою концепцию.

SEJ. The rest of poor respects, then, let go by:
 State is enough to make the act just, them guilty.
 TIB. Long hate persues such acts.
 SEJ. Whom hatred frights,
 Let him not dream on sovereignty.
 TIB. Are rights
 Of faith, love, piety, to be trod down?
 Forgotten and made vain?
 SEJ. All for a crown.
 The prince, who shames a tyrant's name to bear,
 Shall never dare do anything but fear;
 All the command of scepters quite doth perish
 If it begin religious thoughts to cherish:
 Whole empires fall, swayed by those nice respects.
 It is the licence of dark deeds protects
 Even the states most hated: when no law resist
 The sword, but that is acteth what it list.
 (II. 170-185)⁴⁴

При этом Бен Джонсон ясно показывает, что тайные замыслы Тиберия и Сеяна — пример ложно истолкованного государственно-го интереса, поскольку затеваемая ими интрига продиктована отнюдь не высшими соображениями, не заботой о поддержании спокойствия государства, а животным страхом за собственную жизнь и власть. Общественное благо и сохранение порядка интересуют Тиберия лишь до тех пор, пока он правит Римом, в чем кесарь весьма откровенно признается, высказавшись в том смысле, что «после него — хоть потоп». «Пока я жив, я буду противостоять неистовству земли, когда умру — пусть она горит огнем», — говорит он по-гречески (II. 329-330), что, по-видимому, должно подчеркнуть его коварство и порочность⁴⁵.

Уже в ходе «доверительного» разговора Тиберия с Сеяном зрителю становится очевидно то, чего пока не замечает сам Сеян, упоенный ролью наставника императора в искусстве политики. Для Тиберия он — лишь орудие, кесарь намеревается устранить политических соперников руками временщика, оставаясь за кулисами. На протяжении всего диалога он испытывает Сеяна, время от времени напоминая ему о законности: о том, что существование заговора партии Агриппины не доказано, а вина ее детей, возможно, состоит лишь в том, что они — отпрыски всеми любимого Германика. И только лишь когда

⁴⁴ Здесь и далее текст пьесы цитируется по изданию: JONSON (1999).

⁴⁵ О функции греческого языка и греческих реалий в драматургии Джонсона как указании на изнеженность и порочность персонажей см.: АУРЕС (1986), p. 170.

мени Тиберий позволяет фавориту думать, что тот полностью контролирует ход событий. Вместе они разрабатывают стратегию, направленную против партии Агриппины и выстроенную в полном соответствии с рецептами «макиавеллизма»: бдительность противников следовало усыпить, пролив на них дождь милостей и пожалований, а тем временем, устранив одного за другим их главных сторонников, ослабить группировку и заманить в ловушку ее лидеров. Первой жертвой их изощренного плана становится Гай Силий, прославленный полководец, незадолго до этого разбивший германцев во главе с Сакровиром. Несмотря на пышный триумф, которым Рим отметил его победу, в сенате Силию предъявляют обвинения в том, что он разжег войну с целью личного обогащения, причем обвинителем по наущению Сеяна выступает консул Варрон, которому по должности предстоит стать и судьей в этом деле. Несмотря на яркую и полную сарказма защитную речь Силия, его признают врагом государства. Как истинный стоик он публично кончает самоубийством в сенате, обличая лицемерие своих судей и призывая на его примере учиться сопротивлению тирании⁴⁶.

Следующей жертвой интриги становится историк Кремуций Корд, обвиненный приспешниками Сеяна в мятежных настроениях и в том, что его анналы содержат опасные для государства идеи, а именно - похвалу древним республиканским порядкам, в чем они усматривали скрытую критику имперского Рима и правления Тиберия (I. 80-85). Доносчиков особенно возмущает высокая оценка нравственных качеств Брута и Кассия — убийц Юлия Цезаря, которых историк именовал «последними римлянами». Это определение сочли оскорбительным для сенаторов и самого кесаря. Исполненная достоинства речь Корда, направленная против тех, кто готов переписывать историю в угоду политическому заказу, произвела сильное впечатление. Анналиста не посмели немедленно осудить как изменника, однако, вынесение вердикта лишь отложили на время⁴⁷, что же касается его трудов, их было решено немедленно собрать и сжечь (III. 379-469).

Благородного Тития Сабина заманивают в ловушку, спровоцировав на откровенное высказывание о правлении Тиберия. И вот его уже хватают и ведут на казнь как изменника, тело которого крюками сбросят в реку. Сабин настаивает на своей невинности и нахо-

---

⁴⁶ SIL. Romans, if any here be in this Senate, / Would know to mock Tiberius' tyranny, / Look upon Silius, and so learn to die (III. 295-338).

⁴⁷ Тацит сообщает, что Кремуций Корд впоследствии покончил с собой, добровольно отказавшись от пищи, см.: ТАЦИТ (1993), кн. IV, с. 34-35.

To shift them forth into another air,
Where they may purge and lessen...

(I. 159-166)

В момент прямой конфронтации с Тиберием в сенате Силий указывает на сходные психологические причины ненависти принцепса к себе. Это — зависть к военным талантам и победам того, кто оказал неоценимые услуги Риму и императору, однако, последний не может смириться с тем, что кто-то превосходит его, и не способен испытывать искреннюю благодарность. Более того, он опасается, что заслуги других могут умалить престиж его собственной власти, а когда их не удастся замолчать, мысли правителя обращаются к политическому убийству.

SIL. Since I have done thee that great service, Caesar,
Thou still hast feared me; and, in place of grace,
Returned me hatred: so soon, as best turns,
With doubtful princes, turn deep injuries
In estimation, when they greater rise,
Than can be answered. Benefits, with you,
Are of no longer pleasure, than you can
With ease restore them; that transcended once,
Your studies are not how to thank, but kill.
It is your nature, to have all men slaves
To you, but you acknowledging to none.
The means that makes your greatness, must not come
In mention of it; if it do, it takes
So much away, you think: and that, which helped
Shall soonest parish, if it stand in eye,
Where it may front, or but upbraid the high.

(III. 300-315)

Лицемерие императора по отношению к Силию очевидно: он отклоняет требование полководца отсрочить рассмотрение его дела в сенате до той поры, когда его обвинитель Варрон сложит с себя консульские полномочия, казуистически оправдывая совмещение функций обвинителя и судьи в одном лице заботой об авторитете римских магистратов, общественном благе и правосудии (III. 202-208). А когда Силий совершает самоубийство, кесарь высказывает притворные сожаления по поводу «печального происшествия», заявляя, что намеревался проявить милосердие и сохранить полководцу жизнь. Его притворство не обманывает ни сторонников Силия (Аррунций называет Тиберия «волком», который воет, насытившись жертвой⁴⁹), ни читателя.

⁴⁹ “ARR. Excellent wolf! / Now he is full, he howls” (III. 346-347).

Тиберий не нуждается в «наставниках», которые преподали бы ему основы теории «государственного интереса». В своих действиях он руководствуется соображениями политической целесообразности, воспринимаемой через призму его собственной безопасности. Вопрос о том, стоит ли жестоко расправляться с «оппозиционерами» или их следует привязать к себе милостями, он решает с откровенным цинизмом: можно не прибегать к убийству, если получается обойтись без него, однако дешевле отправить противника в могилу, чем поступиться троном.

We would not kill, if we knew how to save;
Yet, than a throne, 'tis cheaper give a grave

(II. 270-271)

Император лицедействует даже в первые дни после смерти сына: он разыгрывает в сенате настоящий спектакль, явившись туда с детьми Агриппины, Друзом Младшим и Нероном, чтобы представить внучатых племянников, которых уже задумал погубить, своими «утешителями» и «наследниками», препоручив их заботам сенаторов. Его риторика кажется настолько убедительной, что Аррунций вынужден признать, что не понимает, где правда, а где игра, заключив: «Я недостаточно Эдип, чтобы понять этого Сфинкса» (III. 64-65). Однако, когда правитель притворно заявляет, что устал от власти и хотел бы удалиться от государственных дел, все становится на свои места, и те, кто еще недавно были готовы верить ему, снова утрачивают доверие ко всему, что говорит Тиберий.

Двуличие Тиберия проявляется в его отношении к политическим традициям Рима, и, хотя он постоянно делает вид, что чтит их, клянется «Капитолием», именуется общественное благо «дорогим» его сердцу, а римские законы «священными» (III. 217-219), по общему мнению, он подмял закон и лишил граждан их прежних свобод, превратив в рабов (I. 59-69).

Лицедейство императора граничит с фиглярством, когда речь заходит о сенате. Публично он неоднократно подчеркивает свое уважение к этому институту, именуя себя его «креатурой» и «службой» (I. 439), готовым подчиниться любому решению сенаторов — «его добрых, справедливых и милостивых господ»⁵⁰, однако, на деле ни в грош не ставит собрание, не имеющее реальной политической силы, и единолично принимает политические решения, которые неизменно одобряют раболепствующие сенаторы (I. 439-453).

Тиберий — абсолютист до мозга костей, не случайно в разговоре с Сеяном он именуется себя «верховным господином мира» —

⁵⁰ «...our good, just and favouring lords» (I. 392-394).

“master-prince of all the world” (II. 165-166). Расшаркиваясь перед сенатом, принцепс, тем не менее, называет власть, которой его наделил этот орган, «абсолютной» (I. 442). Бен Джонсон вкладывает в его уста и слова, отсылающие к понятию ‘arsana imperii’, к тезису о принципиальной непостижимости политики правителя и принимаемых им решений для подданных, призванному в конечном счете утвердить идею особой мистической связи между Творцом и поставленным им монархом, подотчетным только высшей силе.

Tiv. Princes have still their grounds reared with themselves,
Above the poor low flats of common men,
And, who will search the reasons of their acts,
Must stand on equal bases.

(I. 537-540)

Тиберий проявляет показную скромность, называя себя слугой общества и сетуя на «атаки льстивых языков» — assaults of charming tongues (I. 389-390), именующих его «могущественным повелителем» и приравнивающих к богам. Он спешит поднять с колен тех, кто преклоняет их при виде императора, утверждая, что ни верховная власть, ни ее знаки не меняют его человеческой сущности. В публичной риторике его лозунг: «Взирайте на нас с почтением и простирайтесь перед богами».

Our empire, ensigns, axes, rods, and state
Take not away our human nature from us:
Look up, on us, and fall before the gods

(I.374-378)

Симптоматично, однако, что он не противопоставляет эти действия, а скорее связывает их воедино. Отсюда совсем недалеко до утверждения о том, что император — воплощение божества на земле. Не случайно этот монолог, в котором Тиберий проявляет ритуальную скромность, завершается восклицанием Сеяна: «Как говорит кесарь! Богоподобно!» (I. 378).

Создавая образ Тиберия, Бен Джонсон активно прибегает к лексике театра, сценического лицедейства, к понятию ‘art’, подчеркивая тем самым его мастерское владение искусством выдавать себя не за того, кем он является на самом деле, и вуалировать свои истинные намерения. «Хор» приверженцев Агриппины своими комментариями не позволяет обмануться на этот счет. «Хорошо сыграно, кесарь!», - восклицает Аррунций во время сцены представления Нерона и Друза сенаторам (III. 105). «Реверансы» императора в адрес сената сопровождаются саркастическими замечаниями Корда («Редкостное притворство!») и Аррунция («Воистину царствен-

ное!»), а Сабин подытоживает: «когда власть, которая может повелевать, так унижается, ее цель — закабалить тех, перед кем она склоняется» (I. 394-397).

Особенно зловещий оттенок понятия «игра» и «искусство» приобретают применительно к времяпрепровождению Тиберия на острове Капри (Капри), где, по выражению Джонсона, тот «играл трагедии с гримасой комика» (IV. 379), изобретая все новые казни для своих пленников и способы развратить молодых заложников из благородных семейств⁵¹.

Исследователи творчества Джонсона неоднократно замечали, что, несмотря на его стремление следовать за источниками, в психологической характеристике Тиберия драматург отходит от текстов Тацита и Светония⁵², которые не отказывали императору в наличии некоторых положительных черт и допускали, что он порой колебался и раскаивался в содеянном зле. Джонсон же, следуя в данном случае за Дионом Кассием⁵³, не склонен ни в чем оправдывать императора, у него Тиберий превращается в носителя абсолютного зла, чей портрет лишен полутонов. Появление рядом с таким Тиберием Сеяна — это всего лишь эпизод в зловещих играх императора, кажущийся всесильным временщик в действительности не имеет того влияния, которое ему приписывают, в руках правителя он — не более чем марионетка. Бен Джонсон недвусмысленно указывает на то, кто является истинным источником бедствий Рима, напоминая устами Аррунция пророчество императора Августа, который предсказывал римлянам тяжелые времена в случае, если власть достанется Тиберию:

Augustus well foresaw what we should suffer,
Under Tiberius, when he pronounce
The Roman race most wretched, that should live
Between so slow jaws, and so long a bruising.

(III. 484-487)

Вернемся, однако, к Сеяну. Прокладывая путь к намеченной цели, он совершает роковую ошибку: переоценив степень доверия

---

⁵¹ Рассказ о садистских развлечениях Тиберия, пытках и убийствах на острове Капри, основывается на шестой книге жизнеописаний Светония (VI, 61-62). См.: СВЕТОНИЙ (1964), с. 98-99.

⁵² JONSON (1925-1952), vol. II, p. 26; EVANS (1971), p. 261; HAMILTON (1971), p. 269.

⁵³ На Диона Кассия как источник более жесткой линии по отношению к Тиберию указывают многие исследователи. См., в частности: ENGEL (1980), p. 100-101.

кесаря, просит у него руки овдовевшей Ливии. Стремление породниться с семейством императора выдает безграничные амбиции фаворита и заставляет Тиберия насторожиться. Принцепс дает Сеяну отрезвляющий ответ, якобы продиктованный искренней заботой о его безопасности, он также ссылается на общественное мнение и возмущение, которое может вызвать очередной знак его расположения к слуге и явный мезальянс для Ливии. Негодуя в душе, Сеян тут же заверяет патрона, что осознал, насколько нелепа его просьба, и деловито продолжает обсуждать с Тиберием вопросы безопасности, предлагая ему отправиться на Капреи, чтобы там без помех предаться удовольствиям, в то время как верный Сеян продолжит борьбу с «оппозицией». Однако ему не удается усыпить подозрения кесаря, монолог которого после ухода фаворита показывает, что правитель не доверяет никому, включая его собственную креатуру, «облеченную доверием» и «вплетенную в ткань его замыслов»⁵⁴. Тиберий рассуждает о пользе страхов и сомнений в тех случаях, когда речь идет о безопасности государя. Чрезмерно возвысившийся фаворит может оказаться опаснее заклятых врагов, а его амбиции — страшнее ненависти и мести сторонников Агриппины. Выводом становится еще одна максима теории «государственного интереса»: высшее искусство правителя — никого не возвышать сверх меры, дабы это не привело к падению самого государя.

Those are the dreadful enemies we raise
With favours, and make dangerous with praise;
The injured by us may have will alike,
But 'tis the favourite hath the power to strike:
And fury ever boils more high and strong,
Heat' with ambition, than revenge or wrong.
'Tis then a part of supreme skill, to grace
No man too much; but hold a certain space
Between the ascender's rise, and thine own flat,
Lest, when all rounds be reached, his aim be that.

(III. 637-646)

Как искусный «макиавеллист» Тиберий решает противопоставить Сеяну другого «политика» Сартория Макрона, которому предстояло стать новым «инструментом» императора. При этом, аттестуя Макрона как «дух слишком деятельный», Тиберий откровенно рассуждает о том, что ему нельзя доверять, однако, такие люди хороши, когда участвуют в интригах против себе подобных. Столкнув между собой «два зла», мудрый правитель в конечном счете избежит и от одного, и от другого.

⁵⁴ «...wrought into our trust / woven in our design» (III. 625-628).

Макрон способен проникнуться своеобразной поэтикой служения «государственному интересу» и отдаться ему целиком, принося в жертву жену, родню, друзей, не считаясь с богами (III. 726-733). При этом он, безусловно, ожидает, что его миссия принесет ему ощутимые политические дивиденды и станет началом возвышения. В его глазах сфера «политического», где царствует «государственный интерес», представляет собой особый мир. Здесь не действуют привычные моральные нормы, а наличие совести — скорее недостаток, и тот, кто хочет преуспеть, должен оставить прямые пути правды ради диких нехоженных троп и забыть о привычном понимании добродетели. «Политические добродетели», ценимые в этом мире, это удача, случай, воля, собственные желания, выгода, все остальное — не имеет значения.

MAC. He that will thrive in state, he must neglect
The trodden paths, that truth and right respect;
And prove new, wilder ways: for virtue, there,
Is not that narrow thing she is elsewhere.
Men's fortune there is virtue; reason, their will;
Their licence, law; and their observance, skill.
Occasion is their foil; conscience, their stain;
Profit, their lustre: and what else is, vain.

(III. 736-743)

Размышления Макрона о «государственном интересе» принимают новое направление в связи с угрожающими для него слухами о неожиданном усилении политических позиций Сеяна. Поручение императора Макрон именуется миссией, имеющей «публичный» характер, однако теперь, когда под угрозой его жизнь, личный интерес как никогда тесно переплетается с государственным. Собственная безопасность, по признанию Макрона, ему все же дороже, поэтому он торопится нанести удар по Сеяну (IV. 77-92).

Наряду с главными протагонистами трагедия Джонсона населена множеством персонажей, которые выглядят ничтожествами, однако играют не менее зловещие роли и также знакомы с лексикой «государственной необходимости». Выступая провокаторами и охотниками за «врагами государства», проявляя «достойную бдительность» (IV. 224), Орсий, Руфус или Лакон рассуждают о важности их миссии, готовности пожертвовать ради нее близкими, и ожидаемом вознаграждении за предательство⁵⁵. Силий Сабин, попавший в западню этих «почтенных чудовищ» (*most reverend*

⁵⁵ “To do an office / So grateful to the state, I know no man / But would strain nearer bonds than kindred” (IV. 111-113).

monsters) называет их «людьми для любой службы» и самыми действенными орудиями государства — *my most officious instruments of state / men of all uses*, (IV. 222, 226, 227). С его оценкой созвучны слова Аррунция о том, что безопаснее довериться греку, убедившему троянцев ввести в город погубившего их коня, чем тем, кого государство использует в своих целях.

Против Сеяна Тиберий и Макрон применяют тактику, доказавшую свою эффективность в отношении партии Агриппины: его сторонников то возвышают, то низвергают, заставляя римлян гадать, что за этим воспоследует. Император то перевозносит прежнего фаворита, то хранит молчание, когда от него ждут похвал Сеяну. Сенаторы, привыкшие, подобно гелиотропу, поворачиваться вслед Солнцу, не знали, в какую сторону смотреть, а самые проницательные угадывали за этим искусную «игру Тиберия» — *Tiberius' art* (IV. 452-453). Сеян же был уверен в своих силах как никогда. В заключительном акте драмы он предстает человеком, окончательно уверовавшим в то, что он величием превзошел кесаря и сравнялся с Юпитером. Ему мнится, что его гигантская фигура выросла до небес и головой касается звезд. Гордыня превращает Сеяна в титаническую личность, готовую бросить вызов богам, которых он презирает, как и тех, кто в них верит. Он пренебрежительно в духе «макиавеллизма» отзывается о религии как о надоевших смешных обрядах — *reevish giglet rites* (V. 206), искусстве жонглирования — *juggling mystery* (V. 193) и одурачивания — *sozening ceremonies* (V. 200), утверждая, что готов признать лишь одну богиню Фортуну, но и ее считает своей служанкой, а не повелительницей. Несмотря на зловещие предзнаменования, Сеян позволяет застать себя врасплох, явившись на заседание Сената, где он надеялся получить звание трибуна. Здесь его постигает удар — письмо Тиберия, обвиняющее фаворита в чрезмерной жестокости по отношению к родне Агриппины, злоупотреблениях властью и опасном для императора возвышении. И хотя Тиберий всего лишь предлагает сенаторам провести расследование, чтобы установить меру вины Сеяна, они немедленно арестовывают того, кому еще недавно раболепно поклонялись, прославляя Макрона и восклицая: «Свобода! Свобода!». Как только весть о падении всесильного временщика разнеслась по городу, разъяренная толпа бросилась низвергать его статуи, а затем набросилась и на самого Сеяна, растерзав его.

Мрачный финал трагедии не оставляет ощущения катарсиса. Ярость толпы представлена Джонсоном в самом неприглядном свете из-за чего смерть Сеяна не выглядит справедливым возмездием. Ощущение безысходности оставляет и дальнейшее развитие собы-

тий: расправа над невинными детьми Сеяна, которых утопили, привязав друг к другу, после того как палач обесчестил его малолетнюю дочь, горе их матери, безуспешно взывавшей к небесам, тот факт, что Ливия, отравившая Друза, и ее пособники не пострадали. Приход к власти Макрона означал, что Сеяна сменил еще более беспринципный временщик. На этом фоне мораль, которой заканчивался текст, выглядела малоутешительной и довольно формальной. В финале Бен Джонсон вкладывает в уста Аррунция предостережение тем, кого Фортуна возносит слишком высоко, поскольку падение с высоты грозит им гибелью.

ARR. Forbear, you things,
That stand upon the pinnacles of state
To boast your slippery height; when you do fall,
You pash yourselves in pieces, ne'er to rise:
And he that lends you pity, is not wise.

(V. 883-887)

Ему вторит бывший сторонник Сеяна Теренций, напоминая о гневе богов, о которых забывают чрезмерно возвысившиеся гордецы и богохульники, ибо те, кого утро застало в величии, к вечеру будут лежать во прахе.

TER. Let this example move the insolent man,
Not to grow proud and careless of the gods:
It is an odious wisdom, to blaspheme,
Much more to slighten, or deny their powers.
For, whom the morning saw so great and high,
Thus low, and little' fore the even doth lie.

(V. 888-893)

Эти заявления оставляют противоречивое впечатление, прежде всего, потому что боги имели мало отношения к свершившемуся возмездию, которое стало результатом очередной интриги, задуманной Тиберием и осуществленной Макроном. В роли неузнанного «бога» выступал император-макиавеллист, сразивший восставшего против его власти «титана», при этом ни один, ни другой не вызывал ни малейшего сочувствия. Но и победа Тиберия вызывала сомнения, поскольку все его «искусства» и «политика», выдаваемая за мудрость, не обеспечивали гарантий от происков очередного временщика. Это было ясно любому, кто помнил, что именно Макрон вместе с Калигулой станет убийцей Тиберия.

Содержание *Сеяна* отнюдь не исчерпывается развенчанием «макиавеллизма» и предостережением об опасных издержках политики «государственного интереса». Создав впечатляющую картину

тиранического правления, Бен Джонсон не мог не задаться вопросом о способах противостояния ему. Аррунций, потрясенный размахом политических репрессий, задумывается о вооруженном сопротивлении Тиберию, о том же рассуждает Агриппина, призывающая сыновей восстать против тирании и испытать свою доблесть (IV. 67-70). Однако Бен Джонсон вкладывает свой недвусмысленный ответ в уста Тития Сабина, который в духе стоицизма отвергает возможность мятежа подданных против законной власти, даже в том случае, если государь склонен к тирании.

No ill should force the subject undertake
 Against the sovereign, more than hell should make
 The gods do wrong. A good man should, and must
 Sit rather down with loss, than rise unjust.
 Though, when the Romans first did yield themselves
 To one man's power, they did not mean their lives,
 Their fortunes, and their liberties should be
 His absolute spoil, as purchased by the sword.

(III. 163-170)

Драматург видит единственно допустимой для подданных стоическую модель поведения. Пассивное сопротивление тираническому режиму может привести к самоубийству как крайней форме неприятия политической действительности, и именно так поступают Гай Силий и Кремуций Корд (за рамками пьесы). Все положительные персонажи в *Сеяне* — приверженцы стоицизма: они бесстрашно обличают тиранию, делая явными ее преступления, и гибнут, не позволяя злу одержать над ними моральную победу. Предсмертная речь Гая Силия — пожалуй, наиболее сильный с эмоциональной точки зрения монолог трагедии. Благородный римлянин и достойный гражданин не сетует на Фортуны, которая не способна победить истинную добродетель, не боится смерти и погибает со словами о том, что умереть суждено всем, и трусам, и доблестным мужам, «важно лишь только, как и во имя чего»:

It is not life whereof I stand enamoured:
 No shall my end make me accuse my fate.
 The coward and the valiant man must fall,
 Only the cause, the manner how, discerns them...

(III. 332-335)⁵⁶.

⁵⁶ Заметим, что в данном случае Джонсон не мог опереться на какой-либо текст речи Силия, заимствованный у Тацита, поскольку в *Анналах* не приводится никакой версии слов, произнесенных им в сенате. Стоический по духу монолог — целиком создан драматургом.

Тем не менее, Джонсон отчетливо сознает, что стоическая модель поведения не оправдывает себя и не решает проблем, стоящих перед обществом. Уход одного за другим благородных героев-стойков не ставит преград тирании, напротив, избавившись от них, Тиберий и Сеян продолжают беспрепятственно творить зло. Не случайно автор заставляет Аррунция весьма эмоционально высказать свои сомнения относительно возможности сохранять спокойствие души и мудрый покой посреди царящих вокруг низости, доносов и политических расправ.

Эти мучительные размышления подводят автора к еще одной теме, которая представляется чрезвычайно важной для понимания того, что же представляла собой трагедия Джонсона, и в чем заключалось его «послание». Одна из центральных проблем, поднимаемых драматургом — это моральная деградация общества, утратившего гражданские ценности и представления об истинной доблести. Римская аристократия как коллективный герой становится объектом желчной сатиры: сенаторы не способны на большее, чем согреть мраморные скамьи телесами, они сервильны и готовы пресмыкаться перед любым, кто обладает властью. Порой сам Тиберий покидал присутствие, негодуя на это раболепствующее племя: “O, race of men, / prepared for the servitude!” (I. 52-53). Одна из самых ярких сцен в пьесе изображает как сенаторы, включая стариков и подагриков, спешат сесть поближе к Сеяну, а потом в панике бегут от него при первом же намеке на опалу бывшего фаворита.

Все сетуют на то, что Рим уже не тот, времена великих героев ушли в прошлое, однако, как говорит Аррунций, дело не во временах, а в самих людях (I. 86-104). Причину их деградации Гай Силий видит в том, что римляне погрязли в удовольствиях и пороках, сначала они сделали рабами своих желаний и страстей, а затем попали в рабство к тирану-правителю (I. 55-64).

Анализ состояния общества — одна из главных линий в *Сеяне*. Современные авторы, занимаясь изучением политических воззрений Джонсона, и полемизируя о том, является ли он в большей степени историком или моралистом, практически не обращают внимания на то, как сам автор определял предмет своего интереса, а между тем драматург поместил на титульной странице издания 1605 г. эпитафия, заимствованный из эпиграмм Марциала: “Nec hic Centauros, non Gorgonas, Harpiasque Innenies: Nominem pagina nostra sapit”⁵⁷, провозгласив своей философской задачей познание людей.

---

⁵⁷ «Здесь ты не найдешь ни Кентавров, ни Горгон, ни Гарпий, наши страницы целиком посвящены человеку».

Трагедия Джонсона убеждает в том, что общество несет коллективную ответственность за тот политический режим, который порождает. Если политическое тело государства больно, это проблема всех его членов, а поскольку лечение головы радикальными средствами невозможно, следовало найти иные рецепты оздоровления. С точки зрения стоицизма, таким средством могло стать культивирование индивидуальных добродетелей, определяющих общее моральное состояние, и возвращение к гражданским идеалам республиканского Рима. Пестовать добродетели, наставлять, показывая добрый пример, не уступать страстям и порокам, другого способа исправления ситуации автор не видит.

В первых же строках пьесы Джонсон рисует положительный образ достойного римского гражданина, создавая его «от противного», в противопоставлении типичным придворным «политикам». Этот идеал находит воплощение в героях-стоиках Силии, Сабине, Корде. Таких людей нечасто встретишь при дворе, они не получают должностей благодаря интригам или преступлениям, им чуждо тонкое искусство политики, они не похожи на улиток, присосавшихся к стене, чтобы ползти вверх раболепствуя, а не служа (I. 4-19). Положительный идеал ретроспективен, драматург и его герои ищут его в прошлом республиканского Рима, в героях, подобных Бруту и Кассию (I. 86-104). Последним носителем былых гражданских доблестей Силий и Сабин называют Германика, наделенного таким множеством добродетелей, что по своей природе он казался ближе к богам, чем к людям. Прекрасный ликом и телом, он был серьезен и не злоупотреблял высоким положением, заботился о других и был искренне любим своими солдатами. Германик вобрал все лучшие черты славных римских мужей — достоинство Помпея, дух Цезаря, искренность одного Катона и умеренность другого, он — «сама душа добра» (I. 118-119, 147-157). Одна из важных составляющих морального идеала — неподверженность человека страстям, как гарантия от ошибок. Так Сабин говорит, что ему нравится спокойствие и бесстрастность Корда, выступавшего в сенате с его апологией интеллектуальной свободы историка (III. 461-462). На том же основании он ставит Германика выше чувственного, порывистого, непостоянного Александра Великого (I. 143-146).

В тексте *Сеяна* есть и рассуждения на тему идеального правителя. Как это ни парадоксально, они имеют отношение к образу Тиберия. По мнению «оппозиционеров», у императора были все шансы стать хорошим государем, культивируя в себе добродетели, поскольку он наделен многими талантами, в том числе ораторским даром, однако, дистанция между его устами и сердцем слишком велика. По

словам Силия, если бы то, что Тиберий говорил о своей готовности служить обществу, было правдой, он стал бы подлинным благословением для Рима и его граждан. При нем сохранялась бы древняя свобода, ибо не может быть кабалой подчинение государю, наделенному моральными добродетелями (I. 407-409). «Под властью его короны желанная свобода выглядит наиболее привлекательной» (I. 408-409). Этот тезис доказывает, что при оценке политического режима для Джонсона важна не форма правления как таковая (сильная монархическая власть не вызывает у него протеста), а моральные качества правителя, от которых зависит состояние государства.

Таким образом, *Падение Сеяна* — это этико-политическое рассуждение, основанное на историческом материале, который осмысливается автором, интеллектуалом-классицистом, с точки зрения парадигматического, дидактического подхода к истории. Цель Бена Джонсона, отнюдь не пьеса на злобу дня с завуалированными аллюзиями на современные события. Он пытается осмыслить природу политических отношений на всем протяжении человеческой истории. Отзываясь на новейшие веяния в политической мысли, драматург пытается «попробовать на вкус» учение о государственном интересе и отвергает его на том основании, что эта теория опасна, когда ее применяет на практике правитель, склонный к тирании. Она оказывается одинаково губительной и для общества, и для самой власти, утрачивающей моральные ориентиры и подменяющей истинную мудрость сомнительным «политическим искусством». Отрицая идею активного сопротивления правителю, Джонсон предлагает стоическую модель пассивного противостояния тирании, ясно отдавая себе отчет в ее неэффективности перед лицом распространяющегося зла, пороков и деградации общества. Тем важнее в его глазах внутренняя созидательная работа по воспитанию нравственного человека, поскольку только достоинство и внутренняя свобода граждан могут послужить барьером тирании. Проблему «очищения» и воздаяния тем, кто попирает нравственные нормы, драматург в определенной степени перекладывает и на высшие силы, напоминая о «справедливости небес».

Возможно, именно с надеждой благотворно повлиять на общество, связаны слова Джонсона в предисловии к изданию 1605 г., о том, что его текст обращен не столько к тем, кто изменнически замышляет против своих государей, сколько к тем, чьи добродетели и благочестие хранят ангелы. В духе Липсия он пытается найти защиту от наступающего «железного века» макиавеллистов и «политиков» в синтезе идеалов гражданского гуманизма, стоицизма, и христианской морали.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- JONSON (1925–1952) — *Ben Jonson*, ed. by C.H. HERFORD, P. SIMPSON, E. SIMPSON, 11 vols. (Oxford, 1925–1952).
- JONSON (1985) — JONSON, B., *Timber, or, Discoveries, Made upon men and matter, as they have flowed out of his daily readings, or had their reflux to his peculiar notion of the times*, ed. by I. DONALDSON (Oxford, 1985), p. 521-594.
- JONSON (1999) — JONSON, B., *Five plays* (Oxford, 1999).
- TACITUS (1600) — *Cornelii Taciti Opera quae extant, Iustus Lipsius postremum recensuit* (Antwerp, 1600).

Исследования

- AYRES (1983) — AYRES, P.J., “Jonson, Northampton, and the *Treason* in *Sejanus*”, *Modern Philology*, vol. 80 / 1 (1983), p. 356-363.
- AYRES (1986) — AYRES, P.J. “The Nature of Jonson’s Roman History”, *English Literary Renaissance*, vol. 16 / 1: *Studies in Renaissance Historicism* (1986), p. 166-181.
- BARISH (1965) — BARISH, J., (ed.), “Introduction”, *Sejanus* (L., 1965).
- BOUGHNER (1958) — BOUGHNER, D.C., “Jonson’s Use of Lipsius in *Sejanus*”, *Modern Language Notes*, vol. 73 / 4 (1958), p. 247-255.
- BOUGHNER (1960) — BOUGHNER, D.C., “Juvenal, Horace and *Sejanus*”, *Modern Language Notes*, vol. 75 / 7 (1960), p. 545-550.
- BOUGHNER (1961) — BOUGHNER, D.C., “*Sejanus* and Machiavelli”, *Studies in English Literature, 1500–1900*, vol. 1 / 2: *Elizabethan and Jacobean Drama* (1961), p. 81-100.
- BURKE (1991) — BURKE, P., “Tacitism, Scepticism, and Reason of State”, *The Cambridge History of Political Thought. 1450–1700* (Cambridge, 1991), p. 479-498.
- CHAMBERS (1923) — CHAMBERS, E.K., *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923).
- CORBALLIS (1979) — CORBALLIS, R.P., “The ‘Second Pen’ in the Stage Version of *Sejanus*”, *Modern Philology*, vol. 76 / 3 (1979), p. 273-277.
- DUFFY (1947) — DUFFY, E.M.T., “Ben Jonson’s Debt to Renaissance Scholarship in *Sejanus* and *Catiline*”, *The Modern Language Review*, vol. 42 / 1 (1947), p. 24-30.
- DUTTON (1978) — DUTTON, A.R., “The Sources, Text and readers of *Sejanus*: Jonson’s ‘Integrity in the Story’ ”, *Studies in Philology* 75 (1978), p. 195.
- ENGEL (1980) — ENGEL, W.F., “The Iron World of *Sejanus*: History in the Crucible of Art”, *Renaissance Drama* [New Series], vol. 11: *Tragedy* (1980), p. 95-114.
- EVANS (1971) — EVANS, K.W., “*Sejanus* and the Ideal Prince Tradition”, *Studies in English Literature, 1500–1900*, vol. 11 / 2: *Elizabethan and Jacobean Drama* (1971), p. 111-121.

- bean Drama* (1971), p. 249-264.
- EVANS (1991) — EVANS, R.C., “Jonson’s Copy of Seneca”, *Comparative Drama*, vol. 25 / 3 (1991), p. 257-292.
- HAMILTON (1971) — HAMILTON, G.D., “Irony and Fortune in *Sejanus*”, *Studies in English Literature, 1500–1900*, vol. 11 / 2: *Elizabethan and Jacobean Drama* (1971), p. 265-281.
- JOWETT (1988) — JOWETT, J., *Fall before This Booke: The 1605 Quarto of ‘Sejanus’* [Text], vol. 4 (1988), p. 279-295.
- KURLAND (1988) — KURLAND, S.M., “‘No innocence is safe, When power contests’: The Factional Worlds of *Caesar* and *Sejanus*”, *Comparative Drama*, vol. 22 / 1 (1988), p. 56-67.
- MAROTTI (1970) — MAROTTI, A.F., “The Self-Reflexive Art of Ben Jonson’s *Sejanus*”, *Texas Studies in Literature and Language*, vol. 12 / 2 (1970), p. 197-220.
- MCGINNIS (1959) — MCGINNIS, P.J., “Ben Jonson on Savile’s Tacitus”, *The Classical Journal*, vol. 55 / 3 (1959), p. 120-121.
- NASH (1958) — NASH, R., “Ben Jonson’s Tragic Poems”, *Studies in Philology*, vol. 55 / 2 (1958), p. 164-186.
- PELTONEN (1995) — PELTONEN, M. *Classical Humanism in English Political Thought, 1570–1640* (Cambridge, 1995).
- PERRY (1993) — PERRY, C., “The Crisis of Counsel in Early Jacobean Political Tragedy”, *Renaissance Drama* [New Series], vol. 24: *Perspectives on Renaissance Drama* (1993), p. 57-81.
- SALMON (1989) — SALMON, J.H.M., “Stoicism and Roman Example: Seneca and Tacitus in Jacobean England”, *Journal of the History of Ideas*, vol. 50 / 2 (1989), p. 199-225.
- SALMON (1991) — SALMON, J.H.M., “Seneca and Tacitus in Jacobean England”, *The Mental World of the Jacobean Court*, ed. by L. Levy PECK (N. Y., 1991), p. 169-188.
- SHELLHASE (1976) — SHELLHASE, K.S., *Tacitus in Renaissance Political Thought* (Chicago, 1976).
- SWEENEY (1981) — SWEENEY, J.G., “Sejanus and the People’s Beastly Rage”, *ELH*, vol. 48 / 1 (1981), p. 61-82.
- TUCK (1993) — TUCK, R., *Philosophy and Government. 1572–1651* (Cambridge, 1993).
- WIKANDER (1979) — WIKANDER, M.H., “‘Queasy to be Touched’: The World of Ben Jonson’s *Sejanus*”, *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 78 / 3 (1979), p. 345-357.
- ДМИТРИЕВА Ольга Владимировна** — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Средних веков и раннего Нового времени Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ovdmit@list.ru

SUMMARY

***SEJANUS, HIS FALL* BY BEN JONSON
AND “TACITISM” IN ENGLAND
IN THE LATE XVIth – EARLY XVIIth CENTURIES**

Olga DMITRIEVA

The article explores the tragedy *Sejanus, His Fall* by Ben Jonson, which presented a reflection upon various trends in English and continental political thought in the late XVIth – early XVIIth cc. the author analyzed the character and the specific way of publication of the play; she concludes that Jonson offered a negative interpretation of the Machievelism and the theory of ‘reason of state’. At the same time, he was an apologist of a strong monarch and rejected resistance theories. Jonson’s ideal was a monarch faithful to the idea of common wealth, and cultivation of personal virtues was viewed by him as a guarantee against tyranny. Thus, his text presented a synthesis of stoicism, civic humanism and Christian ethics.

Keywords: Ben Jonson, tacitism, neostoicism, political culture, ‘reason of state’.

Olga DMITRIEVA, DrSc (History), Professor at the Chair of the History of the Middle Ages and Early Modern Time, History Department, Lomonosov Moscow State University, ovdmit@list.ru

В.В. ПЕТРОВ

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ПЕРЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РАННИХ РАБОТАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье рассматриваются особенности восприятия и репрезентации пространства в ранних работах Андрея Белого. Выделяются два широких класса пространств — концептуальные (пространства теоретизирования) и перцептуальные (пространства восприятия и переживания). Прослеживается влияние на Белого источников из области философии (И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), математики (Ч. Хинтон, Г.И. Челпанов), астрономии (М.Ф. Хандриков), литературы (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Д.С. Мережковский, В.И. Иванов). С учётом обнаруженных влияний даётся толкование сложным для интерпретации фрагментам из сочинений Белого.

Ключевые слова: концептуальное пространство, перцептуальное пространство, Андрей Белый, Кант, Шопенгауэр, Ницше, Хинтон, Челпанов, Хандриков, Гоголь, Достоевский, Мережковский, Вяч. Иванов, Жан-Поль Рихтер.

В миросозерцании Андрея Белого «пространство» является одновременно философской категорией, объектом рациональных построений, экзистенциальным переживанием, феноменологической данностью и пр. В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением двух широких классов «пространств». «Концептуальным» в широком смысле нами считается пространство, выступающее у Белого как теоретический конструкт, как объект рациональных построений и рефлексий. Здесь мы будем иметь дело с пространствами философии, астрономии, математики и пр. «Перцептуальным» является пространство, выступающее и представленное в виде объекта восприятия (например, визуального или слухового) или переживания (эмоционального, экзистенциального и др.). В этом случае речь пойдет о пространстве оптическом, пространстве переживания и т.д. Разумеется, чёткое и однозначное разграничение провести невозможно: теоретические (к примеру, «кантовские» или математические) представления о пространстве оказываются у Белого мифологизированы, подвержены влиянию автобиографических мотивов и

субъективных переживаний, а перцептивные, напротив, обнаруживают продуманность и влияние современных автору научных и философских учений. Кроме того, концептуальное пространство может являться не менее субъективным, чем перцептуальное (ср. выстраиваемые наблюдателем фантомные вселенные). По внешним обстоятельствам мы ограничили анализ ранними сочинениями Белого (преимущественно *Симфониями*), привлекая более поздние лишь там, где они разъясняют или иллюстрируют наши рассуждения.

Пространство как лексема. Уже на уровне авторского языка, воплощённого в текстах, очевидно, что пространство — один из важных смыслообразов художественного и интеллектуального мира Андрея Белого¹. Соответствующая, и весьма характерная для языка писателя лексема, многократно встречается в его сочинениях. Её присутствие тем более заметно, что существительные, имеющие смысл пространственных протяжений, специально выделяются в прозе А. Белого с помощью семантико-синтаксических приемов². Выделенность слова «пространство», которое традиционно имеет смысл абстрактного протяжения и фигурирует в теоретических и отвлечённых от конкретных реалий контекстах, подчёркивается тем, что Белый ставит его в зависимость от глаголов, выражающих телесные движения и действия, имеющих сниженный просторечный регистр. Подобное соположение высокого и бытового создаёт эффект остранения, задерживая внимание читателя на подобных лексических парах³.

¹ Семантика пространства в *Симфониях* рассматривалась в работах: Минц, Мельникова (1984), с. 84-92; Силард (1988; 2002), с. 283-295.

² Отмечено, что соответствующие существительные у Белого получают глагольное управление в форме винительного падежа с предлогом «в». При этом пространственные реалии нередко ставятся в зависимость от глаголов звучания: «трубить в мир», «в дали», «рыдать в просторы», «в раздолье», «лепетать в холод небес». Подобная практика распространяется и на представление различного рода темпоральности. См. КОЖЕВНИКОВА (1995), с. 61.

³ Ср., например: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфонии*, с. 194: «ему казалось, что он висит в пространствах»; *Там же*, с. 164: «Евгений Хандриков, дивился себе, ползающему в пространстве»; ОН ЖЕ, *Котик Летаев*, с. 43: «в пространствах заводятся: папа, мама и <...> няня»; ОН ЖЕ, *Петербург*, с. 226: «он не мог не селиться в пространствах, имеющих три измерения; и он селится в пространствах: в пространствах кубических»; ОН ЖЕ, «Книжная (“Некрасовская”) редакция двух первых глав романа *Петербург*», в: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Петербург* (1981), с. 444: «Сенатору показалось, будто его проклинаят в пространствах: боязнь пространства развивалась в нем изо дня в день».

В сочинениях писателя присутствие лексемы «пространство» в единственном или множественном числе подчас служит средством выражения психоэмоциональных состояний и тогда передает переживание (пространства космические, ледяные, пространства души)⁴. Не раз Белый представляет пространства как нечто внешнее и враждебное, постулируя *боязнь* пространств, агорафобию.

Ужаснувшийся Кант. Характерной приметой начала XX века является то обстоятельство, что восприятие категоремы «пространство» отмечено у него влиянием философских учений Канта и Шопенгауэра. В самом деле, *Критику чистого разума* Канта Андрей Белый пробует читать уже весной 1898 г., а затем возвращается к ней в конце 1900 г. При этом его взгляды на Канта базируются преимущественно на трактовках, почерпнутых из вторичной литературы, чего он не скрывает: «Куно Фишер указывает на то, что “правильное и основательное уразумение критической философии зависит главным образом от одной точки: от правильного понимания учения о пространстве и времени”»⁵. Из кантианства, которое у него представляет собой не столько специальную философскую систему, сколько широкую интеллектуальную традицию, Белый усваивает представление о том, что пространство и время не суть некие довлеющие себе субстанции или вместилища других вещей, но суть формы нашего созерцания⁶. При этом, рассуждая о пространстве, Белый обращается не только к философам, но и к математикам, упоминая концепции Кантора, Гаусса, Лобачевского, Пуанкаре, включая теорию четырёхмерного пространства⁷.

---

⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфония 2-я (драматическая)*, в: *Симфонии*, с. 84: «бесконечное пространство крыш стило».

⁵ ОН ЖЕ, «Критицизм и символизм», в: *Символизм*, с. 38. Приведенное высказывание не является точной цитатой. Белый своими словами передаёт одно из положений принадлежащего Фишеру изложения философии Канта, см.: ФИШЕР, *Ист. нов. фил.*, напр.: «По новому учению пространство и время являлись <...> первоначальными созерцаниями... Вместе с этим понятием возникла в зародыше и критическая философия»; «Вопрос: что такое пространство и время? служит первою темою критического исследования».

⁶ См. КРУГЛОВ (2012), с. 187.

⁷ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, «Смысл искусства» (1907), в: *Символизм*, с. 159: «Самая предпосылка видимости — пространство — воспринимается нами условно; необходимым условием пространства считаем мы его непрерывность; но “нельзя исключать из одного факта непрерывности движения общей непрерывности пространства”, — говорит математик Кантор. Вспомним взгляды Гаусса, Лобачевского, Бельтрами, Пуанкаре о возмож-

Если рассуждать в таких категориях современной философии как «внутреннее» и «внешнее», то этой оппозиции у Белого соответствует пара «время» и «пространство», при этом такое подразделение корректно связывается с Кантом:

Пространство является, по Канту, формой, систематизирующей представления о внешних переживаниях, а время — формой, систематизирующей представление о нас самих⁸.

ности пересечения параллельных линий, взгляды Сильвестера, Клиффорда, Гельмгольца о четырехмерном пространстве. Рид в трактате *Геометрия видимого* соприкасается с Гельмгольцем. Девонс наглядно доказал, что в ином, невообразимом пространстве мы могли бы придти к началу эвклидовой геометрии. Наконец, вне геометрии устанавливаем мы взгляд на пространство как на познавательную форму». Весьма возможно, выделенные курсивом слова взяты А. Белым из статьи П. Флоренского «Об одной предпосылке мировоззрения» (с. 24-35), из того места, где наряду с Г. Кантором упоминается Н.В. Бугаев. Ср. «Гипотеза непрерывности пространства, — говорит Кантор, — есть, следовательно, не более, как предположение... о соответствии между чисто арифметическим континуумом трех измерений (x, y, z) и пространством, которое служит основанием мира явлений <...> Никак нельзя заключать непосредственно из одного факта непрерывного движения к общей непрерывности пространства» <...> На своих лекциях и в своих статьях <...> [Н.В. Бугаев] упорно указывал нам на значение прерывности как элемента мировоззрения <...> Мы, видевшие зарю “нового искусства”, стоим на пороге и “новой науки”. И только, когда она будет создана, мы сможем достаточно оценить деятельность провидцев — Георга Кантора и Николая Бугаева» (ФЛОРЕНСКИЙ, *Соч.*, т. 1, с. 77-78). См. БУГАЕВ (1898), с. 709: «Присматриваясь к явлениям природы, мы скоро подмечаем такие факты, которые не могут быть объяснены с точки зрения одной непрерывности»; *Там же*, с. 710: «Прерывность всегда обнаруживается там, где проявляется самостоятельная индивидуальность. Прерывность подмечается также и там, где на сцену выступают вопросы о целесообразности, где появляются эстетические и этические задачи. Таким образом непрерывность объясняет только часть мировых событий».

⁸ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, «Критицизм и символизм» (1904), в: *Символизм*, с. 41. Ср. КАНТ, *Критика чистого разума. О паралогизмах чистого разума*, в: КАНТ, *СС*, т. 3, с. 659: «представление обо мне как мыслящем субъекте относится лишь к внутреннему чувству, а представления о протяженных сущностях относятся также и к внешнему чувству»; *Там же*, с. 664: «Я, представленное во времени посредством внутреннего чувства, и предметы в пространстве вне меня суть... совершенно различные явления». Ср. ФИШЕР, *Ист. нов. фил.*, т. 4 (*И. Кант*), с. 393: «Чистые созерцания суть время и пространство: поэтому время и пространство суть основные формы нашей чувственности, формальные условия всякого ощущения и восприятия... Пространство имеет значение формального условия внешнего, а

При всей мифологичности своих представлений о Канте и кантианстве, Белый адекватно представляет себе соответствующие воззрения кенигсбергского философа и, что для нас более важно, выстраивает в соответствии с ними свой художественный мир, а потому к репрезентации пространства в его текстах прекрасно подходит характеристика, которую Жиль Делёз даёт семантике пространственности Канта, после которого пространство предстаёт как «область вторжений»⁹.

Белый неоднократно вспоминает о законе основания и, видимо, причины для этого не всегда лежат в поле исключительно философии. Предвосхищая Делёза, Белый выражает понимание того, что пространство мира изменилось потому, что философия показала мир другим — чужим и холодным. И здесь проза Белого представляет редкий случай того, как теории пространства, продуманные в философии, не только в образном плане воспроизведены в художественных сочинениях, но здесь же автором теоретически отрефлексированы. Примечательно, что уже во 2-й *Симфонии* (1901) Белый фиксирует тот факт, что его экзистенциальный страх порождён новой философией. Прочитав и прочувствовав на эмоциональном уровне Канта, он испытал *страх пространств*, от которых хочет отгородиться и спрятаться:

Молодой философ читал *Критику чистого разума* <...> Прочтя о времени и пространстве как априорных формах познания, он стал придумывать, нельзя ли заставить себя ширмами, спрятав-

---

время внутреннего восприятия: поэтому Кант называет первое “формой внешнего чувства”, последнее “формой внутреннего”»; *Там же*, с. 511: «представление моей самости, как мыслящего субъекта, относится к внутреннему чувству, представления же, означающие протяженные сущности, к внешнему»; *Там же*, с. 515: «Тела суть не что иное, как внешние явления, представления внешнего чувства, предметы в пространстве. Мысли суть не что иное, как внутренние явления, представления внутреннего чувства».

⁹ ДЕЛЁЗ, *Лекции о Лейбнице*... с. 118-125: «Пространство есть форма экстерности, то есть форма, в которой к нам приходит то, что является внешним по отношению к нам... Пространство [у Канта] <...> это форма неких вторжений <...> Сами пространство и время суть пустые формы, обуславливающие всякую явленность. Это становится чрезвычайно суровым миром, миром-пустыней <...> То, что исчезло, это мир, населенный божественным, бесконечным; мир стал миром людей <...> На смену <...> приходит совершенно иная проблема, которая станет главной проблемой романтизма <...> Возникает мысль хитрая, пуританская, пустынная, которая задаёт себе вопрос: если сказано, что мир существует и что он является, то как обосновать его?».

шись и от времени и от пространства, уйти от них в бездонную даль¹⁰ <...> Забился под кровать. Ему хотелось убежать от времени и пространства, спрятаться от мира¹¹.

Экзистенциальные мотивы ужаса существования, заброшенности в мир, желание скрыться от мира феноменов и нуменов за ширмами рабочего кабинета, связывалось у Белого с кантианством и неоднократно обсуждалось в переписке с А.А. Блоком¹². Под влиянием соответствующих строк 2-й *Симфонии* Блок, помедлив, даже надписал свое стихотворение *Сижу за ширмой* заголовком *Иммануил Кант*¹³. «Кантовский» дух *Симфоний* Белого был общепризнанным фактом. Например, в письме к Белому от 14 мая 1901 г. Сергей Соловьев пишет: «Мои родители... непременно хотят услышать ваши симфонии о *Критике чистого разума*»¹⁴.

¹⁰ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфония (2-я, драматическая)*, в: *Симфонии*, с. 65.

¹¹ Там же, с. 78.

¹² Эти строки Белого откликнутся у Александра Блока образом съжившегося человечка, укрывшегося от метафизического ужаса за ширмой. Но у Блока «испуганным» становится уже не лирический герой, а сам Кант, который прячется от мира в своей каморке (в этом отношении к Канту Блок схож с Белым, который тоже ассоциировал кенигсбергского философа с кабинетным затворничеством). Ср. письмо Блока к С.М. Соловьёву от 8 октября 1903 г. (*Переписки Блока с Соловьёвым...* с. 345): «...почтальон все так же взбегаёт на лестницу к верхней двери. И прячется за шкапами некто и *Критика разума* лежит в *другой* комнате. Обо всем этом существуют намеки». Через несколько дней, в письме к Белому от 13 октября 1903 г., Блок напишет: «Можно бояться сознательно *только одного*: своего ужаса... Только этот испуг страшен. Он ведет к неизгладимому. Войдите к такому испугавшемуся. Он сидит за ширмой, весь почерневший, у него скрещены ручки и ножки. Они так высохли, и из лица, некогда прекрасного, стало “личико”, сморщенное, маленькое. И голова ушла в плечи» (Белый, Блок, *Переписка...* с. 102). Белый так откомментировал это письмо (Там же, с. 104): «Нота, испугавшая меня... нота “страха”. “Можно бояться сознательно *только ОДНОГО*: своего ужаса”». В последующем письме к Белому (от 20. 11. 1903) Блок заметит, что образ человека за ширмой у него с Кантом исходно не ассоциировался, но так получилось впоследствии: «то, что мне во сто раз лучше *жить* теперь, чем прежде, не помешало *писать* о том же, о чем прежде, и даже об Иммануиле Канте, как оказалось впоследствии из анализа стих<отворения> *Сижу за ширмой*» (Там же, с. 121). Об образе «испугавшегося Канта» у Блока Белый будет вспоминать и много позже, см. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Восп. о Блоке*, с. 184.

¹³ БЛОК, *ПСС*, т. 1, с. 162, 352. Подробнее см. КРУГЛОВ (2012), с. 177-197; об Андрее Белом; Он же, с. 197-217; об Александре Блоке; ЖЕРЕБИН (2012), р. 79-97.

¹⁴ РГБ. Ф. 25. Карт. 26. Ед. хр. 1. — Цит. по: ЛАВРОВ, в: *Симфонии*, с. 417.

Характерно, что против образной мифологизации и демонизации Канта возражал другой корреспондент Белого — Э.К. Метнер¹⁵. Современный исследователь тоже не находит в *Критике чистого разума* объективных предпосылок для катастрофического восприятия Белым «мира после Канта»¹⁶. Хотя сам Белый возводит ужас пространств к Канту, «Кант» повинен в том лишь отчасти, его образ мифологизирован и является персонификацией собственных фобий писателя, спроецированных на влиятельную интеллектуальную фигуру его эпохи. Стоит заметить, что Кант воспринят Белым через призму Ницше: не случайно *Критика чистого разума* ассоциируется им с «жутким полднем», а сам философ — с пауком¹⁷.

Челпанов и метагеометрия. Применительно к теоретическому осмыслению Белым проблематики пространственности в связи с развитием науки и философии примечательна опубликованная им в 1904 г. рецензия на книгу Г.И. Челпанова *Проблема восприятия пространства*, в которой соответствующие вопросы обсуждались в контексте данных математики, философии и психологии¹⁸. Давая обзор воззрений на пространство, Челпанов в своей книге говорил о кантовской «вещи в себе», неевклидовых геометриях (скептически замечая, что «метагеометры придают преувеличенное значение тому аргументу, что пространство есть один из видов *n*-кратно протяженного многообразия»), о проблемах адекватной репрезентации реальности посредством наших ощущений. Согласно Челпанову «реальная вещь» (вещь в себе) есть комплекс разнообразных свойств, из которых только *некоторые* доступны нашему восприятию. Ощущение представляет вещи не такими, «какие они есть», но в виде символов (при этом символ понимается им утилитарно и технически — как знак, отсылающий к вещи). Соответственно и ощущения (звуковые, зрительные) суть знаки или символы

---

¹⁵ К примеру, А. Белый пишет Э.К. Метнеру (12. 1903): «А. Блок, которому я послал карточку Огыги, прислал мне в ответ стихотворение, полное ужаса. Он за Огыгу принимает <...> Иммануила Канта — он, а не я, Эмилий Карлович!..». На что Метнер отвечает: «Кант не Огыга, как думает Александр Блок; Кант не “сухой теоретик” <...> Никакого “ужаса” и никакой “сухости” я в Канте не вижу. Ужаса гораздо больше у Шопенгауэра и Ницше, сухости у Влад. Соловьева и в патристике» (*Неизд. переписка...* с. 208-210).

¹⁶ Круглов (2012), с. 187: «В чем причина ужаса и страха, бегства от пространства, времени и мира, понять на основе КЧР мне не удастся — вероятно, следует искать какой-то второисточник (Шопенгауэр и др.), сквозь призму которого Белый рассматривает трансцендентальную эстетику Канта».

¹⁷ См. ПЕТРОВ (2015), с. 823-826.

¹⁸ [БУГАЕВ], *Две замеч. кн.*, с. 32-38; ЧЕЛПАНОВ (1904).

вещей и явлений. Подобная «символическая» терминология находит сочувственный отклик у Белого, которому импонирует то, что «чувственные качества... являются у Челпанова символами некоторых реальностей». Белый, разумеется, трактует «символ» сообразно собственным воззрениям, далеко отстоящим от челпановских. Например, он делает вывод, что «организация <...> переживаний в систему произвольно символична, а организация символов произвольно религиозна». Его внимание привлекают приводимые Челпановым разбор и классификация геометрических взглядов на пространство. Белый указывает, что согласно Челпанову, отправляющемуся от данных неевклидовых геометрий (в частности, от проективной геометрии), реальность сама по себе не в точности такова, какой мы её воспринимаем¹⁹ (как отмечал сам Челпанов, «реальность делается предметом нашего познания в переработанном виде»²⁰). Сделанные мимоходом рассуждения Челпанова о «целях» позволяют Белому сослаться на своё, заимствованное у В. Вундта, понимание «телеологии»²¹ и дать ссылку на собственное, только что опубликованное, эссе²². Общий вывод Белого существенно деформирует оригинал: «Челпанов, понимая кантовскую вещь в себе, как некоторую трансцендентальную реальность, должен разуметь под ней нечто символическое, соединяющее абсолютно непостижимое сверхсознательное единство с пространственно-временными образами феноменального мира. Такое соединение есть символ»²³.

¹⁹ У Белого эта простая мысль выражена нарочито наукообразным способом: «пространство по Челпанову, предполагаемое способностью координировать представления, есть порядок, отвлечённый от содержания» ([БУГАЕВ], *Две замеч. кн.*, с. 34).

²⁰ От конкретизации этого положения Челпанов принципиально отказывается («я не считаю необходимым рассматривать, есть ли основа пространства что-нибудь трёхмерное») — на том основании, что рассмотрение свойств «объективной основы пространства выходит за пределы просто *гносеологии*», хотя «этот вопрос можно решить допущением различных гипотез *метафизического* характера». В целом занимая взвешенную «идеалистически-реалистическую» позицию, Челпанов полагает, что пространственная «трёхмерность есть так же субъективно-обусловливаемое, как и объективно-обусловливаемое свойство» (ЧЕЛПАНОВ [1904], с. 416).

²¹ [БУГАЕВ], *Две замеч. кн.* (1904), с. 36: «К числу наиболее важных выводов относится взгляд Челпанова на телеологический принцип, как на необходимую предпосылку критицизма. Тут, по нашему глубокому убеждению, критицизм чрез телеологию связуется с символизмом».

²² АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *О целесообр.*, с. 139-153 (= *Арабески*, с. 81-90).

²³ БУГАЕВ, *Две замеч. кн.*, с. 38.

Жан-Поль Рихтер и звёздный странник Христос. Если говорить о совмещении «концептуального» и «перцептуального», примечательно, что в эмоционально-образном плане с пространством у Белого связан устойчивый набор характеристик — беспредельность, холод и ужас, мрак, бред, тоска. Пространство часто представлено как междупланетное, космическое:

В черном, бездонном пространстве он [Сириус] выбрасывал из себя столбы огня и бреда; и не один Сириус, но все звезды извергали потоки огня в черный холод. Это был звёздный ужас²⁴.

Пустыня страданий развернётся вверх, вниз и по сторонам. Тщетно ты будешь перебегать пространства — необъятная пустыня сохранит тебя в своих холодных объятиях... Тщетен будет твой голос...²⁵.

Хандриков закинул голову. Над головою повисла пасть ночи — ужас Вечности, перерезанный Млечным Путем. Точно это был ряд зубов. Точно небо оскалилось и грозило несчастьем²⁶.

Подобный романтическо-астрономический космизм напоминает образность и стиль Жан-Поля Рихтера, на сходство Белого с которым неоднократно обращалось внимание²⁷. Жан-Поль в схожем

²⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфония 2-я (драматическая)*, в: *Симфонии*, с. 86.

²⁵ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 162.

²⁶ *Там же*, с. 174.

²⁷ См. ЛАВРОВ (2008), с. 252-266. Ср. МЕТНЕР, *Письмо А. Блоку* от 20. 02. 1913: «Меня глубоко возмущает отсутствие чутья к *рангу* Бугаева. Можно не соглашаться ни с единой его строкой, но не видеть огромности этого русского Жана Поля и русского Новалиса и русского Hamann'a — значит быть... напрасно образованным. Романиста, которого немецкие критики сравнивают с Гоголем, надо печатать с закрытыми глазами» (*Неизд. переписка...* с. 217). Примечательно, что Рудольф Штейнер в своей *Теософии* (1904) цитирует важный автобиографический фрагмент из *Саможизнеописания* Жана Поля, описывающий драматический момент пробуждения в нем самосознания. Это описание, доступное в переводе А.Р. Минцловой, не могло не привлечь внимания А. Белого. См. ШТАЙНЕР, *Теософия...* с. 34-35: «Писатель Жан-Поль рассказывает в своем жизнеописании (*Lebensbeschreibung*): «Никогда не забуду я то, еще никому из людей мною не рассказанное событие во мне (*Erscheinung in mir*), когда я присутствовал при рождении своего **самосознания** (*Selbstbewußtseins*); я помню даже время и место. Однажды утром, будучи еще совсем ребенком, стоял я у двери дома и смотрел влево на сложенные дрова, как вдруг внутреннее зрение я емь 'Я' (*innere Gesicht, ich bin ein Ich*), как бы луч молнии с неба, упало на меня и с тех пор осталось сияющее (*leuchtend*): тут впервые мое 'Я' увидело себя само и навеки (*mein Ich zum erstenmal sich selber gesehen und auf ewig*). Едва ли здесь мыслимо предположение обмана памяти, так как никакие чужие рассказы не могли, добавляя, примешаться к проис-

ключе живописал нескончаемый пустынный космос, в котором даже Христос обречён на бесконечное странствие по мирам и одиночество. Маловероятно, что Белый знал этот отрывок из Жан-Поля, но сходство, тем не менее, очевидно:

А Христос продолжал: «Я шёл через **миры**, проникал в горячие звезды и летел вместе с Млечным путём через **пустыни вселенной**, но Бога нет. Я спускался **вниз** до последних пределов, куда доходит тень сущего, смотрел в **бездну** и звал: “Отче, где ты?” — но слышал я лишь гудение вечности, никем не управляемое. Мерцающая радуга жизни повисала над **бездной**, с нее скатывались капли и падали вниз. Но радугу может зажечь только Солнце, а Солнца не было! Я искал божественного ока в **бесконечной вселенной**, но вселенная смотрела на меня пустой **бездонной глазницей**. **Вечность снова и снова** пережёвывала самое себя, она лежала на хаосе, сея в нем все больший распад. Вопиите, разлаженные звуки, разрывайте тени: Его нет!» <...> Когда Христос посмотрел на теснящиеся **миры**, на факельный танец небесных блуждающих огней, на красно-коралловые островки бьющихся сердец, когда он увидел, как **один обитаемый мир за другим** бросает свои наполненные тёплым светом души на мёртвое море, подобно морским бомбам, разбрасывающим плавающие огни по волнам, он поднял свой взгляд и устремил его на **Ничто**, на **пустую бесконечность** и, будучи преисполнен своей природы **Высшего человека**, произнёс: «Застывшее, **немое Ничто!** **Холодная**, вечная необходимость! Безумная случайность! Вам ведомо то, что есть под вами? И когда же вы совсем разрушите этот воздвигнутый мир и меня? Скажи, случайность, ты не знаешь, что, проносясь ураганом через **звёздную метель**, ты задуваешь огни солнц, что рядом с тобой росинки созвездий перестают сверкать? Но до чего же каждый из нас **одинок** в огромном **склепе вселенной**, рядом со мной только я! Отче, Отче, где твоя бесконечная грудь, я бы смог отдохнуть на ней! И если **каждое я есть свой собственный отец и создатель**, почему оно не должно быть и своим собственным ангелом смерти?»²⁸.

Это не философское пространство Канта — для последнего пространство и время лишь формы созерцания, и человек, как ин-

---

шедшему лишь в сокровенном святой святых человека событию (im verhangenen Allerheiligsten des Menschen vorgefallene Begebenheit), единственно новизна которого дала сохраниться столь повседневным побочным обстоятельствам»).

²⁸ См. ЖАН-ПОЛЬ, *Мёртвый Христос говорит...* (1796), с. 340-345. Цитируемый текст представляет собой отрывок из романа *Зибенкэз* (Jean Paul RICHTER, *Siebenkäs*, Kapitel 47: Rede des toten Christus vom Weltgebäude herab, daß kein Gott sei). В советском издании *Зибенкэза* (1937) этот фрагмент был выпущен.

теллигибельное существо, вообще говоря, живет вне их²⁹. «Пространство» — это неизмеримая чувством и мыслью протяжённость вселенной — бездонного холодного космоса, наполненного ледяными искорками бесчисленных звёзд³⁰.

Перцептивные пространства *Возврата*. Концепция пространств ещё более усложняется в *Возврате (3-й Симфонии)*. Платоновско-романтическое «двомирие»³¹ сосуществует с триадической структурой сюжета, проходящего следующие ступени: мир протоистории (ребёнок в идеальном мире), мир истории (земная жизнь магистранта Хандрикова, земной персонификации ребёнка из первой части), пост-исторический мир (в который переходит герой, кончая с собой в историческом мире)³². Вернее, каждый из трёх миров отмечен зеркалением и, как следствие, неполон, подразумевает наличие своего двойника. Разладом и печалью отмечены все три существования. При этом для центральной, исторической части сохраняет силу ницшевский закон вечного возвращения (круг сансары),³³ бесконечную повторяемость которого герой, кажется, разрывает, переходя границу миров и возвращаясь в надзвёздный мир к Отцу.

Пространство земного существования сохраняет следы холода, чуждости, иллюзорности:

²⁹ Об этом см. КРУГЛОВ (2012), с. 188. Белый прекрасно понимает это: «нет ни времени, ни пространства. И мы пользуемся всем этим для простоты (*Возврат*)», см. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *На руб. двух столетий...* с. 311.

³⁰ Ср. СТЕПУН, *Из туман...* с. 8: «Живи он [Кант] не в Кенигсберге, а в Сибири, он наверное понял бы, что пространство вовсе не феноменально, а насквозь онтологично. На Байкале он, вероятно, написал бы не трансцендентальную эстетику, а метафизику пространства». О том же говорит и Круглов: «Ход мыслей самого Канта о пространстве, достоинстве и ничтожестве, изложенный на заключительных страницах КПр, совершенно иной: именно необозримое звездное небо надо мной, а не уютное замкнутое пространство, превращает меня в ничтожество и отнимает у меня всякое достоинство, возвращаемое моральным законом во мне, а не какой-либо прочностью феноменального» (КРУГЛОВ [2012], с. 213, примеч. 1).

³¹ См. МИНЦ, МЕЛЬНИКОВА (1984), с. 85.

³² В целом эта схема базовой неоплатонической триады «пребывание — исхождение — возвращение». Подобная трехчастность отмечена уже в рецензии, которую в 1904 г. на *Возврат* написал В. Брюсов.

³³ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 157: «Старик <...> бормотал про себя: “нет, его не спасешь... Он должен повториться... Случится одно из ненужных повторений его”».

И сам магистрант, Евгений Хандриков³⁴, дивился себе, ползающему в пространстве, потому что в душе он таил надежду, что кругом *все сон, что нет никого*, что бесконечная пустыня протянулась вверх, вниз и по сторонам, что он окутан туманной беспредметностью и звёздные миры тихо вращаются в его комнате³⁵.

Структура реальности в *Возврате* становится многосложной. Перед нами — множество миров и пространств: претендующих на объективное существование, имагинативных, схематических (выстраиваемых произвольным образом). Пространства отражаются друг в друге, взаимопроникают. Важным становится существование субъекта на границах миров и трансгрессия — переход на другую сторону. При этом реальности взаимопроникают, становятся зеркалами друг для друга³⁶.

Симфонии и вечное возвращение. Примечательно, что уже во 2-й *Симфонии* инспирированная Кантом метафорика пространства соединяется у Белого с учением Ницше о вечном возвращении³⁷:

Золотобородый аскет [Мусатов] быстро шагал в тенистой аллее³⁸. Он делал выводы из накопившихся материалов, и его черные глаза впивались в пространство <...> Уже многое он разрешил и теперь подходил к главному. Вечность шептала своему баловнику: *«Все возвращается <...> Все возвращается <...> Одно <...> одно <...> во всех измерениях <...> Пойдешь на запад, а придешь на восток <...> Вся сущность в видимости. Действительность в снах <...>». И деревья подхватывали эту затаённую грезу: опять *возвращается <...>* Так шутила Вечность с баловником своим, обнимала тёмными очертаниями друга, клала ему на сердце свое бледное, безмирное лицо <...> Ещё верное тысячелетие они не развяжут гордиева узла между временем и пространством. События потекут по временному руслу, под-*

³⁴ О прототипе Е. Хандрикова — известном астрономе Митрофане Федоровиче Хандрикове (1837–1915), в одной из работ которого имеется рассуждение о периодических метеорных потоках, в том числе Персеидах, см. Глухова, Торшилов (2009), с. 87-94.

³⁵ Андрей Белый, *Возврат*, с. 164.

³⁶ Там же, с. 155: «Сверху и снизу свесилось по ребенку. Каждый впивался в своего двойника безмирно-синими очами».

³⁷ Как отмечает А.В. Лавров (*Симфонии*, с. 394): «Влияние ритмической прозы Ницше — поэмы *Так говорил Заратустра* — в ритмической организации текста, в системе его сегментации, в выстраивании образных рядов и лейтмотивов».

³⁸ Ср. Андрей Белый, *Материал к биографии*, в: *Симфонии*, с. 412, 421: «Мусатов <...> это — я или умопостигаемый С.М. Соловьев <...> Мои личные переживания *закатов* переданы в отрывке, изображающем, как Вечность (т.е. Жена, облечённая в Солнце) шутила со своим “баловником”, я каждый день переживал экстазы, подобные описанному там».

чиняясь закону основания. Деревя взрели о новых временах, и он подумал: “*Опять возвращается*”. Ему было жутко и сладко, потому что он играл в жмурки с Возлюбленной. Она шептала: “Все одно <...> Нет целого и частей <...> Нет родового и видо-вого <...> Нет ни действительности, ни символа <...> Может быть общий и частный Апокалипсис <...> Когда не будет вре-мён, будет то, что заменит времена. *Будет и то, что заменит пространства*. Это будут новые времена и новые пространства. Всё одно <...> И *все возвращаются*”³⁹.

Сам Белый назовёт *Симфонии* «детским перепевом прозы Ницше»⁴⁰, говоря о них, как о «настоянных на Метерлинке и прозе Ницше»⁴¹. При этом важно, что уже здесь он отвергает основополагающие для Ницше атеизм и вечную повторяемость во времени, предпочитая понимать «Вечность» как «жену, облаченную в Солнце», тем самым упраздняя время, постулируя достижение момента, когда пространств и времени больше не будет⁴²:

По его спине пробежала дрожь. Его тошнило: он чувствовал себя мерзко под опекой времени. Он хотел бы удалиться за черту времени, да не знал, как это сделать⁴³.

В *Возврате* влияние Ницше и мотива вечного возвращения проявляется ещё более отчётливо:

И вспомнил Хандриков, что всё это уже совершалось и что ещё до создания мира конки тащились по всем направлениям...⁴⁴.

Много раз ты уходил и приходил, ведомый орлом. Приходил и опять уходил⁴⁵.

Ветхий Днями и созвездие Геркулеса. В отличие от 2-й *Симфонии*, где Вечность представляла в своей женской ипостаси, в *Возврате* (3-й *Симфонии*) она наделена чертами «Ветхого днями»⁴⁶.

³⁹ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфония 2-я*, в: *Симфонии*, с. 111-112. Ср. *Там же*, с. 58: «Я знаю тебя, Вечность!», и см. НИЦШЕ, *Так говорил Заратустра 3: Семь печатей*, в: НИЦШЕ, *ПСС*, т. 4, с. 233: «Ибо я люблю тебя, Вечность!».

⁴⁰ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя*, с. 325.

⁴¹ ОН ЖЕ, *Гоголь и Сологуб*, в: *Мастерство Гоголя*, с. 318.

⁴² ОН ЖЕ, *Серебряный голубь*, с. 61.

⁴³ ОН ЖЕ, *Симфония 2-я (драматическая)*, в: *Симфонии*, с. 79.

⁴⁴ ОН ЖЕ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 169.

⁴⁵ *Там же*, с. 197.

⁴⁶ Ср. Дан 7:9: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями (ὁ παλαιὸς τῶν ἡμερῶν); одяние на Нём было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна». Ср. Пс.-Дионисий АРЕОПАГИТ, *О божественных именах X*, 2: «Как Ветхий же денми Бог воспевается

В прологе, описывающем довременное бытие, Старец, наделённый чертами Бога Отца, предсказывает ребёнку ниспадение в миры пустыни и холода, но обещает в назначенный час послать к нему психопомпа — проводника душ, который должен явиться в образе пернатого мужа. После этого Старец покидает довременный мир, направляя свой путь к созвездию Геркулеса⁴⁷.

В земном бытии персонификацией Старца оказывается психиатр Орлов. Встречая Орлова, из глаз которого сочится Вечность, Хандриков, в которого превратился ребёнок из первой части, каждый раз испытывает *déjà vu*, припоминает о своём предвечном существовании⁴⁸. Орлов имеет привычку совершать круги, что должно символизировать вечное возвращение⁴⁹. Однажды Хандриков замечает у Орлова изображение Геркулеса, во вселенной *Возврата* тоже имеющего ассоциации с вечностью⁵⁰. Вечность — устойчивый признак Орлова⁵¹.

потому, что Он существует и как вечность, и как время всего и до дней, и до вечности, и до времени <...> Он <...> является Причиной и вечности, и времени, и дней. Потому... Бог изображается и как седой, и как юный: старец означает, что Он Древний и сущий “от начала”, юный же — что Он не стареет, а оба показывают, что Он проходит сквозь всё от начала до конца.

⁴⁷ Андрей Белый, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 162: «На туманном берегу шагал высокий пернатый муж с птичьей головой... И сказал старик, указывая на мужа: “Вот орёл: я пошлю его к тебе, когда наступит время... Пробьёт час. Наступит развязка. И вот пошлю к тебе орла... До свидания... Там, в пустынях, жди орла...”. Старик уходил в туман, направляя свой путь к созвездию Геркулеса».

⁴⁸ Там же, с. 175: «Старик блистал стеклами очков, расправлял снеговую длинную бороду. Это был доктор Орлов, известный психиатр... Его сутулые плечи были высоко подняты. Из серых очей изливались **потоки Вечности**. Страшно знакомым пахло на Хандрикова».

⁴⁹ Там же, с. 173: «Таинственный старик, вымытый банщиком, расхаживал вдоль раздевальни, закутавшись в белоснежную простыню. Он кружил вокруг диванов, чертя невидимые круги. Кружился, кружился, и возвращался на круги свои. Кружился — оборачивался. Величественный силуэт его показывался то здесь, то там... Кружился, кружился и возвращался на круги свои. Кружился — оборачивался»; Там же, с. 188: «Доктор Орлов... взял палку и шапку и направился гулять вдоль озера — чертить на песке крючковатые знаки. Кружиться, кружиться — возвращаться на круги свои».

⁵⁰ Там же, с. 173: «Старик оделся. Выходил из бань. Нацепил на пуговицу шубы сверток с изображением Геркулеса. И теперь этот сверток раскачивался на груди старика, точно **знак неизменной Вечности**».

⁵¹ Там же, с. 177: «проходя мимо неизвестного подъезда, услышал **сигнал, подаваемый Вечностью**. Поднял глаза. Прочел на золотой дощечке: “Иван Иванович Орлов, доктор, принимает от двух до пяти”»; Там

Сходящий с ума Хандриков галлюционирует: не раз он слышит голос Старца / Орлова, напоминающий о том, что следует ждать орла⁵².

Собственно говоря, птицеголовый муж являлся ему уже в довременном бытии, вышагивая перед стариком и ребёнком вдоль берега моря⁵³. Наконец, он является и Хандрикову. Его орлиноголовость свидетельствует о том, что он служит Старцу / Орлову. Как таковой он имеет черты египетского птицеголового бога Гора, созвездием которого был Орион.

Функции его чётко определены — это психопомп, проводник душ, указывающий им дорогу в Вечность / Орловку⁵⁴.

же, с. 183: «Это был д-р Орлов. Страшно знакомым дуло Хандрикову в лицо, точно перед ним разверзлись **хляби Вечности**».

⁵² *Там же*, с. 175: «“Долго ли мне маяться?” Ему сказали: “Скоро **пошлю к тебе орла**”»; *Там же*, с. 183: «старик снял перед ним широкополую шляпу и крикнул, проезжая: “**Ждите орла**, Хандриков”».

⁵³ *Там же*, с. 162: «На туманном берегу шагал высокий пернатый муж с **птичьей** головой... И сказал старик, указывая на мужа: “Вот орёл: я пошлю его к тебе, когда наступит время”». Орнитологически описание посланца здесь соответствует американскому орлану, ср. *Там же*, с. 162: «Белые перья топорщились на шее, когда он раскрывал свой желтый орлиный клюв»; *Там же*, с. 184: «Хандриков заметил, как отчетливо врезался воротничок в белые перья с черными крапинками». Ср. *Афр. дневник* (1911), с. 459: «богиня *Гатор* распростерла вокруг меня древние тени: песьеголовых и **птицеголовых** шпионов своих из загробного мира»; *Котик Летаев* (1918), с. 53: «созерцанье рисунка, изображавшего шествие по храмовым коридорам ведомого пленника в сопровождении **птицеголового** мужчины с жезлом. Я впоследствии мальчиком ждал: вот откроется дверь; и — войдет: **птицеголовый** мужчина; и родимый клетот его огласит мою детскую»; *Записки чудака* (1919), в: *Котик Летаев*, с. 315: «вот-вот ты увидишь: навстречу блеснут факелы; и появятся **птицеголовые** мужчины с жезлами — вести тебя: к посвящению».

⁵⁴ *Возврат (III Симфония)*, с. 184: «В комнате стояло странное существо. Это был мужчина среднего роста в сером пиджаке и таких же брюках. Из крахмального воротника торчала большая пернатая голова. Хандриков заметил, как отчетливо врезался воротничок в белые перья с черными крапинками, а вместо рук из-под манишек были высунуты цепкие, орлиные лапы. Озаренный лампой, незнакомец протянул к Хандрикову эти лапы, закинул пернатую голову и потряс комнату резким клетотом... Орёл сел в кресло. Вынул из портсигара папиросу и закурил, закинув ногу на ногу. Видимо, отдыхал от далёкого пути, а Хандриков все шагал по комнате и тихо шептал: “Орёл пришел. Опять пришел”. Вот орёл заговорил: “Пора тебе в санаторию доктора Орлова. Ты поедешь до

Орлов же во время их последней встречи поясняет Хандрикову на примере Персеид, что метеоры тоже уходят во тьму, в пустынные пространства, за орбиту Нептуна, но не страшатся и преодолевают протяжения мрака, чтобы снова вернуться на свои круги. Периодическое удаление метеоров от Солнца и Земли становится метафорой смерти, но и обещанием последующей встречи⁵⁵. После этого Орлов уезжает за границу, а для Хандрикова уходит в иной, вечный мир, в который следует перейти и ему самому⁵⁶.

Мистическим образом, переход через зеркальную водную гладь вырывает Хандрикова из круга вечных возвратов и он воссоединяется со Старцем-Отцом по ту сторону пространства и времени:

Много раз ты уходил и приходил, ведомый орлом. Приходил и опять уходил. Много раз венчал тебя страданием — его жгучими огнями. И вот впервые возлагаю на тебя эти звезды серебра. Вот пришел, и не закатаешься. Здравствуй, о мое беззакатное дитя...⁵⁷

Это уже осознанное и отрефлексированное преодоление концепции вечного возвращения. *Возврат* заканчивается христианской эсхатологией, возвращением блудного сына к космическому Отцу⁵⁸.

Персеиды астронома Хандрикова. Как уже сказано, в финале *Возврата* астрономической визуализацией ницшевского круга вечного возвращения становится орбита Персеид, а точнее орбита кометы Свифта-Таттла (которая обращается вокруг Солнца с перио-

станции Орловка»); *Там же*, с. 185: «Орёл захлопнул за Хандриковым дверцу купе... Стоя на площадке, орёл прощался с Хандриковым, говоря: «Моя роль кончена. Ты покатишь теперь сквозь Вечность в Орловку в санаторию для душевнобольных». Хандриков сердечно жал протянутую орлиную лапу, и ему стало грустно, что он так быстро расстанется с орлом. Но орёл говорил: «Не грусти. Там ты утетишься. А мне суждено освобождать людей от гнёта ужаса, облегчая их ноши. Суждено препровождать их в Орловку». С этими словами орёл приподнял шляпу. Поезд тронулся».

⁵⁵ *Там же*, с. 193: «Сегодня летят Персеиды... Их путь далек... Он протянулся далеко за Нептун... И они не боятся длины своего пути... Смело летят всё вперед, всё вперед — и снова возвращаются на прежние пути свои... Они летят всё вперед... далеко за Нептун, в тёмных объятиях пространственности... Им чужд страх, и они всё одолеют полётом... Сегодня улечу я, а завтра — вы, и не нужно бояться: мы встретимся...».

⁵⁶ *Там же*, с. 194: «Орлов уехал в дальние страны, и Хандриков не печалился. Он знал, что нужно без страха преодолевать пространства... Говорил, указывая на воду: «Орлов ушел туда — за границу... Вот я опрокинусь и буду там, за границей»».

⁵⁷ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 197.

⁵⁸ Так предвосхищается финальная сцена *Соляриса* А.А. Тарковского.

дом в 135 лет), представляющая собой эллипс, афелий которого выходит за орбиту Нептуна (и Плутона, во время написания *Возврата* ещё не открытого астрономами). Орбита кометы представляет собой шлейф пылевых частиц. Когда Земля в своём вращении вокруг Солнца раз в год пересекает этот пылевой след, его частицы вторгаются в атмосферу и сгорают, образуя дождь «падающих звезд». Лишь в начале 1860-х астрономы открыли, что причиной ежегодно наблюдаемого метеорного дождя Персеид является пересечение Землей пылевого следа кометы, тогда только что обнаруженной. Как уже показано⁵⁹, именно об этом говорится в одной из статей астронома и математика М.Ф. Хандрикова, опубликованной, в журнале, основанном и курировавшемся отцом Андрея Белого — Н.В. Бугаевым⁶⁰.

Белый совмещает воедино две перспективы — «перцептуальную» (зрелище метеорного потока Персеид, наблюдаемого с земли в виде звездного дождя, исходящего из созвездия Персея) и «концептуальную» (геометрический эллипс кометной орбиты, какой она «видится» из точки, удалённой от солнечной системы в направлении перпендикулярном её плоскости, и каким она прочерчивается на страницах учебников астрономии). В нелинейном «пространстве нарратива» Андрея Белого концептуальное и перцептуальное взаимопроникают, и мы имеем дело с «Персеидами», которые одновременно и падают с неба, и движутся в космическом пространстве по эллипсу, соединяя и зеркала два мира — реальный (Землю) и веч-

---

⁵⁹ Об этой статье М.Ф. Хандрикова см. ГЛУХОВА, ТОРШИЛОВ (2009), с. 90.

⁶⁰ ХАНДРИКОВ (1867), с. 223-224: «Скиапарелли и Леверье различными путями пришли относительно падающих звёзд к одному и тому же заключению, и тот и другой предполагают, что метеоры обязаны своим происхождением отделению частей от обширной массы космической материи, проникнувшей в нашу солнечную систему под влиянием тех же условий как и многие кометы, — материи распавшейся потом на части от действия возмущающей силы солнца и какой либо большей планеты... Определение пути метеоров ноябрьской группы приводит ещё к одному заключению, которое уже нельзя назвать гипотетическим и которого трудно избежать после поразжающего открытия сделанного почти одновременно Петерсом и Скиапарелли, после открытия если не тождества, то удивительного согласия... элементов орбиты кометы 1862 года с элементами орбиты астероидов Лаврентьевского потока (10-го августа)». Поскольку с Земли кажется, что радиант потока находится в созвездии Персея, ныне поток именуется «Персеидами» (а прежде его именовали «Лаврентьевским» ввиду того, что наблюдаемый максимум падающих метеоров приходится на 10 августа — день св. Лаврентия).

ный, эсхатологический (созвездие Геркулеса). На земле на Персеиды указывает Хандрикову Орлов:

Орлов протягивал свой матово-бледный палец туда и сюда. Тряс бородой, приговаривая: «Это созвездие Кассиопеи. Это звезда Короны. А вон там созвездие Персея. Сегодня летят Персеиды... Их путь далек... Он протянулся далеко за Нептун... И они не боятся длины своего пути... Смело летят всё вперед, всё вперед — и снова **возвращаются** на прежние пути свои».

То тут, то там показывались золотые, низвергающиеся точки. И гасли. Вскинули головы. Орлов говорил: «Это летят Персеиды. В бешеном полете своем не боятся пространств. Они летят всё вперед... далеко за Нептун, в темных объятиях пространственности... Им чужд страх, и они все одолеют полетом» <...> Они долго следили за пролетом Персеид. То тут, то там показывались золотые, низвергающиеся точки. И гасли. Орлов шептал: «Милые мои, **поклонитесь Нептуну**»⁶¹.

В эпилоге *Возврата*, по ту сторону пространства и времени, на Персеиды ребёнку указывает Старец-Отец:

Старик говорил: «Сегодня летят Персеиды. Их путь далек. Он протянулся далеко за Землю. Смело летят всё вперед, всё вперед. В бешеном полете не боятся пространств и всё одолеют полетом». Оба закинули головы. То тут, то там проносились золотые точки. И гасли. Долго следили за пролетом Персеид. Старик шептал: «Милые мои... **Поклонитесь Земле...**»⁶².

Когда Старик и Дитя вновь встречаются — в созвездии Геркулеса⁶³, в эсхатологическом будущем, — то «в новом небе», с «новой Земли», они, закинув головы, снова видят метеорный поток Персеид. Вопреки астрономическим реалиям (которые ему были, разумеется, известны⁶⁴) Белый помещает внепространственную «геркулесову Землю» в афелий (апогей) реальной кометной орбиты⁶⁵,

⁶¹ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 193.

⁶² *Там же*, с. 197.

⁶³ *Там же*, ч. I, с. 162: «Старик уходил в туман, направляя свой путь к созвездию Геркулеса»; *Там же*, ч. III, с. 197: «Старик обнял ребёнка. Указывал на созвездья. “Вот созвездие Рака, а вот — Креста, а вот там — Солнца”. **Над ними** ослепительные звезды невиданным блеском озаряли безмолвие. Это были звезды Геркулеса».

⁶⁴ *Там же*, ч. II, с. 165: «Земля вертелась вокруг солнца. Солнце мчалось неизвестно куда, приближаясь к созвездию Геркулеса».

⁶⁵ В действительности комета Свифта-Таттла принадлежит солнечной системе, подобно Земле и другим планетам вращаясь вокруг Солнца. В свою очередь, Солнце вместе со всеми своими спутниками движется относительно ближайших звёзд в направлении созвездия Геркулеса. Однако, — и это

в очередной раз совмещая имагинативное и астрономическое пространства⁶⁶.

Онтологический статус области Геркулеса двойся. С одной стороны, это область эсхатологической Вечности, потустороннего мира. С другой стороны, туда летят Персеиды, что должно указывать на реальность места⁶⁷. Тем не менее, следует предпочесть первую трактовку, тем более что в другом тексте Белый прямо утверждает, что метеоры летят поклониться Вечности, и, наоборот, когда они возвращаются, Вечность вторгается в наш мир:

Бриллиантовые узоры созвездий неподвижны в чёрном, мировом бреду, где всё несётся и где нет ничего, что есть. Земля кружится вокруг Солнца, мчащегося к созвездию Геркулеса! А куда мчится созвездие Геркулеса? — Сумасшедшая пляска бездонного мира. Куда мы летим? Какие пространства пересечём, улетаем? Летя, улетим ли? Кто полетит нам навстречу? И то тут, то там, подтверждая странные мысли, золотые точки зажигаются в небесах; зажигаются, сгорают в эфирно-воздушных складках земной фаты. Зажигаются, тухнут — и летят, и летят прочь от земли сквозь бездонные страны небытия, чтобы **снова через миллионы лет загореться**. Хочется крикнуть минутным

важно — в реальном времени оно никогда не достигнет «созвездия Геркулеса», которое не существует как объект и место в реальном пространстве. Воображаемый плоский силуэт Геркулеса составляется из совершенно различных звёзд, удалённых от Солнца на разные расстояния и никак не связанных между собой в трёхмерном пространстве, но лишь проецирующихся на данный участок небесной сферы в виде плоской фигуры.

⁶⁶ Сюжет со стариком и ребёнком, наблюдающими Персеиды, имеет не только теоретическое или художественное, но также и автобиографическое измерение. Белый вспоминает, как в детстве отец, Н.В. Бугаев, показывал ему августовскими вечерами падающие звёзды. К моменту написания *Возврата* отец уже умер, и вновь встретиться с ним, чтобы как встарь, смотреть летними ночами на звёзды, можно было только в ином мире, в «созвездии Геркулеса». См. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Начало века*, с. 23: «Помню ночь; мы — на приступочках террасы, задрал головы к звёздам; над головою — звёздный поток; он протягивал руки, выравкивая: — “Летят Персеиды: из-за Нептуна; в будущем году в эти же дни они будут лететь-с!” Вдруг замолчал. Через год я сидел на этих ступеньках; Персеиды летели; я вспомнил слова отца и мысли о том, как мы с ним будем отсюда разглядывать их; отца — не было; в Новодевичьем монастыре поставили новый крест». Таким образом, до-временное детство пребывания ребёнка в Эдеме, завершившееся уходом Старца в «созвездие Геркулеса», соответствует «детству» автора, оборвавшегося со смертью отца.

⁶⁷ В качестве современной параллели можно указать на вселенную фильма *Горизонт событий* (*Event Horizon*, dir. Paul W.S. ANDERSON [1997]), в которой путешественники в дальний космос достигают врат духовного ада.

знакомым: «Здравствуйте!.. Куда летите?.. **Поклонитесь Вечности!**..» <...> Когда молния сверкнёт на безоблачном небе и над головой ужаснувшихся повиснет яркая пунцовая звезда<...> общий крик: «Метеор!.. Так низко!..», — оборвёт все нити разговора. Все чувствуют, что слишком близко совершилось **вторжение Вечности**, слишком ничтожны перед нею наши устои, способные лишь до времени укрыть глубину⁶⁸.

Метеоры связывают два мира. Они являются вестниками. Для землян их появление на небосводе является символом вхождения глубины в плоскость, символом «вторжений» в земное «картонное» бытие.

Достоевский и астральная баня. Вечное возвращение — это отметина и проклятие земного, исторического бытия. Его эмблемой являются астрономические планетные круги и кольца (о них же напоминают кольца обручальные). Мир вечности (созвездие Геркулеса) просвечивает в земном мире в виде торговой марки «Геркулес» на коробках с овсяной крупой:

Хандриков вышел **из бани** <...> Столкнулся с высоким стариком в бобровой шапке и с крючковатой палкой <...> В руке у старика был свёрток — синяя коробка, изображавшая Геркулеса. Геркулес упражнялся гирями. И ему показалось, что он уже не раз видел старика, но забыл, где это было. Обернулся. Провожал глазами. Смушался вещим предчувствием.

А вьюга засвистала, как будто ревуший поток времён совершал свои **вечные циклы, вечные обороты**. И неслось, и неслось: это вихревой столб — смерч мира, повитый **планетными путями — кольцами**, — летел в страшную неизвестность. Впереди была пропасть. И сзади то же.

Хандриков вышел на улицу. В окне колониальной лавки выставили синие коробки с изображением Геркулеса. Хандриков вспомнил старика и сказал: «Солнце летит к созвездию Геркулеса...» Пролетевшие вороны каркнули ему в лицо о **вечном возвращении**. В ювелирном магазине продавали золотые кольца⁶⁹.

Итак, «Хандриков вышел из бани» и «все Хандриковы, посеянные в пространстве и периодически возникающие во времени, одинаково моются»⁷⁰. Логично странного совмещения метафизической теории вечного возвращения и бытового мытья в бане проясняет отрывок из поздней работы *Душа самосознающая*, где Белый соединяет воедино представление о вечности как бане с пауками из

⁶⁸ Он же, *Символизм как миропонимание* (1903), в: *Арабески*, с. 175.

⁶⁹ Андрей Белый, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 172.

⁷⁰ Там же, с. 171.

Преступления и наказания Достоевского⁷¹ с ницшевской концепцией вечности как нескончаемого возвращения всё того же. А «коли явлена баня», делает там вывод Белый, «то значит в ней моются». «Вечность», таким образом, это нескончаемое мытье в бане⁷².

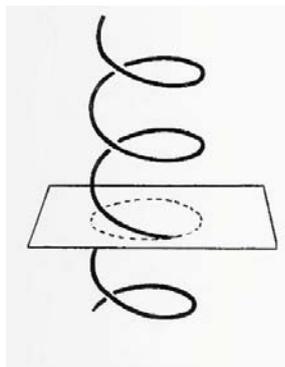
Четырёхмерные существования Чарльза Хинтона. Помимо философии и математической астрономии Белый обращается в *Возврате* к математическим теориям миров четырёх и более измерений, согласно которым пространство и время нашего мира — это проявления некоей недоступной нашему сознанию целостности более высокого порядка:

Может быть, каждая точка во времени и пространстве — центр пересечения многих спиральных путей разнородных порядков. И мы живём одновременно и в отдалённом прошедшем, и в настоящем, и в будущем. И нет ни времени, ни пространства. И мы пользуемся всем этим для простоты. Или эта простота — совершившийся синтез многих спиральных путей, и всё, что во времени и пространстве, должно быть тем, чем оно является⁷³.

⁷¹ ДОСТОЕВСКИЙ, *Преступление и наказание* IV, 1, в: Он же, ПСС, т. 6, с. 221: «Привидения — это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть... Ну а... чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше... А что, если там одни пауки или что-нибудь в этом роде... Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптёлая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность... Почем знать, может быть, это и есть справедливое».

⁷² АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Душа самосозн.*, с. 261-262: «Вечность, как баня, наполненная пауками, — вполне пережитие быта астральных повторов, бессмертий возврата, бессмертий *вот этого самого*; бани — *вот этой вот*; и — банной шайки; вот этой вот; в “*быте*” подобного рода приходится жить <...> Жить в бане и мыться, охотиться на пауков, — и присутствовать при появлении скорлупчатого насекомого; множество раз возмущается “Я” Достоевского: из уст героев его бунт за бунтом бросается под потолок вечной “*бани*” <...> Образ Вселенной, увиденной Ницше, как образ, подверженный действию *вечно возвращения*, т.е. *астральное тело*, представшее нам <...> во всей обыденности, как неизбежность <...>, [как] случившийся факт: это есть факт осознания кризиса нашей душевной культуры как кризиса <...> имеющего продолжение в рое столетий; <...> В “*баню*” или — в астральное тело, при всем отвращении нашем к паучьему быту <...> надо войти; если казус случился такой, что нам Вечность открылась как “*баня*”, то надо понять этот казус во всей его видимости; коли явлена “*баня*”, то значит в ней — моются; значит и нам надо вымыться».

⁷³ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 180.

Илл. 1.
См. HINTON (1904), p. 25.

Цитируемый фрагмент, мало понятный *per se*, проясняется, если знать, что он является аллюзией на работу британского математика и фантаста Чарльза Хинтона *Четвёртое измерение* (1901). Пытаясь объяснить, каким образом нашим трёхмерным сознанием можно представить четырехмерные объекты, Чарльз Хинтон приводит пример двумерной водной поверхности, поднимающейся вдоль трёхмерной цилиндрической **спирали** (Илл. 1). В плоскости воды место пересечения спирали и поверхности воды будет восприниматься как точка, движущаяся по кругу. При этом существа, живущие на двумерной поверхности, не будут подозревать, что нет никакого движения точки по кругу, а есть только неподвижная спираль более высокой размерности, последовательность сечений которой проявляется в виде точки, меняющей свои координаты. Схожим образом, сущности нашего трёхмерного мира, продолжает Хинтон, подобны точкам на двумерном круге: наше сознание считает их отдельными объектами, — возникающими, исчезающими, перемещающимися, — на деле же это просто серии сечений неведомых нам 4-мерных **линий**, которые тянутся в измерениях, превосходящих наше разумение. То, что кажется раздельными существованиями в трёхмерных пространстве и времени, есть неразрывные **целостности** более высокого порядка, сечения которых представляются нашему сознанию **отдельными** вещами и существами. Единая и неделимая линия жизни подлинного многомерного существа распадается в нашем сознании на **последовательность жизней**, каждая из которых отличается от предыдущей:

Таким образом, мы достигаем понятия о жизни, изменяющейся и развивающейся **как целое** (as a whole), о жизни, в которой наша отдельность, прерывность и преходящесть суть всего лишь кажимости... Заменяя наши представления на понятия о существовании более высокой размерности (an existence in a higher dimensionality), пересекаемом пространством [трёхмерного] сознания, мы получаем иллюстрацию идеи, о которой столь много и подробно рассуждаем⁷⁴.

Хинтон, печатавший популярные работы о четвёртом измерении начиная с 1880 г., был хорошо известен за рубежом и в России.

⁷⁴ HINTON, Ch.H., *The Fourth Demension*, p. 27-28.

Его рассуждения были немедленно рецептированы Р. Штейнером⁷⁵ и П.Д. Успенским⁷⁶, которые (с многочисленными ссылками на Хинтона и цитатами из него) развивали и адаптировали его построения для своих нужд. Не случайно Флоренский дважды ссылается на Хинтона, которого знает в переложении Успенского⁷⁷. В 1915 г. *Четвёртое измерение* было переведено на русский язык⁷⁸. Однако *Возврат (3-я Симфония)* Белого представляет один из наиболее ранних примеров рецепции идей Хинтона в России (1905). Возможно, столь раннее знакомство Белого с работами Хинтона можно объяснить влиянием отца — Н.В. Бугаева, выдающегося математика и декана физико-математического факультета Московского университета, на который Белый поступил в 1899 г. Можно предположить прямое влияние Хинтона на Белого, поскольку его изложение сохраняет детали, отсутствующие, например, в пересказе Штейнера (ср. пример с пресловутой спиралью⁷⁹).

⁷⁵ См. ШТАЙНЕР, *Четв. изм.*

⁷⁶ УСПЕНСКИЙ, *Четв. изм.* и др.

⁷⁷ Флоренский знал концепцию Хинтона в изложении П.Д. Успенского, см. ФЛОРЕНСКИЙ, *Столп и утв. истины...* с. 322; ОН ЖЕ, *Смысл идеализма IX: Представление в четырехмерном пространстве* (1915), в: ОН ЖЕ, *Соч.*, т. 3 / 2, с. 99.

⁷⁸ ХИНТОН, С.Х., *Четв. изм.* (1915); ХИНТОН, Ч.Г., *Восп. вообр...* (1915).

⁷⁹ Ср. СИЛАРД (1888; 2002), с. 289: «размышления Андрея Белого о сферической (символической) геометрии — при всей своей терминологической нечеткости — отличались от разговоров оккультистов по поводу четвертого измерения». Применительно к пониманию Белым «спирали» см. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Символизм как миропонимание* (1903), в: *Арабески*, с. 180: «Идеи о вечном возвращении и безвозвратном прохождении мимо [можно] рассматривать как две стороны нашего бытия, две идеи нашего существования... Если прямая символизирует безвозвратное прохождение мимо, то круг — вечное возвращение, “кольцо возврата” <...> Прямая — это окружность круга с радиусом, равным бесконечности. В спирали совмещение прямой и круга <...> Разлагая движение по спирали высшего порядка, мы получаем движение круговое и по прямой. Но если эта прямая — спираль низшего порядка, то она, в свою очередь, разложима на прямую и круг. Продолжая так до бесконечности, мы получим графическое изображение прямой и ряд колец, нанизанных друг на друга. Не заключается ли в этой диаграмме то, что непосредственно вырвало крик у Ницше: “О, как же мне не жаждать Вечности и брачного кольца, конец — кольца возврата!”»; Там же, с. 181: «В спиральном путешествии души сквозь время замечаются периоды приближения к поверхности — периодическое возвращение Вечности. Это — “день великого полудня”, о котором апостол Павел говорит: “Но когда пришла полнота времен, Бог послал Сына Сво-

Белый неоднократно рассуждает о четырехмерном пространстве как в художественных⁸⁰, так и в теоретических работах⁸¹. Как кажется, восходящая к Хинтону концепция четырехмерности получит яркое воплощение в *Петербурге*. Во всяком случае, осведомленность о возможности подобного влияния помогает понять сюжетные особенности романа, уже бывшие предметом анализа. Применительно к персонажам романа речь идет об умножении или «возвратах» их существований, которые в этом случае будет правильнее интерпретировать как последовательность «трехмерных сечений» их четырехмерных жизненных линий. Каждое такое «сечение» есть отдельная жизнь в нашем мире, являющаяся в то же время частью существования более высокого порядка⁸². Впоследствии

его» (К Галатам)». См. НИЦШЕ, *Так говорил Заратустра* III, ПСС, т. 4, с. 233-236. В главе «Семь печатей» семь раз воспроизводится рефрен: «О, как не стремиться мне страстно к Вечности и брачному кольцу колец, — к кольцу возвращения! Никогда еще не встречал я женщины, от которой хотел бы иметь я детей, кроме той женщины, что люблю я: ибо я люблю тебя, Вечность! *Ибо я люблю тебя, Вечность!*», пер. Ю.М. АНТОНОВСКОГО.

⁸⁰ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Маски*, с. 320: «Он почувствовал в это мгновение: линейное время, история, круто ломаясь в дуге, становилось — спиральное время; и все понеслось кувыркком: все проекции будущего опрокинулись в прямолинейное прошлое — отсветом прошлого: прошлое тронулось, перерывая себя, под углом, равным, — ясное дело, — смещению замкнутой орбиты третьего принципа — Кепплера! Понял: <...> кончен век Аристотеля ясного. Встал — Гераклит! Круть — и сзади, и спереди <...> И колпак теневой перед ним из-под ног побежал, каблуками отброшенный, как многомерного мира трехмерные мороки <...> Медленно шел под деревьями — в черные бездны; сиявшие светом <...> триллионами звезд»; *Там же*, с. 180: «геометрия тела, вращаемого в многомерном пространстве».

⁸¹ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Душа самосозн.*, с. 392-393: «соединение времени и пространства, т.е. единства, данного в многообразиях вариаций, с единством трехлинейных течений многообразия, с трехмерной пространственностью, рождает представление о четырех-единстве, о 4-х измерени[ях], вернее, о единстве четырехякой троичности».

⁸² Ср. Долгополов (1981), с. 532-533: «Движение жизни... (исторической, доисторической, праисторической, “природно-вселенской”), имеет, согласно Белому, круговой характер, оно есть сложная система “возвратов”, в которой каждое последующее воспроизведение, сохраняя всю видимость самостоятельности, сохраняет вместе с тем и прочную связь со своим праистоком. В результате то или иное явление предстаёт перед ним в нескольких проявлениях одновременно: и как уже бывшее, далёкое, и как настоящее, новое, и как возможное будущее». Если гипотеза о влиянии Хинтона верна, то вернее говорить не о “возвратах”, а о различных “сечениях” одного и того же существования в высшей духовной, многомерной

вии Андрей Белый представит ту же концепцию в метафизическом ключе⁸³.

Линии времени. Вполне возможно, влияние Хинтона различимо и в другом месте *Возврата*:

Мы можем оказаться не людьми, а их отражениями. И не мы подходим к зеркалу, а отражение кого-то, неизвестного, подходящего с той стороны, увеличивается размером на зеркальной поверхности. Так что мы никуда не уходим, ниоткуда не приходим, а растягиваемся и стягиваемся, оставаясь на той же плоскости⁸⁴.

Необычное представление людей в виде двумерных проекций, меняющих форму в зависимости от движений объекта в направлении перпендикулярном по отношению к плоскости, в которой они находятся, кажется вариацией на темы Хинтона. Во всяком случае, для этого необычного образа не приходит на ум никакой более близкой параллели. Кроме того, неоднократно встречающийся у раннего Белого мотив наделения мира по ту сторону зеркала большей реальностью имеет исток в той же индуцированной Хинтоном идее, согласно которой многомерное бытие (а зеркаление сообщает нашему миру ещё одно, дополнительное измерение) — это более совершенная реальность. Тот же мотив распространения и умноже-

---

реальности, в которой, как формулирует Долгополов, “Николай Аполлонович — одновременно и русский интеллигент начала XX в., и древний “туранец”; Аполлон Аполлонович — могущественный сенатор и вневременное, внепространственное явление, отождествляемое с Сатурном; Дудкин — террорист-нищанец и символ извечно гонимого по “периодам времени” скитальца и неудачника...».

⁸³ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Душа самосозн.*, с. 414: «В эру вскрытия первых принципов физики и астрономии тема в вариациях выявилась в другой сфере культуры: в художественной трактовке образа, понятого как *тип*; что есть “тип” у Шекспира? Он есть индивидуум, как бы сложенный из суммы личностей <...> многие личности соединились друг с другом в одну <...> Это — в жизни не явленное органическое пересечение множества личностей; в личности же — *тип*. Тип есть целое личности, данное в личности, развёртывающее в линии времени фабулы многообразья своих проявлений; тип есть выявленная та же *тема* в вариациях <...> Самосознающее “Я” как духовная точка, связующая в одно целое души свои и тела в многоличии их проявлений; тип — есть, так сказать, *многомерная личность* (в разрезе пространства, где он — композиция); тип есть зерно, “само” энного рода сознаний, живущих в нас, их все пронизывающее, в них рождающееся и умирающее, чтобы вновь родиться в сознании смежном; он есть, ну конечно же, *тема* идеи *перевоплощения*, с железной необходимостью вытекающая из композиции, где положена как карма она».

⁸⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 179-180.

ния мира в дополнительном и перпендикулярном измерении встречается в *Петербурге*. В «сириновской» редакции романа (февраль 1913) уже не вполне понятно, куда расширяется «мгновение»:

От островов тащатся непокойные тени; так рой видений повторяется, отражённый проспектами, прогоняясь в проспектах, отражённых друг в друге, как зеркало в зеркале, где и самое *мгновение времени расширяется* в необъятности эонов: и бредя от подъезда к подъезду, переживаешь века⁸⁵.

Смысл этого «расширения» проясняется из текста, сохранившегося в более ранней, «некрасовской» редакции романа (ранее марта 1912). В этой редакции, созданной до личного знакомства с Р. Штейнером, ясно указано, что мгновение расширяется в *линию времени*:

От тех островов тащатся непокойные тени, прогоняясь снова, снова и снова вдоль прямолинейных проспектов; и проспект, отражаясь в проспекте, как зеркало в зеркале, становится *линией*, убегающей в бесконечность: там *мгновенье становится линией времени*: и бредя от подъезда к подъезду, ты переживаешь года. Там сама земля — только тень⁸⁶.

Складывается впечатление, что речь идёт о четырёхмерном пространстве, одним из измерений которого является время, возникающее как ещё одно дополнительное измерение. В пространстве модернистского нарратива автор прочерчивает четырёхмерную мировую линию. Много позже (1929–1931) Белый напишет о времени работы над *Возвратом*:

Мы живём одновременно и в отдалённом прошедшем, и в настоящем, и в будущем. И нет ни времени, ни пространства. И мы пользуемся всем этим для простоты <...> Осеняет дерзкая мысль: <...> пространственность, временность — модификации некоего не данного целого; мысль работает над понятием время-пространство, над изучением предмета, ещё не преподаваемого студентам; где-то копошится предчувствие принципа относительности⁸⁷.

Теория относительности Эйнштейна упомянута Белым не случайно. В 1915 г. четырёхмерные линии Хинтона сделались четырёхмерными мировыми линиями общей теории относительности Эйнштейна.

⁸⁵ Он же, *Петербург* (1981), с. 55.

⁸⁶ Там же, с. 461.

⁸⁷ Андрей Белый, *На руб. двух столетий 5* (1930-1931), с. 381-383 (= СС, т. 11, с. 311).

В целом, в открывшейся новой 4-мерной перспективе старый трёхмерный мир предстаёт «картонным» (т.е. ущербным и недостаточным)⁸⁸, делается «тюрьмой», ощущается замкнутым и плоским⁸⁹. Не случайно, в напечатанной в 1904 г. рецензии на *Возврат* В. Брюсов подчеркнул, что Белый «как-то сдвинул, покачнул ту недвигную основу трёхмерного пространства и никогда не возвращающегося времени, к которым мы привыкли, как к вечной неизбытности»⁹⁰. Рецензия эта, помимо прочего, содержит ряд точных замечаний, посредством которых Брюсов проговаривает метафизические положения, о которых Белый пишет в то время, но которые отсутствуют в самом *Возврате*. Например, Брюсов заявляет, что формы причинности производны от нашей воспринимающей способности⁹¹, что наша реальность — это проекция некоего высшего бытия. (Можно предположить, что здесь он воспроизводит устные пояснения автора, оставшиеся за рамками текста). Кроме того, Брюсов замечает, что:

...в полукомических описаниях магистранта Евгения Хандрикова <...>, «ползающего в пространстве», уверенного, что <...> «бесконечная пустыня протянулась вверх, вниз и по сторонам, и что звёздные миры тихо вращаются в его комнате», — или того же Хандрикова, сидящего перед зеркалом, откуда глядит на него другой Хандриков, и думающего, что «где-то в иных вселенных отражаюсь я, и там живёт Хандриков, подобный мне, и во времени не раз повторялся этот Хандриков», — в этих вызывающих сначала улыбку, описаниях — есть настоящий ужас⁹².

Эти слова предвосхищают характеристику, позже данную Белому Вячеславом Ивановым. Последний называл Белого «русским поэтом метафизического Ужаса»⁹³.

⁸⁸ Он же, *Символизм как миропонимание* (1903), в: *Арабески*, с. 175: «Душа не забыла, во что погружены картонные плоскости бытия».

⁸⁹ Перефразируя Фета, Белый именует наш мир «голубой тюрьмой трёх измерений», см. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Символизм как миропонимание*, в: *Арабески*, с. 175; и ФЕТ, *Памяти Н.Я. Данилевского* (1886): «Если жить суждено и на свет не родиться нельзя, / Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! — / Отдаваясь мысли широкой, доступной всему, / Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму» (*ПССтх.*, т. 1, с. 68).

⁹⁰ См. БРЮСОВ (1904), с. 59-60.

⁹¹ Этого положения нет в *Возврате*, но Белый рассуждает в этих терминах в других сочинениях этого периода.

⁹² БРЮСОВ (1904), с. 59.

⁹³ См. ИВАНОВ, «Вдохновение ужаса...» (1916), в: ИВАНОВ, *СС*, т. 4, с. 629.

Йогическая практика остранения по Шопенгауэру. Присутствует в *Возврате* и шопенгауэровский слой. Белый сам поясняет это в воспоминаниях *На рубеже двух столетий*⁹⁴. При этом Белый усваивает Шопенгауэра не только в теоретическом плане, но практикуется в «созерцаниях по Шопенгауэру», ассоциируя их с йогическими и буддистскими аскетическими практиками. Результатом явилось, по его свидетельству, выработанное умение смотреть на повседневное бытие *sub specie aeternitatis*, как бы из другого мира:

В болезни [осень 1896] прочитываю *Из пещер и дебрей Индостана* Блаватской⁹⁵ <...> Мои «теософские» настроения получают пищу прочтением «Отрывка из Упанишад» в переводе Веры Джонстон <...> Всё мной прочитано в *Вопросах Философии и Психологии*⁹⁶. Впечатление от *Упанишад* взворотило всё бытие <...>. *Упанишад*ы меня свели с Шопенгауэром <...> Я начинаю в ряде недель осиливать Шопенгауэра с конспектом, с переложением (по параграфу в день); первые параграфы первой части я разучивал назубок <...> Так я начал прохождение собственного класса, заключающегося в изучении Шопенгауэра, в созерцании картин природы, подчинённых «закону основания бытия», а не «закону основания познания» (термины Шопенгауэра); я учился в природе видеть «Платоновы идеи»; я созерцал дома и простые предметы быта, учась «увидеть» их вне воли, незаинтересованно <...>⁹⁷.

В процессе разглядывания предметов я не думал о писательстве, а о параграфах шопенгауэровской системы, относясь к созерцаниям, как к праксису освобождения от воли; в эту эпоху я очень заужал буддизм и его аскезу. Скоро к теоретическому часу (изучение «системы») и к практическому часу (созерцающие наблюдения) присоединились иные часы: <...> я утроил своё внимание к музыке <...> Под аккомпанемент вальса *Снежных хлопьев* или *Па-де-де* происходили мои действия *остранения* быта (задействовала лаборатория «странных дел мастерства»); я становился в угол и твердил себе: «Всегда здесь стоял, никогда отсюда не выйду: тысячелетия простою». И комната мне виде-

⁹⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *На руб. двух столетий* (1989), с. 381 (= СС, т. 11, с. 310). См. также ДОЛГОПОЛОВ (1981), с. 571.

⁹⁵ БЛАВАТСКАЯ, *Из пещер и дебрей Индостана* (1883). Белый прочёл книгу Блаватской осенью 1896 г.

⁹⁶ См.: ДЖОНСТОН (1896), с. 1-34. Ср. запись Белого (весна 1896): «производят потрясающее впечатление «Отрывки из Упанишад» (*Материал к биографии*, л. 5 об. — цит. по: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *На руб. двух столетий* (1989), с. 523 (= СС, т. 11, с. 468).

⁹⁷ Ср. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Критицизм и символизм*, в: *Символизм*, с. 42: «Познание, по Шопенгауэру, предшествует закону основания, а по Канту — подчинено всецело».

лась вселенной, которую я преодолел, вставши в угол, откуда, как из-за вселенной, я-де созерцаю «все это», нам празднo снящееся; предметы мне виделись по-иному в те миги; и я говорил им: «Вы — то, да не то!». В сущности, и эти «дикие» действия были введением в «науку видеть»⁹⁸.

Навык деперсонализованного созерцания, освобождённого от субъективной воли, предвосхищает установки позднейших феноменологов.

Таким образом, развитое зрительное восприятие Белого представляет собой не только природный дар, но и результат настойчивых упражнений, во время которых он совершенствовал свою способность видеть, апперципировать. Этот отрешённый взгляд на вещи, созерцание «с той стороны», из другого мира, проявляется в *Возврате* и в эпизоде с конкой, и в замечании о созерцании нашего мира из мира другого⁹⁹. Любопытно, как естественно этот имеющий глубокие философские и аутотренинговые истоки подход, трактуется Белым в духе литературоведческой теории «остранения» Виктора Шкловского, который ввёл этот термин в 1919 г.¹⁰⁰ Шкловский определил «приём остранения» как: «не приближение значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание “видения” его, а не “узнавания”».

Конструирование пространств. Применительно к пространствам в *Возврате* появляется ещё один мотив. Пространство / мир может выстраиваться произвольным усилием созерцателя (этот подход в полной мере получит развитие в *Петербурге*, *Котике Летаеве* и т.д.). Например, Белого занимают отчуждённые миры разобщённых индивидов, а также спонтанно возникающие мини-вселенные, соединяющие случайно сошедшихся пассажиров, которых несёт конка:

Все они были, бесспорно, разных образов мысли, но сошлись в одном пункте — у Ильинских ворот. Теперь они проделывали одно общее дело: мчались по Воздвиженке к Арбату. Казалось, в замкнутом пространстве был особый мир, случайно возник-

---

⁹⁸ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *На руб. двух столетий* (1989), с. 337-339 (= СС, т. 11, с. 271-273).

⁹⁹ Можно добавить, что подобное сознательное отчуждение является своеобразной параллелью неотрефлексированного и спонтанного отчуждения, описанного в *Постороннем* Альбера Камю (1942).

¹⁰⁰ См. ШКЛОВСКИЙ (1919), с. 106: «Прием остранения у Л. Толстого состоит в том, что он не называет вещь ее именем, а описывает ее как в первый раз виденную...».

ший у Ильинских ворот, со звёздами и туманными пятнами, а приникший к бледному стеклу Хандриков из другого мира созерцал эту вселенную. Он думал: «Быть может, наш мир — это только конка, везомая тощими лошадьми вдоль бесконечных рельсов. И мы, пассажиры, скоро разойдёмся по разным вселенным»¹⁰¹.

Замкнутое пространство вагона образовало особый, *случайно* возникший мир, создало вселенную, звёздами и туманностями которой стали пассажиры. Примечательно, что герой, стоящий снаружи, на площадке вагона, созерцает эту вселенную «из другого мира»¹⁰². Перед нами «шопенгауэровское» отчуждённое созерцание, которое Белый практиковал в своей личной жизни.

Кроме того, здесь мы имеем характерный пример символического зеркаления и обмена свойствами. Если конка — это мир, то мир — это конка. Едущие в конке пассажиры — суть вселенные, которые вместе образуют ещё одну вселенную: «быть может, наш мир — это только конка, везомая тощими лошадьми вдоль **бесконечных** рельсов. И мы, пассажиры, скоро разойдёмся по разным вселенным». Подобное умозрение создает непрямую параллель тезису Гераклита, согласно которому у бодрствующих — один мир, а у каждого спящего свой собственный¹⁰³.

Двойники из зеркал, или идентичность под ударом. Если зеркалящиеся вселенные равнозначны, где находится подлинная вселенная и подлинный субъект отражения — здесь или по ту сторону стекла? Уже во 2-й *Симфонии* (1902) герой задаётся этим вопросом:

Он бросил чтение [*Критики чистого разума*]. Подошёл к огромному зеркалу, висевшему в соседней комнате. Взглянул на себя. Перед ним стоял бледный молодой человек, недурной собою, с шевелюрой, всклокоченной над челом. И он показал язык бледному молодому человеку, дабы сказать себе: «Я безумный». И молодой человек ему ответил тем же. Так они стояли друг перед другом с разинутыми ртами, полагая один про другого, что

¹⁰¹ Там же, с. 168: «Все они были разных образов мысли, но сошлись в одном пункте — у Ильинских ворот».

¹⁰² Там же, с. 168-169. Ср. Там же, с. 169: «И вспомнил Хандриков, что все это уже совершалось и что еще до созданий мира конки тащились по всем направлениям»; Там же, с. 164: «Все было чуждо <...> Он бежал в незнакомых пространствах мимо обычных домов».

¹⁰³ ГЕРАКЛИТ, Фр. 89 (DIELS-KRANZ), apud PLUTARCH, *De superstitione* 166C 5-8: «Гераклит говорит, что для бодрствующих существует один общий мир, а из спящих каждый отворачивается в свой собственный», см. *Фрагменты...* с. 198.

тот, другой, и есть поддельный. Но кто мог сказать это наверняка?¹⁰⁴

Примечательно, что спустя полгода после публикации 2-й *Симфонии* (апрель 1902) выходит рассказ В. Брюсова (декабрь 1902), в котором тема борьбы со своим отражением в зеркале за право считать своё бытие подлинным и мотив обмена местами с двойником становятся центральными. Здесь же героиня переживает кризис идентичности, после перехода в зазеркалье и обратно оказываясь не до конца уверенной в том, что в итоге осталась вне зеркала, а не в его глубинах¹⁰⁵.

В текстах Белого зеркаление не соответствует абстрактным, идеализированным законам оптики, так что применительно к нему можно говорить о симметрии / асимметрии¹⁰⁶. В мире Белого зеркало (будь то часть интерьера или водная гладь) может оказаться мутным, меняющим цвет, полупрозрачным (одновременно и отражающим, и пропускающим через себя)¹⁰⁷. Зеркало — активно. Оно решает, что делать. Оно затягивает или отбрасывает. Оно манипу-

¹⁰⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Симфония (2-я, драматическая)*, с. 65-66.

¹⁰⁵ БРЮСОВ, *В зеркале...* (1902): «<...> Я разгадала её [отражённой героини] тайный план: вбросить меня в мир зеркала, а самой выйти из него в наш мир <...> Мои руки погрузились в зеркало, словно в огненно-студёную воду. Холод стекла проник в моё тело с ужасающей болью, словно все атомы моего существа переменили своё взаимоотношение <...> Очнувшись из этого обморока, я уже увидела перед собой свой будуар, на который смотрела из зеркала <...> После этого началась моя жизнь как отражения <...>». В финале рассказа героиня вырывается из плена зеркала, но так и не может до конца восстановить свою идентичность, поверить, что реальна именно она, возвратившаяся из зазеркалья, а не та, которая осталась там навсегда: «Я не должна сомневаться, что я это — я. И все же, когда я начинаю думать о той, заточенной в моем зеркале, меня начинает охватывать странное колебание: а что, если подлинная я — там? Тогда я сама, я, думающая это, я, которая пишу это, я-тень, я-призрак, я-отражение. В меня лишь перелились воспоминания, мысли и чувства той, другой меня, той, настоящей. А в действительности я брошена в глубине зеркала в небытие, томлюсь, изнемогаю, умираю».

¹⁰⁶ См. МИНЦ, МЕЛЬНИКОВА (1984), с. 84-92.

¹⁰⁷ О специфике понимания «зеркальности» Белым (в противовес такому у Вяч. Иванова) см.: МИНЦ, ОБАТНИН (1988), с. 59-65. Ср. *Там же*, с. 63: «В *Симфониях* Белого, особенно в 3-ей (*Возврат*, 1905), “зеркальность” <...> важнейшее свойство “поэтического мира”... Иванов разрабатывает образ экстенсивно: “зеркальность” <...> понята <...>, исходя из одного и самого тривиального, признака зеркала <...> — способности отражать <...> У Белого значения символа умножаются, главным образом, интенсивно: символизируются многообразные (физические) свойства зеркала».

лирует реальностью, отражает не оптически, но символически. Отражение способно повернуться к вам спиной, вести себя своевольно, у него может быть иной возраст, оно может быть более худым и так далее¹⁰⁸. Количество предметов по разную сторону зеркала может быть различным¹⁰⁹. Зеркаление и удвоение миров происходит в том числе и в результате припоминания-анамнесиса: некоторые деяния Хандрикова суть манифестации виденного им в прото-историческом бытии¹¹⁰.

Что сверху, то и внизу. Выше уже приводился фрагмент, в котором Белый описывает существование двумерных людей-отражений в плоскости зеркала. Особый случай представляет скольжение по водной глади, трактуемое как пребывание на границе отражаемых друг в друге миров, — образ, восходящий к *Лебедю* Тютчева¹¹¹ и теме «двух бездн» Мережковского. В *Возврате* этому соответствует эпизод с катанием Орлова и Хандрикова на лодке:

Сидели в лодке, колыхаемой волнами <...> Озеро отражало небо. Им казалось, что они несутся между двумя небесами... Хандриков заглянул туда, где не было дна, а только успокоенная бесконечность. Ожидал видеть своё отражение, но увидел глядевшего на себя ребёнка из-под **опрокинутой** лодки, то белевшего, то вспыхивавшего <...> Хандриков устался на колыхаемую зеркальность. Лодка плыла в воздушном океане. <...> Это не было озеро — зеркало, отражающее небо: это было само небо, в котором они **опрокинулись** с лодкой и с Орловым¹¹².

На рубеже XIX–XX веков образ двух зеркальных «бездн» был весьма популярен как в поэзии, так и в прозе. В этой связи укажем

¹⁰⁸ Ср. Андрей Белый, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 169: «Давился Хандриков сосиской, раздражаясь деланным смехом <...> Внимательный наблюдатель заметил бы, что отражение Хандрикова не смеялось: ужас и отчаяние кривили это отраженное лицо».

¹⁰⁹ Минц, Мельникова (1984) с. 86: «Энантиоморфизм сменяется более сложными типами асимметрии, лишь метафорически приравняемыми к зеркальному отображению».

¹¹⁰ Андрей Белый, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 165: «Чем-то страшным, знакомым пахнуло <...>»; *Там же*, с. 169: «вспомнил Хандриков, что все это уже совершалось». Примечательно, что О. Шор интерпретирует зеркаление потока времени в *Сне Мелампа* Вяч. Иванова именно как *анамнесис*, как работу памяти.

¹¹¹ Тютчев, *Лебедь* (1838 / 9): «Она между двойною бездною / Лелеет твой всезрящий сон, — / И полной славой тверди звездной / Ты отовсюду окружён» (*ПСС*, т. 1, с. 109).

¹¹² Андрей Белый, *Возврат (III Симфония)*, в: *Симфонии*, с. 192.

на примечательный случай влияния Вяч. Иванова на А. Белого. В 1903 г. в одном из стихотворений сборника *Прозрачность* Иванов сравнил жизнь «над пучиной буйной страсти» с пребыванием любящей пары в челне, носимом по бурным волнам «над бездной моря». Иванов рисует картину «двух бездн»:

Между двух мерцаний бледных
Тихо зыблется наш чёлн;
Тлеют севы звёзд победных,
Тлеет пепл вечерних волн...¹¹³

Далее любовники в челне видят свет маяка, но отворачивают от надёжной «рассудочной» суши, уповая на месяц, который должен взойти и, как путеводный светоч, направить их в неведомые воды. Годом спустя Белый воспроизводит фабулу ивановского стихотворения в теоретической статье. Поэтические образы Иванова он аллегорически перетолковывает в рассуждение о безднах бессознательного и вселенского надличностного сознания, меж которых скользит **челн личного сознания**. Звёздное небо и фосфоресцирующий океан Иванова становятся у Белого «познавательными нормами, сверху и снизу объемлющими своё содержание». Присутствуют здесь и маяк, и месяц. Завершается рассуждение Белого «птичешким» образом лебедя, плывущего меж двух зеркалящихся бездн¹¹⁴.

¹¹³ ИВАНОВ, *В челне по морю* (1903), СС, т. 1, с. 594.

¹¹⁴ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, «О границах психологии» (1904), в: *Символизм*, с. 56: «Эмпирическая психология открыла путь тёмному хаосу первичных **чувств** и бессознательности, которая ревушим потоком заливают все <...> Одно время кажется, что это — хаос безбрежный и психологическая пучина навсегда закружит **челн** нашего сознания среди искони ему чуждых, стихийных **волн**. Тщетно пытаемся мы управлять рулём против разбушевавшейся стихии <...> Но <...> зажигается **маяк** <...> Этот маяк есть мысль о неразложимом единстве душевных процессов, под условием которого они возможны <...> Пучина, по которой мы мчимся, уже не пучина, а только покров над бездной духа <...> Туманы поднимаются. Маяк <...> оказывается далёким **месяцем**, плывущим в высях <...> В зеркале вод, теперь успокоенных, отражается месяц вместе с небом, где он замёрз. Глядя на отражения, нам кажется, что опять исчезла грозящая пучина и **челн** личного сознания, озарённый всеобщим сознанием, плавно пронесится между двумя небесами. Эти небеса — верхнее и нижнее — познавательные нормы, сверху и снизу объемлющие свое содержание <...> Челн сознания <...> теперь — только птица — **лебедь**, распластанный в небе. Белый **лебедь** личного сознания, омытый эфиром вселенной, нежно млеет и тает в голубом — в голубом небе вселенского сознания».

Оптика Гоголя. Применительно к зеркалению неба и воды сам Белый справедливо указывал ещё один источник — сочинения Н.В. Гоголя, поэтику и образность которого он впитал, что называется, «с молоком матери»¹¹⁵. В теоретической работе о Гоголе Белый будет неоднократно обсуждать мотив зеркаления¹¹⁶, при котором «что вверху, то и внизу»: небо отражается в воде, а верх и низ меняются местами.

Белый находит у Гоголя описание картины мира, каким тот воспринимается из плоскости реки. При этом линейная перспектива сменяется сферической: поле зрения при этом представляет собой как бы стеклянную сферу, составленную из двух полушарий, отражающих друг друга¹¹⁷. Белый так комментирует это место:

...земная поверхность — пояс, стягивающий стеклянный шар; мы — внутри шара: кубическая перспектива нарушена; она становится шаровой; особенность восприятия в ней: мы — не вне предмета изображения, а — внутри него; итальянская и японская перспективы подают действительность в правилах верхнего и нижнего полушария; в итальянской три оси суть: ширина,

¹¹⁵ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *На руб. двух столетий* (1989), с. 229 (= *СС*, т. 11, с. 176): «В октябре 1890 года я заболелаю легкою формою дифтерита; мне помнится не столько болезнь, сколько Гоголь, которого начала мне читать мать во время болезни; Гоголь — первая моя любовь среди русских прозаиков; он, как громом, поразил меня яркостью метафоры и интонацией фразы; весь сезон 1890 года мать читала мне *Вечера* и *Миргород*; поразил напевный стиль *Бульбы*».

¹¹⁶ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя...* с. 84: «В *Вечерах на хуторе близ Диканьки* земля — зеркало неба <...> У Гоголя — два неба и две земли; то — небо обнимает землю <...> то небо оказывается в объятиях земли <...> То человек ходит головою вверх; то синие леса, люди, возы <...> — все опрокинулось <...> вверх ногами, не падая, в <...> бездну» (*Сорочинская ярмарка*); «небо, земля — то вверху, то внизу»; *Там же*, с. 140: «Роль <...> зеркала играет у Гоголя вода <...> она “зеркало <...> в зелёных <...> рамах» (*Сорочинская ярмарка*); «<...> Днепр в *Страшной мести* — тоже зеркало <...> Опыт с наставленным на зеркало зеркалом (“в зеркале — зеркало, в котором — зеркало, в котором” и т.д. до бесконечности) <...> — перспективная жуть, а фантастика возникающих образов — иллюзия субъективного зрения от смещённости перспектив, как при гаданьи с зеркалом».

¹¹⁷ Ср. ГОГОЛЬ, *Вечера на хуторе близ Диканьки* II: «Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга <...> Горы те — не горы: подошвы у них нет, **внизу их как и вверху**, острая вершина, **и под ними и над ними высокое небо** <...> Те луга — не луга: то зелёный пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине, и в нижней половине прогуливается месяц».

длина, *вышина*; в японской — ширина, длина, *глубина*; в последней — колорит есть окраска воздуха, амальгамированного почвой, т.е. ставшего зеркалом неба...¹¹⁸.

Здесь мы, по сути, имеем дело с взглядом фотографа. Гоголь предугадывает тот тип неортоскопической оптики, который теперь именуется «рыбьим глазом», дающим изображение под углом зрения в 180° и более. Впервые подобные широкоугольные объективы опишет американский физик-экспериментатор Роберт Вуд в 1906 г., тогда как в фотографии и кинематографе они начнут применяться только во второй половине 1920-х. Белый не только выделяет подобные изобразительные новшества у Гоголя, но осмысливает их, противопоставляя традиционное пространство ренессансной перспективы (он именуется его «итальянским») пространству «японскому»:

В Гоголе я отмечаю — никем не отмеченное <...> чудо приёма, усвоенного японцами <...> — в умении смещать перспективу <...> Ландшафт выглядит не имеющим перспективы <...> отчего предмет приближен, преувеличен и вычерчен независимо от расстояния <...>; у итальянцев же близлежащее — выписано, а все дальнее — обобщено <...> Рисуемое часто подано, как японцами, — под ногами <...> Пейзаж подан по-японски; и ещё более по-японски: <...> «татарские кони, отделившись от земли, *распластались в воздухе, как змеи*, <...> бултыхнулись в Днестр» (*Тарас Бульба*); «*как змеи*» — чудо ракурса; этими чудесами щеголяют японские пейзажисты... такой ландшафт видел я; и вы видели, но — *только у японцев*¹¹⁹.

Трансгрессия как «перекувырк». Вертикальное отражение ассоциируется у Белого с «перекувырком»: соответствующим образом он выстраивает логику повествования в финале *Возврата*, а позже будет отмечать феномен переворачивания у Гоголя¹²⁰. Как и в

¹¹⁸ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя...* с. 141.

¹¹⁹ *Там же*, с. 142-143.

¹²⁰ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя...* с. 143: «и Данило, и колдун из *Страшной мести* видят Днепр сверху вниз; и тень всадника из *Страшной мести*, павшая на горы, дана — *сверху вниз*; у всадника “*ресницы опущены*”: он видит себя отдающимся в нижних озёрах (**вниз головой**); и ландшафт лугов из селения сотника дан сверху вниз (*Вий*), и хутор Тараса: “оглянулись <...>; хутор <...> ушёл в землю... Вот уже только шест” (*Тарас Бульба*); и многое другое в первой фазе. Всюду тенденция: утопить под ноги в море воздуха землю с **перекувырком** предметов в глубоководной воде (опыты с зеркалом); и всюду охваченность тел — небом и воздухом»; *Там же*, с. 147: «Вода-зеркало — подставное, второе небо, глубинящее и **перекувыркивающее**».

финале *Возврата*, где в воду смотрится взрослый Хандриков, а отражается в ней ребёнок, у Гоголя в *Вечерах на хуторе* отражение в зеркале воды формируется не по законам оптики, но по законам магии и волшебства, в полном смысле «в зеркале загадочно» (δὲ ἑσόπτρου ἐν αἰνίγματι): отражение не копирует реальность, но создаёт свою, действующую по законам сновидения, отличающуюся от оригинала. Характерно, что Белый как минимум дважды обсуждает соответствующий отрывок в *Мастерстве Гоголя*¹²¹.

Небезынтересно, что, говоря о переворачивании верха и низа применительно к «романтизму» Гоголя¹²², Белый воспроизводит язык «надир и зенит» Вячеслава Иванова, рассуждавшего в 1908 г. о зеркалении, двух безднах и т.д.¹²³.

В *Возврате* переход Хандрикова сквозь зеркальную грань воды также является «опрокидыванием» и «перекувырком»¹²⁴:

¹²¹ ГОГОЛЬ, *Майская ночь, или Утопленница*, в: ГОГОЛЬ, ПСС, т. 1, с. 147-148: «С изумлением глядел он в неподвижные воды пруда: старинный господский дом, **опрокинувшись** вниз, виден был в нем чист и в каком-то ясном величии. **Вместо мрачных ставней** глядели весёлые стеклянные окна и двери. Сквозь чистые стекла мелькала позолота. И вот почудилось, будто окно отворилось. Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, он, казалось, **переселился в глубину** его и видит: <...> выглянула приветливая головка с блестящими очами <...> Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошёл он от пруда и взглянул на дом: **мрачные ставни** были открыты; стекла сияли при месяце». См. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя*... с. 141.

¹²² См. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя*... с. 17: «Образы “романтики”, как бы вывернутые наизнанку <...> показаны <...> вверх ногами, как бы прилипшие подошвами к подошвам своих романтических двойников; стоит перевернуть двойную вселенную Гоголя так, чтобы **надир стал зенитом, зенит — надиром** <...>, “*зенит*” её, Киев, опрокинется “*надиром*” в “великолепную” лужу любого уездного городишка».

¹²³ Ср. ИВАНОВ (1905), с. 47: «Мы — на пороге тайны и мистики <...> Мы как бы глядим в зеркало — и видим ответный взгляд. Но не живое ли зеркало — мы сами, и наше зрящее око не есть ли только отсвет и отражение иного живого ока, вперённого в нас? Мы отражаем в нашем микроскопе *вселенскую тайну*: так говорит, *так хочет* наша вера. Вселенская *тайна* в том, что “— **В зеркальной Вечности Надир / Глядит в Зенит зеницею Зенита**...”»; Он же, *Спорады* (1908), СС, т. 3, с. 129-131: «он, созерцая безграничный мир, говорит ему: “ты — я”, с тем же правом, с каким Дух Макрокосма, озирая себя бесчисленными своими очами, говорит человеческой монаде: “ты — я”. **Зенит глядит в Надир. Надир в Зенит** — два ока, наведённые одно на другое, два живых зеркала, отражающие каждое душу другого».

¹²⁴ Об этом см. СИЛАРД (1988, 2002), с. 291-294.

Хандриков... выезжал на середину озера <...> Всмотривался в отражение. Ему казалось, что он висит в пространствах, окружённый небесами. Говорил, указывая на воду: “Орлов ушел туда — за границу”. Оттуда смотрел на Хандрикова похудевший ребёнок с лазурными очами и тихонько смеялся над ним... И Хандриков думал: “Вот я **опрокинусь** и буду там, за границей, а насмешник вынырнет сюда со своей лодкой... Вот я” <...>

Все чаще и чаще хотелось ему **перекувырнуться** в воздухе, чтобы самому погрузиться в дальние страны, **перейти за черту**. Стать за границей. Вытеснить оттуда своё отражение.

Впоследствии на переворачивание в момент перехода из мира в мир (с отсылкой к *Божественной комедии* Данте) укажет П. Флоренский¹²⁵. И, конечно, переход Хандрикова через водную поверхность является смертью для этого мира¹²⁶. При этом вхождение ту-

¹²⁵ ФЛОРЕНСКИЙ, *Мнимости в геометрии...* § 9 (лето 1922), с. 44-46: «Припомним путь Данта с Вергилием. Он начинается в Италии. Оба поэта спускаются по кручам воронкообразного Ада. Воронка завершается последним, наиболее узким кругом Владыки преисподней. При этом, обоими поэтами сохраняется во все время нисхождения вертикальность — головою к месту схода, т.е. к Италии, и ногами — к центру Земли. Но когда поэты достигают приблизительно поясицы Люцифера, оба они внезапно **переворачиваются**, обращаясь ногами к поверхности Земли, откуда они вошли в подземное царство, а головою — в обратную сторону (*Ад*, Песнь XXXIV, 74-94):

<...> Вождь **опрокинулся** туда головой
Где он стоял ногами <...>
Как изумился я тогда в тревоге,
Пусть судит чернь, которая не зрит,
Какую **грань** я **миновал** в дороге.

Миновав эту **грань** (которую и до сих пор эвклидовская чернь не зрит), то есть окончив путь и миновав центр мира, поэты оказываются под гемисферой противоположной той, «где распят был Христос»: они поднимаются по жерлообразному ходу»; Он же, *Иконостас*, Соч., т. 2, с. 426-427: «Непосредственно за поверхностью земли растёт, но в *обратном направлении*, корнями вверх, а листьями вниз, такая же зеленая и сочная трава, как и на самом кладбище, и даже гораздо зеленее и сочнее, такие же деревья, и тоже вниз своими купами и вверх корнями, поют такие же птицы, разлита такая же лазурь и сияет такое же солнце — все это лучезарнее и прекраснее нашего по-сю-стороннего. Разве в этом обратном мире, в этом онтологически зеркальном отражении мира мы не узнаем области *мнимого*, хотя это мнимое для тех, кто сам **вывернулся** через себя, кто **перевернулся**, дойдя до духовного средоточия мира, — и есть подлинно реальное, такое же, как они сами».

¹²⁶ Не случайно, указанный в качестве источника гоголевский рассказ озаглавлен *Майская ночь, или Утопленница*. Другим источником влияния

да должно вытеснить двойника *оттуда*. Совершив переход, Хандриков перемещается во времени в обратном направлении, становясь ребёнком. Он отбрасывает своё нелепое имя, снова становясь ребёнком, который раньше виднелся лишь в отражении.

Физиология пространства. Более того, там же Белый рассуждает о взгляде в движении — со спины лошади. При этом речь идёт не о равномерном перемещении: это движение органическое, живое — лошадь скачет, галопирует. Это подразумевает прерывистость дыхания, взлёты и провалы пространства. Визуальная и повествовательная картина слагаются в ритме перебирающего ногами животного. Пространство растягивается, комкается, проседает. Белый сам отмечает это, указывая, как на параллель, на схожие деформации пространства и времени у Гоголя¹²⁷.

Пространство страницы. Деформации линейной перспективы, растяжимость или же скомканность пространства находит отражение в синтаксисе Белого. Последнее не случайно, поскольку структура текста у Белого отражает художественную вселенную, которая им выстраивается. Ненормативная пунктуация, визуальная пестрота в членении и организации текстовой ткани, сумбурность, захлёбывающийся характер повествования воспроизводят деформированную реальность, пренебрегающую евклидовой однозначностью, выверенностью и предсказуемостью. Пространство становится мозаичным: мир предстаёт конгломератом взаимопроникающих областей, которые искажаются, растягиваются, смещаются и перетекают друг в друга¹²⁸. Это пространство экспрессионизма. Лоскутность и нелинейность бытия воспроизводятся автором и на уровне визуальной организации текста на странице, например, в виде рубления строк, их прихотливого распределения на листе бумаги.

может являться Достоевский. В *Возврате* предвосхищением перехода Хандрикова через границу миров является отъезд Орлова за границу России, равносильный для Хандрикова уходу из этого мира. В этом можно усмотреть влияние на Белого *Преступления и наказания* Ф.М. Достоевского, где Свидригайлов представляет своё самоубийство как отъезд за границу, в Америку.

¹²⁷ Там же, с. 142-143: «Кунштюк рельефа в моих *Симфониях* — разгляд предметов всадником, пустившим лошадь галопом (многие страницы писал я в седле); Гоголю ж перспективу странника дорога: “неведомая сила подхватила <...> на крыло<...> и сам летишь и все летит” (*Мёртвые души*)».

¹²⁸ В качестве своего предшественника Белый видит Гоголя, цитаты из которого приводит, ср. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Мастерство Гоголя...* с. 142-143: «кареты со скачущими лошадьми казались *недвижимы*; мост *растягивался и ломался* на своей арке, будка *валилась навстречу*».

В плане лексики языковые манипуляции проявляются за счёт словотворчества, избытка уменьшительных суффиксов, деформированных и изогнутых словоформ. Сюда же относится наличие характерных для языка Белого рекуррентных формул, которые могут выполнять зеркалящую функцию¹²⁹, но не только её. Они могут указывать на пробуксовку повествования, на возвращение нарратива вспять, на маразматическую итерацию событий рассказчиком из-за невозможности удержать их в памяти¹³⁰. Настойчивое повторение выделенных фраз и периодов — это усилие, направленное на то, чтобы акцентировать определённый мотив или тему; это попытки обозначить тонику, чтобы снова отойти от неё в акте почти автоматического импровизационного письма и затем снова вернуться в тему; это намерение посредством рефренов придать повествовательному хаосу структуру. Таким образом, язык Белого, репрезентирующий особенности реальности, которая не только стоит за текстом, но собственно текстом и является, сопротивляется семантической редукции, противится сведению к декартовской рациональности и системе координат, могущих однозначно выразить смысл посредством логически выстроенной фразы.

Особенности репрезентации концептуальных и перцептуальных пространств в работах Белого далеко не исчерпываются рассмотренными случаями. В произведениях, написанных после *Симфоний* пространства станут ещё более явно зависеть от субъекта. В *Петербурге* к кантовскому влиянию добавится берклианское. Усилится мотив волюнтаризма и манипулятивности в выделении того или иного вида пространств. Конструирующее пространство ум будет представляем со всё большим физиологизмом, включая проявления болезненных состояний. Наконец, ещё позже Белый займётся анализом того, каким образом индивидуальное сознание в процессе своего становления и развития последовательно наращивает вокруг себя пространство своего бытийствования. Предложит он и средство для преодоления ужаса и пустоты пространств. Впрочем, описание этих особенностей с необходимостью выходит за рамки настоящей работы и заслуживает отдельного рассмотрения.

---

¹²⁹ Этому не противоречит тот факт, что некоторые из них восходят к *Заратустре* Ницше. У последнего подобные рефрены воссоздают песенную, гимническую форму. Например, в главке «Семь печатей» семь раз повторяется формула «Я люблю тебя Вечность».

¹³⁰ Укажем здесь на наличие в прозе Белого разнообразных фигур рассеянных, не вполне адекватных стариков, важной характеристикой которых является их речь.

БИБЛИОГРАФИЯ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

СС — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Собрание сочинений*, проект В.М. ПИСКУНОВА, под общ. ред. М.Л. СПИВАК (М., 1994 –).

- Стих. и поэмы* Т. 1 — *Стихотворения и поэмы*, сост., предисл. В.М. ПИСКУНОВА; коммент. С.И. ПИСКУНОВОЙ, В.М. ПИСКУНОВА (М.: Республика, 1994).
- Серебр. Голубь* Т. 2 — *Серебряный голубь. Рассказы*, сост., предисл., коммент. В.М. ПИСКУНОВА (М.: Республика, 1994).
- Петербург* Т. 3 — *Петербург. Роман в 8 главах, с прологом и эпилогом*, послесл. В.М. ПИСКУНОВА (М.: Республика, 1994).
- Восп. о Блоке* Т. 4 — *Воспоминания о Блоке*, под ред. В.М. ПИСКУНОВА (М.: Республика, 1995).
- Символизм* Т. 5 — *Символизм. Книга статей*, общ. ред. В.М. ПИСКУНОВА (М.: Культурная революция - Республика, 2010).
- Котик Летаев* Т. 6 — *Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака*, общ. ред. и сост. В.М. ПИСКУНОВА (М.: Республика, 1997).
- Рудольф Штейнер...
нер...* Т. 7 — *Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере*, общ. ред. В.М. ПИСКУНОВА; сост., коммент. и послесл. И.Н. ЛАГУТИНОЙ (М.: Республика, 2000).
- Арабески* Т. 8 — *Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей*, общ. ред., послесл. и коммент. Л.А. СУГАЙ, сост. А.П. ПОЛЯКОВА, П.П. АПРЫШКО (М.: Республика – Дмитрий Сечин, 2012).
- Мастерство Гоголя...* Т. 9 — *Мастерство Гоголя. Исследование*, общ. ред., послесл. и комм. Л.А. СУГАЙ (М.: Республика – Дмитрий Сечин, 2013).
- Симфонии* Т. 10 — *Симфонии*, сост., послесл. и комм. А.В. ЛАВРОВА (М.: Дмитрий Сечин, 2014).
- На руб. двух столетий...* Т. 11 — *На рубеже двух столетий. Воспоминания*, общ. ред., послесл. и комм. А.В. ЛАВРОВА (М.: Дмитрий Сечин, 2015).
- Ритм...* Т. 12 — *Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование*, сост., послесл. и комм. Д.О. ТОРШИЛОВА (М.: Дмитрий Сечин, 2014).

- Афр. дневник* — *Африканский дневник*, в: *Путешествие по Средиземноморью*, сост. С.Д. ВОРОНИН (М.: Изд-во журнала Москва, 2015).
- Восп. о Блоке* — *Воспоминания о Блоке*, гл. 1-3, *Эпопея* 1 (1922) (М. – Берлин: Геликон), с. 123-273.
- [БУГАЕВ], *Две замеч. кн.* — [БУГАЕВ Б.], *Две замечательные книги*, в: *Весы* 12 (1904), с. 32-38.
- Душа самозн.* — *Душа самосознающая* (М.: Канон+, 2004).
- Маски* — *Маски* (М.: ГИХЛ, 1932).
- На руб. двух стол.* — *На рубеже двух столетий*, вступ. статья, подг. текста и коммент. А.В. ЛАВРОВА (М.: Художественная литература, 1989).
- Начало века* — *Начало века*, подг. текста и коммент. А.В. ЛАВРОВА (М.: Художественная литература, 1990).
- О целесообраз.* — *О целесообразности*, в: *Новый Путь* 9 (1904), с. 139-153.
- [БЕЛЫЙ, БЛОК], *Переписка...* — [АНДРЕЙ БЕЛЫЙ и АЛЕКСАНДР БЛОК], *Переписка. 1903–1919*, публ., предисл. и коммент. А.В. ЛАВРОВА (М.: Прогресс-Плеяда, 2001).
- Петербург* (1981) — *Петербург. Роман в восьми главах в прологе и эпилоге*, изд. подг. Л.К. ДОЛГОПОЛОВ (М.: Наука, 1981), [Литературные памятники].

АЛЕКСАНДР БЛОК

- БЛОК, ПСС — БЛОК А.А., *Полное собрание сочинений и писем в 20 томах* (М.: Наука, 1997–).
- Блок в неизд. переписке...* — *Блок в неизданной переписке и дневниках современников* (1898–1921), публ. Н.В. КОТРЕЛЕВА, Р.Д. ТИМЕНЧИКА, в: АЛЕКСАНДР БЛОК, *Новые материалы и исследования*, кн. 3 (М.: Наука, 1982) [Литературное наследство, т. 92], с. 153-539.
- Неизд. переписка...* — *Неизданная переписка А. Блока и Э.К. Метнера*, публ., предисл. и коммент. А.В. ЛАВРОВА, в: АЛЕКСАНДР БЛОК, *Исследования и материалы* (СПб.: Дмитрий Буланин, 1998), с. 195-223.
- Переп. Блока с Соловьевым* — *Переписка Блока с С.М. Соловьевым*, вступит. ст., публ. и коммент. Н.В. КОТРЕЛЕВА, А.В. ЛАВРОВА, в: АЛЕКСАНДР БЛОК, *Новые материалы и исследования*, кн. 1 (М.: Наука, 1980), [Литературное наследство, т. 92], с. 308-413.

- БЛАВАТСКАЯ (1883) — БЛАВАТСКАЯ Е.П., *Из пещер и дебрей Индостана* (1883).
- БРЮСОВ (1904) — БРЮСОВ В., «Андрей Белый. Возврат. Третья симфония», в: *Весы* 12 (1904), с. 59-60.
- БРЮСОВ, *В зеркале...* — БРЮСОВ В.Я., *В зеркале: Святочный рассказ*, в: *Литературное приложение к газете «Русский листок»* (1902), 27 декабря (№ 356).

- БУГАЕВ (1898) — БУГАЕВ Н.В., «Математика и научно-философское мирозерцание», *Вопросы философии и психологии* 45 (1898), с. 697-717.
- ГЛУХОВА, ТОРШИЛОВ (2009) — ГЛУХОВА Е.В., ТОРШИЛОВ Д.О., «Хандриков: о происхождении героя *III Симфонии* Андрея Белого», *Новый филологический вестник* 3 / 10 (2009), с. 87-94.
- ГОГОЛЬ, *Майская ночь...* - ГОГОЛЬ Н.В., *Майская ночь, или Утопленница*, в: ГОГОЛЬ Н.В., *Полное собрание сочинений в 17 томах*, т. 1 (М. – Киев, 2009).
- ДЕЛЁЗ, *Лекции о Лейбнице...* — ДЕЛЁЗ, Ж., *Лекции о Лейбнице. 1980. 1986–7*, пер. с фр. Б. СКУРАТОВ (М.: Ад Маргинем Пресс, 2015).
- ДЖОНСТОН (1896) — ДЖОНСТОН В. «Отрывки из *Упанишад*», *Вопросы философии и психологии* 31 (1896), с. 1-34.
- ДЖОНСТОН — ДЖОНСТОН В. *Новый перевод «Упанишад»*, с. 31-42.
- ДОЛГОПОЛОВ (1981) — ДОЛГОПОЛОВ Л.К., «Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого *Петербург*», в: АНДРЕЙ БЕЛЫЙ, *Петербург* (1981), с. 525-623.
- ДОСТОЕВСКИЙ, *ПСС* — ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М., *Полное собрание сочинений в 30 томах* (Л.: Наука, 1972–1990).
- ЖАН-ПОЛЬ, *Мёртвый Христос говорит...* — ЖАН-ПОЛЬ, *Мёртвый Христос говорит с вершины мироздания о том, что Бога нет* (1796), пер., послесл. и примеч. К. БЛОХИНА, *Логос* 6 (1994), с. 340-345.
- ЖЕРЕБИН (2012) — ЖЕРЕБИН А.И., «“Философутики” и “мальчишки мысли” (О стихотворении А. Блока *Сижу за ширмой...*)», *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahrsschrift für Slavistik*, Jg. LVII, N. 1 (2012), p. 79-97.
- ИВАНОВ, «Вдохновение ужаса...»... — ИВАНОВ В., «Вдохновение ужаса. О романе Андрея Белого *Петербург*» (1916), в: *Собрание сочинений*, т. 4 (Брюссель, 1987), с. 619-629.
- ИВАНОВ (1905) — ИВАНОВ В., «О “красном смехе” и “правом безумии”», *Весы* 3 (1905), с. 43-47.
- ИВАНОВ, *СС* — ИВАНОВ В., *Собрание сочинений*, под ред. Д.В. ИВАНОВА, О. ДЕШАРТ, при участии А.Б. ШИШКИНА, т. 1-4 (Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971-1987).
- КАНТ, *СС* — КАНТ И., *Собрание сочинений в 8 томах*, под общ. ред. А.В. Гульги (М.: Чоро, 1994).
- КОЖЕВНИКОВА (1995) — КОЖЕВНИКОВА Н.А., «Андрей Белый», в: *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей* (М.: Наследие, 1995), с. 7-99.
- КРУГЛОВ (2012) — КРУГЛОВ А.Н., *Кант и кантовская философия в русской художественной литературе* (М.: Канон⁺ – Реабилитация, 2012).
- ЛАВРОВ (2008) — ЛАВРОВ А.В., «“Космогония по Жан-Поллю” Андрея Белого (поэма *Дитя-Солнце*)», в: *Пути искусства: Символизм и европейская культура XX века. Материалы конференции (Иерусалим, 2003)* (М.: Водолей Publishers, 2008), с. 252-266.

- МИНЦ, МЕЛЬНИКОВА (1984) — МИНЦ З.Г., МЕЛЬНИКОВА Е.Г., «Симметрия — асимметрия в композиции III Симфонии Андрея Белого», *Структура диалога как принцип работы семиотического механизма* (Тарту, 1984), [Труды по знаковым системам, вып. 17. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 641], с. 84-92.
- МИНЦ, ОБАТНИН (1988) — МИНЦ З.Г., ОБАТНИН Г.В., «Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова (сборники *Кормчие звезды* и *Прозрачность*)», в: *Зеркало. Семиотика реальности* (Тарту, 1988), [Труды по знаковым системам, вып. 22. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 831], с. 59-65.
- НИЦШЕ, ПСС — НИЦШЕ, Фр., *Полное собрание сочинений в 13 томах* (М.: Культурная революция, 2006–2014).
- ПЕТРОВ (2015) — ПЕТРОВ В.В., «Фридрих Ницше и вечное возвращение», в кн.: *Мера вещей. Человек в истории европейской мысли*, общ. ред. и сост. Г.В. ВДОВИНОЙ (М.: Аквилон, 2015), с. 823-826.
- РАДДА-БАЙ [БЛАВАТСКАЯ] (1883) — РАДДА-БАЙ [БЛАВАТСКАЯ Е.П.], *Из пещер и дебрей Индостана: письма на родину* (М., 1883), [Приложение к *Русскому Вестнику*].
- РИХТЕР, *Зибенкэз* — РИХТЕР, Жан-Поль, Фр., *Зибенкэз*, пер. А.Л. КАРДАШИНСКОГО (Л.: Гос. изд-во Худ. лит., 1937).
- СИЛАРД (¹1988; 2002) — СИЛАРД Л., «Роман и метаматематика» (¹1988), в: СИЛАРД Л., *Герметизм и герменевтика* (СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002), с. 283-295 (впервые: *Hungaro-Slavica* 1988 [Budapest, 1988], p. 235-244).
- СТЕПУН, *Из писем...* — СТЕПУН Ф.А., *Из писем прапорщика-артиллериста* (Томск: Водолей, 2000).
- ТЮТЧЕВ, ПСС — ТЮТЧЕВ Ф., *Полное собрание сочинений и письма в 6 томах*, т. 1 (М.: Классика, 2002–2004).
- УСПЕНСКИЙ, *Четв. изм.* - УСПЕНСКИЙ П.Д., *Четвертое измерение* (СПб., 1910).
- ФЕТ, ПССтих. — ФЕТ А., *Полное собрание стихотворений*, т. 1 (СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1912).
- ФИШЕР, *Ист. нов. фил.* — ФИШЕР К., *История новой философии*, т. 1 – 8, пер. с нем. (СПб., 1901–1909) [электронное издание: ФИШЕР К., *История новой философии в 10 томах* (М.: Директмедиа Паблишинг, 2008)].
- ФЛОРЕНСКИЙ, *Мним. в геометрии...* — ФЛОРЕНСКИЙ П., *Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии* (М.: Лазурь, 1991), С. 7-55.
- ФЛОРЕНСКИЙ (1904) — ФЛОРЕНСКИЙ П., «Об одной предпосылке мировоззрения», *Весы* 9 (1904), с. 24-35.
- ФЛОРЕНСКИЙ, *Соч.* — ФЛОРЕНСКИЙ П., *Сочинения в 4 томах* (М.: Мысль, 1994-1998) [Философское наследие 122, 124, 127, 128, 129].
- ФЛОРЕНСКИЙ, *Столп и утв. истины...* — ФЛОРЕНСКИЙ П., *Столп и ут-*

- верждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах* (М.: Путь, 1914).
- Фрагменты...* — *Фрагменты ранних греческих философов*, ч. 1, изд. подг. А.В. ЛЕБЕДЕВ (М. Наука, 1989).
- ХАНДРИКОВ (1867) — ХАНДРИКОВ М.Ф., «Догадки о происхождении падающих звезд», *Математический сборник* 2/4 (1867), с. 214-245.
- ХИНТОН, Ч.Г., *Восп. вообр...* — ХИНТОН, Ч.Г., *Воспитание воображения и четвертое измерение*, пер. с англ. П.Д. УСПЕНСКОГО (Петроград: Литературная книжная лавка, 1915).
- ХИНТОН, С.Х., *Четв. изм.* — ХИНТОН, С.Х. *Четвертое измерение и эра новой мысли* (Петроград: Новый Человек, 1915).
- ШКЛОВСКИЙ (1919) — ШКЛОВСКИЙ В., «Искусство, как прием» (1917), в: *Поэтика. Сборники по теории поэтического языка*, вып. 2 (Петроград, 1919), с. 101-114.
- ЧЕЛПАНОВ (1904) — ЧЕЛПАНОВ Г.И., *Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности*, ч. 2: *Представление пространства с точки зрения гносеологии* (Киев, 1904).
- ШТАЙНЕР, *Теософия...* — ШТАЙНЕР Р., *Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека*, пер. с нем. А.Р. МИНЦЛОВОЙ (М.: Амрита, 2011).
- ШТАЙНЕР, *Четв. измерение...* — ШТАЙНЕР, Р., *Четвёртое измерение. Математика и действительность. Доклады 1905-1908 гг.* [GA 324a], пер. с нем. Л.Б. ПАМФИЛОВОЙ (М., 2007).
- HINTON (1901) — HINTON, Ch.H., *The Fourth Demension* (L. – N. Y., 1901), p. 27-28.
- ПЕТРОВ Валерий Валентинович**, д.ф.н., директор Центра античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, campas.iph@gmail.com

CONCEPTUAL AND PERCEPTUAL SPACE IN THE EARLIER WRITINGS OF ANDREI BELY

Valery PETROFF

The article deals with the peculiarities of perception and representation of space in the early works of Andrei Bely. Two broad classes of spaces are emphasized, conceptual (the space of theorizing) and perceptual (the space of perception and living experience). The impact on Bely of the sources belonging to field of philosophy (I. Kant, A. Schopenhauer, F. Nietzsche), mathematics (Ch. Hinton, G.I. Chelpanov), astronomy (M.F. Khandrikov), and literature (N. Gogol, F. Dostoevsky, D. Merezhkovsky, V. Ivanov) is traced.

Given the influences found and detected, the interpretation of sophisticated and difficult passages from Bely's writings is provided.

Key words: conceptual space, perceptual space, Andrei Bely, Kant, Schopenhauer, Nietzsche, Hinton, Chelpanov, Khandrikov, Gogol, Dostoevsky, Merezhkovsky, Vyacheslav Ivanov, Johann Paul Richter.

Valery PETROFF, Dr Sc (Philosophy), Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science, RAS Institute of Philosophy, campas.iph@gmail.com

CONTENTS

2400th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ARISTOTLE

Mikhail EGOROCHKIN	
Ancient Biographies of Aristotle.....	5
<i>Vita Aristotelis Marciana</i> (trans. and notes by M. EGOROCHKIN)....	32
Maya PETROVA	
Clarification of the Meaning and Content of a Fragment <i>On intoxication</i> Attributed to Aristotle through Macrobius’ <i>Saturnalia</i>	43
Nadezhda VOLKOVA	
Intellect and the Intelligible as the Subject of Aristotle’s Science Concerning the Soul.....	59

THE HISTORY OF SCIENCE

Eugene AFONASIN, Anna AFONASINA	
Praxagoras and his School.....	80
Irina PROLYGINA	
Galen on the Symptoms and Causes of Illness and Health (Introduction to the Translation).....	102
GALEN, <i>The Art of Medicine</i> (XIX – XXXVII) (trans. and notes by Irina PROLYGINA).....	108

HISTORY OF RELIGIOUS THOUGHT

Dmitry BIRIUKOV	
Ones Again on the Logic of Arianism: the Topic of Participation and Neoplatonism in the Doctrine of Arius.....	154
Anna SEREGINA	
Neostoicism / Stoicism and Catholic Polemics in the Early Seventeenth-Century England: Thomas Fitzherbert and his <i>Treatise Concerning Policy and Religion</i> , 1606–1610.....	175

THOMAS FITZHERBERT, <i>The Treatise concerning Policy and Religion</i> (Dedication; Chapter 33) (trans. and notes by Anna SEREGINA).....	198
--	-----

SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES
AND THE AREA OF HUMANITIES

Irina KONOVALOVA Northern Eurasia in Medieval Arab Geography.....	217
Maxim GORELOV Medieval Traditions in Modern Time: Heraldry in British Historiography and Society in the XX th Century.....	236

TEXT AND ITS INTERPRETATIONS

Olga DMITRIEVA <i>Sejanus, his Fall</i> by Ben Jonson and “Tacitism” in England in the Late XVI th – Early XVII th Centuries.....	256
Valery PETROFF Conceptual and Perceptual Space in the Earlier Writings of Andrei Bely.....	287
CONTENTS.....	332

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ВЫПУСК 3

Ответственный редактор
Майя Станиславовна Петрова

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Подписано в печать 01. 09. 2016
Формат 60х90 / 16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25.

Электронное издание

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77–54409

ISSN 2307–8189